

Сергей ЕСЕНИН

Российская академия наук
Институт мировой литературы
им. А.М.Горького

«НАУКА» — «ГОЛОС»

Сергей ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений

в семи томах

МОСКВА
«НАУКА» – «ГОЛОС»
1998

Сергей ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений

Том третий

ПОЭМЫ

МОСКВА
«НАУКА» «ГОЛОС»
1998

ББК 84
Е 81

Печатается по постановлению
Правительства Российской Федерации

Составление и подготовка текстов

Н.И.ШУБНИКОВОЙ-ГУСЕВОЙ

Комментарии

Е.А.САМОДЕЛОВОЙ и Н.И.ШУБНИКОВОЙ-ГУСЕВОЙ

Научные редакторы тома

Л.Д.ГРОМОВА и С.П.КОШЕЧКИН

Оформление художника

Б.А.ЛАВРОВА

Издание осуществляется при участии
СИТП «Наследие» ИМЛИ им. А.М.Горького РАН

Подписное

ISBN 5-02-011245-3

ISBN 5-02-011245-5 (т. 3)

Поэмы

ПУГАЧЕВ

Анатолию Мариенгофу

I

ПОЯВЛЕНИЕ ПУГАЧЕВА В ЯИЦКОМ ГОРОДКЕ

Пугачев

Ох, как устал и как болит нога...
Ржет дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?
Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.

Наконец-то я здесь, здесь!
Рать врагов цепью волн распалась,
Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.

Яик, Яик, ты меня звал
Стоном придавленной черни.

Пучились в сердце жабьи глаза
Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы —
Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.

О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел.

Сторож

Кто ты, странник? Что бродишь долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжелое,
Виснет с шеи твоя голова?

Пугачев

В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран —
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари застенок,
Гонится овес на водопой рысцой,
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?

Так же ль мирен труд домохозяек,
Слышен прялки ровный разговор?

Сторож

Нет, прохожий! С этой жизнью Яик
Раздружился с самых давних пор.

С первых дней, как оборвались вожжи,
С первых дней, как умер третий Петр,
Над капустой, над овсом, над рожью
Мы задаром проливаем пот.

Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.

И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапищ.
Воском жалоб сердце Каина
К состраданью не окапишь.

Всех связали, всех вневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.

Пугачев

Невеселое ваше житье!
Но скажи мне, скажи,

Неужель в народе нет суровой хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские лопатки?

Сторож

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого, что стоит трава на корячках,
Под себя коренья подобрав.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы.
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.
Но теперь как будто пробудились,
И березами заплаканный наш тракт
Окружает, как туман от сырости,
Имя мертвого Петра.

Пугачев

Как Петра? Что ты сказал, старик?

. . . .

Иль это взвыли в небе облака?

Сторож

Я говорю, что скоро грозный крик,
Который избы словно жаб влакал,
Сильней громов раскатится над нами.
Уже мятеж вздымает паруса!
Нам нужен тот, кто б первый бросил камень.

Пугачев

Какая мысль!

Сторож

О чем вздыхаешь ты?

Пугачев

Я положил себе зарок молчать до срока.
. . . .
Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, словно зубы,
А мне еще нигде вздремнуть не удалось.

Сторож

Я мог бы предложить тебе
Тюфяк свой грубый,
Но у меня в дому всего одна кровать,
И четверо на ней спит ребятишек.

Пугачев

Благодарю! Я в этом граде гость.

Дадут приют мне под любою крышей.
Прощай, старик!

Сторож

Храни тебя Господь!

. . . .

Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
Из края в край в твоих просторах шляется?
Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох в пальцы?
Идут они, идут! Зеленый славя гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех на каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.

Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.

Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух.

II

БЕГСТВО КАЛМЫКОВ

Первый голос

Послушайте, послушайте, послушайте,
Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
От российской чиновничьей неволи,
Оттого, что, как куропаток, их щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

Второй голос

Только мы, только мы лишь медлим,
Словно страшен нам захлестнувший нас шквал,
Оттого-то шлет нам каждую неделю
Приказы свои Москва.
Оттого-то, куда бы ни шел ты,
Видишь, как под усмирителей меч
Прыгают кошками желтыми
Казацкие головы с плеч.

Кирпичников

Внимание! Внимание! Внимание!
Не будьте ж трусливы, как овцы,

Сюда едут на страшное дело вас сманивать
Траубенберг и Тамбовцев.

Казаки

К черту! К черту предателей!

Тамбовцев

Сми-ирно-о!
Сотники казачьих отрядов,
Готовьтесь в поход!
Нынче ночью, как дикие звери,
Калмыки всем скопом орд
Изменили Российской империи
И угнали с собой весь скот.
Потопленную лодку месяца
Чаган выплескивает на берег дня.
Кто любит свое отечество,
Тот должен слушать меня.
Нет, мы не можем, мы не можем, мы не можем
Допустить сей ущерб стране.
Россия лишилась мяса и кожи,
Россия лишилась лучших коней.
Так бросимтесь же в погоню
На эту монгольскую мразь,
Пока она всеми ладонями
Китаю не предалась.

Кирпичников

Стой, атаман, довольно
Об ветер язык чесать.
За Россию нам, конешно, больно,
Оттого, что нам Россия — мать.
Но мы ничуть, мы ничуть не испугались,
Что кто-то покинул наши поля,
И калмык нам не желтый заяц,
В которого можно, как в пищу, стрелять.
Он ушел, этот смуглый монголец,
Дай же Бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.

Траубенберг

Что это значит?

Кирпичников

Это значит то,
Что, если б
Наши избы были на колесах,
Мы впрягли бы в них своих коней
И гужом с солончаковых плесов
Потянулись в золото степей.
Наши б кони, длинно выгнув шеи,
Стадом черных лебедей
По вóдам ржи
Понесли нас, буйно хорошея,
В новый край, чтоб новой жизнью жить.

Казаки

Замучили! Загрызли, прохвосты!

Тамбовцев

Казаки! Вы целовали крест!
Вы клялись...

Кирпичников

Мы клялись, мы клялись Екатерине
Быть оплотом степных границ,
Защищать эти пастбища синие
От налета разбойных птиц.
Но скажите, скажите, скажите,
Разве эти птицы не вы?
Наших пашен суровых житель
Не найдет, где прикрыть головы.

Траубенберг

Это измена!..
Связать его! Связать!

Кирпичников

Казаки, час настал!
Приветствую тебя, мятеж свирепый!
Что не могли в словах сказать уста,
Пусть пулями расскажут пистолеты.
(Стреляет.)

Траубенберг падает мертвым. Конвойные разбегаются. Казаки хватают лошадь Тамбовцева под уздцы и стаскивают его на землю.

Голоса

Смерть! Смерть тирану!

Тамбовцев

О Господи! Ну что я сделал?

Первый голос

Мучил, злодей, три года,
Три года, как коршун белый,
Ни проезда не давал, ни прохода.

Второй голос

Откушай похлебки метелицы.
Отгулял, отстегал и отхвастал.

Третий голос

Чёрта ли с ним канителиться?

Четвертый голос

Повесить его — и баста!

Кирпичников

Пусть знает, пусть слышит Москва —
На расправы ее мы взбыстрим.
Это только лишь первый раскат,
Это только лишь первый выстрел.

Пусть помнит Екатерина,
Что если Россия — пруд,
То черными лягушками в тину
Пушки мечут стальную икру.
Пусть носится над страной,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он башку незадаром сронит.

III

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Караваев

Тысячу чертей, тысячу ведьм и тысячу
дьяволов!
Экий дождь! Экий скверный дождь!
Скверный, скверный!
Словно вонючая моча волов
Льется с туч на поля и деревни.
Скверный дождь!
Экий скверный дождь!

Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ощипанные вербы,
Плавя ребер медь.
Уж золотые яйца листьев на земле
Им деревянным брюхом не согреть,
Не вывести птенцов — зеленых вербенят,

По горлу их скользнул сентябрь, как нож,
И кости крыл ломает на щебняк
Осенний дождь.
Холодный, скверный дождь.

О, осень, осень!
Голые кусты,
Как оборванцы, мокнут у дорог.
В такую непогодь собаки, сжав хвосты,
Боятся головы просунуть за порог,
А тут вот стой, хоть сгинь,
Но тьму глазами ешь,
Чтоб не пробрался вражеский лазутчик.
Проклятый дождь!
Расправу за мятеж
Напоминают мне рыгающие тучи.
Скорей бы, скорей в побег, в побег
От этих кровью выдоенных стран.
С объятьями нас принимает всех
С Екатериною воюющий султан.
Уже стекается придушенная чернь
С озиркой, словно полевые мыши.
О солнце-колокол, твое тили-ли-день,
Быть может, здесь мы больше не услышим!

Но что там? Кажется, шаги?
Шаги... Шаги...
Эй, кто идет? Кто там идет?

Пугачев

Свой... свой...

Караваев

Кто свой?

Пугачев

Я, Емельян.

Караваев

А, Емельян, Емельян, Емельян.
Что нового в этом мире, Емельян?
Как тебе нравится этот дождь?

Пугачев

Этот дождь на счастье Богом дан,
Нам на руку, чтоб он хлестал всю ночь.

Караваев

Да-да! Я тоже так думаю, Емельян.
Славный дождь! Замечательный дождь!

Пугачев

Нынче вечером, в темноте скрываясь,
Я правительственные посты осмотрел.
Все часовые попрятались, как зайцы,
Боясь замочить шинели.
Знаешь? Эта ночь, если только мы выступим,
Не кровью, а зарею окрасила б наши ножи,

Всех бы солдат без единого выстрела
В сонном Яике мы могли уложить...

Завтра ж к утру будет ясная погода,
Сивым табуном проскачет хмарь.
Слушай, ведь я из простого рода
И сердцем такой же степной дикарь!
Я умею, на сутки и версты не трогаясь,
Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого, что в груди у меня, как в берлоге,
Ворочается звереньшем теплым душа.

Мне нравится запах травы, холодом
подожженной,
И сентябрьского листолета протяжный свист.
Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну,
Как на вьющийся в ветре лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый, знать
И призванье свое и имя.
. . . .
Я значенье мое разгадал...

Караваев

Тебе ж недаром верят?

Пугачев

Долгие, долгие тяжкие года
Я учил в себе разуму зверя...
Знаешь? Люди ведь все со звериной душой,—
Тот медведь, тот лиса, та волчица,—
А жизнь — это лес большой,
Где заря красным всадником мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь клыки.

Караваев

Да-да! Я тоже так думаю, Емельян...
И если б они у нас были,
То московские полки
Нас не бросали, как рыб, в Чаган.
Они б побоялись нас жать
И карать так легко и просто
За то, что в чаду мятежа
Убили мы двух прохвостов.

Пугачев

Бедные, бедные мятежники,
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежными
Раскачивал июльский дождь.
Вы улыбались тварям...

. . . .

Послушай, да ведь это ж позор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отомстить до сих пор?

Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то блядь
Протягивала солдат, как пальцы,
Непокорную чернь умерщвлять!
Нет, не могу, не могу!
К черту султана с туретчиной,
Только на радость врагу
Этот побег опрометчивый.
Нужно остаться здесь!
Нужно остаться, остаться,
Чтобы вскипела месть
Золотою пургой акаций,
Чтоб пролились ножи
Железными струями люто!

Слушай! Бросай сторожить,
Беги и буди весь хутор.

IV

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ТАЛОВОМ УМЁТЕ

О б о л я е в

Что случилось? Что случилось? Что случилось?

П у г а ч е в

Ничего страшного. Ничего страшного. Ничего
страшного.
Там на улице жолклая сырость
Гонит туман, как стада барашковые.

Мокрою цаплей по лужам полей бороздя,
Ветер заставил все живое,
Как жаб по их гнездам, скрыться,
И только порою,
Привязанная к нитке дождя,
Черным крестом в воздухе
Проболтнется шальная птица.
Это осень, как старый оборванный монах,
Пророчит кому-то о погибели вещe.
. . . .
Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.

Караваев

Да-да! Мы придумали кой-что похлеще.

Пугачев

Знаете ли вы,
Что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн лодка с парусом низким?
По-звериному любит мужик наш на корточки
сесть
И сосать эту весть, как коровьи большие сиськи.

От песков Джигильды до Алатыря
Эта весть о том,
Что какой-то жестокий поводырь
Мертвую тень императора
Ведет на российскую ширь.

Эта тень с веревкой на шее безмясой,
Отвалившуюся челюсть теребя,
Скрипящими ногами приплясывая,
Идет отомстить за себя,
Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый кол,
За то, что она с сообщниками своими,
Разбив белый кувшин
Головы его,
Взошла на престол.

Оболяев

Это только веселая басня!
Ты, конечно, не за этим пришел,
Чтоб рассказать ее нам?

Пугачев

Напрасно, напрасно, напрасно
Ты так думаешь, брат Степан.

Караваев

Да-да! По-моему, тоже напрасно.

Пугачев

Разве важно, разве важно, разве важно,
Что мертвые не встают из могил?

Но зато кой-где почву безвлажную
Этот слух словно плугом взрыл.
Уже слышится благовест бунтов,
Рев крестьян оглашает зенит,
И кустов деревянный табун
Безлиственной ковкой звенит.
Что ей Петр? — Злой и дикой ораве? —
Только камень желанного случая,
Чтобы колья погромные правили
Над теми, кто грабил и мучил.
Каждый платит за лепту лептою,
Месть щенками кровавыми щенится.
Кто же скажет, что это свирепствуют
Бродяги и отщепенцы?
Это буйствуют россияне!
Я ж хочу научить их под хохот сабль
Обтянуть тот зловещий скелет парусами
И пустить его по безводным степям,
Как корабль.

А за ним
По курганам синим
Мы живых голов двинем бурливый флот.

. . . .

Послушайте! Для всех отныне
Я — император Петр!

Казаки

Как император?

Оболяев

Он с ума сошел!

Пугачев

Ха-ха-ха!
Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив как горшок,
Варит из медных монет щи,
Чтоб похлебать в черный срок.
Я стращать мертвецом вас не стану,
Но должны ж вы, должны понять,
Что этим кладбищенским планом
Мы подымем монгольскую рать!
Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть калмык и башкирец бьются
За бараньи костры средь юрт!

Зарубин

Это верно, это верно, это верно!
Кой нам черт умышлять побег?
Лучше здесь всем им головы скверные
Обломать, как колеса с телег.
Будем крыть их ножами и матом,
Кто без сабли — так бей кирпичом!

Да здравствует наш император,
Емельян Иванович Пугачев!

Пугачев

Нет, нет, я для всех теперь
Не Емельян, а Петр...

Караваев

Да-да, не Емельян, а Петр...

Пугачев

Братья, братья, ведь каждый зверь
Любит шкуру свою и имя...
Тяжко, тяжко моей голове
Опушать себя чуждым инеем.
Трудно сердцу светильником мести
Освещать корявые чащи.
Знайте, в мертвое имя влезть —
То же, что в гроб смердящий.

Больно, больно мне быть Петром,
Когда кровь и душа Емельянова.
Человек в этом мире не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь наново...
Но... к черту все это, к черту!
Прочь жалость телячьих нег!

Нынче ночью в половине четвертого
Мы устроить должны набег.

V

УРАЛЬСКИЙ КАТОРЖНИК

Хлопуша

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Петр,
Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солонце рыл глазами удачу,
Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепами дождя обмолачивал.
Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
Эту голову с шеи сшибить нелегко.
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.

Зарубин

Кто ты? Кто? Мы не знаем тебя!
Что тебе нужно в нашем лагере,

Отчего глаза твои,
Как два цепных кобеля,
Беспокойно ворочаются в соленой влаге?
Что пришел ты ему сообщить?
Злое ль, доброе ль светится из пасти вспурга?
Прорубились ли в Азию бунтовщики?
Иль, как зайцы, бегут от Оренбурга?

Хлопуша

Где он? Где? Неужель его нет?
Тяжелее, чем камни, я нес мою душу.
Ах, давно, знать, забыли в этой стране
Про отчаянного негодяя и жулика Хлопушу.
Смейся, человек!
В ваш хмурый стан
Посылаются замечательные разведчики.
Был я каторжник и арестант,
Был убийца и фальшивомонетчик.

Но всегда ведь, всегда ведь, рано ли, поздно ли,
Расставляет расплата капканы терний.
Заковали в колодки и вырвали ноздри
Сыну крестьянина Тверской губернии.
Десять лет —
Понимаешь ли ты, десять лет? —
То острожничал я, то бродяжил.
Это теплое мясо носил скелет
На общипку, как пух лебяжий.

Чёрта ль с того, что хотелось мне жить?
Что жестокостью сердце устало хмуриться?
Ах, дорогой мой,
Для помещика мужик —
Все равно что овца, что курица.
Ежедневно молясь на зари желтый гроб,
Кандалы я сосал голубыми руками...
Вдруг... три ночи назад... губернатор Рейнсдорп,
Как сорвавшийся лист,
Взлетел ко мне в камеру...
«Слушай, каторжник!
(Так он сказал.)
Лишь тебе одному поверю я.
Там в ковыльных просторах ревет гроза,
От которой дрожит вся империя,
Там какой-то пройдоха, мошенник и вор
Вздумал вздыбить Россию ордой грабителей,
И дворянские головы сечет топор —
Как березовые купола
В лесной обители.
Ты, конечно, сумеешь всадить в него нож?
(Так он сказал, так он сказал мне.)
Вот за эту услугу ты свободу найдешь
И в карманах зазвякает серебро, а не камни».

Уж три ночи, три ночи, пробираясь сквозь тьму,
Я ищу его лагерь, и спросить мне некого.
Проведите ж, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека!

Зарубин

Странный гость.

Подуров

Подозрительный гость.

Зарубин

Как мы можем тебе довериться?

Подуров

Их немало, немало, за червонцев горсть
Готовых пронзить его сердце.

Хлопуша

Ха-ха-ха!
Это очень неглупо,
Вы надежный и крепкий щит.
Только весь я до самого пупа —
Местью вскормленный бунтовщик.
Каплет гноем смола прогорклая
Из разодранных ребер изб.
Завтра ж ночью я выбегу волком
Человеческое мясо грызть.
Все равно ведь, все равно ведь, все равно ведь
Не сожрешь — так сожрут тебя ж.
Нужно вечно держать наготове
Эти руки для драки и краж.
Верьте мне!
Я пришел к вам как друг.
Сердце радо в пурге расколоться,

Оттого, что без Хлопуши
Вам не взять Оренбург
Даже с сотней лихих полководцев.

Зарубин

Так открой нам, открой, открой
Тот план, что в тебе хоронится.

Подуров

Мы сейчас же, сейчас же пошлем тебя в бой
Командиром над нашей конницей.

Хлопуша

Нет!
Хлопуша не станет биться.
У Хлопуши другая мысль.
Он хотел бы, чтоб гневные лица
Вместе с злобой умом налились.
Вы бесстрашны, как хищные звери,
Грозен лязг ваших битв и побед,
Но ведь все ж у вас нет артиллерии?
Но ведь все ж у вас пороху нет?

Ах, в башке моей, словно в бочке,
Мозг, как спирт, хлебной едкостью лют.
Знаю я, за Сакмарой рабочие
Для помещиков пушки льют.
Там найдется и порох, и ядра,
И наводчиков зоркая рать,

2—5762

Только надо сейчас же, не откладывая,
Всех крестьян в том краю взбунтовать.
Стыдно медлить здесь, стыдно медлить,
Гнев рабов — не кобылий фырк...

Так давайте ж по липовой меди
Трахнем вместе к границам Уфы.

VI

В СТАНЕ ЗАРУБИНА

Зарубин

Эй ты, люд честной да веселый,
Забубенная трын-трава.
Подружилась с твоими селами
Скуломордая татарва.
Свищут кони, как вихри, по полю,
Только взглянешь — и след простыл.
Месяц, желтыми крыльями хлопая,
Раздирает, как ястреб, кусты.
Загляжусь я по ровной голи
В синью стынущие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргиз — стога?..

Слушай, люд честной, слушай, слушай
Свой кочевнический пересвист!

Оренбург, осажденный Хлопушей,
Ест лягушек, мышей и крыс.
Треть страны уже в наших руках,
Треть страны мы как войско выставили.
Нынче ж в ночь потеряет враг
По Приволжью все склады и пристани.

Шигаев

Стоп, Зарубин!
Ты, наверное, не слыхал,
Это видел не я...
Другие...
Многие...
Около Самары с пробитой башкой ольха,
Капая желтым мозгом,
Прихрамывает при дороге.
Словно слепец, от ватаги своей отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда
Просит она на пропитанье
У проезжих и у прохожих.
Но никто ей не бросит даже камня.
В испуге крестясь на звезду,
Все считают, что это страшное знамение,
Предвещающее беду.
Что-то будет.
Что-то должно случиться.
Говорят, наступит глад и мор,

По сту раз на лету будет склевывать птица
Желудочное свое серебро.

Торнов

Да-да-да!
Что-то будет!
Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,
Дует в души суровому люду
Ветер сырью и вонью болот.
Быть беде!
Быть великой потере!
Знать, не зря с луговой стороны
Луны лошадиный череп
Каплет золотом сгнившей слюны.

Зарубин

Врете! Врете вы,
Нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,
Чтоб от этакой чертовщины
Хуже бабы дрожал казак.

Шигаев

Не дрожим мы, ничуть не дрожим!
Наша кровь — не башкирские хляби.
Сам ты знаешь ведь, чьи ножи
Пробивали дорогу в Челябинск.

Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарапуль.
Столько мух не сидело у тебя на носу,
Сколько пуль в наши спины вцарапали.
В стужу ль, в сырость ли,
В ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше дорожит конем,
Чем разбойной своей головою.
Но кому-то грозится, грозится беда,
И ее ль казаку не слышать?
Посмотри, вон сидит дымовая труба,
Как наездник, верхом на крыше.
Вон другая, вон третья,
Не счесть их рыл
С залихватской тоской остолопов,
И весь дикий табун деревянных кобыл
Мчится, пылью клубя, галопом.
Ну куда ж он? Зачем он?
Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
Их стегает, стегает переполох
По стеклянным глазам кнутовищем.

Зарубин

Нет, нет, нет!
Ты не понял...
То слышится звань,
Звань к оружью под каждой оконницей.

Знаю я, нынче ночью идет на Казань
Емельян со свирепой конницей.
Сам вчера, от восторга едва дыша,
За горой в предрассветной мгле
Видел я, как тянулись за Черемшан
С артиллерией тысчи телег.
Так торжественно с хрипом колесным обоз
По дорожным камням грохотал.
Рев верблюдов сливался с блеянием коз
И с гортанною речью татар.

Торнов

Что ж, мы верим, мы верим,
Быть может,
Как ты мыслишь, все так и есть,
Голос гнева, с бедою схожий,
Нас сзывает на страшную месть.
Дай Бог!
Дай Бог, чтоб так и сталось.

Зарубин

Верьте, верьте!
Я вам клянусь!
Не беда, а нежданная радость
Упадет на мужицкую Русь.
Вот взвенел, словно сабли о панцири,
Синий сумрак над ширью равнин.
Даже рощи —
И те повстанцами
Подымают хоругви рябин.

Зреет, зреет веселая сеча.
Взвоет в небо кровавый туман.
Гулом ядер и свистом картечи
Будет завтра их крыть Емельян.
И чтоб бунт наш гремел безысходней,
Чтоб вконец не сосала тоска,—
Я сегодня ж пошлю вас, сегодня,
На подмогу его войскам.

VII

ВЕТЕР КАЧАЕТ РОЖЬ

Чумаков

Что это? Как это? Неужель мы разбиты?
Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари
лакать.
О эта ночь! Как могильные плиты,
По небу тянутся каменные облака.
Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,
Кличешь старую рать, что легла под Сарептой,
И глядишь и не видишь — то ли зыбится рожь,
То ли желтые полчища пляшущих скелетов.
Нет, это не август, когда осыпаются овсы,
Когда ветер по полям их колотит дубинкой
грубой.
Мертвые, мертвые, посмотрите, кругом
мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая сгнившие зубы.

Сорок тысяч нас было, сорок тысяч,
И все сорок тысяч за Волгой легли, как один.
Даже дождь так не смог бы траву иль солому
высечь,
Как осыпали саблями головы наши они.
Что это? Как это? Куда мы бежим?
Сколько здесь нас в живых осталось?
От горящих деревень бьющий лапами в небо
дым
Расстилает по земле наш позор и усталость.
Лучше б было погибнуть нам там и лечь,
Где кружит воронье беспокойным, зловещим
.свадьбищем,
Чем струить эти пальцы пятерками пылающих
свеч,
Чем нести это тело с гробами надежд,
как кладбище!

Бурнов

Нет! Ты не прав, ты не прав, ты не прав,
Я сейчас чувством жизни, как никогда, болен.
Мне хотелось бы, как мальчишке, кувыркаться
по золоту трав
И сшибать черных галок с крестов голубых
колоколен.
Все, что отдал я за свободу черни,
Я хотел бы вернуть и поверить снова,
Что вот эту луну,
Как керосиновую лампу в час вечерний,

Зажигает фонарщик из города Тамбова.
Я хотел бы поверить, что эти звезды — не
звезды,
Что это — желтые бабочки, летящие на лунное
пламя...
Друг!..
Зачем же мне в душу ты ропотом слезным
Бросаешь, как в стекла часовни, камнем?

Чумаков

Что жалеть тебе смрадную холодную душу,—
Околевшего медвежонка в тесной берлоге?
Знаешь ли ты, что в Оренбурге зарезали
Хлопушу?
Знаешь ли ты, что Зарубин в Табинском остроге?
Наше войско разбито вконец Михельсоном,
Калмыки и башкиры удрали к Аральску в Азию.
Не с того ли так жалобно
Суслики в поле притоптанном стонут,
Обрызгивая мертвые головы, как кленовые
листья, грязью?
Гибель, гибель стучит по деревням в колотушку.
Кто ж спасет нас? Кто даст нам укрыться?
Посмотри! Там опять, там опять за опушкой
В воздух крылья крестами бросают крикливые
птицы.

Бурнов

Нет-нет-нет! Я совсем не хочу умереть!
Эти птицы напрасно над нами вьются.
Я хочу снова отроком, отряхая с осинника медь,
Подставлять ладони, как белые скользкие блюдца.
Как же смерть?
Разве мысль эта в сердце поместится,
Когда в Пензенской губернии у меня есть свой дом?
Жалко солнышко мне, жалко месяц,
Жалко тополь над низким окном.
Только для живых ведь благословенны
Рощи, потоки, степи и зеленя.
Слушай, плевать мне на всю вселенную,
Если завтра здесь не будет меня!
Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли,
Хоть карманником, хоть золоторотцем,
Лишь бы видеть, как мыши от радости прыгают в поле,
Лишь бы слышать, как лягушки от восторга поют в колодце.
Яблоновым цветом брызжется душа моя белая,
В синее пламя ветер глаза раздул.
Ради Бога, научите меня,
Научите меня, и я что угодно сделаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть в человечьем саду!

Творогов

Стойте! Стойте!
Если б знал я, что вы не трусливы,
То могли б мы спастись без труда.
Никому б не открыли наш заговор безъязыкие ивы,
Сохранила б молчанье одинокая в небе звезда.
Не пугайтесь!
Не пугайтесь жестокого плана,
Это не тяжелее, чем хруст ломаемых в теле костей,
Я хочу предложить вам:
Связать на заре Емельяна
И отдать его в руки грозящих нам смертью властей.

Чумаков

Как, Емельяна?

Бурнов

Нет! Нет! Нет!

Творогов

Хе-хе-хе!
Вы глупее, чем лошади!
Я уверен, что завтра ж,
Лишь золотом плюнет рассвет,
Вас развесят солдаты, как туш, на какой-нибудь площади.

И дурак тот, дурак, кто жалеть будет вас.
Оттого, что сами себе вы придумали тернии.
Только раз ведь живем мы, только раз!
Только раз светит юность, как месяц в родной
губернии.
Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре,
Там в окно твое тополь стучится багряными
листьями,
Словно хочет сказать он хозяину в хмурой
октябрьской поре,
Что изранила его осень холодными меткими
выстрелами.
Как же сможешь ты тополю помочь?
Чем залечишь ты его деревянные раны?
Вот такая же жизни осенняя гулкая ночь
Общипала, как тополь зубами дождей, Емельяна.

Знаю, знаю, весной, когда лает вода,
Тополь снова покроется мягкой зеленой кожей.
Но уж старые листья на нем не взойдут
никогда.
Их растащит зверье и потопчут прохожие.

Что мне в том, что сумеет Емельян скрыться в
Азию?
Что, набравши кочевников, может снова
удариться в бой?
Все равно ведь и новые листья падут
и покроются грязью.
Слушай, слушай, мы старые листья с тобой!

Так чего ж нам качаться на голых корявых
ветвях?
Лучше оторваться и броситься в воздух
кружиться,
Чем лежать и струить золотое гниенье в полях,
Чем глаза твои выклюют черные хищные птицы.
Тот, кто хочет за мной,— в добрый час!
Нам башка Емельяна — как челн
Потопающим в дикой реке...

Только раз ведь живем мы, только раз!
Только раз славит юность, как парус, луну
вдалеке.

VIII

КОНЕЦ ПУГАЧЕВА

Пугачев

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума
сошли!
Кто сказал вам, что мы уничтожены?
Злые рты, как с протухшею пищей кошли,
Зловонно рыгают бесстыдной ложью.
Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,
Кто сумел окормить вас такою дурью.
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.
Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,
Но затем-то и злей над туманною вязью
Деревянными крыльями по каспийской воде
Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.

О Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожелтые горные реки!
Не с того ли так свищут монгольские орды
Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?

Уж давно я, давно я скрывал тоску
Перебраться туда, к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Стать к преддверьям России, как тень
Тамерлана.
Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Окормил вас бесстыдной трусливой дурью?
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

Крямин

О смешной, о смешной, о смешной Емельян!
Ты все такой же сумасбродный, слепой
и вкрадчивый...
Расплескалась удаль твоя по полям,
Не вскипеть тебе больше ни в какой азиатчине.
Знаем мы, знаем твой монгольский народ,
Нам ли храбрость его неизвестна?
Кто же первый, кто первый, как не этот сброд
Под Сакмарой ударился в бегство?

Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Выбирала для жертвы самых слабых и меньших,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать к седлам добычей женщин.
Ей всегда был приятней набег и разбой,
Чем суровые походы с житейской хмурью.
. . . .
Нет, мы больше не можем идти за тобой,
Не хотим мы ни в Азию, ни на Каспий,
ни в Гурьев.

Пугачев

Боже мой, что я слышу?
Казак, замолчи!
Я заткну твою глотку ножом иль выстрелом...
Неужели и вправду отзвенели мечи?
Неужель это плата за все, что я выстрадал?
Нет-нет-нет, не поверю, не может быть!
Не на то вы взрастали в степных станицах,
Никакие угрозы суровой судьбы
Не должны вас заставить смириться.
Вы должны разжигать еще больше тот взвой,
Когда ветер метелями с наших стран дул...

Смело ж к Каспию! Смело за мной!
Эй вы, сотники, слушать команду!

Крямин

Нет! Мы больше не слуги тебе!
Нас не взманит твое сумасбродство.
Не хотим мы в ненужной и глупой борьбе
Лечь, как толпы других, по погостам.
Есть у сердца невзгоды и тайный страх
От кровавых раздоров и стонов.
Мы хотели б, как прежде, в родных хуторах
Слушать шум тополей и кленов.
Есть у нас роковая зацепка за жизнь,
Что прочнее канатов и проволок...
Не пора ли тебе, Емельян, сложить
Перед властью мятежную голову?!

Все равно то, что было, назад не вернешь,
Знать, недаром листвою октябрь заплакал...

Пугачев

Как? Измена?
Измена?
Ха-ха-ха!..
Ну так что ж!
Получай же награду свою, собака!
(Стреляет.)

Крямин падает мертвым. Казаки с криком обнажают сабли. Пугачев, отмахиваясь кинжалом, пятится к стене.

Голоса

Вяжите его! Вяжите!

Творогов

Бейте! Бейте прям саблей в морду!

Первый голос

Натерпелись мы этой прыти...

Второй голос

Тащите его за бороду...

Пугачев

...Дорогие мои... Хор-рошие...
Что случилось? Что случилось? Что случилось?
Кто так страшно визжит и хохочет
В придорожную грязь и сырость?
Кто хихикает там исподтишка,
Злобно отплевываясь от солнца?
. . . .
...Ах, это осень!
Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.
Да! Погиб я!
Приходит час...
Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...
...Это она!..
Это она подкупила вас,
Злая и подлая оборванная старуха.
Это она, она, она,
Разметав свои волосы зарею зыбкой,

Хочет, чтоб сгибла родная страна
Под ее невеселой холодной улыбкой.

Творогов

Ну, рехнулся... чего ж глазеть?
Вяжите!
Чай, не выбьет стены головою.
Слава Богу! конец его зверской резне,
Конец его злобному волчьему вою.
Будет ярче гореть теперь осени медь,
Мак зари черпаками ветров не выхлестать.
Торопитесь же!
Нужно скорей поспеть
Передать его в руки правительства.

Пугачев

Где ж ты? Где ж ты, былая мощь?
Хочешь встать — и рукою не можешь
двинуться!
Юность, юность! Как майская ночь,
Отзвенела ты черемухой в степной провинции.

Вот всплывает, всплывает синь ночная
над Доном,
Тянет мягкою гарью с сухих перелесиц.
Золотою известкой над низеньким домом
Брызжет широкий и теплый месяц.
Где-то хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица.

И все дальше, все дальше, встревоживши
сонный луг,
Бежит колокольчик, пока за горой не расколется.
Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужель под душой так же падаешь, как
под ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Март—август 1921

СТРАНА НЕГОДЯЕВ

ПЕРСОНАЛ

Комиссар из охраны железнодорожных линий Чекистов.
Замарашкин — сочувствующий коммунистам доброволец.
Бандит Номах.

Комиссары приисков { Рассветов. Чарин. Лобок.

Комендант поезда.
Красноармейцы.
Рабочие.
Советский сыщик Литза-Хун.
Повстанец Барсук.
Повстанцы.
Милиционеры.

Часть первая

НА КАРАУЛЕ

Снежная чаща. Железнодорожная будка Уральской линии. Чекистов, охраняющий линию, ходит с одного конца в другой.

Чекистов

Ну и ночь! Что за ночь!
Черт бы взял эту ночь
С ... адским холодом
И такой темнотой,
С тем, что нужно без устали
Бельма пéрить.
. . . .
Стой!
Кто идет?
Отвечай!..
А не то
Мой наган размозжит твой череп!
Стой, холера тебе в живот!

Замарашкин

Тише... тише...
Легче бранись, Чекистов!

От ругательств твоих
Даже у будки краснеют стены.
И с чего это, брат мой,
Ты так неистов?
Это ж... я... Замарашкин...
Иду на смену...

Чекистов

Черт с тобой, что ты Замарашкин!
Я ведь не собака,
Чтоб слышать носом.

Замарашкин

Ох, и зол же ты, брат мой!..
Аж до печенок страшно...
Я уверен, что ты страдаешь
Кровавым поносом...

Чекистов

Ну конечно, страдаю!..
. . . .
От этой проклятой селедки
Может вконец развалиться брюхо.
О!
Если б теперь... рюмку водки...
Я бы даже не выпил...
А так...
Понюхал...

Знаешь? Когда эту селедку берешь за хвост,
То думаешь,
Что вся она набита рисом...
Разломаешь,
Глядь:
Черви... Черви...
Жирные белые черви...
Дьявол нас, знать, занес
К этой грязной мордве
И вонючим черемисам!

Замарашкин

Что ж делать,
Когда выпал такой нам год?
Скверный год! Отвратительный год!
Это еще ничего...
Там... За Самарой... Я слышал...
Люди едят друг друга...
Такой выпал нам год!
Скверный год!
Отвратительный год
И к тому ж еще чертова вьюга.

Чекистов

Мать твою в эт-твою!
Ветер, как сумасшедший мельник,
Крутит жерновами облаков
День и ночь...
День и ночь...

А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...

Замарашкин

Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты
Настоящий жид.
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей...
Все равно в Могилеве твой дом.

Чекистов

Ха-ха!
Ты обозвал меня жидом?
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.

Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысчи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божие...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.
Ха-ха!
Что скажешь, Замарашкин?
Ну?
Или тебе обидно,
Что ругают твою страну?
Бедный! Бедный Замарашкин...

Замарашкин

Черт-те что ты городишь, Чекистов!

Чекистов

Мне нравится околёсина.
Видишь ли... я в жизни
Был бедней церковного мыша
И глодал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамлетом.
Глупая душа, Замарашкин!
Ха-ха!

А когда я немного подрос,
Я увидел...

Слышатся чьи-то шаги.

Тише... Помолчи, голубчик...
Кажется... кто-то... кажется...
Черт бы взял этого мерзавца Номаха
И всю эту банду повстанцев!
Я уверен, что нынче ночью
Ты заснешь, как плаха,
А он опять остановит поезд
И разграбит станцию.

Замарашкин

Я думаю, этой ночью он не придет.
Нынче от холода в воздухе
Дохли птицы.
Для конницы нынче
Дорога скользка́, как лед,
А с пехотой прийти
Он и сам побоится.
Нет! этой ночью он не придет!
Будь спокоен, Чекистов!
Это просто с мороза проскрипело дерево...

Чекистов

Хорошо! Я спокоен. Сейчас уйду.
Продрог до костей от волчьей стужи.

А в казарме сегодня,
Как на беду,
Из прогнившей картошки
Холодный ужин.
Эх ты, Гамлет, Гамлет!
Ха-ха, Замарашкин!..
Прощай!
Карауль в оба!..

Замарашкин

Хорошего аппетита!
Спокойной ночи!

Чекистов

Мать твою в эт-твою!
(Уходит.)

ССОРА ИЗ-ЗА ФОНАРЯ

Некоторое время Замарашкин расхаживает около будки один. Потом неожиданно подносит руку к губам и издает в два пальца осторожный свист. Из чащи, одетый в русский полушубок и в шапку-ушанку, выскакивает Номах.

Номах

Что говорил тебе этот коммунист?

Замарашкин

Слушай, Номах! Оставь это дело.

Они за тебя по-настоящему взялись.
Как бы не на столбе
Очутилось твое тело.

Номах

Ну так что ж!
Для ворон будет пища.

Замарашкин

Но ты должен щадить других.

Номах

Что другие?
Свора голодных нищих.
Им все равно...
В этом мире немытом
Душу человеческую
Ухорашивают рублем,
И если преступно здесь быть бандитом,
То не более преступно,
Чем быть королем...
Я слышал, как этот прохвост
Говорил тебе о Гамлете.
Что он в нем смыслит?
Гамлет восстал против лжи,
В которой варился королевский двор.
Но если б теперь он жил,
То был бы бандит и вор.

Потому что человеческая жизнь
Это тоже двор,
Если не королевский, то скотный.

Замарашкин

Помнишь, мы зубрили в школе?
«Слова, слова, слова...»
Впрочем, я вас обоих
Слушаю неохотно.
У меня есть своя голова.
Я только всему свидетель,
В тебе ж люблю старого друга.
В час несчастья с тобой на свете
Моя помощь к твоим услугам.

Номах

Со мною несчастье всегда.
Мне нравятся жулики и воры.
Мне нравятся груди,
От гнева спертые.
Люди устраивают договоры,
А я посылаю их к черту.
Кто смеет мне быть правителем?
Пусть те, кому дорог хлев,
Называются гражданами и жителями
И жиреют в паршивом тепле.
Это все твари тленные!
Предмет для навозных куч!

А я — гражданин вселенной,
Я живу, как я сам хочу!

Замарашкин

Слушай, Номах... Я знаю,
Быть может, ты дьявольски прав,
Но все ж... Я тебе желаю
Хоть немного смирить свой нрав.
Подумай... Не завтра, так после...
Не после... Так после опять...
Слова ведь мои не кости,
Их можно легко прожевать.
Ты понимаешь, Номах?

Номах

Ты думаешь, меня это страшит?
Я знаю мою игру.
Мне здесь на все наплевать.
Я теперь вконец отказался от многого,
И в особенности от государства,
Как от мысли праздной,
Оттого что постиг я,
Что все это договор,
Договор зверей окраски разной.
Люди обычаи чтут как науку,
Да только какой же в том смысл и прок,
Если многие громко сморкаются в руку,
А другие обязательно в носовой платок.
Мне до дьявола противны
И те и эти.

Я потерял равновесие...
И знаю сам —
Конечно, меня подвесят
Когда-нибудь к небесам.
Ну так что ж!
Это еще лучше!
Там можно прикуривать о звезды...
Но...
Главное не в этом.
Сегодня проходит экспресс,
В 2 ночи —
46 мест.
Красноармейцы и рабочие.
Золото в слитках.

Замарашкин

Ради Бога, меня не впутывай!

Номах

Ты дашь фонарь?

Замарашкин

Какой фонарь?

Номах

Красный.

Замарашкин

Этого не будет!

Номах

Будет хуже.

Замарашкин

Чем хуже?

Номах

Я разберу рельсы.

Замарашкин

Номах! Ты подлец!
Ты хочешь меня под расстрел...
Ты хочешь, чтоб Трибунал...

Номах

Не беспокойся! Ты будешь цел.
Я 200 повстанцев сюда пригнал.
Коль боишься расстрела,
Бежим со мной.

Замарашкин

Я? С тобой?
Да ты спятил с ума!

Номах

В голове твоей бродит
Непроглядная тьма.
Я думал — ты смел,
Я думал — ты горд,

А ты только лишь лакей
Узаконенных держиморд.
Ну так что ж!
У меня есть выход другой,
Он не хуже...

Замарашкин

Я не был никогда слугой.
Служит тот, кто трус.
Я не пленник в моей стране,
Ты меня не заманишь к себе.
Уходи! Уходи!
Уходи ради дружбы.

Номах

Ты, как сука, скулишь при луне...

Замарашкин

Уходи! Не заставь скорбеть...
Мы ведь товарищи старые...
Уходи, говорю тебе...
(Трясет винтовкой.)
А не то вот на этой гитаре
Я сыграю тебе разлуку.

Номах
(смеясь)

Слушай, защитник коммуны,
Ты, пожалуй, этой гитарой
Оторвешь себе руку.

3—5762

Спрячь-ка ее, бесструнную,
Чтоб не охрипла на холоде.
Я и сам ведь сонату лунную
Умею играть на кольте.

Замарашкин

Ну и играй, пожалуйста.
Только не здесь.
Нам такие музыканты не нужны.

Номах

Все вы носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для вас ножи.
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!
Неужели ты не видишь? Не поймешь,
Что такого равенства не надо?
Ваше равенство — обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов — хорошая приманка,
Подлецам — порядочный улов.
Дай фонарь!

Замарашкин

Иди ты к черту!

Номах

Тогда не гневайся,
Пускай тебя не обижает
Другой мой план.

Замарашкин

Ни один план твой не пройдет.

Номах

Ну, это мы еще увидим...
. . . .
Послушай, я тебе скажу:
Коль я хочу,
Так, значит, надо.
Ведь я башкой моей не дорожу
И за грабеж не требую награды.
Все, что возьму,—
Я все отдам другим.
Мне нравится игра,
Ни слава и ни злато.
Приятно мне под небом голубым
Утешить бедного и вшивого собрата.
Дай фонарь!

Замарашкин

Отступись, Номах!

Номах

Я хочу сделать для бедных праздник.

Замарашкин

Они сделают его сами.

Номах

Они сделают его через 1000 лет.

Замарашкин

И то хорошо.

Номах

А я сделаю его сегодня.

. . . .

Бросается на Замарашкина и давит его за горло. Замарашкин падает. Номах завязывает ему рот платком и скручивает веревками руки и ноги. Некоторое время он смотрит на лежащего, потом идет в будку и выходит оттуда с зажженным красным фонарем.

Часть вторая

ЭКСПРЕСС № 5

Салон-вагон. В вагоне страшно накурено. Едут комиссары и рабочие. Ведут спор.

Рассветов

Чем больше гляжу я на снежную ширь,
Тем думаю все упорнее.
Черт возьми!
Да ведь наша Сибирь
Богаче, чем желтая Калифорния.

С этими запасами руды
Нам не страшна никакая
Мировая блокада.
Только работай! Только трудись!
И в республике будет,
Что кому надо.
Можно ль представить,
Что в месяц один
Открыли пять золотоносных жил.
В Америке это было бы сенсацией,
На бирже стоял бы рев.
Маклера бы скупали акции,
Выдавая 1 пуд за 6 пудов.
Я работал в клондайкских приисках,
Где один нью-йоркский туз
За 3 миллиона без всякого риска
12 $^{1}/_{2}$ положил в картуз.
А дело все было под шепот,
Просто биржевой трюк,
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.
О! эти американцы...
Они — неуничтожимая моль.
Сегодня он в оборванцах,
А завтра золотой король.
Так было и здесь...
Самый простой прощалыга
Из индианских мест
Жил, по-козлиному прыгал
И вдруг в богачи пролез.

Я помню все штуки эти.
Мы жили в ночлежках с ним.
Он звал меня мистер Развети,
А я его — мистер Джим.
«Послушай,— сказал он,— plis,
Ведь это не написано в брамах,
Чтобы без wiski и miss
Мы валялись с тобою в ямах.
У меня в животе лягушки
Завелись от голодных дум.
Я хочу хорошо кушать
И носить хороший костюм.
Есть одна у меня затея,
И если ты не болван,
То без всяких словес, не потея,
Согласишься на этот план.
Нам нечего очень стараться,
Чтоб расходовать жизненный сок.
Я знаю двух-трех мерзавцев,
У которых золотой песок.
Они нам отыщут банкира
(т. е. мерзавцы эти),
И мы будем королями мира...
Ты понял, мистер Развети?»
«Открой мне секрет, Джим!» —
Сказал я ему в ответ.
А он мне сквозь трубочный дым
Пробулькал:
«Секретов нет!

Мы просто возьмем два ружья,
Зарядим золотым песком
И будем туда стрелять,
Куда нам укажет Том».
(А Том этот был рудокоп —
Мошенник, каких поискать.)
И вот мы однажды тайком
В Клондайке.
Нас целая рать...
И по приказу, даденному
Под браунинги в висок,
Мы в четыре горы-громадины
Золотой стреляли песок,
Как будто в слонов лежащих,
Чтоб достать дорогую кость.
И громом гремела в чащах
Ружей одичалая злость.
Наш предводитель живо
Шлет телеграмму потом:
«*Открыли золотую жилу.*
Приезжайте немедленно.
Том».
А дело было под шепот,
Просто биржевой трюк...
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.

Чарин

Послушай, Рассветов! и что же,
Тебя не смутил обман?

Рассветов

Не все ли равно,
К какой роже
Капиталы текут в карман.
Мне противны и те, и эти.
Все они —
Класс грабительских банд.
Но должен же, друг мой, на свете
Жить Рассветов Никандр.

Голос из группы

Правильно!

Другой голос

Конечно, правильно!

Третий голос

С паршивой овцы хоть шерсти
Человеку рабочему клок.

Чарин

Значит, по этой версии
Подлость подчас не порок?

Первый голос

Ну конечно, в собачьем стане,
С философией жадных собак,
Защищать лишь себя не станет
Тот, кто навек дурак.

Рассветов

Дело, друзья, не в этом.
Мой рассказ вскрывает секрет.
Можно сказать перед всем светом,
Что в Америке золота нет.
Там есть соль,
Там есть нефть и уголь,
И железной много руды.
Кладоискателей вьюга
Замела золотые следы.
Калифорния — это мечта
Всех пропойц и неумных бродяг.
Тот, кто глуп или мыслить устал,
Прозябает в ее краях.
Эти люди — гнилая рыба.
Вся Америка — жадная пасть,
Но Россия... вот это глыба...
Лишь бы только Советская власть!..
Мы, конечно, во многом отстали.
Материк наш —
Лес, степь да вода.
Из железобетона и стали
Там настроены города.

Вместо наших глухих раздолий
Там, на каждой почти полосе,
Перерезано рельсами поле
С цепью каменных рек-шоссе.
И по каменным рекам без пыли,
И по рельсам без стона шпал
И экспрессы и автомобили
От разбега в бензинном мыле
Мчат, секундой считая долла́р.
Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры,
Маклера, маклера, маклера...
От еврея и до китайца,
Проходимец и джентельмен —
Все в единой графе считаются
Одинаково — bisnes men.
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она — Мировая Биржа!
Вот они — подлецы всех стран.

Чарин

Да, Рассветов! но все же, однако,
Ведь и золота мы хотим.

И у нас биржевая клоака
Расстилает свой едкий дым.
Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера...
И в ответ партийной команде,
За налоги на крестьянский труд,
По стране свищет банда на банде,
Волю власти считая за кнут.
И кого упрекнуть нам можно?
Кто сумеет закрыть окно,
Чтоб не видеть, как свора острожная
И крестьянство так любят Махно?
Потому что мы очень строги,
А на строгость ту зол народ,
У нас портят железные дороги,
Гибнут озими, падает скот.
Люди с голоду бросились в бегство,
Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,
И оскалилось людоедство
На сплошной недород у крестьян.
Их озлобили наши поборы,
И, считая весь мир за Бедлам,
Они думают, что мы воры
Иль поблажку даем ворам.
Потому им и любы бандиты,
Что всосали в себя их гнев.

Нужно прямо сказать, открыто,
Что республика наша — blef,
Мы не лучшее, друг мой, дерьмо.

Рассветов

Нет, дорогой мой!
Я вижу, у вас
Нет понимания масс.
Ну кому же из нас не известно
То, что ясно как день для всех.
Вся Россия — пустое место.
Вся Россия — лишь ветер да снег.
Этот отзыв ни резкий, ни черствый.
Знают все, что до наших лбов
Мужики караулили версты
Вместо пегих дорожных столбов.
Здесь все дохли в холере и оспе.
Не страна, а сплошной бивуак.
Для одних — золотые россыпи,
Для других — непроглядный мрак.
И кому же из нас незнакомо,
Как на теле паршивый прыщ,—
Тысчи лет из бревна да соломы
Строят здания наших жилищ.
10 тысяч в длину государство,
В ширину окло верст тысяч 3-х.
Здесь одно лишь нужно лекарство —
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесть.

Города создаются руками,
Как поступками — слава и честь.
Подождите!
Лишь только клизму
Мы поставим стальную стране,
Вот тогда и конец бандитизму,
Вот тогда и конец резне.

Слышатся тревожные свистки паровоза. Поезд замедляет ход. Все вскакивают.

Рассветов

Что такое?

Лобок

Тревога!

Первый голос

Тревога!

Рассветов

Позовите коменданта!

Комендант
(вбегая)

Я здесь.

Рассветов

Что случилось?

Комендант

Красный фонарь...

Рассветов
(смотрит в окно)

Гм... да... я вижу...

Лобок

Дьявольская метель...
Вероятно, занос.

Комендант

Сейчас узнаем...

Поезд останавливается. Комендант выбегает.

Рассветов

Это не станция и не разъезд,
Просто маленькая железнодорожная будка.

Лобок

Мне говорили, что часто здесь
Поезда прозябают по целым суткам.
Ну, а еще я слышал...

Чарин

Что слышал?

Лобок

Что здесь немного шалят.

Рассветов

Глупости...

Лобок

Для кого как.

Входит комендант.

Рассветов

Ну?

Комендант

Здесь стрелочник и часовой
Говорят, что отсюда за 1/2 версты
Сбита рельса.

Рассветов

Надо поправить.

Комендант

Часовой говорит, что до станции
По другой ветке верст 8.
Можно съездить туда
И захватить мастеров.

Рассветов

Отцепляйте паровоз и поезжайте.

Комендант

Это дело 30-ти минут.

Уходит. Рассветов и другие остаются, погруженные в молчание.

ПОСЛЕ 30-ТИ МИНУТ

Красноармеец
(вбегая в салон-вагон)

Несчастие! Несчастие!

Все
(вперебой)

Что такое?..
Что случилось?..
Что такое?..

Красноармеец

Комендант убит.
Вагон взорван.
Золото ограблено.
Я ранен.
Несчастие! Несчастие!

Вбегает рабочий.

Рабочий

Товарищи! Мы обмануты!
Стрелочник и часовой

Лежат здесь в будке.
Они связаны.
Это провокация бандитов.

Рассветов

За каким вы дьяволом
Увезли с собой вагон?

Красноармеец

Комендант послушался стрелочника...

Рассветов

Мертвый болван!

Красноармеец

Лишь только мы завернули
На этот... другой путь,
Часовой сразу 2 пули
Всадил коменданту в грудь.
Потом выстрелил в меня.
Я упал...
Потом он громко свистнул,
И вдруг, как из-под земли,
Сугробы взрывая,
Нас окружили в приступ
Окло двухсот негодяев.
Машинисту связали руки,
В рот запихали платок.

Потом я услышал стуки
И взрыв, где лежал песок.
Метель завывала чертом.
В плече моем ныть и течь.
Я притворился мертвым
И понял, что надо бечь.

Лобок

Я знаю этого парня,
Что орудует в этих краях.
Он, кажется, родом с Украйны
И кличку носит Номах.

Рассветов

Номах?

Лобок

Да. Номах.

Вбегает 2-й красноармеец.

2-й красноармеец

Рельсы в полном порядке!
Так что, выходит, обман...

Рассветов
(хватаясь за голову)

И у него не хватило догадки!..
Мертвый болван!
Мертвый болван!

Часть третья

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ НА ВОКЗАЛЕ N В СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Замарашкин
(один около стола с телефоном)

Если б я не был обижен,
Я, может быть, и не сказал,
Но теперь я отчетливо вижу,
Что он плюнул мне прямо в глаза.

Входят Рассветов, Лобок и Чекистов.

Лобок

Я же говорил, что это место
Считалось опасным всегда.
Уже с прошлого года
Стало известно,
Что он со всей бандой перебрался сюда.

Рассветов

Что мне из того, что ты знал?
Узнай, где теперь он.

Чекистов

Ты, Замарашкин, идиот!
Я будто предчувствовал.

Рассветов

Бросьте вы к черту ругаться.
Это теперь не помога.
Нам нужно одно:
Дознаться,
По каким они скрылись дорогам.

Чекистов

Метель замела все следы.

Замарашкин

Пустяки, мы следы отыщем.
Не будем ставить громоздко
Вопрос, где лежат пути.
Я знаю из нашего розыска
Ищейку, каких не найти.
Это шанхайский китаец.
Он коммунист, и притом,
Под видом бродяги слоняясь,
Знает здесь каждый притон.

Рассветов

Это, пожалуй, дело.

Лобок

Как зовут китайца?
Уж не Литза ли Хун?

Замарашкин

Он самый!

Лобок

О, про него много говорят теперь.
Тогда Номах в наших лапах.

Рассветов

Но, я думаю... Номах
Тоже не из тетерь...

Замарашкин

Он чует самый тонкий запах.

Рассветов

Потом ведь нам очень важно
Поймать его не пустым...
Нам нужно вернуть покражу...
Но золото, может, не с ним...

Замарашкин

Золото, конечно, не при нем.
Но при слежке вернем и пропажу.
Нужно всех их забрать живьем...
Под кнутом они сами расскажут.

Рассветов

Что же: звоните в розыск.

З а м а р а ш к и н
(подходит к телефону)

43—78...
Алло...
43—78?

ПРИВОЛЖСКИЙ ГОРОДОК

Тайный притон с паролем «Авдотья, подними подол». 2 тайных посетителя. Кабатчица, судомойка и подавщица.

К а б а т ч и ц а

Спирт самый чистый, самый настоящий!
Сама бы пила, да деньги надо.
Милости просим.
Заглядывайте почаще.
Хоть утром, хоть в полночь —
Я всегда вам рада.

Входят Номах, Барсук и еще 2 повстанца. Номах в пальто и шляпе.

Б а р с у к

Привет тетке Дуне!

К а б а т ч и ц а

Мое вам почтение, молодые люди.

1-й повстанец

Дай-ка и нам по баночке клюнуть.
С перезябу-то легче, пожалуй, будет.

Садятся за стол около горящей печки.

Кабатчица

Сейчас, мои дорогие!
Сейчас, мои хорошие!

Номах

Холод зверский. Но... все-таки
Я люблю наши русские вьюги.

Барсук

Мне все равно. Что вьюга, что дождь...
У этой тетки
Спирт такой,
Что лучше во всей округе не найдешь.

1-й повстанец

Я не люблю вьюг,
Зато с удовольствием выпью.
Когда крутит снег,
Мне кажется,
На птичьем дворе гусей щиплют.
Вкус у меня раздражительный,
Аппетит, можно сказать,— неприличный,

А потому я хотел бы положительно
Говядины или птичины.

Кабатчица

Сейчас, мои желанные...
Сейчас, сейчас...
(Ставит спирт и закуску.)

Номах
(тихо к кабатчице)

Что за люди... сидят здесь... окол?..

Кабатчица

Свои, голубчик,
Свои, мой сокол.
Люди не простого рода,
Знатные-с, сударь.
Я знаю их 2 года.
Посетители — первый класс,
Каких нынче мало.
У меня уж набит глаз
В оценке материала.
Люди ловкой игры.
Оба — спецы по винам.
Торгуют из-под полы
И спиртом, и кокаином.
Не беспокойтесь! У них
Язык на полке.

Их ищут самих
Красные волки.
Это дворяне,
Щербатов и Платов.

Посетители начинают разговаривать.

Щербатов

Авдотья Петровна!
Вы бы нам на гитаре
Вальс
«Невозвратное время».

Платов

Или эту... ту, что вчера...
(Напевает)
«Все, что было,
Все, что мило,
Все давным-давно
Уплы-ло...»
Эх, Авдотья Петровна!
Авдотья Петровна!
Кабы нам назад лет 8,
Старую Русь,
Старую жизнь,
Старые зимы,
Старую осень.

Барсук

Ишь чего хочет, сволочь!

1-й повстанец

М-да-с...

Щербатов

Невозвратное время! Невозвратное время!
Пью за Русь!
Пью за прекрасную
Прошедшую Русь.
Разве нынче народ пошел?
Разве племя?
Подлец на подлеце
И на трусе трус.
Отцвело навсегда
То, что было в стране благородно.
Золотые года!
Ах, Авдотья Петровна!
Сыграйте, Авдотья Петровна,
Вальс,
Сыграйте нам вальс
«Невозвратное время».

Кабатчица

Да, родимые! да, сердешные!
Это не жизнь, а сплошное безобразие.
Я ведь тоже была
Дворянка здешняя
И училась в первой
Городской гимназии.

Платов

Спойте! Спойте, Авдотья Петровна!
Спойте «Все, что было»!

Кабатчица

Обождите, голубчики,
Дайте с посудой справиться.

Щербатов

Пожалуйста, пожалуйста!

Платов

Пожалуйста, Авдотья Петровна!

Через кухонные двери появляется китаец.

Китаец

Ниет Амиэрика,
Ниет Евыропе.
Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.
Шанго курил,
Диеньги дыавал,
Сыам лиубил,
Если б не сытрадал.
Куришь, колица виюца,
А хыто пыривык,
Зыабыл ливарюца,
Зыабыл большевик.

Ниет Амиэрика,
Ниет Евыропе.
Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.

Щербатов

Эй, ходя! Давай 2 трубки.

Китаец

Диеньги пирёт.
Хыодя очень бедыный.
Тывой шибко живет,
Мой очень быледный.

Подавщица

Курить на кухню.

Щербатов

На кухню, так на кухню.
(Покачиваясь, идет с Платовым на кухню. Китаец за ними.)

Номах

Ну и народец здесь.
О всех веревка плачет.

Барсук

М-да-с...

1-й повстанец

Если так говорить,
То, значит,
В том числе и о нас.

Барсук

Разве ты себя считаешь негодяем?

1-й повстанец

Я не считаю,
Но нас считают.

2-й повстанец

Считала лисица
Ворон на дереве.

К столику подходит подавщица.

Подавщица

Сегодня в газете...

Номах

Что в газете?

Подавщица
(тихо)

Пишут, что вы разгромили поезд,
Убили коменданта и красноармейца.
За вами отправились в поиски.
Говорят, что поймать надеются.

Обещано 1000 червонцев.
С описанием ваших примет:
Блондин.
Среднего роста.
28-ми лет.
(Отходит.)

Номах

Ха-ха!
Замарашкин не выдержал.

Барсук

Я говорил, что его нужно было
Прикончить, и дело с концом.
Тогда б ни одно рыло
Не знало,
Кто справился с мертвецом.

Номах

Ты слишком кровожаден.
Если б я видел,
То и этих двоих
Не позволил убить...
Зачем?
Ведь так просто
Связать руки
И в рот платок.

Барсук

Нет! это не так уж просто.
В живом остается протест.
Молчат только те — на погостах,
На ком крепкий камень и крест.
Мертвый не укусит носа,
А живой...

Номах

Кончим об этом.

1-й повстанец

2 вопроса...

Номах

Каких?

1-й повстанец

Куда деть слитки
И куда нам?

Номах

Я сегодня в 12 в Киев.
Паспорт у меня есть.
Вас не знают, кто́ вы такие,
Потому оставайтесь здесь...
Телеграммой я дам вам знать,
Где я буду...
В какие минуты...

Обязательно тыщ 25
На песок закупить валюты.
Пусть они поумерят прыть —
Мы мозгами немного побольше...

Барсук

Остальное зарыть?

Номах

Часть возьму я с собой,
Остальное пока зарыть...
После можно отправить в Польшу.
У меня созревает мысль
О российском перевороте,
Лишь бы только мы крепко сошлись,
Как до этого в нашей работе.
Я не целюсь играть короля
И в правители тоже не лезу,
Но мне хочется погулять
И под порохом, и под железом.
Мне хочется вызвать тех,
Что на Марксе жиреют, как янки.
Мы посмотрим их храбрость и смех,
Когда двинутся наши танки.

Барсук

Замечательный план!

1-й повстанец

Мы всегда готовы.

2-й повстанец

Я как-то отвык без войны.

Барсук

Мы все по ней скучаем.
Стало тошно до чертиков
Под юбкой сидеть у жены
И живот напузыривать чаем.
Денег нет, чтоб пойти в кабак,
Сердце ж спиртику часто хочет.
Я от скуки стал нюхать табак —
Хоть немного в носу щекочет.

Номах

Ну, а теперь пора.
До 12 четверть часа.
(Бросает на стол два золотых.)

Барсук

Может быть, проводить?

Номах

Ни в коем случае.
Я выйду один.
(Быстро прощается и уходит.)

Из кухни появляется китаец и неторопливо выходит вслед за ним. Опьяневшие посетители садятся на свои места. Барсук берет шапку, кивает товарищам на китайца и выходит тоже.

Щербатов

Слушай, Платов!
Я совсем ничего не чувствую.

Платов

Это виноват кокаин.

Щербатов

Нет, это не кокаин.
Я, брат, не пьян.
Я всего лишь одну понюшку.
По-моему, этот китаец
Жулик и шарлатан!
Ну и народ пошел!
Ну и племя!
Ах, Авдотья Петровна!
Сыграйте нам, Авдотья Петровна, вальс...
Сыграйте нам вальс
«Невозвратное время».
(Тычется носом в стол. Платов тоже.)

Повстанцы молча продолжают пить. Кабатчица входит с гитарой. Садится у стойки и начинает настраивать.

Часть четвертая

НА ВОКЗАЛЕ N

Рассветов и Замарашкин. Вбегает Чекистов.

Чекистов

Есть! Есть! Есть!
Замарашкин, ты не брехун!
Вот телеграмма:
«Я Киев. Золото здесь.
Нужен ли арест.
Литза-Хун».
(Передает телеграмму Рассветову.)

Рассветов

Все это очень хорошо,
Но что нужно ему ответить?

Чекистов

Как что?
Конечно, взять на цугундер!

Рассветов

В этом мало радости —
Уничтожить одного,
Когда на свободе
Будет 200 других.

Чекистов

Других мы поймаем потом.
С другими успеем после...
Они ходят
Из притона в притон,
Пьют спирт и играют в кости.
Мы возьмем их в любом кабаке.
В них одних, без Номаха,
Толку мало.
А пока
Нужно крепко держать в руке
Ту добычу,
Которая попала.

Рассветов

Теперь он от нас не уйдет,
Особенно при сотне нянек.

Чекистов

Что ему няньки?
Он их сцапает в рот,
Как самый приятный
И легкий пряник.

Рассветов

Когда будут следы к другим,
Мы возьмем его в 2 секунды.
Я не знаю, с чего вы
Вдолбили себе в мозги —
На цугундер да на цугундер.

Нам совсем не опасен
Один индивид.
И скажу вам, коллега, вкратце,
Что всегда лучше
Отыскивать нить
К общему центру организации.
Нужно мыслить без страха.
Послушайте, мой дорогой:
Мы уберем Номаха,
Но завтра у них будет другой.
Дело совсем не в Номахе,
А в тех, что попали за борт.
Нашей веревки и плахи
Ни один не боится черт.
Страна негодует на нас.
В стране еще дикие нравы.
Здесь каждый Аким и Фанас
Бредит имперской славой.
Еще не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый росс
Отчизны своей не продаст.
Интернациональный дух
Прет на его рожон.
Мужик если гневен не вслух,
То завтра придет с ножом.
Повстанчество есть сигнал.
Поэтому сказ мой весь:

Тот, кто крыло поймал,
Должен всю птицу съесть.

Чекистов

Клянусь всеми чертями,
Что эта птица
Даст вам крылом по морде
И улетит из-под носа.

Рассветов

Это не так просто.

Замарашкин

Для него будет,
Пожалуй, очень просто.

Рассветов

Мы усилим надзор
И возьмем его,
Как мышь в мышеловку.
Но только тогда этот вор
Получит свою веревку,
Когда хоть бандитов сто
Будет качаться с ним рядом,
Чтоб чище синел простор
Коммунистическим взглядам.

Чекистов

Слушайте, товарищ!

Это превышение власти —
Этот округ вверен мне.
Мне нужно поймать преступника,
А вы разводите теорию.

Рассветов

Как хотите, так и называйте.
Но,
Чтоб больше наш спор
Не шел о том,
Мы сегодня ж дадим ответ:
«Литва-Хун!
Наблюдайте за золотом.
Больше приказов нет».

Чекистов быстро поворачивается, хлопает дверью и выходит в коридор.

В КОРИДОРЕ

Чекистов

Тогда я поеду сам.

КИЕВ

Хорошо обставленная квартира. На стене большой, во весь рост, портрет Петра Великого. Номах сидит на крыле кресла, задумавшись. Он, по-видимому, только что вернулся. Сидит в шляпе. В дверь кто-то барабанит пальцами. Номах, как бы пробуждаясь от дремоты, идет осторожно к двери, прислушивается и смотрит в замочную скважину.

Номах

Кто стучит?

Голос

Отворите... Это я...

Номах

Кто вы?

Голос

Это я... Барсук...

Номах
(отворяя дверь)

Что это значит?

Барсук
(входит и закрывает дверь)

Это значит — тревога.

Номах

Кто-нибудь арестован?

Барсук

Нет.

Номах

В чем же дело?

Барсук

Нужно быть наготове.
Немедленно нужно в побег.
За вами следят.
Вас ловят.
И не вас одного, а всех.

Номах

Откуда ты узнал это?

Барсук

Конечно, не высосал из пальцев.
Вы помните тот притон?

Номах

Помню.

Барсук

А помните одного китайца?

Номах

Да...
Но неужели...

Барсук

Это он.
Лишь только тогда вы скрылись,

Он последовал за вами.
Через несколько минут
Вышел и я.
Я видел, как вы сели в вагон,
Как он сел в соседний.
Потом осторожно, за золотой
Кондуктору,
Сел я сам.
Я здесь, как и вы,
Дней 10.

Номах

Посмотрим, кто кого перехитрит?

Барсук

Но это еще не все.
Я следил за ним, как лиса.
И вчера, когда вы выходили
Из дому,
Он был более полчаса
И рылся в вашей квартире.
Потом он, свистя под нос,
Пошел на вокзал...
Я — тоже.
Предо мной стоял вопрос —
Узнать,
Что хочет он, черт желтокожий...
И вот... на вокзале...
Из-за спины
На синем телеграфном бланке
Я прочел,
Еле сдерживаясь от мести,

Я прочел —
От чего у меня чуть не скочили штаны —
Он писал, что вы здесь,
И спрашивал об аресте.

Номах

Да... Это немного пахнет...

Барсук

По-моему, не немного, а очень много.
Нужно скорей в побег.
Всем нам одна дорога —
Поле, леса и снег,
Пока доберемся к границе,
А там нас лови!
Грози!

Номах

Я не привык торопиться,
Когда вижу опасность вблизи.

Барсук

Но это...

Номах

Безумно?
Пусть будет так.
Я —
Видишь ли, Барсук,—
Чудак.
Я люблю опасный момент,

Как поэт — часы вдохновенья,
Тогда бродит в моем уме
Изобретательность
До остервененья.
Я ведь не такой,
Каким представляют меня кухарки.
Я весь — кровь,
Мозг и гнев весь я.
Мой бандитизм особой марки.
Он сознание, а не профессия.
Слушай! я тоже когда-то верил
В чувства:
В любовь, геройство и радость,
Но теперь я постиг, по крайней мере,
Я понял, что все это
Сплошная гадость.
Долго валялся я в горячке адской,
Насмешкой судьбы до печенок израненный.
Но... Знаешь ли...
Мудростью своей кабацкой
Все выжигает спирт с бараниной...
Теперь, когда судорога
Душу скрючила
И лицо, как потухающий фонарь в тумане,
Я не строю себе никакого чучела.
Мне только осталось —
Озорничать и хулиганить...

. . . .

Всем, кто мозгами бедней и меньше,
Кто под ветром судьбы не был нищ и наг,
Оставляю прославлять города и женщин,
А сам буду славить

Преступников и бродяг.

. . . .

Банды! Банды!
По всей стране.
Куда не вглядись, куда не пойди ты —
Видишь, как в пространстве,
На конях
И без коней,
Скачут и идут закостенелые бандиты.
Это все такие же
Разуверившиеся, как я...

. . . .

А когда-то, когда-то...
Веселым парнем,
До костей весь пропахший
Степной травой,
Я пришел в этот город с пустыми руками,
Но зато с полным сердцем
И не пустой головой.
Я верил... я горел...
Я шел с революцией,
Я думал, что братство не мечта и не сон,
Что все во единое море сольются —
Все сонмы народов,
И рас, и племен.

. . . .

Пустая забава.
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?

Пришли те же жулики, те же воры
И вместе с революцией
Всех взяли в плен...
Но к черту все это!
Я далек от жалоб.
Коль началось —
Так пускай начинается.
Лишь одного я теперь желаю,
Как бы покрепче...
Как бы покрепче
Одурачить китайца!..

Барсук

Признаться, меня все это,
Кроме побега,
Плохо устраивает.
(Подходит к окну.)
Я хотел бы...
О! Что это? Боже мой!
Номах! Мы окружены!
На улице милиция.

Номах
(подбегая к окну)

Как?
Уже?
О! Их всего четверо...

Барсук

Мы пропали.

Номах

Скорей выходи из квартиры.

Барсук

А ты?

Номах

Не разговаривай!..
У меня есть ящик стекольщика
И фартук...
Живей обрядись
И спускайся вниз...
Будто вставлял здесь стекла...
Я положу в ящик золото...
Жди меня в кабаке «Луна».
(Бежит в другую комнату, тащит ящик и фартук.)

Барсук быстро подвязывает фартук. Кладет ящик на плечо и выходит.

Номах
(прислушиваясь у двери)

Кажется, остановили...
Нет... прошел...
Ага...
Идут сюда...

(Отскакивает от двери. В дверь стучат. Как бы раздумывая, немного медлит. Потом неслышными шагами идет в другую комнату.)

СЦЕНА ЗА ДВЕРЬЮ

Чекистов, Литза-Хун и 2 милиционера.

Чекистов
(смотря в скважину)

Что за черт!
Огонь горит,
Но в квартире
Как будто ни души.

Литза-Хун
(с хорошим акцентом)

Это его прием...
Всегда... Когда он уходит.
Я был здесь, когда его не было,
И так же горел огонь.

1-й милиционер

У меня есть отмычка.

Литза-Хун

Давайте мне...
Я вскрою...

Чекистов

Если его нет,
То надо устроить засаду.

Литза-Хун
(вскрывая дверь)

Сейчас узнаем...
(Вынимает браунинг и заглядывает в квартиру.)
Тс... Я сперва один.
Спрячьтесь на лестнице.
Здесь ходят
Другие квартиранты.

Чекистов

Лучше вдвоем.

Литза-Хун

У меня бесшумные туфли...
Когда понадобится,
Я дам свисток или выстрел.
(Входит в квартиру и закрывает дверь.)

ГЛАЗА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Осторожными шагами Литза-Хун идет к той комнате, в которой скрылся Номах. На портрете глаза Петра Великого начинают моргать и двигаться. Литза-Хун входит в комнату. Портрет неожиданно открывается, как дверь, и оттуда выскакивает Номах. Он рысьими шагами подходит к двери, запирает на цепь и снова исчезает в портрет-дверь. Через некоторое время слышится беззвучная короткая возня, и с браунингом в руке из комнаты выходит китаец. Он делает световой полумрак. Открывает дверь и тихо дает свисток. Вбегают милиционеры и Чекистов.

5—5762

Чекистов

Он здесь?

Китаец
(прижимая в знак молчания палец к губам)

Тс... он спит...
Стойте здесь...
Нужен один милиционер,
К черному выходу.
(Берет одного милиционера и крадучись проходит черев комнату к черному выходу.)

Через минуту слышится выстрел, и испуганный милиционер бежит обратно к двери.

Милиционер

Измена!
Китаец ударил мне в щеку
И удрал черным ходом.
Я выстрелил...
Но... дал промах...

Чекистов

Это он!
О! проклятье!
Это он!
Он опять нас провел.

Вбегают в комнату и выкатывают оттуда в кресле связанного по рукам и ногам. Рот его стянут платком. Он в нижнем белье.

На лицо его глубоко надвинута шляпа. Чекистов сбрасывает шляпу, и милиционеры в ужасе отскакивают.

Милиционеры

Провокация!..
Это Литза-Хун...

Чекистов

Развяжите его.

Милиционеры бросаются развязывать.

Литза-Хун
(выпихивая освобожденными руками платок иво рта)

Черт возьми!
У меня болит живот от злобы.
Но клянусь вам...
Клянусь вам именем китайца,
Если б он не накинул на меня мешок,
Если б он не выбил мой браунинг,
То бы...
Я сумел с ним справиться...

Чекистов

А я... Если б был мандарин,
То повесил бы тебя, Литза-Хун,
За такое место...
Которое вслух не называется.

1922—1923

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрохва
Подбитая.
Русь нечесаная,
Русь немытая!
Вы послушайте
Новый вольный сказ.
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй — про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти притчины,

Не боясь ничьей
Зуботычины.

*

Ой, во городе
Да во Ипатьеве
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер-град
На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего.
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Брáды, ýсие.
Как не плакаться
Тут над Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною».

*

Услыхал те слова
Молодой стрелец.
Хвать смутьянщика
За тугой косец.
«Ты иди, ползи,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер-град.
Привезу к царю.
Кайся, сукин кот!
Кайся, сукин кот,
Что смущал народ!»

*

По Тверской-Ямской
Под дугою вбряк
С колокольцами
Ехал бедный дьяк.
На четвертый день,
О полднёвых пор,
Прикатил наш дьяк
Ко царю, во двор.
Выходил тут царь
С высока́ крыльца,
Мах дубинкою —
Подозвал стрельца.
«Ты скажи, зачем
Прикатил, стрелец?

Аль с Москвы какой
Потайной гонец?»
«Не гонец я, царь,
Не родня с Москвой.
Я всего лишь есть
Слуга верный твой.
Я привез к тебе
Бунтаря-дьяка.
У него, знать, в жисть
Не болят бока.
В кабаке на весь
На честной народ
Он позорил, царь,
Твой высокий род».
«Ну,— сказал тут Петр,—
Вылезай-кось, вошь!»
Космы дьяковы
Поднялись, как рожь.
У Петра с плеча
Сорвался кулак.
И навек задрал
Лапти кверху дьяк.

*

У Петра был двор,
На дворе был кол,
На колу — мочало.
Это только, ребята,
Начало.

*

Ой, суров наш царь,
Алексеич Петр.
Он в единый дух
Ведро пива пьет.
Курит — дым идет
На три сажени,
Во немецких одеждах
Разнаряженный.
Возговóрит наш царь
Алексеич Петр:
«Подойди ко мне,
Дорогой Лефорт.
Мастер славный ты
В Амстердаме был.
Русский царь тебе,
Как батрак, служил.
Он учился там,
Как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер,
В Амстердам опять.
Передай ты всем
От Петра поклон.
Да скажи, что сейчас
В страшной доле он.
В страшной доле я
За родную Русь...
Скоро смерть придет,
Помирать боюсь.

Помирать боюсь,
Да и жить не рад:
Кто ж теперь блюсти
Будет Питер-град?

Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.
Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.
Оттого подчас,
Обступая град,
Мертвецы встают
В строевой парад.
И кричат они,
И вопят они.
От такой крични
Загашай огни.
Говорят слова:
«Мы всему цари!
Попадешься, Петр,
Лишь сумей, помри!
Мы сдерем с тебя
Твой лихой чупрын,
Потому что ты
Был собачий сын.

Поблажал ты знать
Со министрами.
На крови для них
Город выстроил.
Но пускай за то
Знает каждый дом —
Мы придем еще,
Мы придем, придем.
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд».

Смолк наш царь
Алексеич Петр,
В три ручья с него
Льет холодный пот.

*

Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ
Хороший!
Хоть метелью вас крой,
Хоть порошей.
Одним словом,
Миляги!
Не дадите ли
Ковшик браги?
Человечий язык,
Чай, не птичий!

Славный вы, люди,
Придумали
Обычай!

*

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплакав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил.
Но с того вот дня,
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подзёмный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд!
Мы сгребем дворян —
Да по плеши им,
На фонарных столбах
Перевешаем!»

*

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ —
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.

*

Веселись, душа
Молодецкая!
Нынче наша власть,
Власть советская!
Офицерика,
Да голубчика

Прикокошили
Вчера в Губчека.
Ни за Троцкого,
Ни за Ленина —
За донского казака
За Каледина.
Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос!»

*

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.
И на пóмог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

*

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы, крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногатой вас не взять,
Ни рязанами.
Вы гольем пошли гулять
С партизанами.

Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать.
Чтоб шумела рожь
И овес звенел.
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

*

Ну и как же тут злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:

«Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами».
А у нас для них поют:
«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь —
Не воротишься».

*

От одной беды
Целых три растут.
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:
«Ты не смей дремать,
Трудовой народ!
Как под Питером
Рать Юденича!»

Что же делать нам
Всем теперича?

И оттуда бьют,
И отсель палят.
Ой ты, бедный люд!
Ой ты, Питер-град!

*

Но при всякой беде
Веет новью вал.
Кто ж не вспомнит теперь
Речь Зиновьева?
Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди
Озимь выбили.
И на энтот год
Не шумела рожь.
То не жизнь была,
А в печенки нож!
А Зиновьев всем
Вел такую речь:
«Братья, лучше нам
Здесь костьми полечь,
Чем отдать врагу
Вольный Питер-град
И идти опять
В кабалу назад».

*

А за синим Доном
Станицы казачьей
В это время волк ехидный
По-кукушьи плачет.
Говорит Корнилов
Казакам поречным:

«Угостите партизанов
Вишеньем картечным!
С Красной Армией Деникин
Справится, я знаю.
Расстелились наши пики
С Дона до Дунаю».

*

Ой ты, атамане!
Не вожак, а соцкий.
А на что ж у коммунаров
Есть товарищ Троцкий?
Он без слезной речи
И лихого звона
Обещал коней нам наших
Напоить из Дона.
Вей сильней и крепче,
Ветер синь-студеный!
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

*

Если крепче жмут,
То сильней орешь.
Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина,
В сотни верст легла
Прямо в никь она.

Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девок лапают.
«Так и надо вам,
Сиволапые!
Ты, мужик, прохвост!
Сволочь! бестия!
Отплати-кось нам
За поместия.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать».

*

Ой ты, синяя сирень,
Голубой полисад.
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены.
Заливные луга
Не покошены.
И примят овес,
И прибита рожь.

Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

*

Но сильней всего
Те встревожены,
Что ночьми не спят
В куртках кожаных.
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад.
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

*

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огней не спит.
Миг — и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай, мечта
Городов и сел...

Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.
Как снопы, лежат
Трупы по полю.

Кони в страхе ржут,
В страхе топают.
Но напор от нас
Все сильней, сильней,
Бьются восемь дней,
Бьются девять дней.
На десятый день
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши взад им: «Крой!..»
Пушки бьют, палят...
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!

*

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босиком бежит.
И от стона, и от рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости.
Ну и как же злобной воле
Тут не вырасти?

У околицы
Гуляй-полевой
Собиралися
Буйны головы.
Да как стали жечь,
Как давай палить!
У Деникина
Аж живот болит.

*

Эх, песня!
Песня!
Есть ли что на свете
Чудесней?
Хоть под гусли тебя пой,
Хоть под тальяночку.
Не дадите ли вы мне,
Хлопцы,
Еще баночку?

*

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой!
Цветик маковый!
Ты скорей, адмирал,
Отколчакивай.

Там за степью гул,
Там за степью гром.
Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть.
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

*

В белом стане вопль,
В белом стане стон.
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В белом стане крик,
В белом стане бред.
Как пожар стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся...
Завтра многие друг с другом
Уж не встретятся.
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

*

В красном стане храп.
В красном стане смрад.

Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

*

На́ заре, заре,
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
«Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут.
Будет крыть нас плеть.
Всем весь век тогда
В нищете корпеть».

С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
«На,— сказал он мне,—
Дома нет сапог,
Передай жене».

*

На заре, заре,
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За лощиной пруд.
А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

*

Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: «Жене
Сапоги не враз.
Я их сам теперь
Износить горазд».

*

Вот и кончен бой,
Тот, кто жив, тот рад.
Ай да вольный люд!
Ай да Питер-град!
От полуночи
До синя утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра,
Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.

В берег бьет вода
Пенной индевью...

Корабли плывут
Будто в Индию...

Июль 1924
Ленинград

ПОЭМА О 36

Много в России
Троп.
Что ни тропа —
То гроб.
Что ни верста —
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

Синий уральский
Ском
Каменным лег
Мешком,
За скомом шумит
Тайга.
Коль вязнет в снегу
Нога,
Попробуй идти
Пешком.

Добро́, у кого
Закал,
Кто знает сибирский
Шквал.
Но если ты слаб
И лег,
То, тайно пробравшись
В лог,
Тебя отпоет
Шакал.

Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья наперевес.
Если ты хочешь
В лес,
Не дорожи
Головой.

Ссыльный солдату
Не брат.
Сам подневолен
Солдат.
Если не взял
На прицел,—
Завтра его
Под расстрел.
Но ты не иди
Назад.

Пусть умирает
Тот,
Кто брата в тайгу
Ведет.
А ты под кандальный
Дзин
Шпарь, как седой
Баргузин.
Беги все вперед
И вперед.

Там за Уралом
Дом.
Степь и вода
Кругом.
В синюю гладь
Окна
Скрипкой поет
Луна.
Разве так плохо
В нем?

Славный у песни
Лад.
Мало ли кто ей
Рад.
Там за Уралом
Клен.
Всякий ведь в жизнь
Влюблен

В лунном мерцанье
Хат.

Если ж, где отчая
Весь,
Стройная девушка
Есть,
Вся, как сиреневый
Май,
Вся, как родимый
Край,—
Разве не манит
Песнь?

Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья наперевес.
Если ты хочешь
В лес,
Не дорожи
Головой.

*

Колкий, пронзающий
Пух.
Тяжко идти средь
Пург.

Но под кандальный
Дзень,
Если ты любишь
День,
Разве милей
Шлиссельбург?

Там, упираясь
В дверь,
Ходишь, как в клетке
Зверь.
Дума всегда
Об одном:
Может, в краю
Родном
Стало не так
Теперь.

Может, под песню
Вьюг
Умер последний
Друг.
Друг или мать,
Все равно!
Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг.

Но долог тюремный
Час.

И зорок солдатский
Глаз.
Если ты хочешь
Знать,
Как тяжело
Убежать,—
Я знаю один
Рассказ.

*

Их было тридцать
Шесть.
В камере негде
Сесть.
В окнах бурунный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург.
Море поет ему
Песнь.

Каждый из них
Сидел
За то, что был горд
И смел,
Что в гневной своей
Тщете
К рыдающим в нищете

Большую любовь
Имел.

Ты помнишь, конечно,
Тот
Клокочущий пятый
Год,
Когда из-за стен
Баррикад
Целился в брата
Брат.
Тот в голову, тот
В живот.

Один защищал
Закон —
Невольник, влюбленный
В трон.
Другой этот трон
Громил,
И брат ему был
Не мил.
Ну, разве не прав был
Он?

Ты помнишь, конечно,
Как
Нагайкой свистел
Казак?

6—5762

Тогда у склоненных
Ниц
С затылков и поясниц
Капал горячий
Мак.

Я знаю, наверно,
И ты
Видал на снегу
Цветы.
Ведь каждый мальчишкой
Рос.
Каждому били
Нос
В кулачной на все
«Сорты».

Но тех я цветов
Не видал,
Был еще глуп
И мал.
И не читал еще
Книг.
Но если бы видел
Их,
То разве молчать
Стал?

*

Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Месть.
Каждый оставил
Дом
С ивами над прудом,
Но не забыл о нем
Песнь.

Раз комендант
Сказал:
«Тесен для вас
Зал.
Пять я таких
Приму
В камеру по одному,
Тридцать один —
На вокзал».

Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.
Рельсы грызет
Паровоз.
Разве уместен
Вопрос:
Куда их доставит
Он?

Много в России
Троп.
Что ни тропа —
То гроб.
Что ни верста —
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

*

Поезд на всех
Парах.
В каждом неясный
Страх.
Видно, надев
Браслет,
Гонят на много
Лет
Золото рыть
В горах.

Может случиться
С тобой
То, что достанешь
Киркой,
Дочь твоя там,
Вдалеке,

Будет на левой
Руке
Перстень носить
Золотой.

Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.
Вдруг тридцать первый
Встал
И шепотом так сказал:
«Нынче мне ночь
Не в сон.

Нынче мне в ночь
Не лежать.
Я твердо решил
Бежать.
Благо, что ночь
Не в луне.
Вы помогите
Мне
Тело мое
Поддержать.

Клетку уж я
Пилой...
Выручил снежный
Вой.

Вы заградите меня
Подле окна
От огня,
Чтоб не видал
Конвой».

Тридцать столпились
В ряд,
Будто о чем
Говорят.
Будто глядят
На снег.
Разве так труден
Побег,
Если огни
Не горят?

*

Их оставалось
Пять.
Каждый имел
Кровать.
В окнах бурунный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург.
Только в нем плохо
Спать.

Разве тогда
Уснешь,
Если все видишь
Рожь.
Видишь родной
Плетень,
Синий, звенящий
День,
И ты по меже
Идешь.

Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Так бы дремал
И дремал,
Не подымая глаз.

Глянешь, на окнах
Пух.
Скучный, несчастный
Друг,
Ночь или день,
Все равно.
Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг.

Пятый страдать
Устал.
Где-то подпилок
Достал.
Ночью скребет
И скребет,
Капает с носа
Пот
Через губу в оскал.

Раз при нагрузке
Дров
Он поскользнулся
В ров...
Смотрят, уж он
На льду.
Что-то кричит
На ходу.
Крикнул — и будь
Здоров.

*

Быстро бегут
Дни.
День колесу
Сродни.
Снежной январской
Порой
В камере сорок
Второй

Встретились вновь
Они.

Пятому глядя
В глаза,
Тридцать первый
Сказал:
«Там, где струится
Обь,
Есть деревушка
Топь
И очень хороший
Вокзал.

В жизни живут лишь
Раз,
Я вспоминать
Не горазд.
Глупый сибирский
Чалдон.
Скуп, как сто дьяволов,
Он.
За пятачок продаст.

Снежная белая
Гладь.
Нечего мне
Вспоминать.
Знаю одно:
Без грез

Даже в лихой
Мороз
Сладко на сене
Спать».

Пятый сказал
В ответ:
«Мне уже сорок
Лет.
Но не угас мой
Бес.
Так все и тянет
В лес,
В синий вечерний
Свет.

Много сказать
Не могу:
Час лишь лежал я
В снегу.
Слушал метельный
Вой,
Но помешал
Конвой
С ружьями на бегу».

*

Серая, хмурая
Высь,
Тучи с землею
Слились.
Ты помнишь, конечно,
Тот
Метельный семнадцатый
Год,
Когда они
Разошлись?

Каждый пошел в свой
Дом
С ивами над прудом.
Видел луну
И клен,
Только не встретил
Он
Сердцу любимых
В нем.

Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Месть.
И каждый в октябрьский
Звон
Пошел на влюбленных

В трон,
Чтоб навсегда их
Сместь.

Быстро бегут
Дни.
Встретились вновь
Они.
У каждого новый
Дом.
В лежку живут лишь
В нем,
Очей загасив
Огни.

Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Тот, кто теперь
Задремал,
Уж не поднимет
Глаз.

Теплая синяя
Весь.
Всякие песни
Есть.

Над каждым своя
Звезда...
Мы же поем
Всегда:
Их было тридцать
Шесть.

Август 1924

АННА СНЕГИНА

А. Воронскому

1

«Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодью
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но — грозный судья — старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягóт.
Раз — власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди — все грешные души.
У многих глаза — что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий,
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.

На нашей бы́дластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья возжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

*

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу»*, и вот

---

* «Липа» — подложный документ.

С такою-то подготовкой
Я встретил семнадцатый год.

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смрадном огне
Тогда над страною калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

*

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно, наше Радово,—
Промолвил возница,—
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норов ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чаишко.
Вам к мельнику надо?
...Так — вон!..

Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».

Даю сороковку.
«Мало!»
Даю еще двадцать.
«Нет!»
Такой отвратительный малый,
А малому тридцать лет.
«Да что ж ты?
Имеешь ли душу?
За что ты с меня гребешь?»
И мне отвечает туша:
«Сегодня плохая рожь.
Давайте еще незвонких
Десяток иль штучек шесть —
Я выпью в шинке самогонки
За ваше здоровье и честь...»

*

И вот я на мельнице...
Ельник
Осыпан свечьми светляков.
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов:
«Голубчик! Да ты ли?
Сергуха?!

Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво чудный,
Как дружья улыбка в лице.
Объятья мельника кру́ты,
От них заревет и медведь,
Но все же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»
«На́ год».
«Ну, значит, дружище, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до че́рта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только...
Четвертый
Тебя не видали мы год...»

Беседа окончена.
Чинно
Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были!
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

2

«Ну что же, вставай, Сергуша!
Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной.
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдает росяница
На яблонях белых в саду.

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек.
И сколько зарыто в ямах.
И сколько зароют еще.
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

Нет, нет!
Не пойду навеки!
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала...»
И слышу сквозь кашель глухо:
«Дела одолели! Дела...
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны.
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.

А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя...
Так вот...
Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криуши...
Их нужно б в тюрьму за тюрьмой,
Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьёвом годе,
Когда объявили войну,
При всем при честно́м народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь!»

Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

Иду голубою дорожкой
И вижу — навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить вожжу,
Потом и тебя оглоушу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк:
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудак.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
— Не тот ли, поэт?
— Ну да,— говорю,— он самый.
— Блондин?
— Ну, конечно, блондин.
— С кудрявыми волосами?
— Забавный такой господин.
— Когда он приехал?
— Недавно.
— Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.

Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно! Прощай до обеда!
Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зеленя.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.

*

Но вот и Криуша!
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —

У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
«Э, охотник!
Здорово, здорово!
Садись.
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жись.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты — свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

3

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар.
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.
Мой мельник с ума, знать, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...

Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.
Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала...
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы — знаменитый поэт.

Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.
Да!
Не вернуть, что было.
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,

Меня же про это заставил
Забыть молодой офицер...»

*

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
«Довольно!
Найдемте другой язык!»

Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
«Да... Да...
Я сейчас вспоминаю...
Садитесь...
Я очень рад...
Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...
Отделано четко и строго.
По чувству — цыганская грусть».
«Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.

Скажите:
Что с вами случилось?»
«Не знаю».
«Кому же знать?»
«Наверно, в осеннюю сырость
Меня родила моя мать».
«Шутник вы...»
«Вы тоже, Анна».
«Кого-нибудь любите?»
«Нет».
«Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет:
Пред вами такая дорога...»

Сгущалась, туманилась даль.
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.
. . . .
Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

*

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегает, как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
«*Придите.*
Вы самый близкий.
С любовью
Оглоблин Прон».

Иду.
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И спьяну в печенки и в душу
Костит обнищалый народ.
«Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной...
Р-раз — и квас.
Даешь, мол, твои угодья
Без всякого выкупа с нас!»
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:
«Крестьян еще нужно варить».

«Зачем ты позвал меня, Проша?»
«Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...»
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкеть —
Таких отдают с придачей,
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.

Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетнёвый его палисад.
Слезаем.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чьем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:
«Рыдай не рыдай — не помога...
Теперь он холодный труп...
... Там кто-то стучит у порога.
Припудрись...
Пойду отопру...»

Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.
«Отдай!..—
Повторял он глухо.—
Не ноги ж тебе целовать!»

Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.
Потом в разговорную очередь
Спросила меня
Сквозь жуть:
«А вы, вероятно, к дочери?
Присядьте...
Сейчас доложу...»

Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.
Я понял —
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
«Убили... Убили Борю...
Оставьте.
Уйдите прочь.
Вы — жалкий и низкий трусишка!
Он умер...
А вы вот здесь...»

Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенесть.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
«Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак...»

4

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочь,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

Мой мельник вовсю улыбается,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»

7—5762

Я рад и охоте,
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем,
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью,
Теперь мы всех р-раз — и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть.
Гляди, голубарь, веселей.
Я первый сейчас же коммуну
Устрою в своем селе!»

У Прона был брат Лабутя,
Мужик — что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наградил.

Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик! —
Кричал он.—
Петя!
Мне больно... Не думай, что пьян.
Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.
Живут, не мозоля рук.
И вот он, конечно, в Совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран,
Хрипел под сивушной банкой
Про Нерчинск и Турухан:
«Да, братец!
Мы горе видали,
Но нас не запугивал страх...»
. . . .

Медали, медали, медали

Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но все ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть скорость:
— Даешь! Разберем потом!
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.

А мельник...

. . . .

Мой старый мельник
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то,
Когда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.

Я помню —
Она говорила:
«Простите... Была не права...
Я мужа безумно любила.
Как вспомню... болит голова...
Но вас
Оскорбила случайно...
Жестокость была мой суд...

Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут.
Конечно,
До этой осени
Я знала б счастливую быль...
Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутыль...
Поэтому было не надо...
Ни встреч... ни вобще продолжать...
Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать».

Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза.
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.
«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.
. . . .
«Смотрите...
Уже светает.
Заря как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...

Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:
«Ну, ладно...
Пора на покой...»
. . . .
Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

5

Суровые, грозные годы!
Ну разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».

Эх, удаль!
Цветение в далях!
Недаром чумазый сброд

Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон,—
Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.
Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.

Шли годы
Размашисто, пылко.
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!
Владелец землей и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.

Ну, ладно.
Довольно стонов,
Ненужных насмешек и слов.
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криушу
Не кажешься целых шесть лет.

Утешь!
Соберись на милость!
Прижваривай по весне!
У нас здесь такое случилось,
Чего не расскажешь в письме.
Теперь стал спокой в народе,
И буря пришла в угомон.
Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея!..
Дуро́вая зыкь она.
Хошь верь, хошь не верь ушам —
Однажды отряд Деникина
Нагрянул на криушан.
Вот тут и пошла потеха...
С потехи такой — околеть!
Со скрежетом и со смехом
Гульнула казацкая плеть.
Тогда вот и чикнули Проню...
Лабутя ж в солому залез
И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
«Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить...»
Совсем прокатились тучи...
И хоть мы живем не в раю,

Ты все ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою...»

*

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...
Ельник
Усыпан свечьми светляков.
По-старому старый мельник
Не может связать двух слов:
«Голубчик! Вот радость! Сергуха?!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог.
Сергунь! Золотой! Послушай!

И ты уж старик по годам...
Сейчас я за милую душу
Подарок тебе передам».
«Подарок?»
«Нет...
Просто письмишко...
Да ты не спеши, голубок!
Почти что два месяца с лишком
Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!..
Откуда же больше и ждать?
И почерк такой беспечный,
И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.
И синею заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу средь судов все пристальней
На красный советский флаг.

Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна»...
. . . .

Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал...

По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Январь 1925
Батум

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица,
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге

И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный...

«Слушай, слушай,—
Бормочет он мне,—
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,

И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Счастье,— говорил он,—
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство».

«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».

Черный человек
Глядит на меня в упор.

И глаза покрываются
Голубой блевотой.
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.
. . . .

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная...
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица,
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.

Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.

«Слушай, слушай! —
Хрипит он, смотря мне в лицо.
Сам все ближе
И ближе клонится.—
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой мирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ!
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую,
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Черный человек!
Ты — прескверный гость!
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

. . . .

...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах, ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала!
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И — разбитое зеркало...

<1923 — >14 ноября 1925

Варианты

Пугачев

Черновой автограф (РГАЛИ)

Заглавие: Поэма о великом походе Емельяна Пугачева

Первоначальные варианты заглавия густо зачеркнуты. Прочитывается: «Пугачов».

Подзаголовок также варьировался:

I [Драматическая] Трагедия

II Драматическая поэма; *затем зачеркнут.*

Посвящение отсутствует.

1

Зачеркнуто: I Действие первое

II Сцена первая

Заглавие отсутствует.

2 I Почти <?>

II *как в тексте.*

3 I Ты ли, ты ли, родимый Чаган

II *как в тексте.*

8 I В мокрой траве <*нач. сл. нрзб.*>

II *как в тексте.*

9 I Недаром мятежный дух

Тянул меня

II Недаром меня влекло

III Наконец-то я [здесь, здесь] здесь, здесь!

10 Рать врагов [за] цепью волн распалась,

11 I [И] Подымай же

II Замыслив

III И так хочется головы шесты <?>

IV Не удалось им на шест
V *как в тексте.*

После 12 *ремарка, не вошедшая в текст:*
[Садится] Опускается на скамью.

13–14 I Но не пощады [пр] я пришел искать
II Здравствуй, Яик. Ты звал
III Здравствуй, Яик. Ты влек меня
Искать на
IV Здравствуй, Яик. Заря течет,
Как будто козла зарезали
V Здравствуй, Яик. Я сам
VI Яик, Яик, бурый солончак
Я пришел
VII Яик, Яик, калмыцкий солончак
VIII Яик, Яик, киргизский солончак
IX Сияй, калмыцкая ширь
X *как в тексте.*

15–16 I Пучили сердце стеклянные глаза
На корточки бре<вен>
II Пучили сердце стеклянные глаза
По-коровьи за
III *как в тексте.*

17–19 I Эти избы — деревянные колокола,
Им нужен звонарь умелый.
II Эти избы — деревянные колокола,
Только безмолвят <?>
III Эти избы — деревянные колокола,
Только голос их гулкий в хмарь осел.
IV *как в тексте.*

20–21 I Так помоги же, степная мгла
Мне соверш<ить>
II *как в тексте.*

После 21 — заключительной строки монолога П у г а ч е в а — *зачеркнуто:*

I Сторож
II Ид<ет?>
III Садится на ска<мью?>

С т о р о ж

22–25 I О кто ты, кто ты, прохожий?
II Кто ты, путник? Что бродишь долом?
Что тревожишь ты вечера гладь?
Отчего, словно яблок тяжелый,
Виснет с шеи твоя голова?
III Кто ты, путник? Что бродишь долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжелое,
Виснет с шеи твоя голова?

После 25 зачеркнуто:

Эта мгла, что

26–29 I Незнакомое ваше место
II В незнакомое ваше место
Я пришел [Я пришел] из далеких стран.
III В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран,
Я оттуда, где золото телесное
Полыхает пламенем [красного] костра.
IV В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран,
Посмотреть на ваше золото телесное,
На родное золото славян.
V *как в тексте.*

30–33 I Слушай, отче! Если тебе нужно
Знать мою суровую тоску,
Посмотри

II Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь крепость,
Как растет в полях
III Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
[Сколько рыбы он]
[Не]
IV Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль в полях своих прилежно
Цедит
V Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль цедит в душу он прилежно
Из сосцов зерна
VI Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит
Молоко соломенное ржи?
VII *как в тексте.*
34—37 I Так же ль он с задумчивым
II Так же ль он нах<муренным>
III Так же ль он с ягнят сво<их>
IV Так же ль он с овец с отвагой неж<ной>
V Так же ль он с ягнят среброколенных
VI Так же ль, подогнув колена
VII Так же ль здесь
VIII Так же ль здесь, [согнув] сломав зари застенок,
Гонит
IX Так же ль здесь, сломав зари застенок,
Гонятся овсы на водопой рысцой,

Где на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?
X Так же ль здесь, сломав зари застенок,
Гонится овес на водопой рысцой,
И по грядкам, от капусты пенных*,
Челноки ныряют огурцов?

39 I И ничто не возмутит
Иль
II Так на
III И под прялки однотонный свист
IV И под прялки похоронный свист
V И под прялки одно<тонный свист>
VI Сыплет прялка мерный разговор
VII Сыплет прялка мягкий, мягкий разговор
VIII Сыплет прялка ровный, мягкий разговор
IX И ничем не разбудить и не
X И ничем не разбудить <*2 сл. нрзб.*> буйства Яик
XI И ничем не разбудить когда-то буйный Яик
XII Задремал когда-то буйный Яик
XIII Кочевая, пришлая орда
XIV Ни калмык, ни кочевой киргиз
XV Спит калмык и спит башкирец и киргиз
XVI Спит калмык <*нач. сл. нрзб.*>
XVII [Сп<ит>] И тоскует
XVIII Дремлет
XIX Как под прялки ровный, мягкий свист
XX И под прялки ровный, мягкий свист
XXI *как в тексте.*

После 39 *зачеркнуто:*

I Задремал когда-то полный буйства Яик

---

* Так в тексте. Правка строки не закончена.

II Не разбудили задремавший Яик
III Закачали в люльке
IV Ни калм<ык>
V Задремал
VI Вспоминает отучнелый Яик
Буйство
VII Вспоминает отучнелый Яик
[Иль] И на
[Свой] Удаль
VIII Будто с это<й> мирной жизнью Яик
Подружился с самых давних пор.
IX Неужель

Строки, первоначально завершавшие монолог Пугачева, *не закончены и оставлены. Окончательная редакция этих слов принадлежит* Сторожу, *как в тексте.*

42–45 I С первых дней правленья Ка<терины?>
II С первых дней, как вожжи оборвались,
III С первых дней, как оборвались вожжи,
Заняла российский наш престол
IV С первых дней, как оборвались вожжи,
Чувствуем
V *как в тексте.*

46–47 I Опустел наш
II Эти власти <?>
III Нашу рыбу, соль и рынок,
Все, чем наш край
IV Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем наш край богат и рьян
V *как в тексте.*

50–51 *записаны на обороте 4-го листа и зачеркнуты:*
I И помещики те<перь>
II И помещики всей сворой

III И теперь они всей сворой
Наше <?>
IV [Все] И чем жили мы, над чем трудились
V И теперь, что б не имел крестьянин
VI Кулаки ль хомут иль поросенка
Загребают [волчью] пряжей длани
VII Кулаки ль овцу иль жеребенка
Загребают пряжей длани
Из хозяйственной осады<?>.
VIII И дворяне волчьей сворой
[На <?>] Все, чем
IX Принялись бы — *строки не закончены и оставлены. Окончательная редакция этих строк записана на следующем листе:*
X И теперь по всем окраинам
[Тяжело] Когда
XI И теперь по всем окраинам
Стонет Русь под злыми дланями.
[На] [ходит]
[И ни кто ни<кто>]
[Свищет ветер]
[Злой]
XII *как в тексте.*
54–57 I И течет заря на<д> полем,
Будто бы козла зарезали.
II И течет заря на<д> полем,
Словно всех крестьян порезали.
III Здесь <?> связали, там вневолили,
Ржавь глаза ест, ка<к>
IV Всех связали, всех вневолили,
[Кро<вь>] Точит ржавчина наш Яик,
Как железа лист.

V Всех связали, всех вневолили,
[Не] С голоду хоть жри железа лист.
И течет заря над полем,
Будто бы козла [зарезали] порезали.
VI Всех связали, всех вневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем,
Словно горло небу
VII Всех связали, всех вневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем,
Будто бы козла зарезали.
VIII *как в тексте.*

После 57 зачеркнуто:

Пугачев
(про себя)
О как мне на руку, старик, твои слова,
Значит, сердце не напрасно торопилось.

Далее — начало реплики Пугачева, *как в тексте.*

59 I Но и как же
II Но скажи мне, скажи же
III Но скажи мне, скажи
Как же
IV Но скажи мне, скажи на мило<сть>
V *как в тексте.*

60 I Неужели в народе нет силы
II Неужель в народе нет волненья
III Неужель в народе нет схватки
IV *как в тексте.*

62 I И за <*нач. сл. нрзб*>.
II *как в тексте.*

После 62 — начало реплики Сторожа *зачеркнуто:*

I Да, теперь
II Видишь друг
III Да, да, пожалуй
IV Все есть. Есть порыв и сила.
Только это нужно бы связать,
Чтоб косца травою придавил<а>
V Все есть. Есть порыв и сила.
Только это нужно так связать,
Чтоб единым взмахом придавила
Эту свору тружеников рать.

Далее — новое начало реплики Сторожа:

63—67 I Видел ли ты, как коса
Ви
II Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
[Визгом железным]
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого что [вечно] стоит трава на корячках,
Как будто это ничего не значит
III *как в тексте.*

После 67 первоначально следовали строки 72—77:

74—77 I [Только] Только лишь до нас не добрались бы,
Только [лиш<ь>] нам бы
Не скосили нашей
II Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Не скосили [нашей] головы
III Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы
Только 6 [нам бы] нашей
Не скосили как ромашке головы.

После 77 зачеркнуто:

Но взглянули б, поучились у природы,
Как она нам, мудрая, поет
В час осенний, в час, когда дымятся воды

Далее следовали четыре строки, отмеченные переносом на место после 67 и в этом порядке вошедшие в текст:

68—71 I Никуда траве ей не скрыться
От зубов
II И никуда ей траве не скрыться
От горячих зубов косы.
Оттого что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.

После 77 — продолжение строк, написанных и зачеркнутых:

Поджигаемые [холодом] спичками ветров
[Видел ли ты журавлей отлет]
[Видел, разгадал ли]
[Кто смотрел на]
Кто смотрел

78—81 I Но теперь как будто пробудились,
[Ожил наш в]
И березами [усеянн<ый>] оплаканный наш тракт
[Уж] Покрывает, как туман от сырости,
Имя мертвого Петра.
II Но теперь как будто пробудились,
И березами оплаканный наш тракт
Окружило, как туман от сырости,
Имя мертвого Петра.

После 81 — зачеркнута ремарка:

П у г а ч е в
Взволнованно.
Вскакивая со скамейки.

После 82 — зачеркнута нрзб. ремарка. В следующей (две строки) реплике Пугачева *прочитываются лишь отдельные слова:*

I О, сердце, ты <*1 сл. нрзб.*>
II О, сердце, мой колокол
Иль мозг мой

83 *отсутствует.*

84–87 I Я говорю, что скоро [ти <?>] грозный крик,
Который избы словно жаб влакал,
[Кот<орый>]
Сильней громов раскатится над нами.
И на
II *как в тексте.*

После 88 — зачеркнуты первоначальные наброски реплик Пугачева *и* Сторожа:

I Как будто
II [Так уж] О полымя, полымя
III [О] Если б конь
IV Привет тебе, заря, степной рысак
V [Мне]
Мне все понятно
VI Я понял
VII О, конь мой, конь мой.
Спит мой рысак,
От жажды павший на дороге.
Я опоил тебя червонною стопой<?>
VIII О конь мой, конь мой,
Спит мой рысак,
От бега павший на дороге.
[Всю горечь.]
Я опоил тебя червонною водой.

Далее сбоку вписаны слова:

Кто сможет гребнем

Затем после ремарки: (в сторону),— *не вошедшей в текст, зачеркнута реплика* Пугачева:

Итак, я вовремя поспел.
IX О конь мой, конь мой, степной мой рысак
X О конь мой, конь мой, огненный рысак
Где рокот <?> ветровой
XI Недаром сдох мой загнанный рысак
Мой бедный конь.

Сторож

Скажи, пожалуйста,
о чем вздыхаешь ты?

Затем вновь начат набросок ответа Пугачева:

89 I Скажи хоть
II Старик, старик, ты сердцу подсказал
III Старик, старик, ты просказал мне то,
Что уж давно
IV Старик, ты просказал мне то,
Над чем давно
V Старик, ты просказал мне то,
Чего душа додумать не
VI *как в тексте.*

После 89 — *зачеркнут набросок ответа* Сторожа:

Сторож

I Над полем ветер
II У нас сейчас в лесах
Скрывается до тысчи каторжан
III До тысчи каторжников
У нас сейчас в лесах.

Затем ответ Сторожа *записан вновь, как в тексте.*

92–95 I Уж утро в небесах
II Заря на небесах

Затем сбоку вписана ремарка, не вошедшая в текст:

П у г а ч е в
в сторону

и 91-я строка:

I Поймешь ли ты старик
II Ты не поймешь старик
Тебе
III *как в тексте.*

Затем продолжена правка строк 92—95:

III На небесах
<1 сл. нрзб.>
[Р] [О] Выдергивает
Клещами
IV Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезд огни
V Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, словно зубы,
А я еще не думал засыпать.
VI *как в тексте.*

96—97 I Я мог бы предложить тебе тюфяк свой
II *как в тексте.*

98—99 I Но и то
II [Но и к] Но у меня нет крова<ти>
III Но у меня нет ни избы
IV *как в тексте.*

101—102 I Приют найти легко под каждой крышей.
II Для путника приют под каждой крышей.
III И мне дадут приют под первой крышей.
[К нам]

8—5762

[Ну да]
И вон у той избы в окно я по<стучусь>
IV Дадут приют мне под любою крышей,
Пойду в окошко <*1 сл. нрзб.*> постучусь.
V Дадут приют мне под любою крышей,
[Здесь] И где-нибудь в окошко постучусь.
VI *как в тексте.*

После 102 *ремарка, не вошедшая в текст:*

(уходит)

После 103 — *ответа* Сторожа — *ремарка, не вошедшая в текст:*

I (Долго смотрит вслед).
II (Долго смотрит ему вслед. Садится на скамейку и продолжает разговаривать с самим собой.)

104—106 I Русь. Русь. Луна плывет
II Русь. Русь. Как колокол
III Русь. Русь. Откуда
IV Русь. Русь. И сколько их таких,
Как в решето просеивают плоть
V Русь. Русь. И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
[Из] Из края в край слоняется?
VI Русь, Русь. И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
Из края в край в твоих просторах шляется?

107 *строка записана, как в тексте, затем зачеркнута и написана вновь:*

107—108 Чей голос их зовет,
Вложив как факел им дорожный посох в пальцы?
109—110 I Кто он, сей го<сть>?
II Кто он, ночной сей
III Кто он, пришлец ночной?

Сейчас как яблоня шумевший пре<до>
IV Кто он, пришлец ночной?
Сейчас как яблоня плодами слов
V Кто он, пришлец ночной?
Сейчас как яблоня звенящий предо мной,
[Что та]
[И что таит]
Кто скажет мне?
VI Кто он, пришлец ночной?
Сейчас как яблоня звенящий предо мной,
И сам того не сможет он ответить.
С приятной
VII Куда идут они, что ищут
VIII Их речь проста, [они] и пыль на них
IX Кто знает их судьбу?
X Кто скажет им, что
XI Идут они, идут! Идут
XII Идут они, идут! Как каторжники
XIII Идут они, идут! Зеленый славя гул,
[Купая] [о] [Но] [купаясь]

Затем на полях записаны варианты строки 110 с указанием места переноса:

I [Под] Не страшен им буранов грозный гул
II [И в сердце их шагов]
Зеленый славя гул
III Купая [души] тело в ветре и пыли

Далее после 109 строки:

Идут они, идут! Зеленый славя гул

вновь написана строка 110:

Купая тело в ветре и пыли

111—113 I [Ро] [О] Как будто кто послал их всех вращать
Сей шар Земли.

II Как будто кто послал их всех вертеть ногами
Сей шар Земли.
III *как в тексте.*
114 I Не вертится
II *как в тексте.*

Затем последняя строка вновь написана:

III *как в тексте.*
115—116 I Уж колокол луны скатился ниже
II Колокол луны скатился ниже,
[Скати<лся>]
Он стал как яблоко увянувшее
Мал.
III Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее,
Мал.
117—119 I Что благовест лучей лишь оттого стал глух
II Но благовест лучей не потому ли глух,
Что на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух.
III *как в тексте.*

Далее зачеркнуто:

I Действие второе
II Сцена 2

и вписано:

2

Заглавие отсутствует.

Ремарка, не вошедшая в текст:

Утро. [На базарную п<лощадь>] [Та же площадь] На базарную площадь [сбегаю<тся>] тянутся торговцы и казаки. [Вбегает] [За <рубин? кладнов?>] [В толпе вертятся <*1 сл. нрзб.*>, Плотников, Денис Караваев, Заклад-

нов, Максим Шигаев, [и] Чика. Зарубин, раздвигая толпу.]

Затем зачеркнуто:

I Голос из толпы
II Зарубин
III Чика

I Нет, больше
II Послушайте, дальше так нельзя.
III Послушайте, они дерут с нас [шкуру]
[кожу] шкуру
Ну где же нам такие деньги взять,
Платить налоги им?
IV Послушайте, да это ж живодерство,
[И] Они готовы с нас
V Послушайте, да это ж живодерство,
Им только б с нас побольше денег взять,
Чтоб оплатить
VI Послушайте, да это ж живодерство,
Им только б с нас побольше денег взять,
А ты сиди и жри краюху хлеба черствую.

Второй голос

На днях начнется наш севрюжий лов,
А ты

Диалог не закончен и далее начат снова:

I Второй голос
II Пер<вый> голос
III Голос из толпы
Казаки, послушай<те>

Затем эти строки зачеркнуты и следует новое начало диалога:

I Голос из толпы
II Первый голос, *как в тексте.*

120—124 I Послушайте, сегодня на рассвете
Перебрались калмыцкие кибитки
Они уда
II Послушайте, сегодня на рассвете за Чаган
[Когда]
Калмыц<кие>
III Послушайте, этой ночью под луною
Перебралась калмыцкая орда
IV Послушайте, послушайте,
Этой ночью на заре жидкой
Из самарских степей за Чаган
Перекинулась в рваных кибитка<х>
V Послушайте, послушайте,
Сегодня ночью на заре жидкой, жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
Из Самары выползло за Чаган.
VI Послушайте, послушайте,
Вам и не снился тележный свист.
Этой ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
VII Послушайте, послушайте, послушайте
Вам не снился тележный свист.
Этой ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.

Далее на обороте этого 10-го листа в правом верхнем углу поперек густо зачеркнуто 5—6 нрзб. строк, скорее всего, написанных не рукой Есенина.

125—129 I И не выдержала Монголья
II От супостатов грабящих
III [От] От российской чиновничей неволи,

Оттого, что грабили

IV От российской чиновничей неволи,
Оттого, что как [желтые яич<ки>] желтых
[куропаток] птиц их щипали на наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

IV От российской чиновничей неволи,
Оттого что как куропаток, их щипали на наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

Далее трижды написано и трижды зачеркнуто: Второй голос *и следует продолжение слов* Первого голоса.

130—133 I Только мы, только мы лишь медлим,
Словно боимся головы

II Только мы, только мы лишь медлим,
Словно боимся рева стальных пург,
Оттого-то шлет нам каждую неделю
Приказы свои [Оренбург] [Оренбург] Оренбург

III *как в тексте.*

134—137 I Оттого-то

II Оттого-то на наш ропот грозный
Нам за приказом шлют приказ.
Вырывают клещами ноздри
И забивают в тюрьмы

III Оттого-то на наш ропот грозный
Нам за приказом шлют приказ.
Вырывают клещами ноздри
И по тюрьмам гноят, как рыбу, нас.

IV Оттого-то на наш ропот грозный
Нам за приказом шлют приказ.
Вырывают клещами ноздри

И по тюрьмам гноят, как рыбу в кадушках, нас.
V Оттого-то народ наш идет волноваться
Видишь, как [в] восстают
VI Оттого-то куда бы ни шел ты,
Видишь, как средь восстающих нас
Слетают, как совы ж<елтые>
VII Оттого-то куда бы ни шел ты,
Видишь, как под усмирителей меч
Прыгают кошками желтыми
[Казацкие] Мятежные головы с плеч.
VIII *как в тексте.*

После 137 зачеркнуто:

I Второй голос
II Третий голос

I Казаки! Казаки!
Что ж медлить и блеять, как овцы?
Неужели ж поможет нам в
II Пора! Пора нам встряхнуться
Что ж жаться и блеять, как овцы?
Нам не поможет продажная орда.
Где Траубенберг и Тамбовцев?

Далее в зачеркнутом тексте следовала ремарка и реплика Чики:

([Вбегает] [На площади появляется взволнованный [Кожевников] посол])

I Кожевников
II [За <рубин?>] Чика
(раздвигая толпу)

I Люди вольные, позвольте речь держать.
[Пусть]
Я бросаю вам слова бороды лопатой.
II Люди вольные, позвольте речь держать!

Я бросаю [казаки] вам слова языка лопатой.
Если саблю стальную покрыла ржа

Затем заново начат текст, следующий после 137 строки:

I Зарубин
II Кирпичников, *как в тексте.*

Ремарка, не вошедшая в текст: (Раздвигая толпу, на площади появляется [Зарубин] Кирпичников.)

139 I Не будьте трусливы, как овцы
II *как в тексте.*

После 142 зачеркнуто:

Довольно.

Зарубин

Затем сбоку написана ремарка, не вошедшая в текст:

[Слышится топот копыт.] [На] [На площ<адь>] Верхом на лошадях с [казачье<й> сотней во главе появл<яется>] конвойн<ым> отрядом въезжают Траубенберг и Тамбовцев.

143—145 I Смирно! [Сотники каза<чьих>]
Сотники казачьих отрядов,
Стройте ряды <*1 сл. нрзб.*> ряды.
II *как в тексте.*

После 145 зачеркнуто:

Зарубин

I В чем дело, господин атаман?
II [Там] Мы прежде должны узнать
[В чем дело и]
III Мы прежде должны узнать
[Кому и зачем это надо]
Для чего <?>

IV Мы прежде должны узнать,
Что случилось и что от нас надо.

Тамбовцев

Далее продолжена реплика Тамбовцева:
146—149 I Нынче ночью открыты следы
Быстрого бегства
II Нынче открыли следы
Побега калмыцких орд.
III Воины, воины, воины.
Всем, кому дорога империя,
Кто [отечество] российским отечество<м>*
[Должен знать]
[Кто крестом кр<овавым?>*]
IV Нынче ночью [калмыки] как дикие звери
Калмыки всем ско<по>м орд
Изменили Российской империи
И угнали с собой весь скот.
150—153 I [Если] Тот, кто любит свою страну,
Должен знать, что [ро] мы остались без мяса
II Тот, кто любит свою страну,
Должен знать пол<оженье?> свое
III Тот, кто любит свою страну,
Должен знать, что степной наш край
Лишился овчин и мяса.
IV Тот, кто любит под звоном пург,
Должен знать, что [наш] весь край Оренбурга
Лишился овчин и мяса.
Мы не можем, мы не можем, мы не можем

* Правый нижний угол листа рукописи оторван, концы завершающих лист строк, возможно, частично утрачены.

Допустить
V Тот, кто [сер<дцем?>] [мечта] [мечтает]
любит свое отечество,
Должен знать
VI Тот, кто любит свою страну,
[Должен] Жизнь <*нач. сл. нрзб.*>
VII Тот, кто любит под звоном пург,
Должен знать, что побег сей
которым о<ни>
VIII Тот, кто любит страну,
Должен знать, что [лишит] лишил Оренбург
IX Тот, кто любит страну,
Должен знать, что этот побег
Лишит нас овчин и мяса.

Затем все варианты строк 150—153 перечеркнуты и записана новая редакция строк:

X Потопленную лодку месяца
Чаган выплескивает на берег дня.
Тот, кто любит свое отечество,
Должен слушать, должен слушать меня.
XI *как в тексте.*
154—155 I Нет, не могл<и>
II Кто сможет глаза
III Нет, мы не можем, мы не можем, мы не можем
Думать, что вся слепота
IV Нет, мы не можем, мы не можем, мы не можем
Этот [урон] удар нанести
V Нет, мы не можем, мы не можем, мы не можем
Допустить, чтобы плохо было нашей стране.
VI *как в тексте.*

После 157 *зачеркнуто:*

Внимание. Внимание. Внимание.

Напрягите мясистые ведра ушей,
Нас кочевьем своим не заманит
Жизнь калмыцких степных шалашей.
Мы привыкли по синим уметам
Обрабатывать наши поля.
И парной теплотой животных
Жажду жен и детей утолять.
I Мы привыкли российских жителей
II Мы привыкли служить стране
III Мы не можем покинуть Яик
158 I Слушайте же
II [Живо ж] Кому
III Кинемтесь тоже
IV Так бросимся
V *как в тексте.*
162–165 I Нет, атаман. Довольно
Мы больше [не мо] не слуги вам.
II Стой, атаман. Довольно
Об ветер чесать язык.
[Нам]
За Россию нам, конечно, больно,
Оттого что нам Россия — мать.
III Стой, атаман. Довольно
Об ветер язык чесать.
За Россию нам, конечно, больно,
Оттого что нам Россия — мать.
166–169 I Скажите, ска<жите>
II Ни в какую погоню с вами
III Нет, ни в какую погоню с вами
Мы не пой<дем>
IV Но чего вы, чего испугались
V Мы ничуть, мы ничуть не испугались.

VI Но мы ничуть, мы ничуть не испугались,
[От]
[Тому] Что кто-то покинул
Наши поля
И калмык ведь не желтый заяц,
В которого можно, как в пищу, стрелять.
VII Но мы ничуть, мы ничуть не испугались,
Что кто-то покинул
Наши поля.
[Ведь] И калмык нам не желтый заяц,
В которого можно, как в пищу, стрелять.

Далее на обороте листа запись-схема: столбцы цифр с двух сторон страницы; в последнем столбце прочитывается: «Казань <?>» *(см. т. 7, кн. 2 наст. изд.).*

170—173 I Он ушел, этот смуглый монголец,
Оттого что привык кочевать.
II Он ушел, этот смуглый монголец,
Оттого что
подгоняемый кнутами
III Он ушел, этот смуглый монголец,
Мы ж остались грустить у околиц.
[Как и раньше]
Здесь у наших
IV *как в тексте.*

После 173 *зачеркнуто:*

Хорошо, что [в эти] вот в эти нивы
Не влюбился он так, как мы.
Не бывать бы ему счастливым,
Не избегнуть бы ему сумы.
Оглянитесь, оглянитесь, оглянитесь,
Разве вы не слышите, как стонет [вся] Русь?

I Казаки
II Тамбовцев
III Траубенберг, *как в тексте.*

После 174 *зачеркнуто:*

Это

Затем написано обозначение реплики: Кирпичников, *как в тексте.*

175—180 I Это значит, это значит, это значит,
Что жалеем мы
II Это значит,
[Что почти весь край]
[Что по в]
То, что вся
III Это значит то
что если б
Наши избы [на колесах] были на колесах
Как кибитки
IV Это значит то,
что, если б
Наши избы были на колесах,
Мы впрягли бы в них своих коней.
[Гаркнули б]
[И в кочевье с <?>]
[И кочевниками]
[И под со]
V *как в тексте.*

181—185 I Наши б кони, выгнув длинно шеи,
Сквозь соломенные волны ржи
[Закачалис<ь>]
[С это<й>] [Закачались]
II Наши б кони, выгнув длинно шеи,
Словно стадо черных [лебедей] лебедят во ржи

III Наши б кони, выгнув длинно шеи,
Стадом черных лебедей по водам ржи
Повезли нас [б] буйно хорошея,
В новый край, где новой жизнью жить.
V Наши б кони, выгнув длинно шеи,
Стадом черных лебедей по водам ржи,
Понесли нас, буйно хорошея,
В новый край, чтоб новой жизнью жить.

После 185 *зачеркнуто:*
I Тамбовцев
II Казаки, *как в тексте.*

186 I *как в тексте.*
II Замучили, загрызли, кровопийцы
III *как в тексте.*

После 186 *зачеркнуто:*
I Траубен<берг>
II Тамбовцев, *как в тексте.*

187—188 I Чем недовольны вы?
II Казаки! Вы [дал<и>] целовали крест!
[Вы клялись] [Вы крестами кл<ялись>]
Вы клялись головам<и>
III *как в тексте.*

После 188 *зачеркнуто:*

Голос из толпы

I Наши головы на всех перекрестках
[Выставля<ют>]
Насаживают, как фонари, на шест.
II Что нам клясться на всех перекрестках
Кля<лись?>

Далее вновь начата реплика Кирпичникова:
I [Кирп<ичников>]
II Кирпичников, *как в тексте.*

189–192 I Неужель из <?>
II Неужели мы стали б клясться
III Неужели мы клялись молчать,
Чтоб нас
IV Неужели мы стали б клясться
В той паршивой покорности вам,
Когда
V Мы клялись, мы клялись Екатерине
Но неужель
VI Мы клялись, мы клялись Екатерине
Охранять отечества́ границы
VII Мы клялись, мы клялись Екатерине
Быть оплотом степных границ.
Защищать эти степи синие,
Где как ворон каркает киргиз.
VIII Мы клялись, мы клялись Екатерине
Быть оплотом степных границ,
Защищать эти пастбища синие
[От]
[От вороньи<х>]
От кочующих хищных птиц.
IX Мы клялись, мы клялись Екатерине
Быть оплотом степных границ,
Защищать эти пастбища синие
От набегоь разбойных киргиз.
X *как в тексте.*
195 I Наше
II Этих пашен суровый житель
III *как в тексте.*
197–198 I Это измена! Вязать
мятежников
II *как в тексте.*

На обороте 16-го листа зачеркнут текст под заглавием «Послание к медведям», *который воспроизводится на с. 333.*

После 198 ремарка, не вошедшая в текст:

(Конвойные бросаются [взят<ь>] взять Кирпичников<а>. Казаки [с гневом] с ревом хватаются за сабли [заставл<яя>])

I Так брызни ж т <ы>

II Привет тебе, мятеж свирепый!

После 202 *ремарка:*

I Вынимает пистолет, стреляет в Траубенберга. Из толпы раздается выстрел, Траубенберг падает мертвым.

II Взмахивает рукой, раздается выстрел. Траубенберг падает мертвым. [Тамбовцев и конв<ойные>] [Кирпичников броса<ется>] Казаки хватая под уздцы лошадь

III Взмахивает рукой, раздается выстрел. Траубенберг падает мертвым. Казаки хватают под уздцы лошадь Тамбовцева [стаск<ивают>] [накиды<вают>] и стаскивают его на землю.

Варианты продолжения ремарки зачеркнуты:

I Конвойные отстреливаясь [бегут] [разбегаются] пятятся. Казаки открывают по ним пальбу.

II Конвойные, отстреливаясь, бегут и падают под ударами сабель.

Затем записано и зачеркнуто обозначение реплики.

Каз<аки>

И следует вариант конца ремарки:

[Мят<ежники>] Конвойные разбегаются.

Казаки

203 I Души! Души!
II Смерть! Смерть преступнику!
III Смерть! Смерть мерзавцу!
IV Смерть! Смерть подлецу!
V Смерть! Смерть продажно<му>
VI Смерть! Смерть Иуде!
VII Смерть! Смерть продавцу!
VIII Смерть! Смерть прохвосту!
IX Смерть! Смерть прод<авцу>!
X Смерть! Смерть кровопийце!
XI *как в тексте.*

I Казаки
II Голос из толпы

205 I Два года [крово<пивец>] мучил нас, злодей
II Мучил нас, злодей, два года.
III Мучил, злодей, два года.

После 205 *зачеркнуто:*

I Тамбовцев
II Кирпичников

Ты нес свое бренное тело
[До] [По] Сосудом — *затем вписано:*

I Тамбовцев
II Кирпичников

О, сердце

I Тамбовцев
II Голос из толпы

О, мальчик мой, голубь мой белый

После зачеркнутых строк продолжены слова Голоса из толпы:

206—207 I Два года, как коршун белый,
Когтил

II Два года, как коршун белый,
Вкогтялся
III Два года, как коршун белый,
Свистел
IV Два года, как коршун белый,
Вертелся
V Два года, как коршун белый,
Пугал нас
VI Два года, как коршун белый,
Ни проезда не давал, ни прохода,

Далее:

I Вто<рой голос>
II Кирпичников
III Второй голос, *как в тексте.*

208–209 I Тащите его, тащите
II Повесить его, повесить
[Каз<аки>] Гуди<т>
III Вот она, казацкая метель,
[Вяжи его] [И] У нас
IV Вот она, казацкая метелица,
Вяжите
V Вот она сви<репая>
VI Откушай похлебки метелицы.
Довольно побрал и похвастал.
VII *как в тексте.*

210–211 I [Черта ли] Какого черта с ним канителиться,
Повесить его [пов<есить>] и баста.

Далее этот вариант зачеркнут, вписано обозначение реплики: Третий голос,— *после этого варьировалась строка 210:*

I Ну какого черта канит<елиться>
II К чертям с этим псом кани<телиться>
III К черту, к дьяволу с ним канителиться

IV К черту с этим псом канителиться
V Нечего с ним канителиться
VI Черта ль с ним канителиться
VII Довольно вам с ним канителиться
VIII Чёрта ли с ним канителиться
IX Ну, чего с э<тим>
X Что
XI К чертям! Довольно!
XII К чертям с эт<им>
XIII Ну чего вы
XIV *как в тексте.*

Далее следует обозначение реплики, как в тексте, и 211 строка. После 211 *ремарка, не вошедшая в текст:*

[Связыва<ют>] [Вяжут]Скручивают ему руки
и тащат за площадь.

212—215 I Пусть знает, пусть слышит Москва
Что мы можем тряхнуть всею силой.
II Пусть знает, пусть слышит Москва —
Захотим и тряхнем всей Россией.
III Пусть знает, пусть слышит Москва —
На расправы ее мы взбыстрим.
Это только наш первый раскат
[Над] И один пистолетный выстрел.
IV *как в тексте.*

Далее зачеркнуты наброски:

[Мы сумеем]
[Если нужно нам будет [встряхнуть] вскипеть]
Мы [умеем м]
[Русь как]
[Седина]
[Золотым кипятком]
[Кипяточной]
[Мы] [Плачет золо<том>]

И обведены варианты строк и слова, принадлежавшие Кирпичникову, *не вошедшие в текст:*

I Нам дорог над
II Мы любим наш дол зеленый
Когда скупо
III Нам дорог наш дол зеленый
И по речке плывущие льды.
Сыплет заря лимоны
И приятен весенний дым.
IV Нам дорог наш дол зеленый
И по речке плывущие льды.
Заря опускает лимоны
В холодный кипяток [луны][во<ды>] воды.
V Нам дорог наш дол зеленый
И по речке плывущие льды,
Когда вешней зари лимоны
Кислят кипяток воды.

216—217 I [Мы ва] Пусть помнит Екатерина,
Что эту степную выть
II Пусть помнят,
Что наша степная выть
III Пусть помнит Екатерина,
[На в] Что мы за малейший
IV *как в тексте.*

Далее зачеркнут набросок диалога:

Первый голос

I Мы сумеем, сумеем, сумеем
Постоять за свое любимое
II Мы сумеем, сумеем, сумеем
Постоять за свои головы
III Мы сумеем, сумеем, сумеем

За голову свою постоять
[За го]
[Отстоять]
IV Мы сумеем, сумеем, сумеем
[За]
[Мы сумеем]
V Пусть знают они, что пришел
[Что] [Ка] [Казак]
VI Пусть знают они, что готов
[Ка<зак>] [К] Казак бунтовать
VII Пока с лунной пустой сумой
Сентябрь сы<плет>
VIII Как в луны пустую суму
IX Как луна из сумы
Сыплет зерна овса золотого
X И в луны <*нач. сл. нрзб.*> травяной мешок
Сыплет зерна овса золотова
XI И в луны травяной мешок
Наши головы [поло] храбро положим
XII И в луны травяной мешок
Наши головы храбро сложить
XIII И в луны травяной мешок
Наши головы храбро сыпать
XIV И в луны холщовый мешок
Башку словно колос ссыпать
XV И в луны холщовый мешок
Головы колосьями сыпать
XVI И в луны холщовый мешок
Башку свою колосом ссыпать
XVII И в луны холщовый мешок
Башку тучным колосом ссыпать
XVIII [Баш] И в холщовый мешок травяной
Башку незадаром

XIX И в [свои] луны мешок травяной
Башку незадаром

Далее поиск вариантов строк продолжен, уже как завершение реплики Кирпичникова:

XX Пусть носится над страной,
Казак не ветла на прогоне
Он в луны мешок травяной
Башку незадаром сронит.

XXI Пусть носится над страной,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он башку задаром не сронит.

XXII Пусть носится над страной,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он задаром башки не сронит.

XXIII *как в тексте.*

Далее в автографе первоначально имелся набросок конца второй главы, целиком зачеркнутый:

Мы сумеем, мы сумеем [поднять] [тряхнуть] справиться

I Голоса
М<ы>
[Мы] [Крестьяне]
II Казаки
III Голоса
I Смерть, смерть наси<льнику>
II Дайте повесить насильников.

Занавес

Затем также зачеркнуто:

Действие второе

3

Заглавие отсутствует.
Ремарка, не вошедшая в текст:

[Ночь. Хутор. Таловый умёт.] Ночь. Хутор на Таловом умёте. [Хутор] [Степяно] [Не в] Хмурый темный осенний дождь. [На крыльце ху] На дороге [не до] около хутора, прислонясь к [высокому дер<еву>] вербе, стоит с ружьем в руках [казак Шигаев] [Зарубин] Денис Караваев [И] [Он [что<-то>] во всю мочь бормочет]. Он перезяб, дрожит и во всю мочь ругается.

Далее зачеркнуто:

Караваев

226–228 I Скверный, скверный, скверный,
Не дождь, а вонючая моча волов
II Скверный, скверный,
Как будто бы стадо гру<зное>
III Скверный, скверный,
Словно грузное стадо волов
[Забралось]
Эти облака
IV Скверный, скверный,
Словно грузное стадо волов
Эти облака льют мочу вонючую
На пашни
V Скверный, скверный,
Словно грузное стадо волов
Эти облака льют мочу вонючую
На поля, на леса и деревни.

VI Скверный, скверный,
Словно вонючая моча волов
Льется с туч
На поля и деревни.

229—230 Скверный дождь, экий скверный дождь
[Чтоб ты сгиб]

231—235 I Так недавно [ночью еще] еще эти вербы
Стояли как зеленые журавли

II Как скелеты одноногих журавлей,
Стоят ощипанные ветром вербы,
И золотые яйца листьев
Не согрет<ы>

III Как скелеты деревянных журавлей,
Стоят ощипанные ветром клены.
И золотые яйца листьев вер<бы>
Не греются их животом.

IV Как на скелетах длинноногих журавлей,
Стоят ощипанные ветром клены.
И золотые яйца листьев
Не греются их животом.

V Как скелеты длинноногих журавлей,
Стоят ощипанные ветром клены.
И золотые яйца листьев клена и кусты
Стоят

VI Как скелеты длинноногих журавлей,
Стоят ощипанные ветром клены и кусты.
У ног их яйца листьев золотых
Что деревян

VII Как скелеты тощих журавлей,
Ощипанные вербы

VIII Как скелеты тощих журавлей,
Стоят деревья, плавя ребер медь.

IX Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ощипанные вербы, плавя ребер медь.
[Из] Уж золотые яйца листьев на земле
Им деревянным брюхом не согреть.

236—240 I Не вывести птенцов — зеленых вербенят
Не опускать
[Чь<и>]

II Не вывести птенцов — зеленых вербенят,
По горлу их [пр] скользнул октябрь, как нож,
И вот [уже] как

III Не вывести птенцов — зеленых вербенят,
По горлу их скользнул сентябрь, как нож,
[И головы] И гложет их

IV Не вывести птенцов — зеленых вербенят,
По горлу их скользнул октябрь, как нож,
И [остов крыльев] [крылья] груз

V Не вывести птенцов — зеленых вербенят,
По горлу их скользнул сентябрь, как нож,
И крылья им ломая на щебняк,
[Огр] Грызет их дождь.

VI Не вывести птенцов — зеленых вербенят,
По горлу их скользнул сентябрь, как нож,
И кости крыл ломая на щебняк,
Грызет их этот дождь.

VII Не вывести птенцов — зеленых вербенят,
По горлу их скользнул сентябрь, как нож,
И кости крыл ломает на щебняк
Осенний, скверный дождь.

VIII *как в тексте.*

После 240 строки на полях даны наброски строк и обозначена вставка:

[О осень]
[Уж ножи]

I О осень, осень вод
II О осень, осень, синий [в] листолет
[Холодное кипенье вод]
[Каким листом] Стыть и
[Ты лист]
[Как лошадь ты]
Но

Далее написана и зачеркнута ремарка:
[С дор<оги>] Вдалеке слышится хлюпанье шагов.

241—245 I Счастлив, кто в эту непогодь сырую
Сидит [пред к] [в дому] п<е>ред кипящим самоваром
Сосет со<сет>
II О осень, осень! [Вод] Мокрый вод<опад?>
III О осень, осень! [Тревожа] Тревожа голые леса
IV О осень, осень! Голые кусты
Стоят, как оборванцы, у дорог.
В такую непогодь хозяин даже пса
Жалеет со двора спугнуть.
V О осень, осень! Голые кусты,
Как оборванцы, мокнут у дорог.
В такую непогодь хозяин даже пса
Впускает в избу, чтобы не продрог.
А тут все мок<ни>
VI О осень, осень! Голые кусты,
Как оборванцы, мокнут у дорог.
В такую непогодь [даже собаки лай] [при] [из] [да<же>] даже собаки, сжав хвосты,
Боятся головы просунуть за порог.
VII *как в тексте.*

246—248 I А тут вот стой и сторожи
II А тут вот стой, хоть сгинь, но сторожи,

Чтоб не пробрался вражеский лазутчик
[Пор]
[Проклятые]
[Давно, давно мы то]
[Тепе<рь>]
III О вы, кипящие, родные мятежи
IV О вы, встающие пожаром мятежи
[Теперь мы]
[Мы одева]
[Заль<ют>]
Не зальют ли вас мочой вонючей люди?
[За]
[Вас]
[За ваш]
За нашу смерть
V О вы, встающие пожаром мятежи
[Зальют ли вас дождями]
[На людей, на вас]
[Нет]
[Пусть нет]
VI [Проклятые, вы подавили нас]
[Но ничего, я был *<1 сл. нрзб.>* лишь]
[Прок<лятые>]
[Иль]

Далее строки первоначальной редакции, начиная со строки: А тут хоть стой, хоть сгинь, но сторожи — *и кончая строкой:* Зальют ли вас мочой вонючей люди,— *обведены, перечеркнуты и сбоку обозначена знаком вставка* „См. $2^{б}$". *Окончание работы над строками 246—259— на отдельном листе „$2^{б}$" с авторской порядковой нумерацией:*

VII Ах, убежать бы прочь
VIII А тут вот стой, хоть сгинь, но сторожи,

Чтоб не пробрался вражеский лазутчик
И не увидел
IX А тут вот стой, хоть сгинь, но сторожи,
Чтоб не пробрался вражеский лазутчик
Побег наш
X А тут вот стой, хоть сгинь,
Но тьму глазами ешь
Чтоб вражеский лазутчик
Пробраться не посм<ел>.
XI *как в тексте.*
249–251 I О вы, раздавленные мятежи,
Пожар ва<ш>
II Проклятый дождь!
Расправу за мятеж
Напоминают мне [твои] [твой водяной обстрел] обстрел.
III *как в тексте.*
252–255 I Скорей бы уж, скорей свершить [побеги] побег
От этих м<ест>
II Скорей бы, скорей в побег, в побег
С родимых пастбищ и [с] родного стана
[Покинуть этот] Поки<нуть>
III Скорей бы, скорей в побег, в побег
От этих кровью вымоченных стран
[И под владычеством]
На службе у турецкого султана
IV *как в тексте.*
256–259 I И предв
II Уже паша*
III И с этаким вождем как Пугачев
IV Наш умн<ый?>

---

* Т.е. паша́ <турецкий>.— *Здесь и далее примеч. составителя.*

V Уже нашелся вождь
VI И этот незнакомец Пугачев
VII Уже стекается придушенная чернь
[На зов] На зов неведомого ей Пугачева
VIII Уже стекается придушенная чернь
На этот зов, как
IX Уже стекается придушенная чернь
С озиркой, словно полевые мыши.
Нам незнакомец пришлый Пугачев
X Уже стекается придушенная чернь
С озиркой, словно полевые мыши.
И может быть недолго
XI Уже стекается придушенная чернь
С озиркой, словно полевые мыши.
Зовет суровый голос Пугачева
На
XII Уже стекается придушенная чернь
С озиркой, словно полевые мыши.
О, солнце-колокол, твое тили-ли-день
В Туретчине мы скоро все услышим.
XIII *как в тексте.*

260—262 *следуют после знака вставки на предыдущем листе автографа:*

I Но кто там? Кажется, шаги?
Шаги! Шаги! Сырые, как туман
II Но что там? Кажется, шаги?
Шаги! Шаги! Как тихий листолет
Кто там?
III Но что там? Кажется шаги?
Шаги! Шаги!
Как тихий листолет
[Но нов<ый>] На ма<лый?>

IV Но что там? Кажется, шаги?
Шаги! Шаги! Как тихий листолет,
Что кружится без звука
Эй

V Но что там? Кажется, шаги?
Шаги! Шаги!
Эй, кто идет?

Далее в автографе ремарка, не вошедшая в текст:

Из темноты показывается [покрытая казацкой] фигура Пугачева.

269—270 I Этот дождь на счастье Богом дан
Пускай он рвет златые

II Этот дождь на счастье Богом дан
[Он л<ьет>] [Он рвет] Сегодня рвет он

III Этот дождь на счастье Богом дан,
Он развивает в нас к суровой жизни мощь.
Но завтра нас [в т] всех в золото оденет

IV *как в тексте.*

271—272 *первоначальные варианты реплики* Караваева *зачеркнуты:*

Караваев

I [Хорошее он] Пусть хлещет он, льет о
II Вот очень хоро<шо>
III От этого счастья волки дохнут
IV Да, да, я тоже думаю
V Да, да, я тоже так думаю
Он

Затем реплика Караваева *начата вновь:*

Караваев

VII Да, да, я тоже так думаю, Емельян.

Славный дождь, хороший дождь, очень
теплый и мягкий.
VIII *как в тексте.*

Пугачев

273–274 I Сегодня [я], скрываясь в темноте,
Я обошел все правительственные посты
II Сегодня вечером, под темнотой скрываясь,
Я все правительственные посты осмотрел
III Сегодня вечером, в темноте скрываясь,
Мы с Зарубиным правительственные посты
осмотрели.
IV Сегодня вечером, в темноте скрываясь,
Я их правительственные посты осмотрел.
275–276 I Все часовые от дождя, как зайцы,
Попрятались в изб куст<ы>
II Часовые от дождя, как зайцы,
Попрятались, боясь замочить шинели.
III Все часовые от дождя, как зайцы,
Попрятались, боясь замочить шинели.
277–278 I Знаешь, эта ночь. Если б только мы выступили,
Будет для нас
II Знаешь, эта ночь. Если б только мы выступили,
[Мы] [И можем почти без единого выстрела]
Мы пройдем

Далее зачеркнуто:

[Всех кров]
[В самый Я<ик>]
[В Яи<к>]
III Знаешь, эта ночь. Если б только мы выступили,
Самый настоящий клад.
IV Знаешь, эта ночь. Если б только мы выступили,

[Нам] [Принесла на землю <?>] Принесла
людям <?> верную победу.

V Знаешь, эта ночь. Если б только мы выступили,
Верную победу нам принесла.

VI Знаешь, эта ночь. Если б только мы выступили,
Не кровью, а зарею окрасила наши ножи.

VII Знаешь, эта ночь. Если только мы выступим,
Не кровью, а зарею окрасит наши ножи.

281—282 I Завтра к утру будет ясная погода
И нам помешает

II Завтра ж к утру будет ясная погода
[Тучи не будут о]
[День будет] Дожди уже

III *как в тексте.*

285—288 I Я носом умею на версты и сутки слышать.
Звериная

II Я умею на версты и сутки слышать.
Слушать ход ветра и твари шаг,
Оттого, что в башке у меня [ч<то>], как в избе,
Под волос соломенною крышей
Копошится звереньишем теплым душа.

III Я умею на версты и сутки слышать.
Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого, что в груди у меня, как в избе под крышей,
Ворочается звереньишем теплым душа.

IV Я умею слышать на версты и сутки и многое
Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого, что в груди у меня, как в берлоге,
Ворочается звереньишем теплым душа.

V Я умею на версты и сутки не трогаясь,
Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого, что в груди у меня, как в берлоге,

9—5762

Ворочается звереньшем теплым душа.
289–293 I Мне нравится запах, дождями травы зажженной,
И сентябрьского листолета [вос] [с]
протяжный свист.
Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну, как на ветром носимый
<лист>
II Мне нравится запах травы, холодом
подожженной,
И сентябрьского листолета протяжный свист.
Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну, как на вьющийся в ветре лист?
294–297 I По луне его учит мать
Зим и весен унюхивать пальцы
II По луне его учит мать
Нюх<ать> Чуять зим [следы] обжигающи<е>
III По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Так и я, словно зверь, понимать
IV *как в тексте.*
298 I Я призванье свое разгадал
II С детства я медвежонком таким
Уга<дал>
III Я вот тоже узнал
IV Я призванье свое разгадал...
V Я значенье свое разгадал...
302–303 I [Знаешь, люди] Знаешь, люди ведь все со
звериной душой
Тот медведь, этот лиса, тот волчица.
II Знаешь, люди ведь все со звериной душой,
Тот медведь, этот лиса, та волчица.
307–310 I Да, да, я тоже так думаю, Емельян,
И если б они у нас были, то московские полки

Нашей кровью не окрасили бы Чаган.
II Да, да, я тоже так думаю, Емельян,
Если б они у нас были, то московские полки
Нашими телами не запрудили б Чаган.
III Да, да, я тоже так думаю, Емельян,
[И] Если б они у нас были, то московские полки
[Нашей кровью не]
Нас не бросали б, как рыб, в Чаган.

После 310 строки 311—314 записаны на полях и сделана помета об их месте в конце реплики Караваева.

313 I За то, что во время мятежа
II За то, что в дыму мятежа
III *как в тексте.*

315—318 I Бедный Кирпичников, твой мятеж
II Бедные, бедные мятежники
[Все вы] Вы все в
III Бедные, бедные мятежники,
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежными
Качались средь
IV *как в тексте.*

319—320 I [Но] Но с холодным
II Вы улыбались тварям.
[И] И ярче солнечного ковша
[Славили]
[И звенела хватаясь за голову]
III Вы улыбались тварям
[И] И ярче солнечного ковша
За башкирина и татарина
Проливалась ваша душа.
IV Вы улыбались тварям
И ярче солнечного ковша

[И] Радовались
Башкирия и Татария
V Вы улыбались тварям
[Посл<ушай>] Послушай, послушай
VI Вы улыбались тварям
Послушай, да это же
VII *как в тексте.*
323—326 I Разве это когда [забывается] забудется
[Как] Чт<о>
II Разве это когда прощается,
Чтобы какая-то с трона Блядь
Послала
III Разве это когда прощается,
Чтобы с трона какая-то Блядь
[Посылала] Протягивала солдат, как пальцы,
[Чтоб мятежную] Непокорную чернь
умерщвлять.
IV *как в тексте.*

После 326 зачеркнуто:

I Кто забудет, кто забудет, кто забудет
Кровавой расправы
II Кто же дал ей такое право
[Когда]
[Как]
[То, что было, делалось]
[Чтоб водой]
Чтоб эта
III Кто же дал ей такое право,
Насаждая помещичью [мразь] власть,
С этой жульнической оравой
У крестьян хлеб и головы красть?

Караваев

I С тех пор, как мятеж усмири<ли>
Правительственные войска
И мят<ежников>
II С тех пор, как мятежников переб<или>
Правительственные войска
И зачинщиков
III С тех пор, как мятеж [уничтожили] уничтожен
И зачинщики спят в могилах

Затем — новый вариант завершения речи Пугачева *и реплики* Караваева:

327—330 I Нет, не могу, не могу!
К черту [Тур] султана [с туретчиной] в Турцию
II Нет, не могу, не могу!
К черту султана с Турцией
Лучше
III Нет, не могу, не могу!
К черту султана с туретчиной
[Кто я? Куда побегу]
Радость я
IV Нет, не могу, не могу!
К черту султана с туретчиной.
Только на радость врагу
Будет побег опрометчивый.
VI *как в тексте.*

331—332 Надо остаться здесь!
Надо остаться, остаться

После 334 зачеркнуто:

Чтобы закружила

и вновь начата реплика Караваева:

335—338 I Что ж я могу

Слушай
II [Что ж] Чтоб замолчали [мят<ежники>] сво<и?>
III Чтоб [зацв] зацвели ножи
Кровью
IV Чтобы сверкнули ножи
Как серпы
V Чтобы серпами ножи [лю<то>] [засверкали] [сверкнули] засверкали
В жатве голов их люто
[Как] Около
VI Чтоб [вззвенели] [полились] [пролили<сь>] [засверкали] пролились ножи
Белыми струями люто!
VII Чтоб пролились ножи
[В] Синими струями люто!
VIII *как в тексте.*

В процессе работы над вариантами эти слова отданы Пугачеву. Караваев — *зачеркнуто. После строки 338 опять написано и зачеркнуто:* Караваев.

4

Заглавие — как в тексте. Вписано позже.
Ремарка, не вошедшая в текст:

I [Рассвет] Разбуженный хутор полон сутолоки и гама. [Спеша<т>]
II Разбуженный хутор. Сутолока и гам.
Казаки: [Под<уров>], Иван [Чика], Зарубин, Шигаев, Подуров, Торнов, Мясников, Скачков, Кочуров, Плотников и Закладнов хватаются за оружие. [Вх<одит>] Вбегает Оболяев и заспанно [теребит] [тряс<ет>] [Караваева] в дверях натыкается на Караваева.

III Разбуженный хутор. Сутолока и гам. Казаки Иван Зарубин, Шигаев, Подуров, Торнов, Мясников, Скачков, Кочуров, Плотников и Закладнов хватаются за оружие. Вбегает Оболяев и заспанно натыкается в дверях на Пугачева и Караваева.

После 339 поверх: Караваев *написано*:
Пугачев, *как в тексте.*

340 I *как в тексте.*
II Ничего страшного, ничего страшного
III *как в тексте.*

341—343 I Там на улице осенняя сырость
Гонит туман, как стада барашковые.
В этом тумане
II *как в тексте.*

344—349 I Ветер заставил все живое,
Как жаб в свои норы, скрыться,
И только порою, привязанная к нитке дождя,
Черным крестом проболтнется птица.
II Ветер заставил все живое,
Как жаб [по гн<ездам?>] по их гнездам,
скрыться,
И только порою, привязанная к нитке дождя,
Черным крестом в воздухе проболтнется
шальная птица.

На полях против 349 строки нарисован крест.

350—353 I Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.
II Это осень, как старый оборванный монах,
Пророчит о какой-то погибели вéщей.
Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.

III *как в тексте, но без отбивки точками после первых двух строк.*

355—359 I Знаете ли вы, что по черни ныряет слух,
Как по гребням волн с белым парусом лодка?
Этим слухом вскормил свое пенье петух
И собаки свой лай наточили в глотках.
По-звериному с вами я хочу говорить.

II Знаете ли вы, что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн с белым парусом лодка?
По-звериному любит мужик наш на корточки
сесть
И сосать эту весть, словно сиськи вдовы
с околотка.
По-звериному любит [говорить] определять
наш народ
Все явленья своих происшествий.

III Знаете ли вы, что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн лодка с парусом низким?
По-звериному любит мужик наш на корточки
сесть
И сосать эту весть, [как коровьи] словно
сиськи корове,
По-звериному любит наш степной мужик
Узнавать свое место в природе.

IV Знаете ли вы, что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн
Лодка с парусом низким?
По-звериному любит мужик наш на корточки
сесть
И сосать эту весть, как коровьи большие сиськи.

360—364 I От песков Джагильды до Алатыря
Как слепца поводырь
В

II От песков Джагильды до Алатыря
Эта весть о том,
Что какой-то суровый поводырь
Ходит мертвым.
III От песков Джагильды до Алатыря
Эта весть о том,
Что какой-то жестокий поводырь
Ходит мертвым.
IV От песков Джагильды до Алатыря
Эта весть о том,
Что какой-то жестокий поводырь
Водит мертвой тень императора.
V *как в тексте.*
365–368 I И замуче<н>
II И зад <?>
III Он с вер<евкой>
IV Он восстал из с <?>
V [Он] Эта тень с веревкой на шее безмясой,
[Ведет] Идет
VI Эта тень с веревкой на шее безмясой.
Отвалившуюся челюсть теребя,
Свой скелет
VII *как в тексте.*
369–374 I Я зна <?>
II Идет отомстить Екатерине
И убить
III Идет отомстить Екатерине
И сообщникам
IV Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как кол.
V Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как деревянны<й кол>.

VI Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый кол,
За то, что она с сообщниками своими,
Разбив [кр] золотой кувшин
Головы его
[С головы его]
[Через голову его]
[С головы его]
Взошла на престол.
VII *как в тексте.*

После 374 зачеркнуто:
I Чика
II Зарубин
III Мясников
IV Подуров

Поверх последней фамилии написано:
V Оболяев, *как в тексте.*

376 I В чем
II *как в тексте.*

379 I Ты так думаешь, брат Иван.
II *как в тексте.*

После 379:
I Зарубин
II Караваев, *как в тексте.*

380 I Император давно в м<огиле?>
II *как в тексте.*

Затем зачеркнуто: Пугачев.

381—384 I [Разве] Важно, что мертвый жив
Для нас

Далее вписано: Пугачев, *как в тексте, и монолог продолжен:*
II Важно, что мертвый Петр
III Важно, что мертвые для нас

IV Послушайте, разве это невозможно
V Послушайте, это не важно, не важно
VI Послушайте, это ж не важно, не важно,
Что мертвые не встают из могил?
Но зато нашу почву безвлажную
Этот слух словно плугом взрыл.
V Послушайте, это ж не важно, не важно,
Что мертвые не встают из могил?
Зато нашу почву безвлажную
[Дикий] [Хриплый] Громкий слух словно плугом взрыл.
VI *как в тексте.*

После 384 зачеркнуто:

I Замученн[ые]ое крестьянство
II Все равно для [простой] [замученной] придавленной черни
III Все равно для
[На<шей>]
[Ваше<й>]
Нашей придавленной черни
На
Нуж<ен>
IV Осветите, осветите, осветите
Фонарями глаз свой мозг.
Крестьянству лишь нужен мститель,
Который сумел бы
V Осветите, осветите, осветите
Фонарями глаз свой мозг.
Крестьянству лишь нужен мститель,
За которым оно пошло б.
VI Осветите, осветите, осветите
Фонарями глаз свой мозг.

Этот мертвый костлявый мститель
Не от боли ль крестьянской возрос?

Затем эти зачеркнутые строки обведены в рамку и отмечены на полях вставкой «См. 3[a]» (ст. 385–396).

385–388 I Все, кого
II Все, кто чем-нибудь был недоволен
III Уж слышится благовест бунтов
[Под зловонный] [М]
IV Уже слышится благовест бунтов,
[И] Рев крестьян оглашает зенит,
Облаков [ск] тяж<елый>
V Уже слышится благовест бунтов,
Рев крестьян оглашает зенит,
И сосновых лесов табун
[Тщи<тся?>] Скачет
VI Уже слышится благовест бунтов,
Рев крестьян оглашает зенит,
И кустов голубой табун
Деревянною ковкой звенит.
VII *как в тексте.*
389–392 I Что ей Петр? Этой [же<стокой>] злобной ораве?
Только камень желанного случая,
Где погромные колья правят
[Чтоб]
[За]
[Когда колья]
[За]
Не
II Что ей Петр, злой и дикой ораве?
Только камень желанного случая,
Чтоб погромные колья правили
Над теми, кто грабил и мучил.

393–396 I Бродяги и отщепенцы
Вздыбливают всю Русь
Ну куда они, куда денутся
II И за лепту жестокой лептою
III Каждый платит за лепту лептою,
[Сума<сшедшая?>] Месть кровавой волно<й>
IV Каждый платит за лепту лептою,
[Гневом] Гнев кровавой слюною пенится
V Каждый платит за лепту лептою,
Гнев щенками кровавыми щенится.
Кто сказал, что это бесчинствуют
Бродяги и отщепенцы?
VI Каждый платит за лепту лептою,
Гнев щенками кровавыми щенится.
Кто же скажет, что это свирепствуют
Бродяги и отщепенцы?

Далее на другой половине этого же листа наверху поперек написан и зачеркнут набросок строк:

Пусть пляшет суровый мертвец
[Ни в]
[Он к]
[У костра кровавой расправы]
[Этот пляс выбивает крестьянство]
[Пора о]

Затем — продолжение монолога Пугачева *после вставки «См. 3*[а]*» на предыдущем листе.*

397–398 I [Взв]Россияне. Россияне. Россияне.
[Мертвый об]
[Сей [бегущи<й>] развалившн<йся>]
[Этот]
II Это буйствуют россияне!
[А] Я научу их как

III Это буйствуют россияне!
Я учу же как
IV Это буйствуют россияне!
Я хочу научить их под хохот сабль
V *как в тексте.*

399—401 I Затянуть этот [сгнивший] страшный скелет парусами
И пустить его по морю, как корабль.
II Натянуть сей прогнивший скелет парусами
И пустить его по степям, как корабль.
III [Обтянув словно п<арусом>] Обтянуть костозадый скелет парусами
И пустить его по безводным степям, как корабль.
IV *как в тексте.*

402—404 I Приидите ко мне, кто хоть чем-нибудь недоволен
II И каждый из тех, кто хоть чем-нибудь недоволен
III А за ним
К неподчиненности и славе
Мы живых голов пустим бурливый флот.
IV А за ним
[Как] По вздыбленной воде,
Мы живых голов пустим бурливый флот.
V А за ним
По волнистым курганам
Мы живых голов двинем волнистый флот.
VI А за ним
По канавам синим
Мы живых голов
двинем волнистый флот.

VII А за ним
По курганам волнисто синим
Живых голов
двинуть волнистый флот.
VIII А за ним
По курганам синим
Живых голов
двинем бурливый флот.
405—406 I Говорю, говорю вам первый.
II И вот говорю вам первый
III И буду средь вас капитаном
Я, император Петр!
IV *как в тексте.*
407 I Зарубин
II Мясников
III Оболяев, *как в тексте.*
409—413 I Ха-ха-ха! Вас испугал могильщик,
Который на череп смотрит, как
II Ха-ха-ха! Да здравствует могильщик бедный,
Который череп готов взять, как горшок
III Ха-ха-ха! Вас испугал могильщик,
Который в луны горшок
[Ссыпает припрятать] Ссыпает
IV Ха-ха-ха! Вас испугал могильщик,
Который в черепа желтый горшок
Хоронит монеты медные <?>
На черный неудач<ный>
V Ха-ха-ха! Вас испугал могильщик,
Который, разложив череп, желтый как горшок,
Ссыпает монеты медные
VI Ха-ха-ха! Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив, как горшок,

Наливает медных монет щи,
Чтоб похлебать в черный срок.
VII Ха-ха-ха! Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив, как горшок,
Варит из медных монет щи,
Чтоб похлебать в черный срок.
414—417 I Дорогие, ведь я из простолюдства,
Мне и с мертвого шапка — клад.
II Дорогие, ведь я из простолюдства,
Но ведь кто-нибудь виноват,
Коль верблюд
[Вместо двух]
Дважды два горбат.
III Послушайте, я пугать вас не стану,
Вы только должны понять,
[Что [этим]]
Что за этим [клад<бищенским>]
[зловон<ным>] кладбищенским планом
IV Послушайте, я стращать мертвецом вас не стану,
Вы только должны понять,
Что с этим похабно кладбищенским планом
[Пойдет] Пойдет вся монгольская рать.
V Послушайте, я стращать мертвецом вас не стану,
Но вы только должны понять,
Что этим кладбищенским планом
Мы свербуем монгольскую рать.
VI Послушайте, я стращать мертвецом вас не стану,
Но вы только должны понять,
Что этим кладбищенским планом
Мы подымем монгольскую рать.
418—421 I Нам мало того простолюдства,
Которое в наших краях

II Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть киргиз и татарин бьются
За [наше] бараний дымок средь юрт
Одинаково с нашим
III Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть киргиз и башкирец бьются
За бараньи [дымки] костры средь юрт.
422–425 I Ну, а как же побег к султану?
II Это верно, это верно, это верно.
[И на черта]
Кой нам черт убегать с этих мест?
Лучше здесь с всех бродяг холерных
Сбить башки, как колеса с телег.
III Это верно, это верно, это верно.
Кой нам черт умышлять побег?
Лучше здесь [мы] [все но] всем им головы скверные
Сбить, как колеса с телег.
IV Это верно, это верно, это верно.
Кой нам черт умышлять побег?
Лучше здесь всем им головы скверные
[От]
Отломать, как колеса с телег.
V *как в тексте.*
426–427 I [Да]
Будем крыть их мечом, а не матом,
[Вила<ми>] [Вила<ми>]
И головы, как капусту, им гнуть под пасть.
II *как в тексте.*
430–431 I Нет, нет, отныне я [больше] более
Не Емельян, а Петр.

II Нет, нет, я для всех с сего часа
Не Емельян, а Петр.
III *как в тексте.*

После 431 поверх: Зарубин *написано:*
Караваев, *как в тексте.*

435—436 I Тяжко, горько моей голове
Расставаться
II *как в тексте.*

437—440 I Трудно сердцу
II Трудно скинуть с себя тот покров
III Трудно в шкуру чужую лезть
Под
IV Трудно сердце светильником несть
Освещая корявый
V Трудно [сердце ло<мать>] сердцу светильником мести
Освещать корявые чащи.
Знайте, в мертвое имя влезть —
То же, что в гроб [зловонный] вон<ючий>.
VI *как в тексте.*

442 I Когда се<рдце>
II *как в тексте.*

443—444 I Человек в этом мире не бревенчатый дом,
Не всегда переделаешь наново.
II *как в тексте.*

После 444 *зачеркнуто*:
I Но так надо, так надо, надо.
Так легко повести толпу
II Но так надо, так надо, надо.
Послушайте, в эту ночь
Мы должны будем вы<ступить>
III Но так надо, так надо, надо.
Такой нам выпал удел,

Ведь корону [для] Димитрия смрадную
И Отрепьев
IV Но так надо, так надо, надо.
Такой нам выпал удел,
Ведь корону Димитрия смрадную
Лишь Отрепьев не сморщась надел.
V Но так надо, так надо, надо.
Такой нам выпал удел,
Задыхаясь от имени смрадного,
И Отрепьев корону надел.
VI Но так надо, так надо, надо.
Такой нам выпал удел.
Пусть Отрепьев вставал и падал
Но
VII Но так надо, так надо, надо.
Такой нам выпал удел.
Не корону ищу
VIII Но так надо, так надо, надо.
Такой нам выпал удел.
Тот, кто не летал и не падал,
Вряд ли радость сознанья имел.
IX Но так надо, так надо, надо.
Такой нам выпал удел.
Тот, кто не ходил и не падал,
Вряд ли радость сознанья имел.

Далее на отдельном листе реплика Зарубина:

Зарубин

Мы поможем

Затем этот текст зачеркнут и продолжен монолог Пугачева, *завершающий 4-ю главу:*

445—448 I Но все это к черту, к черту!

К черту жалость телячьих нег!
[Сегод<ня>]
Этой ночью в половине четвертого
Мы устроить должны набег.
Без

II *как в тексте.*

На обороте этого же листа посередине наискосок — авторская запись:

Приидите ко мне все озлобленные
И я успокою вас.

(см. подробнее т. 7, кн. 2 наст. изд.)

5

Зачеркнуто, нрзб.:

Действие пятое <?>

Заглавие отсутствует.

449 I Я хочу
II Пров<едите>
III Каждый душу несет
IV *как в тексте.*

Далее следует набросок диалога Подурова *и* Хлопуши; *затем зачеркнуто*:

Подуров

I [Пусть] Кто ты?

Хлопуша

[Я] Почетный арестант

Монолог Хлопуши *продолжен*:

I [Ветер бил] [грыз] Ноги грыз<?>
II Ветер бил мне в лицо снеговою грудой.
III Ветер бил мне в лицо дождевою грудой.

IV Ел глаза солончак белогрудый.
V Солончак снеговою крутился груд<ой>.
VI Тучи сыпались каменной грудой.
VII *как в тексте.*

457–460 I Я три дня и три ночи блуждал как пес.
[И] [Зубом]
[Под] [Голодным]
Голод киркою стучал мне в брюхо,
И ворон свой клюв выставлял копьем
II Я три дня и три ночи блуждал как пес,
Голод киркою стучал мне в брюхо,
Словно в желудке я золото нес,
И *<1 или 2 сл. нрзб.>*

Далее варианты строк записаны на полях листа — слева, сбоку справа и опять — слева и отмечены знаком вставки.

III Я три дня и три ночи блуждал, как пес,
Голод киркою стучал мне в желудке,
Словно жатвы золотой [песок] овес
Каждый труд <?> под кишочные прибаутки.
IV Я три дня и три ночи блуждал, как пес,
Голод киркою стучал мне в желудке,
А ветер все сильнее и сильнее нес
V Я три дня и три ночи блуждал, как пес,
Голод киркою стучал мне в желудке,
Как соломенные снопы ветер нес
VI Я три дня и три ночи блуждал по степи,
Словно суслик в тоске по равнине злачной
VII Я три дня и три ночи блуждал [как пес] по степи,
[Как рыс<ак>]
Словно суслик в тоске по равнине злачной
Изды<хая?>

VIII Я три дня и три ночи блуждал по степи,
Тучи мчались, как всадники жуткие,
И голод, как пес на тяжелой цепи,
[Скулил]
В трубы кишок завывал в желудке.

X Я три дня и три ночи блуждал по степи,
Тучи мчались, как всадники жуткие,
[И собакой]
И от страха ночного на тяжелой цепи
Голод собакой скулил в желудке.

XI Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
Рыл глазами в [стогах] песках удачу,
Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепами дождей обмолачивал.

XII *как в тексте.*

461—464 I Но озлобленное сердце никогда не заблудится
[В наши] [В] Нашу душу утешить легко,
Когда заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняет по степям молоко.

II Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
[Пусть] Ему дорогу найти легко,
Когда заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняет по степям молоко.

III Но озлобленное сердце никогда не заблудится
Ему накормиться всегда легко.
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла* мне в рот молоко.

IV Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
И сломить его бедами не легко.

---

* В автографе «роняло».

Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла* мне в рот молоко.

V Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
Голове его одинаковы что шея что кол.
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла* мне в рот молоко.

Затем варианты строки 462 записаны на полях и вставлены:

VI Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
[В] Невзгоды сражают его не так легко.
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла* мне в рот молоко.

VII *как в тексте.*

465–466 I И холодного солнца ладонь

II И холодное [вымя] корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к голод<ным векам>

III *как в тексте.*

469 I *как в тексте.*

II Кто ты? Кто? Я не знаю тебя!

III *как в тексте.*

471–473 I Глаза твои парой степных поросят
Молча визжат в окровавленной влаге?

II Глаза твои, как два воющих кобеля,
[Визжат истек<ая>]
Солью визжат

III *как в тексте.*

474–475 I Кто обидел тебя, кто

II Что пришел ты сказать нам

* См. сноску на с. 262.

III Что пришел ты нам сообщить
Иль
IV Что пришел ты ему сообщить
[За<чем ?> Послушай в ка <кой?>]
V Что пришел ты ему сообщить
[Оша<рашенные?>] [Что]
О, не мучь наши ошарашен<ные>
VI Что пришел ты ему сообщить
С этим
VII Что пришел ты ему сообщить?
[Что узнал под октябрьским вспургом?]
Что увидел
VIII Что пришел ты ему сообщить?
Злое ль, доброе светится из пасти вспурга?

476 I Прорвался
II *как в тексте.*

479—481 I Как тяжелые камни я нес мою душу.
Кто же не знает в этой стране
II Тяжелее, чем камни, я нес мою душу.
Разве вы не слышали в э<той стране>
III Тяжелее, чем камни, я нес мою душу.
Неужель вы не слышали в этой стране
Про отчаянного негодяя и жулика Хлопушу?
IV Тяжелее, чем камни, я нес мою душу.
Оренбургский губернатор подарил стране
Отчаянного негодяя и жулика Хлопушу.
V *как в тексте.*

482—484 I Ха-ха-ха!
II Смейся, человек! Если ты понимал
III Смейся, человек, в ваш [бешены<й>]
хмурый стан
[Прибежал] [Я был по<слан>]
Был послан я как разведчик.

IV Смейся, человек, в ваш хмурый стан
[Посылаются]
Посылаются замечательные разведчики.
485 Был я [карт<ежник>] каторжник и арестант
487—488 I [А] Слушай все л<?>
II Но всегда ведь, всегда ведь, рано ли, поздно ли
Совесть, как рожь, непогодой прибита.
[Слушай] Резал дворянскую сволочь без
<счета>
Грабил татарских купцов из Ирбита
III *как в тексте.*
491—495 I Десять лет, понимаешь ли ты, десять лет? —
II Десять лет
Понимаешь ли ты, десять лет? —
То в острогах сидел я, [то по] то по степям
бродяжил
Это [бренное] жесткое мясо носил скелет
На общипку, как пух лебяжий...
III *как в тексте.*

После 495 зачеркнуто:

I Ах, живым меня бросил<и>
II Ах, живым меня втиснули в каменный гроб

После 500 зачеркнуто:

I Только знаешь
II Только иногда ведь и так случается,
Вдруг у овцы вырастают клыки нечаянно
И простые куриные яйца
[Обратятся] [Обратились в бомбы]
И про<стые?>
III Но только иногда ведь и так случается,
Вдруг овца словно волк оклыкастится.
IV Но только иногда ведь и так случается,

Вдруг овца оклыкастится
501–505 I Мертвецом меня бросили
II Словно сумерок желтый тяжелый гроб
Я [три] два года висел
III Ежедневно как
Сумерок желтый тяжелый гроб
Я два года висел
IV Ежедневно [дли] <*1 сл. нрзб.*> зари
V Ежедневно молясь на зари желтый гроб,
[В к] [В кан] Кандалы я влачил за последние годы.
[Вдруг три]
Вдруг три ночи назад губернатор Рейнсдорп
Сам явился ко мне под тюремные своды.
VI Ежедневно молясь на зари желтый гроб,
Кандалы я сосал голубыми руками.
Вдруг три ночи назад губернатор Рейнсдорп,
[Как сорвавший<ся>]
Словно вьющийся лист, взлетел ко мне в камеру.
VII Ежедневно молясь на зари желтый гроб,
Кандалы я сосал голубыми руками.
Вдруг три ночи назад губернатор Рейнсдорп,
Как сорвавшийся лист, взлетел ко мне в камеру.
509–510 I Там в степях как
II Там в да<леких?>
III Там в [степях] ковыльных просторах грохочет гроза,
От которой дрожит вся империя.
IV Там в ковыльных просторах взревела гроза,
От которой дрожит вся империя.
V *как в тексте.*

511–515 I Там какой-то пройдоха, мошенник и вор
[Угрожает отечеству с] Режет
II Там какой-то пройдоха, мошенник и вор
Вздумал вздыбить Россию [разбойни<чьей>]
грабительской шайкой,
[И по]
[По]
[И] И по шеям
[Как]
[Ка<к>]
Как в березовый ствол
III Там какой-то пройдоха, мошенник и вор
Вздумал вздыбить Россию грабительской
шайкой,
И по шеям дворян засверкал топор
III Там какой-то пройдоха, мошенник и вор
Вздумал вздыбить Россию грабительской
шайкой,
[И бер<езовые>]
И дворянские головы снимает топор
От киргизских степей до Кокшайска.
IV Там какой-то пройдоха, мошенник и вор
Вздумал вздыбить Россию ордой грабителей,
И дворянские головы отрубает топор,
Как березовые купола в лесной обители.
V *как в тексте.*

518–519 I [И] Что за эту услугу ко
II [Ты] И за эту услугу ты нагр<аду>
III Ведь конечно
IV [Ах] А за эту услугу [ты] когда
V Ты за эту услугу [нагр<аду>] награду
VI Вот за эту услугу ты свободу найдешь
И [в] карман твой о

VII *как в тексте.*
520 I Я три дня и три ночи с тех пор
II Уж три ночи, три ночи я несу, как суму, эту душу
III *как в тексте.*
522 Проведите ж, проведите ж меня к нему.
После 525 поверх:
Казаки *написано:*
Зарубин, *как в тексте.*
526 I Разве
II *как в тексте.*
Далее зачеркнуто:

Подуров

527—528 I Может быть за ра<?>
II Ты пришел
III Вдруг подкупленный [за] жалкий
IV Вдруг за жалкий
V Их так много, так много
VI Можно ль их за
VII Много ль их только
VIII Как много их за червонцев горсть
Готовых пронзить его сердце.

Затем после слов Зарубина — строка 526 вместе с окончательным вариантом 527 строки — вписано: Подуров, *как в тексте.*

529 I *как в тексте.*
II Ха-ха
III *как в тексте.*
533 I Мести преданный русский муж<ик>
II *как в тексте.*
534—537 I Видел я под
II Сердце, ты не злобу стонешь колоколом

III Кровь, ты не ненависть стонешь колоколом
IV Ненависть стонет синим колоколом
V Злоба старая синим колоколом
VI Злоба кровная синим колоколом
VII Злоба пьяная<?> синим колоколом
VIII Стонет ненависть синим колоколом
Над стеклянными бельмами изб.
По [дорога<м>] трущобам двуногим волком
IX Стонет ненависть синим колоколом
Над стеклянными бельмами изб.
[В гол] На дорогах двуногим волком
X Стонет ненависть синим колоколом
Из бревенчатых ребер изб.
XI Стонет ненависть синим колоколом
Из поломанных ребер изб.
Я от злобы <*пропуск*> волком
XII Стонет ненависть синим колоколом
Из поломанных ребер изб.
Эта жизнь меня сделала волком
XIII Стонет ненависть синим колоколом
Из поломанных ребер изб.
Отчего ж мне не выбежать волком
Чтоб кого-нибудь в поле
XIV Стонет ненависть синим колоколом
Из поломанных ребер изб.
Отчего ж мне не выбежать волком
[Чтоб врага как] [И врага <?>]
[Чтобы] Чтоб как лошадь врага загрызть?
XV Стонет ненависть синим колоколом
Из поломанных ребер изб.
[Оттого что] [Ка<к>] [Словно вой]
И закат выбегает красным волком

Деревянное стадо грызть.
XVI Стонет ненависть синим колоколом
Из поломанных ребер изб.
Я хочу научиться [о<т>] у волка
Деревянное мясо грызть.
XVII Стонет ненависть синим колоколом
Из поломанных ребер изб.
Я давно научился у волка
[От чего] Как [широкие] мясистые глотки грызть.
XVIII Льется кровь как смола прогорклая
Из раздробленных ребер изб.
Завтра ж ночью я выбегу волком
Мясистые глотки грызть.
XIX Каплет кровью смола прогорклая
Из поломанных ребер изб.
Завтра ж, завтра я выбегу волком
Человеческое мясо грызть.
XX *как в тексте.*
538–541 I Тот, кто кровь на губах [почуял] хоть об<лизал>
II Неужели ж, неужели, неужели
III Все равно ведь, все равно ведь, все равно ведь
Коль не я съем — [меня съедят] съедят меня,
Эти [руки] ноги всегда наготове,
Чтобы вспрыгнуть на спину коня.
IV *как в тексте.*
542–547 I Кто поймает
II [Верьте мне]
Верьте мне, я пришел к вам как друг.
[Сердце]
Радо сердце в пурге расколоться,

Без Хлопуши не взять Оренбург
Даже лучшим из ваших полководцев.
III Верьте мне, я пришел к вам как друг.
Сердце радо в пурге расколоться,
[Помогу] Знаю — без Хлопуши не взять
Оренбург
Даже с сотней лихих полководцев.
IV Верьте мне, я пришел к вам как друг.
Сердце радо в пурге расколоться,
[Все равно]
Оттого, что без Хлопуши вам не взять
Оренбург
Даже с сотней лихих полководцев.

548–551 I Так открой нам, открой, открой
Твою тайну как верны<й>
II Так открой нам, открой, открой
[Что за план]
Что за тайна в тебе хоронится?
Ты пойдешь, ты пойдешь с нами в бой
III Так открой нам, открой, открой
Эта тайн<а>
IV Так открой нам, открой, открой
Этот план, что в тебе хоронится.
Мы сейчас же пошлем тебя в бой
[Управ]
Командиром над нашей конницей.
V Так открой нам, открой тот план
Что, как суслик, в тебе хоронится.
Мы сейчас же возьмем тебя в стан
Командиром над нашей конницей.
VI Так открой нам, открой, открой
Тот план, что, как суслик, в тебе хоронится.

Мы сейчас же, сейчас же пошлем тебя в бой
Командиром над нашей конницей.

Затем после строки 549 вписано:

Подуров

Далее: VII *как в тексте.*

После 551 *зачеркнуто, затем написано вновь обозначение реплики —* Хлопуша, *как в тексте.*

552–554 I Нет!
Хлопуша не хочет боя.
У Хлопуши другая мысль.
II Хлопуша не хочет боя
У Хлопуши другая мысль.
III Хлопуша не станет биться
У Хлопуши другая мысль.
IV Нет!
Хлопуша не может биться
У Хлопуши другая мысль.
V *как в тексте.*

555–556 I Человек
II Любит он, когда поле рябое
Лижет рожью закатную высь
III Любит он, когда поле рябое
Лижет рожью закатную высь
IV Любит он, когда поле рябое
Лупит дождиком черная высь,
Любит [рыба<ка>] пахаря лик бородатый.
V Хорошо бы лицо
VI Хорошо бы [за] губернаторской головою,
Как ядром запузырить ввысь*

* В автографе «в высь».

VII Хорошо б чьей-нибудь головою,
Как ядром запузырить ввысь*
VIII Любит он самой хищн<ой>
IX Любит он, словно хищные птицы,
Диким клекотом харкаться ввысь*.
X Он хоте<л>
XI Он желал бы, чтоб гневные лица
Вместе с злобой умом налились.
XII *как в тексте.*

557—560 I Вы взметнулись, как хищные звери,
Но на пастбищах битв и побед,
Знаю я, у вас нет артиллерии.
Знаю я, у вас пороху нет.
II Вы страшны, как хищные звери,
Но в логовищах битв и побед,
Знаю я, у вас нет артиллерии,
Знаю я, у вас пороху нет.
III Вы бесстрашны, как хищные звери,
Грозен лязг ваших битв и побед,
Ах, зачем
IV *как в тексте.*

561—564 I Я один, я один только знаю
II Я один, я один лишь сумею
III Ах, в башке моей, словно в чане,
Есть пахучий, как сено
[Знаю я] Знаю я за [Сакмарой крестьяне]
рекою Сакмарой
[На заводах]
[Пушки]
На заводах

* См. сноску на с. 272.

10—6762

IV Ах, в башке моей, словно в чане
[Мозг]
[По ин] Плещет мозг, как вино
V Ах, в башке моей, словно в [ка<дке>] бочке,
Мозг, как водка, бурлив и лют.
Знаю я, за Сакмарой рабочие
Для помещиков пушки льют.
VI Ах, в башке моей, словно в бочке,
Мозг, как спирт, терпкопенен и лют.
Знаю я, за Сакмарой рабочие
Для помещиков пушки льют.
VII *как в тексте.*
565–568 I Там найдется и порох, и ядра
Только нужно
II Там найдется и порох, и ядра
И наводчиков зоркая рать,
Только нужно сейчас же, не откладывая,
Всех крестьян в том краю взбунтовать.
III *как в тексте.*
569–572 I Стыдно медлить нам, стыдно медлить,
[Ж] Гнев рабов не кобылий фырк.
В эту ж ночь я по липовой меди
Зашагаю
II Стыдно медлить мне, стыдно медлить,
Гнев рабов не кобылий фырк.
Нынче ж в ночь я по липовой меди
[Я покину в<ас>]
Побегу
III Стыдно медлить здесь <?>, стыдно медлить,
Гнев рабов не кобылий фырк.
Нынче ж в ночь я по липовой меди
Побегу под границы Уфы.
IV *как в тексте.*

После 572 зачеркнут вариант 569 строки из монолога Хлопуши, *завершающего 5 главу:*

I Нет, мне нечего медлить здесь, медлить

Далее в автографе — часть чистой перечеркнутой страницы и затем варианты завершения 5 главы, также зачеркнутые и не вошедшие в окончательный текст.

I Вы тог<да>
II После ночи лишь только по рекам
[Брезжил] Взбрезжит неба холодный мак,
Вы скажите тому человеку,
Что ушел я в Стерлитамак.
III После когда здесь по рекам
Взбрезжит неба холодный мак,
Расскажите тому человеку,
Что ушел я в Стерлитамак.
IV После когда здесь по рекам
Небо выбрезжит желтый мак,
Расскажите тому человеку,
Что ушел я в Стерлитамак.
V [А] И когда здесь под утро по рекам
Небо выбрезжит желтый мак,
Вы скажите тому человеку,
Что ушел я в Стерлитамак.
VI И когда здесь по синим рекам
Небо выбрезжит желтый мак,
Вы скажите тому человеку,
Что ушел я в Стерлитамак.

6

Заглавие I На Саратовской гор<одской> стене
II Осада Казани
III *как в тексте.*

После заглавия густо зачеркнуто:

П у г а ч е в

I Слушай, слушай, нет, ты хорошенько слушай,
Уши [на пл<ечи?>] как травяные
II Слушай, слушай, нет, ты хорошенько слушай,
Уши как холщовые мешки развесь.
Там оренбуржцы, осажденные Хлопушей,
С голода начинают мышей и лягушек есть.
Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля.
III Слушай, слушай, нет, ты по-настоящему слушай,
Уши развесь как холщовые мешки,
Там оренбуржцы, осажденные Хлопушей,
С голода пихают мышей и лягушек в кишки.
Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля

Далее следует: I *<1 сл. нрзб.>*
II З а р у б и н, *как в тексте.*
III П у г а ч е в

573–574 I Эй ты, люд честной да веселый
Забубенная что ль голова!
II Эй ты, люд честной да веселый
Забубенная трынь-трава

579–580 I Месяц желтыми крыльями хлопает,
Раздирая когтями кусты.
II Месяц желтыми крыльями хлопает,
Раздирая, как ястреб, кусты.
III *как в тексте.*

После 580 на полях (справа) зачеркнутый текст, помеченный знаком вставки:

I Роет он все ниже когти стискивая
[Мя<со?> Мя<со?> Он]
[И потягивает<?>] <*пропуск*>

<пропуск> Брызжет листьями
И с рябины
II Раздирает он, когти стискивая
Каплет кровь в придорожную грязь
<пропуск 1 строки>
И листву сыплет [ветр] озеру в па<сть>?
III Раздирает он, когти стискивая,
[И березовые] [И деревья] [И *<1 сл. нрзб.>*]
IV Раздирает он, когти стискивая,
<пропуск 1 строки>
Не с того ли рябины низкие
Каплют кровью у нас под окном.
V Раздирает он, когти стискивая,
То наверх забираясь то вни<з>
[И с т] Вот с того-то рябины низкие
Каплют кровью у наших изб.
581–584 I Загляжусь ли по ровной голи я
[Вижу] [На твои]
В синью стынущие луга,
Ты — березовая Монголия,
Кочевые кибитки — стога.
II *как в тексте.*
585–586 I Слушай, люд честной, слушай, слушай
[Эти] [Свой] [Свой ковче]*
II Слушай, люд честной, слушай, слушай
[В] Кочевого разбо<йника>
III Слушай, люд честной, слушай, слушай
Кочевой свой разбуженный свист.
IV Слушай, люд честной, слушай, слушай

* Так в автографе. Скорее всего, описка автора: следует читать «кочев<ой>» или «кочев<нический>».

[Ко] Свой кочевнический пересвист.

589—592 I Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля
[Сорок полк<ов>] [Раз<били?>] Семь губерний

II Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля
Двадцать самых тяжелых крепостей
И в Самаре и в Пензе и в Саратове
Нас встречают как

III Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля
Двадцать самых тяжелых крепостей
И в Самаре и в Пензе и в Саратове
Ждет нас чернь как

IV Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля
Двадцать самых тяжелых крепостей
И в Казани <?> и в Перми и в Саратове
Не видали

V Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля
Двадцать самых тяжелых крепостей
Казаки и в Перми и в Саратове
[Нас встречали] Нас встречают

VI Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля
Двадцать самых тяжелых крепостей
И в Самаре и в Перми и в Саратове
[Ждет н<ас чернь?>] [На<с>] Нас встречали, как лучших гостей.

VII Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля
Двадцать самых тяжелых крепостей
И в Самаре и в Перми и в Саратове
[Нас встречали как] [Столь <*1 сл. нрзб.*> славных<?> гостей]
Не забудут столь славных гостей.

VIII Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля

Двадцать самых тяжелых крепостей
И в Самаре и в Перми и в Саратове
Не забудут столь славных гостей.
[Ждет нас чернь как]
[Чернь б<?>]
[Ждет нас чернь [как]
Ждет нас чернь как хозяев и братьев
[Избавителей от]
Перекусывая [свой] раб<ский?>

IX Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля
Двадцать самых лучших его крепостей
Посылая к едреной матери
Точит челядь свой бунт на властей.

X Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля
Двадцать самых лучших крепостей
Посылая к едреной матери
Точит чернь топоры на властей.

XI Треть страны уже в наших руках,
Треть страны мы как войско выставили.
Завтра ж в ночь потеряет враг
По Приволжью все склады и пристани.

XII *как в тексте.*

Затем зачеркнуто несколько фамилий:

I Шигаев
II Торнов
III Бурнов

593–600 I Вы слыхали? Вы слыхали? Вы слыхали?
Это видел не я... другие... многие...
Около Чагана с пробитой башкой ольха,
Капая желтым мозгом, прихрамывает при дороге.

II Стоп, Зарубин!
Ты, наверное, не слыхал,

Это видел не я... другие... многие...
Около Самары с пробитой башкой ольха,
Капая желтым мозгом, прихрамывает при дороге.

601—605 I Выкатив сумерок кровавые глаза,
Вечер смотрит с испугом и хриплой дрожью
II Вытаращив на [за<кат>] сумерок кровавые глаза,
Вечер смотрит с испугом и хриплой дрожью
III Вытаращив сумерок кровавый [зака<т>] з<акат>
Вечер смотрит с испугом и хриплой дрожью
IV Словно слепец, о<т> ватаги своей [отстал] отстав,
По-нищенски с гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда
Просит она на пропитанье у всех прохожих.
V *как в тексте.*

На полях рядом со строкой 603 *зачеркнуто:* ха-ха-ха.

606—609 I Только не находится
II Только народ наш не очень щедрый
III Только народ наш не больно щедрый
Бросят ей пару медяшек слезливые вербы
[Да мак нечаянно сронит]
Да [мес<?>] с пролета ему какая-нибудь
IV Говорят, что такое знамение
Предвещает страшную беду.
V [Говорят, что такое]
Вот все это, как знаменье,
Предвещает страшную беду.
[На ка]
И как перья осыпала [кр<асные>] желтые листья в саду
VI Говорят, что такая невидаль
Предвещает страшную беду.

VII Но никто ей не бросит даже камня.
И в испуге крестясь на звезду
Все считают, что это страшное знамение,
Предвещающее беду.
VIII Но никто ей не бросит даже камня.
И в испуге крестясь на звезду,
Все шарахаясь считают, что это страшное знамение,
Предвещающее беду.
IX *как в тексте.*
613–614 I [И не] Знать недаром по деревням и станицам
II На лету *<1 сл. нрзб.>* склевывает птица
Желудочное свое серебро.
III На лету будет склевывать птица
Желудочное свое серебро.
IV *как в тексте.*

После 614 — заключительной строки монолога Шигаева *— в автографе следуют густо перечеркнутые ответы* Пугачева *и* Караваева, *в которых можно прочитать отдельные слова и строки:*

I Караваев
II Торнов
III Пугачев

I Да-да-да, что-то будет теперь, наста<нет>
II Да-да-да, что же будет, что же будет
III Да-да-да, что-то будет, что-то будет
Ведь недаром же ветер рябины
Подымает<?> как красные хоругви
IV Да-да-да, что-то будет [конечно] наверное знайте
Ведь не зря же листья на вербах жгутся как угли.
V Да-да-да, будет страшное несчастие,
Говорят, от всего края останется зола да угли.

[Ведь недаром же] Ведь недаром же ветер
Подымает над рощами
VI Да-да-да, будет страшное несчастие,
Говорят, от всего края останется зола да угли.
Ведь недаром же ветер над [холодны<ми>] хмурыми чащами
Подымает рябины как красные хоругви.
VII Да-да-да, будет страшное несчастие,
Говорят, от всего края останется зола да угли.
Ведь недаром же ветер над [голыми] синими чащами
Подымает рябины как красные хоругви.
Да-да-да, будет ст<рашное> — *на этом набросок оборван и написано:*

Караваев

I Брось, пожалуйста
II Чтоб у тебя на язык<е>
III К черту, дядя с та<ким?>
Что ты

Затем текст перечеркнут и следующие варианты слов Караваева *написаны на полях:*

IV Ну заплел ерундой околе<сицу?>
[Мастер с] Д
V [К чер<ту>]
К черту, к черту пурги<?> пророчество
VI К черту, к черту птицы <?> пророчества,
Кто боится, пусть идет назад.
[Кто их держит]
[Это <*1 сл. нрзб.*>]
VII К черту, к черту птицы <?> пророчества,
Кто боится, пусть идет назад.
Это <*пропуск*>
Голубыми кострами глаза.

VIII К черту, к черту птицы <?> пророчества,
Кто боится, пусть идет назад.
[Мы] [За]
[Пусть]
[<*1 ст. нрзб.*>]
Все невзгоды [<*нач. сл. нрзб.*>] сметет инородческая
Над страной кочевая орда.
IX К черту, к черту птицы <?> пророчества,
Кто боится, пусть идет назад.
[И без] [И] И без них все сметет инородческая
Кочевая степная гроза.
X К черту, к черту птицы <?> пророчества,
Кто боится, пусть идет назад.
К нам на помощь [пошла] пришла инородческая
Кочевая степная [орда] гроза.
XI К черту, к черту птицы <?> пророчества,
Кто им верит, пусть идет назад.
[Это] Я зову только тех, у кого ворочаются
Голубыми кострами глаза.
XII К черту, к черту птицы <?> пророчества,
Кто им верит, пусть идет [отсю<да>] в монастырь.
Я зову только тех, у кого ворочаются
[В глаз<ах>] В глаза голубые костры.
XIII К черту, к черту птицы <?> пророчества,
Кто им верит, пусть идет в монастырь.
Я зову только тех, у кого ворочаются
В глазах голубые костры.

Затем весь текст слов Пугачева *и* Караваева *перечеркнут и, как в тексте, следует ответ* Торнова Шигаеву.

617–620 I Повсюду
Рассвистал
II Повсюду
Ветер палкой стуча под окном

III Повсюду
Деревья как
IV Повсюду
Насвистал
V Повсюду
Ходят
VI Повсюду
Ходит тяжкий
VII Повсюду
[Ходят] Бродят* слух[и] как голодный пес
[Тр<удно>] [Насвистала по бедному люду]
Подбирая
VIII Повсюду
Бродит слух, как голодные псы
И [луна] заря как разбитое блюдо
IX Повсюду
Бродит слух, как голодные псы
Собирая по темному люду

Затем следуют зачеркнутые отрывки слов:

[Да] [М]
[П] [За], *после которых — продолжение вариантов строк* 617–620:

X Повсюду
Бродит слух, как голодные псы
<*пропуск*> лижут <*пропуск*>
И откусывают носы
XI Повсюду
Воют [живо] [тр] слухи как волки в бору,
[Вот] Жутко в сумерках темному люду
[Из] Слушать п<?>
XII Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,

* Не исправлено слово предыдущего слоя правки; правильно: «бродит», как и воспроизводится ниже.

Жутко в сумерках темному люду
Когда кашел<ь>
XIII Повсюду
Воют слухи, как волки в бору,
[И с разбитого лунного блюда]
А с ч<?>
XIV Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,
И червонное лунное блюдо
Пахнет грязью и вонью болот.
XV Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,
Как же вынести бедному люду
Вонь мертвецкую
XVI Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,
Дует в души суровому люду
Ветер гарью и вонью болот.
621–625 I Что там птицей <*1 сл. нрзб.*>
II [Ме] Быть беде, быть великой потере!
Оттого-то на
III Быть беде, быть великой потере!
Ведь недар<ом>
IV Быть беде, быть великой потере!
И не зря с луговой стороны
Истекает, как конский череп
Разваливш<ийся> <*1 сл. нрзб.*>
V Быть беде, быть великой потере!
Знать не зря с луговой стороны
Луна, как лошажий череп,
Брызж<ет>
VI Быть беде, быть великой потере!
Знать не зря с луговой стороны
Луны [разваливш<ийся>] лошадиный череп
Каплет сверху

VII Быть беде, быть великой потере!
Знать не зря с луговой стороны
Луны лошадиный череп
Каплет золотом сгнившей слюны.

После 625 продолжение слов Торнова *зачеркнуто:*

I Нет в степи уже нашей места
[Где бы не] Где б на этих

II Нет в степи уже нашей места
В [з] захудалой

III Нет в степи уже нашей места
Где бы в этой алой траве

IV Нет в степи уже нашей места
Где [три] [сотни людских] всадник

V Нет в степи уже нашей места
Где бы не бы<ло>

VI Нет в степи уже нашей места
Где б не гнил безмогильный мертвец,
Где б кост<ей?>

626–630 I [Из?]
Врете, врете вы — нож вам в спину!
[Что]
[Что же вам<?>] [Эт<им>]
[Э] Этим [трюк<ом>] слухом пугать лишь баб,
Чтоб

II Врете, врете вы — нож вам в спины!
Этим слухом пугать лишь баб.
[Да] [только]
Мало ль ходит какой чертовщины.

III Врете, врете вы — нож вам в спины!
<*пропуск 1 строки*>
Мало ль порют какой чертовщины
[Языки] Языки тысячеверстные баб.

IV Врете, врете вы — нож вам в спины!
[Я заставил бы] Я заставил бы вас за<молчать>
Полижите-ка вместо чертовщины
[Это<й> кошки]
[Полизать выше задних лап]
[У кошки выше задних лап]
[К] [Сладко]
[Лучше б нюхать вам]
Вы нанюхались под
V Врете, врете вы, нож вам в спины!
<*пропуск 1 строки*>
[Оттого] [Мало ль ход<ит>]
Вам ли верить такой чертовщи<не>
VI Врете, врете вы, нож вам в спины!
[Я] [С д] С детства я не видал в глаза,
Чтоб от этакой чертовщины
Как собака дрожал казак.
VII Врете, врете вы, нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,
Чтоб от этакой чертовщины
Словно баба дрожал казак.
VIII Врете, врете вы, нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,
Чтоб от этакой чертовщины
[Хуже]
Хуже бабы дрожал казак.

Далее зачеркнуто: Шигаев.

631–633 I Я ль дрожу? Да в уме ль
II Наплевал я на все пророчества,
Что на

Затем вписано: Шигаев.

III Мы ничуть, мы ничуть не дрожим!

Наша кровь — не башкирские хляби.
[А]
[Не]
[Мы ко]
Сам ты знаешь, чьи бро<?>
IV *как в тексте.*
635–638 I Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто шнырял по Перми и по Вятке.
II Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто громил Богульму и Мензелинск.
III Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кунгуру, Белебей и Сарапуль.
IV Сам ты знаешь, кто брал Оханск,
Мелекес, Белебей и Сарапуль.
V Сам ты знаешь, кто брал [Осу] Охань
[Не с]
[Но]
Нюхать пули нам то же, что
VI Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарапуль.
Отбиваясь от пуль, как от мух на носу,
[Коли]
Коль рука ус<тавала?>
VII Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарапуль.
Не сидело по стольку и мух на носу,
И коль сабле<й>
VIII Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарапуль.
Даже в Вятке и в Нижнем наш слышали стук,
[Как] У кого-нибудь мух
IX *как в тексте.*

После 638 I Наша сила в боях не смеркла.
Если в церкви от нас запирался враг,
То мы
II Наши силы в боях не смеркли.
Если в церкви от нас запирался враг,
Мы громили и жгли все церкви.
III Наши силы в боях не смеркли.
Если в церкви от нас запирался враг,
Мы громили и жгли те церкви.
IV Наши силы в боях не смеркли.
Если в церкви от нас запирался враг,
Не смущаясь мы жгли и церкви.

639—643 I И все дорожили мы вместо башки
Только сбруей да саблей.
II И всегда дорожил больше башки
Только сбруей да саблей казак.
III И всегда [саб<лей>] дорожили мы вместо башки
Саблей, конем и сбруей.
IV Знать всегда дорожили мы вместо башки
Саблей, конем и сбруей.
V В стужу ль, в сырость ли, ночью иль днем —
Всегда дорожили мы больше конем,
Чем башкой своей оголтелой.
VI В стужу ль, в сырость ли, в ночь или днем —
[Получ] [Мы рубились] [Руби]
И всегда дорожили мы в схватках конем
[Как]
Больше, чем башкой своей оголтелой.
VII В стужу ль, в сырость ли, в ночь или днем —
[Как]
Мы всегда наготове к бою,

[Мы рубили]
Не щадя ни души, ни тела
[Мы врезались]
Мы гото<вы>
VIII В стужу ль, в сырость ли, в ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
[Слуш<ай?>]
Сам ты знаешь, что казак конем
Дорожит больше
IX В стужу ль, в сырость ли, в ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
Знают все, что казак дорожит конем
Больше
X В стужу ль, в сырость ли, в ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше дорожит конем
Иль ружьем, чем своей
XI В стужу ль, в сырость ли, в ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше ружьем иль конем
Дорожит, чем своей головою.
XII В стужу ль, в сырость ли, в ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше дорожит конем,
Чем разбойной своей головою.
644 I Но грозится костлявой рукой беда
II *как в тексте.*
648–652 I Вон другая, вон третья и не счесть их рыл
С *<2 сл. нрзб.>*
II Вон другая, вон третья и не счесть их рыл
С деревянной тоской остолопов,
Несчетный табун деревянных кобыл

Готов уже мчаться галопом.
III Вон другая, вон третья, не счесть их рыл
С безответной тоской остолопов,
И вихлявый табун деревянных кобыл
Готов уже мчаться галопом.
IV Вон другая, вон третья, не счесть их рыл
С деревянной тоской остолопов,
И весь дикий табун деревянных кобыл
Готов уже мчаться галопом.
V Вон другая, вон третья, не счесть их рыл
С безответной тоской остолопов,
И весь дикий табун деревянных кобыл
Готов уже мчаться галопом.
VI Вон другая, вон третья, не счесть их рыл
С залихватской тоской остолопов,
И весь дикий табун деревянных кобыл
[Мч<ится>] Мчится, пылью клубя, галопом.

Окончательный вариант последней строки частично написан на полях и отмечен знаком вставки.

653–657 I Ну куда ж он? [Ку<да>] Каких дорог
Померещилась бельмам стеклян<ным>
II Ну куда ж он? Куда? Каких дорог
Слышит он кто
III Ну куда ж он? Зачем он? Каких дорог
[Бьется]
[Плещет] [зола] *<1 или 2 сл. нрзб.>*
IV Ну куда ж он? [К] Куда ж он? Каких дорог
[За] Пыль взманила глаза стеклянные
[А] [И] [Отчего] [Сто] [Кто]
[Будто] Иль слышится им
V Ну куда ж он? Куда ж он? Каких дорог
Пыль взманила глаза стеклянные

[И откуда о<ткуда?>] На
VI Ну куда ж он? Зачем он? Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
[Что] Чей кнутом их стегает переполох
[И вол]
Только тре<ск?>
VII Ну куда ж он? Зачем он? Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
И стегает, стегает переполох
Их кну<том>
VIII Ну куда ж он? Зачем он? Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
[И зачем их стегает переполох]
И за что их стегает
И
IX Ну куда ж он? Зачем он? Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
Вот он, вот он переполох
X Ну куда ж он? Зачем он? Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
Их стегает, стегает переполох
По стеклянным глазам кнутовищем.

После 657 *зачеркнуто:*
I Зарубин
II Ка<раваев?>
III П<одуров?

658–661 I Стоп
II Хе-хе! Ты не знаешь
III Хе-хе! Не
IV Хе-хе-хе!
Ты не [всю] знаешь, откуда такой
V Хе-хе-хе!

Вас смущает то
Так вот
VI Хе-хе-хе!
Ты не понял, [там] вам слышно звань
Вас пугает
VII Хе-хе-хе!
Ты не понял, вам слыши<тся> зов
VIII Хе-хе-хе!
Ты не понял, то слышится звань,
Звань к оружью все<х>
Знаю
IX Хе-хе-хе!
Ты не понял, то слышится звань,
Звань к оружью
[для] [по] под каждой оконницей.

664—667 I Два лазутчика наших вчера,
[По] Когда вечер был
II Два лазутчика наших за Чус<овой>
Вчера, когда вечер был розов,
[Видел я] Видели, как тянулись за Чусовой
[Тысчи] С артиллерией тысчи обозов.
III Два лазутчика наших едва дыша
Вчера в предрассветной мгле
Видели, как тянулись за Черемшан
С артиллерией тысчи телег.
IV *как в тексте**.

После 667 *зачеркнуто:*

I [Все телеги. Ряд телег <*1 сл. нрзб.*> погоняет как пухов<ые?>]
Запряженных волами парными,

---

* Правка не завершена и далее согласование слова «видели» на «видел я» не поправлено.

Колеса холодные жуя песок,
Истекали слюной дегтярной.
II Запряженных волами парными.
И колеса, холодный жуя песок,
Истекали слюной дегтярной.
III Запряженных верблюдами парными,
Разжевывая колесами мокрый песок,
Истекали слюной дегтярной.
IV Запряженных верблюдами парными,
Разжевывая колесами липкую грязь,
Истекали слюной дегтярной.
V Запряженных верблюдами парными,
Разжевывая колесами мокрый песок,
Истекали слюной дегтярной.
VI Запряженных верблюдами парными,
Разжевывая колесами твердый песок,
Истекали слюной дегтярной.

Затем монолог Зарубина *продолжен снова:*

668–671 I [Крик] Рев верблюдов, блеянье овец и коз
С посвистом <?>
II Рев верблюдов, блеянье овец и коз
И гортанные крики татар.
III Рев верблюдов сливался с блеянием коз
И с гортанною речью татар.
Так [величественно] воинственно
[Так]
IV Рев верблюдов сливался с блеянием коз
И с гортанною речью татар.
[Слышал]
[Слушал я как торжественно в поле неслось]
[Слышал я]
[Видел я как торжественно]

[Видел я ка<к>]
[Вижу] Слышал я громыханье

Все строки после 667 обведены и перечеркнуты и поиск продолжен:

V [К] [Ко]
[К]

Далее варьировалась только строка 668:

I Чудно
II [Э] Так торжественно [грохот] [бу] грохота
III Так торжественно [бился м] этот могучий
IV *как в тексте,*

а потом строки 669—671 записаны, как в тексте.

672—674 I Может быть
II Что ж, мы верим, мы верим, быть может,
Это так в самом деле и есть
III Что ж, мы верим, мы верим, быть может,
Это так в настоящем и есть

Далее первоначально следовала реплика Зарубина:

Зарубин

I Так чего ж ты, [р] собачья рожа,
Распускаешь гнусную весть?
II Так чего ж вы, собачьи рожи,
Распускаете злостную весть?
[Ка]
[Не казак был]
[Кто ты<?>]
Где ж он? Кто вам? Какой обманщик
[Так позорит наш]
[где]
Ах как жаль, что когда-нибудь раньше
[Не прирезал его монгол]
Не всадил ему нож монгол.

Затем реплика Зарубина *зачеркнута и продолжены слова* Торнова:

672—678 III Что ж, мы верим, мы верим, быть может,
Это так в настоящем и есть.
Голос гнева, с бедою схожий,
Нас сзывает на страшную месть.
Дай Бог! Дай Бог, чтоб так все было
IV Что ж, мы верим, мы верим, быть может,
Это так в настоящем и есть.
Голос гнева, с бедою схожий,
Нас сзывает на страшную месть.
Дай Бог! Дай Бог, чтоб так и сталось.
683—684 I Мы покажем собачьим тварям
II Мы покажем поганым тварям
III Мы покажем поганым [рожа<м>] рылам
IV Вот взвенел, словно сабли о панцири,
На подмогу
V *как в тексте.*
685—686 Даже рощи и те, как повстанцы
688—689 I Будет
II Взвоет [с] в небо <*1 сл. нрзб.*> туман
III *как в тексте.*

После 695 *на обороте* 47-*го листа зачеркнуто несколько обрывков строк:*

[Нет, не кровь <в> вас, а кислая клюква]
[Разве к]
[Эх вы, мокрая кислая]
[Ничего]
[Где б в<ы>]
[Нам, не взявшим [ка] с]
[На]
I Где слыхано это было

Чтоб
II Где бы [это]
Чтоб
[Вы м]

7

Заглавие отсутствует.
697 I Неужель наше войско
II Неужель ты, заря, красным волком
III Неужель ты, заря, встала волком
IV *как в тексте.*
702—703 I Вдруг навстречу тебе выбегает рожь
Желтым полчищем пляшущих скелетов.
II Вдруг навстречу тебе выбегают, как рожь,
Желтые полчища пляшущих скелетов.
III И глядишь и не видишь — не то зыбится рожь,
Не то желтые полчища пляшущих скелетов.
IV *как в тексте.*
704—707 I Кто вы, кто вы, с каких могил
II Мертвые, мертвые, посмотрите, кругом мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая зубы.
Это не сентябрь, когда осыпая овсы,
Ветер по полям их колотит дубинкой грубой.
III Мертвые, мертвые, посмотрите, кругом мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая [кривые] [желтые] сгнившие зубы.
Нет, это не август, когда осыпаются овсы,
Когда ветер по полям их колотит дубинкой грубой.
Затем — как в тексте; порядок строк указан простановкой цифр.
708—711 I [Тридцать] Сорок тысяч нас было, сорок тысяч

[Все легли м<ы>]
Даже дождь так колосья
II Сорок тысяч нас было, сорок тысяч
И все сорок тысяч за Волгой легли, как один.
Даже дождь так [не может со<лому>]
не смог бы траву иль солому высечь,
Дожди
III *как в тексте.*
712–714 I Что это? Как это? Куда [мы] мы бежим?
Сколько нас, сколько нас [в] здесь осталось?
О упасть бы
II Что это? Как это? Куда мы бежим?
Сколько нас здесь в живых осталось?
От горящих деревень [с раз] когтистыми
лапами дым
III Что это? Как это? Куда мы бежим?
Сколько нас здесь в живых осталось?
От горящих деревень бьющий лапами
в небо дым
716–719 I Лучше б было погибнуть нам там и лечь,
На [холодные п] подушки костей вместе с
мертвыми рядом,
Чем нести эти пальцы пятерками пылающих
свеч
[Чем] [За гробами надежд]
[И живыми себя]
Пров<ожать>
II Лучше б было погибнуть нам там и лечь,
На подушках костей под скрипом с мертвыми
рядом,
Чем нести эти пальцы пятерками погасших свеч
III Лучше б было погибнуть нам там и лечь,

Где кружит воронье беспокойным крикливым свадьбищем,
Чем нести эти пальцы пятерками погасших свеч

IV Лучше б было погибнуть нам там и лечь,
Где ревет воронье беспокойным, зловещим свадьбищем,
Чем струить эти пальцы пятерками пылающих свеч,
[И] [Н] Чем нести это тело с гробами надежд как [кладбище] погост.

V Лучше б было погибнуть нам там и лечь,
Где ревет воронье беспокойным, зловещим свадьбищем,
Чем струить эти пальцы пятерками пылающих свеч,
Чем нести это тело с гробами надежд, как кладбище.

726—727 I Что луну, как керосиновую лампу в час вечерний

II Что вот эту луну, как керосиновую лампу в час вечерний

730—732 Что это [это] желтые бабочки, летящие на лунное пламя
Ах, зачем же мне в душу ты ропотом слезным

734 I Что жалеть тебе мертвую смрадную душу

II Что жалеть тебе холодную смрадную душу

На полях слева от текста монолога Бурнова *(ст. 723—733) рисунок колосьев с изогнутыми головами лебедей. Подпись автора сбоку:* Колосья (см. т. 7 кн. 2 наст. изд.)

После 737 [<*Нач. сл. нрзб.*>] [Словно]
[Нет по]
Прыгает ночь по пол<ям>

740–742 I Бродит смерть по полям в
II [То одни только на] И одни только суслики в поле притоптанном стонут,
[И лежат]
[Засыпая]
[Не с то<го?>] [Поле]
Обрызгивая мертвые головы, как кленовые листья, грязью.
III И одни только суслики в поле притоптанном стонут,
Заливая мертвые головы, как кленовые листья, грязью.
IV Не с того ли так жалобно суслики в поле притоптанном стонут,
Затаптывая мертвые головы, как кленовые листья, грязью.
V *как в тексте.*

743–746 I Гибель, гибель тихо стучит за рекой
Кто спасет нас?
II Гибель, гибель стучит по деревням в колотушку
[Враг] Нет спасенья [негде нам не<где>] нам и негде от расплаты скрыться.
Посмотри
III Гибель, гибель стучит по деревням в колотушку
Кто ж спасет нас? Кто даст нам укрыться?
Посмотри, там [за] опять там там* опять за опушкой
[Крестят крыль<ями>]
В воздух крылья крестами бросают зловещ<ие птицы>

* Возможно, двукратный повтор «там» — описка.

IV Гибель, гибель стучит по степям в колотушку.
Кто ж спасет нас, кто даст нам укрыться?
Посмотри, там опять там там* опять за опушкой
В воздух крылья крестами бросают крикливые птицы.

V Гибель, гибель стучит по деревням в колотушку.
Кто ж спасет нас? Кто даст нам укрыться?
Посмотри, там опять там там* опять за опушкой
В воздух крылья крестами бросают крикливые птицы.

Далее на обороте следующего листа зачеркнуто:

Бурнов

I Нет, это не птицы, мой друг, ты ошибся
Это селенье кресты ко<локолен>
II Нет, нет, нет, я совсем не хочу
III Нет, нет, нет, [пишет<?>] я совсем
IV Нет, нет, нет, мы не

Творогов

Да, конечно, конечно, мы должны умереть

Затем монолог Бурнова *начат вновь на лицевой стороне того же листа автографа:*

747—750 I Нет, нет, нет, я совсем не хочу умереть!
Пусть они
II Нет, нет, нет, я совсем не хочу умереть!
Эти птицы напрасно над нами вьются.
[Я не всю еще выпил]
Я хочу подставлять под осин

---

* См. сноску на с. 300.

III Нет, нет, нет, я совсем не хочу умереть!
Эти птицы напрасно над нами кружатся.
[Как]
[На]
Я хочу [как и] снова отроком с желтой межи<?>
IV Нет, нет, нет, я совсем не хочу умереть!
Эти птицы напрасно над нами вьются.
Я хочу снова отроком отряхать [на] с осинника медь,
Подставляя ладони, как белые скользкие блюдца.
V *как в тексте.*

После 750 Я хочу вдыхать в себя радость тленную
Славить
Да будет трижды, трижды благословенна

751—755 I [Чей] Как же могут он<и>
II Как же смерть? Разве мысль эта в сердце поместится,
Когда в Пензенской губ<ернии> у меня есть свой дом?
Жалко солнышка мне, жалко месяц,
[Что]
Жалко тополь с рябиной под окном.
III Как же смерть? Разве мысль эта в сердце поместится,
Когда в Пензенской губ<ернии> у меня есть свой дом?
Жалко солнышка мне, жалко месяц,
Жалко тополь над белым деревянным окном.
IV Как же смерть? Разве мысль эта в сердце поместится,
Когда в Пензенской губ<ернии> у меня есть свой дом?

Жалко солнышка мне, жалко месяц,
Жалко тополь над низким окном.
756—757 I [Человек<у>] Только живым ведь
благословенны
Наши рощи и зеленя
II *как в тексте.*
760—764 I Я хочу жить, жить, [жить] [как] [так] как
II Я хочу жить, жить хочу я
III Я хочу жить, жить хочу я до боли
IV Я хочу жить, жить до страха и
V Я хочу жить, жить плотью как зверь
VI Я хочу жить, жить,
жить здоровою
VII Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли!
[Чтоб]
Чтоб кровь [по ручьям синих жил]
[из о] [в си<них?>]
VIII Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли!
[Цело<вать?>] Слушать благовест [крови]
ветра в ручьях синих жил
IX Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли!
Хоть карманником, хоть золоторотцем,
Лишь бы видеть, как мыши от радости
прыгают в поле,
Которая
X *как в тексте.*

На полях против монолога Бурнова *стерт рисунок. Скорее всего, фигура человека, смотрящего на луну. Подпись нрзб.:*
Луна белая <?>
Иван смотрит <?> *(см. т. 7 кн. 2 наст. изд.)*

765–769 I Знаю я, отцветают рябина и яблоня белая
[К] [И] [И собака] Средь людей *<пропуск>*
Ах скажите, и я что угодно сделаю,
Сделаю, что угодно, чтоб звенеть головой как лист.

II Яблоновым цветом брызжется душа моя белая,
<пропуск 1 строки>
Ах скажите, и я что угодно сделаю,
Сделаю, что угодно, чтоб звенеть как лист.

III Яблоновым цветом брызжется душа моя белая,
В синее пламя ветер глаза раздул.
Научите ж меня, и я что угодно сделаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть в человечьем саду.

IV *как в тексте.*

770–774 I Хе-хе-хе! Если б знал я, что вы не трусы,
Можно б было [кой-что] спастись хоть

II Если б знал я, что вы не трусливы,
Мы могли б спастись без труда.
[Бе] Никому б не открыли наш план безъязыкие ивы,
[Никому]
Не слетела б уличать нас одинокая в небе звезда.

III Стойте! Стойте!
Если б знал я, что вы не трусливы,
То могли б мы спастись без труда.
Никому б не открыли наш план безъязыкие ивы,
Не слетела б предать нас одинокая в небе звезда.

IV Стойте! Стойте!
Если б знал я, что вы не трусливы,

То могли б мы спастись без труда.
Никому б не открыли [наши та<йны>] наш заговор безъязыкие ивы,
Сохранила б молчание одинокая в небе звезда.

V *как в тексте.*

778—780 I Так давайте уж лучше

II Я хочу предложить вам связать на заре Емельяна.
И [отд<ать>] [связать] отдать его в руки правительс<твенных>

III *как в тексте.*

После 781 зачеркнуто:

I Торнов

II Творогов<?>

III Бурнов

IV Коновалов

V Творогов

и затем также зачеркнуто:

I Хе-хе-хе! Не трусь, не трусь, брат Федор!

II Хе-хе-хе! Я знал, что

Далее, как в тексте, следует ответ Бурнова *и вновь начат монолог* Творогова:

783—787 I Не будьте ж вы глупы, как лош<ади>

II Ах, я же знал, что вы глупы, как лошади

III Не сомневался, что вы глупы, как лошади

IV Я это знал, я знал, я знал

V [Мне] Ну конечно я знал, я знал

VI Ах, конечно я знал, я знал

VII Ну, конечно это

VIII [Не со] [Ах я] Не сомневался, что вы глупы, как лошади

IX Ах я знал [я], что вы глупы, как лошади

X Хе-хе-хе! Я знал, что вы глупы, как лошади
XI Хе-хе-хе! Я знал, что вы пугливе<е>
XII Хе-хе-хе! [Но] Да-да-да, я знаю
XIII Хе-хе-хе! Ну конечно я [знаю] знал
Что пугливей вы любой козы и лошади
XIV Хе-хе-хе! Ну конечно я знал
Что пугливей вы любой козы
XV Я знал, что вы глупы, как лошади
[Но все]
Но все ж, пока петух не бил крылом в рассвет,
[Вы трез<во>]
[Вы трезво взвесить все должны, мои хорошие]
[Вы трезво взвесить все должны, мои хорошие]
[Трезво]
Вы трезво взвесить все должны, мои хорошие

Затем все строки зачеркнуты и на полях вновь начат поиск первых строк монолога Творогова, продолженный в тексте:

XVI Вы пугливей, чем необъезженные лошади
XVII Вы трусливее, чем необъезженные лошади
XVIII Нет пугливее необъезженной лошади
XIX Хе-хе-хе! Ну конечно, [ч<то>] я знал,
Кто же смог быть пугливее необъезженной лошади
[Только обязательно]
Говорю ва<м>
XX Хе-хе-хе! Ну конечно, конечно я знал,
Кто же смог быть пугливее необъезженной лошади
Завтра ж утром, лишь плюнется солнцем рассвет
XXI Хе-хе-хе! Ну конечно, конечно я знал,

Кто же смог быть пугливее необъезженной
лошади
Знаю, завтра ж, лишь плюнется солнцем рассвет,
Вас развесят, как туши, на какой-нибудь
площади.
И дурак, тот дурак, кто жалеть будет вас.
Запомните, друзья, что мы живем лишь раз!
[Да]

Чумаков

I [С] Разве можно
II Ради Бога, не нужно, р<одные?>
III Как же можно? Родные мои! Хорошие

Затем все зачеркнуто и вновь начат монолог Творогова:

Творогов

XXII Нет, [ты] вы
XXIII Хе-хе-хе!
[Нет, вы]
[Ну же] Так
XXIV Хе-хе-хе!
[О] Вы даже пугливей, чем лошади
XXV Хе-хе-хе!
Так о чем же вы
XXVI Хе-хе-хе!
От страха вы глупей, чем лошади
XXVII Хе-хе-хе!
Вы глупей и трусливей, чем овцы,
Но поймите ж, что завтра
XXVIII Хе-хе-хе!
Вы глупее, чем лошади!
Я уверен, что завтра, лишь плюнется солнцем
рассвет,

Вас развесят солдаты, как туш,
на какой-нибудь площади.

XXIX Хе-хе-хе!
Вы глупее, чем лошади!
Я уверен, что завтра, лишь [вспенит
зол<отом>] вспенится синий рассвет,
Вас развесят солдаты, как туш, на
какой-нибудь площади.

XXX Хе-хе-хе!
Вы глупее, чем лошади!
Я уверен, что завтра ж, лишь вспенится в
небе рассвет,
Вас развесят солдаты, как туш,
на какой-нибудь площади.

XXXI Хе-хе-хе!
Вы глупее, чем лошади!
Я уверен, что завтра ж, лишь золотом плюнет
рассвет,
Вас развесят солдаты, как туш,
на какой-нибудь площади.

789—790 I Разорв<али>
II В этой жи<зни>
III Сами вы не сломали смертельные тернии,
О поймите, что в жизни живем мы всего
только раз,
Только раз есть весна
IV Сами себе вы придумали смертные тер<нии>
V Сами себе вы придумали в жизни
VI Сами себе вы придумали неодолимые тернии,
[И]
[Только раз]
[Будет]

[О зна<йте>]
Знайте же, знайте, что в жизни живем
VII Сами себе вы придумали страшные тернии,
Знайте ж, знайте, что в жизни живем
VIII *как в тексте.*

На полях к следующим словам Творогова *стерт рисунок с подписью:* Окно (*см. т. 7 кн. 2 наст. изд.*).

793—794 I [У тебя здесь под Плецком]
[Зд] По
II Там [растет] в окно к нему льются
III Там в окно твое тополь стучится ветками,
Словно хочет сказать он хозяину
об осенней [за<ре>] поре
IV Там в окно твое тополь стучится
багряными листьями,
Словно хочет сказать он хозяину в хмурой
ночной поре
V *как в тексте.*

796—799 I Чем же сможешь ты тополю помочь?
Чем залечишь ты его деревянные раны?
Вот такая же жизни осенняя ночь
Растерзала, как тополь холодным дождем
II Чем же сможешь ты тополю помочь?
Чем залечишь ты его деревянные раны?
Вот такая же жизни осенняя [зубастая]
хитрая <?> ночь
Общипала, как тополь, зубами ветров Емельяна.
III Чем же сможешь ты тополю помочь?
Чем залечишь ты его деревянные раны?
Вот такая же жизни осенняя гулкая ночь
Общипала, как тополь, зубами ветров Емельяна.

800—803 I Знаю, знаю, весной, когда лает вода,

Тополь снова оден<ет> <*пропуск*>
Но уж старые листья на нем не взойдут никогда.
Их растащит зверье и потопчут в грязи пешеходы.
II *как в тексте.*

После 803 *зачеркнуто:*

I Слушай, слушай, ведь старые листья те мы,
Что еще не успела сорвать с голых
II Слушай, слушай, мы старые листья с тобой,
Что случайно сорвать не успела осень
804 I Что мне в том, что сумеет бежать он в Азию?
II *как в тексте.*

После 807 *зачеркнуто:*

Бурнов

I Ах, устал я под тяжкой
II Ах, устал я от тяжкой, суровой ноши!

Далее вновь продолжены слова Творогова:

808—811 I Что ж сидеть нам [и в] на голых корявых сучьях?
Давай оторвемся и бросимся в воздух кружиться,
Пусть думают люди, что это летают под тучами
II Так чего ж нам качаться на голых корявых ветвях?
Давай оторвемся и бросимся в воздух кружиться,
Пусть думают люди, что это летают, как птицы
III Так чего ж нам качаться на голых корявых ветвях?

Давай оторвемся и бросимся в воздух
кружиться,
Пусть думают звери, пусть думают люди и тучи
Что мы

IV Так чего ж нам качаться на голых корявых
ветвях?
Давай оторвемся и бросимся в воздух
кружиться,
Пусть кто-нибудь скажет

V Так чего ж нам качаться на голых корявых
ветвях?
Лучше оторваться и броситься в воздух
кружиться,
[Будем]
Чем лежать и струить золотое гниенье в полях,
Черные птицы склюют [глаза] наши

VI *как в тексте.*

После 811 *зачеркнуто:*

I Лучше сами склюем мы мертвеца
II Лучше сами мы будем клевать и терзать
III Лучше сами будем

812 Все, кто хочет за мной, в добрый час!

813—814 I Головой Емельяна
мы купим
II Пусть ба<шка>
III Нам башка Емельяна, как челн потопающим
в дикой реке

816 I Только раз [грезит] [бредит] видит юность,
как парус, луну вдалеке.
II *как в тексте.*

8

Заглавие отсутствует.

Обозначение монолога отсутствует.

817—820 I Замолчите, за<молчите>
II Что вы? Что вы? С ума знать сошли?
III Где вы? Где вы? С ума что ль сошли?
Кто сказал вам, что мы уничтожены?
[Кто насыпал в ваших уш<ах>]
Ваши рты, как с протухшею пищей кошли,
[Пропита<лись>] [Набиты]
Зловонно рыгают словами ложными.
IV *как в тексте.*

821—824 I Выньте, вын<ьте>
II Бу<дет>
III Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,
[Кто]
[К]
Кто сумел окормить вас такою дурью.
Мы сегодня должны оседлать лошадей
И [с] к рассвету добраться в Гурьев.
IV Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,
Кто сумел заразить вас такою дурью.
[Н]
Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И к рассвету попасть со мной в Гурьев.
V *как в тексте.*

825—828 I Ждет Каспий помощники
II Ждет нас Каспий, помощники
III [Ж] [Весь] [Кто] Но ведь Каспий защитник и друг в беде
<пропуск 1 строки>
Деревянными крыльями бьют по воде

IV Но ведь Каспий защитник и друг в беде
<*пропуск 1 строки*>
<*пропуск*> крыльями [бью] [пр] по каспийской воде
Лодки, как деревянные лебеди.

Затем варианты двух строк записаны на полях и вставлены:

V Но ведь Каспий защитник и друг в беде
<*пропуск 1 строки*>
Деревянными крыльями по каспийской воде
Наши лодки заплещут, как желтые лебеди.

Далее варьировалась только строка 828:

$V_{а}$ Наши лодки заплещут как черные лебеди.
$V_{б}$ Наши лодки заплещут как [стая] лебеди желтые
$V_{в}$ Наши лодки заплещут как лебеди черные
$V_{г}$ Наши лодки заплещут как лебеди желтые
$V_{д}$ Наши лодки заплещут как лебеди нам
$V_{е}$ Наши лодки заплещут как лебеди черные

Затем вновь продолжена работа сначала над строками 825–826, а затем и над всем фрагментом:

$VI_{а}$ Нет не сгибло то жа <?>
$VI_{б}$ Нет не сгибли те с <?>
$VI_{в}$ Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,
[Но м<ы>]
[Но] [По] [На]
[Но ч<то>]
[Но]
[Но победа]
[Но что мы уничто<жены>]
[Но] [сг<?>] Одо<*лели?*>

VII Да, я знаю, я знаю мы в страшной беде,
Но затем-то и злей под туманною вязью
Деревянными крыльями по каспийской воде

Наши лодки заплещут как лебеди черные в Азию.

VIII *как в тексте.*

829—832 I Ждут нас степи кайсацких равнин
[С] [Черт с н]
[Пусть скосили при]
Пусть [разбилис<ь> мы] [разбили нас]
разбита по

II Ждут нас шири кайсацких равнин
О победе своей им кричать еще рано
Знайте, в ордах ки<ргизских?>

III Ждут нас шири кайсацких равнин
По пескам Сары-куша в кайсацкую степь
[Я стану]
[Мы]
[Не]
[Мы]

IV [Ждут нас там] [Там на<с>]
Там нас ждут, нас ждут средь кайсацких степей
Кочевые киргизские и татарские орды

V Там нас ждут, нас ждут средь кайсацких равнин
Кочевые киргизские и татарские орды
[Но] Нет

VI О, Азия, Азия, голубая страна,
[В] Задремавшая дикая
По пескам Сарукуша в кайсацкую степь
Едет Солнце там

VII О, Азия, Азия, голубая страна,
[Посыпанная с]
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Едет медленно

VIII О, Азия, Азия, голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.

[Там так грустно] Там так медленно по небу
едет луна,
[Плач<а>] [Звеня] Скри<пя>
IX *как в тексте.*
833—836 I Там так длинно [тягучей с] тягуче
II Там так сонно дремли<во>
III Там дремливо [забывшись] забыв на
Средь татарских и к<иргизских>
IV Там дремливо закинув башку
Средь киргизских раскинутых сонно станов
Перебирает
V Там дремливо закинув башку
Средь киргизских и татарских дремливых станов
[Зве<нит>] [Рыдает]
[Плачет колокольчико<м>]
[Жалобно поет о поре Тамерлана]
Бродит в

Затем наброски вариантов строк 833—836 перечеркнуты и работа продолжена на полях:

VI Но зато так бурливо, так бешено и гордо
[Мчатся реками]
Мчатся воды потоков и рек нагорных.
[Вот] Не с того ли так бешено кочевые орды
[Мечу<т>] Бьют
VII Но зато так бурливо, так звонко и гордо
Мчатся воды потоков и рек нагорных.
[Не с того ли] [Не с того ль те]
Не с того ль так затмили [ки<ргизские
орды?>] татарские орды
VIII Но зато так бурливо, так звонко и гордо
Мчатся воды потоков и рек нагорных.
Не с того ль так дико татарские орды
Мечут стрелы

Эти наброски также перечеркнуты и работа закончена на следующем листе автографа:

IX Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Свищут брызгами желтые горные реки.
X Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Брызжут волнами желтые горные реки.
XI Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
[Ры]
[Скачут ст] [Р] [ж]
Скачут там пенножелтые горные реки.
Не с того ли затмили монгольские орды
XII Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожелтые горные реки.
Вот с того-то так брызжут татарские орды
Всем тем диким и злым, что [сидит] [кипит]
сидит в человеке?
XIII Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожелтые горные реки.
Не с того ли так свищут татарские орды
Всем тем диким и злым, [что] что в душе
<человека?>
XIV *как в тексте.*
837—840 I Не страшна нам
II Слушай
III Слушайте ж, слушайте эту
IV Слушайте ж, слушайте дикость из
V Знайте ж, знайте, давно я хотел
Перебраться туда и поднять [для ва<с>] всех
кочевников,
VI Знайте ж, знайте, давно я хотел
Перебраться туда к кочевым их станам,
[И над грудой]
[Чей?] Чтоб [бро] с разящей волной их

VII Знайте ж, знайте, давно я хотел
Перебраться туда к кочевым их станам,
Чтоб с разящей волной человеческих тел
Встать к преддверьям России, как тень
Тамерлана.

VIII Ах давно я, давно я скрывал тоску
Перебраться туда, к кочевым их станам,
Чтоб с разящими волнами их сверкающих скул
Встать к преддверьям России, как тень
Тамерлана.

IX Уж давно я, давно я скрывал тоску
Перебраться туда, к их кочующим станам,
Чтоб с разящими волнами их сверкающих скул
Встать к преддверьям России, как тень
Тамерлана.

841–842 I Так какой же [могил<ьщик?>] мошенник,
прохвост и злодей
Окормил вас такой трусливой дурью?

II Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Заразил вас такою трусливой дурью?

III Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Заразил вас бесстыдно и предал дурью?

IV Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Окормил вас бесстыдной и тем<ной> дурью?

V Так какой же мошенник, прохвост и злодей
Окормил вас бесстыдной роков<ою?> дурью?

VI *как в тексте.*

Кочуров

845–846 I Нет, нет, нет, нам так быстро нельзя
Мы должны этой н<очью>

II Нет, нет, нет

III О смешной, о смешной, о смешной Емельян!
Ну [в какую <к?> чертям] какие спасут
IV О смешной, о смешной, о смешной Емельян!
[Где ж ты] Не дают тебе покоя эти дикие орды
V О смешной, о смешной, о смешной Емельян!
[Разве могут помочь нам] К
VI О смешной, о смешной, о смешной Емельян!
[Знал я] Ты разбитые
VII О смешной, о смешной, о смешной Емельян!
Ты готов обольстить нас теперь азиатчиной
[В доб<рый> Незабвенный
VIII Нет, нет, нет, этой ночью
IX Нет [к] с тобой [в эту ночь] этой ночью нам
X О смешной, о смешной, о смешной Емельян!
Ты все тот же сумасбродный, слепой
и вкрадчивый.
XI *как в тексте.*

847–848 I Расплескав золотой кипяток по полям,
Снова хочешь вскипеть ты теперь
II Много раз расплескав золотой кипяток по полям,
Снова хочешь вскипеть ты, как
III [Уже] [Но уже по] Ах, расплескана тво<я>
IV Ах, расплескана удаль твоя по полям,
Не вскипеть тебе больше ни в какой азиатчине

849–852 I Знаем мы, знаем этот дикий народ,
[Кто] Который бросается в бегство
при виде орудий.
II Знаем мы, знаем, что за бесстрашный народ,
Который бросается в бегство от рева орудий.
III Знаем мы, знаем [сей] этот храбрый народ,
Что бросается в бегство от рева орудий.
IV Знаем мы, знаем твой бесстрашный народ,

Что бросается в бегство от рева орудий.
На Сакмарских полях
V Знаем мы, знаем твой бесстрашный народ,
И не раз ты наверное сам уже тужишь,
Кто же первый, кто первый при
Сакмарском [сражении] сраженьи как

Далее варьировались строки 851—852:

I Кто же первый, как не этот трусливый сброд
Побросал бы о<ружие?>
II [Кто же перв<ый>] Кто же первый,
кто первый, как не этот сброд
Побежал при
III Ах, не первым ли глупый необузданный сброд
Побросал при Сакмарском сраженьи оружие?
IV Кто же первый, кто первый, как не этот сброд,
Побросал при Сакмарском сраженьи оружие?

Рядом с последней из приведенных строк и со следующей строкой текста на полях:

Словно [вонючая се <*слово не дописано*>]
[Словно]
[Измена ей]

853—856 I Как всегда, эта дикая и свирепая гнусь
[Только сильна на набег да]
Только может
II Как всегда, эта дикая и свирепая гнусь
Широка
III Как всегда, эта дикая и свирепая гнусь
Только и может
IV Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Только и сильна в воровских набегах
V Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Только и сильна в воровском набеге
Им бы толь<ко>

VI Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
[Только и могла мучить]
Только и <*пропуск*>
[Им бы] Лишь бы грабить и жечь
пограничную Русь
[Уводить лошадей] И ко<ней>
VII Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
[Не] Ненадежна, труслива и гадко изменчива.
Лишь бы грабить и жечь ей пограничную Русь
[Со]
[Могу]
[Могут]
[Да ко<ней>]
[Во<ровать?>]
[Только б жен]
Да привязывать к седлам девиц и женщин.
VIII Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Ненадежна, труслива и гадко изменчива,
Ей лишь грабить и жечь пограничную Русь
Да привязывать к седлам девиц и женщин.
IX Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Отличается в битвах изменой подлой,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать женщин и девиц к седлам.
X Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Отличается в битвах изменой подлой,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать жен добычей к седлам.
XI Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
[Вы] Обижала и мучила слабых и меньших,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать к седлам девиц и женщин.

XII Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Выбирала [не] для жертвы кто слаб да поменьше,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать к седлам девиц и женщин.
XIII Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Выбирала для жертвы самых слабых и меньших,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать к седлам девиц и женщин.

857—858 I Ну куда ж ей, куда ж ей соваться в бой?
II Но куда ж ей, куда ж ей соваться в бой?
III С ней, с ней ли держа<ть?>
IV [Нам ли] С их ли стрелами двигаться в бой,
Когда первая ж пушка
V С их ли стрелами двигаться в бой,
Когда пушки на версты
VI С их ли стрелами двигаться в бой,
Когда первый же выстрел в них сеет ужас?
VII С ней, с ней ли дож<?>

Затем строки перечеркнуты и работа продолжена на обороте листа:

VIII [Ей ли]
С ней ли, с ней ли придумывать бой
С этой сворой
IX Все погибло, проигран бой
X И пора ли [пора] уж со всеми невзгодами м<ы?>
XI Не пора ль
XII Нет, мы больше не можем идти за тобой,
Ждут нас жены и дети в родных станица<х>
XIII Что же делать, что делать
XIV Ей ли выдержать строгий колонный бой?
[Когда] Не спасешь ты под

XV Все погибло
XVI Да, мы сгибли
XVII Да, разбит, ты раз<бит>
XVIII Все погибло
XIX [Ка<к>] Где же Азия?
XX [В] Что ты
XXI Не поспоришь
XXII С ней с
XXIII Ей всегда был приятней набег и разбой
[Ну д] [И сте]
Что с
XXIV Ей всегда был приятней дорожный разбой,
Чем поход
XXV Ей всегда был приятней дорожный разбой,
Чем военные походы с
XXVI Ей всегда был приятней простой разбой,
Чем суровые походы под жизненной хмурью.
XXVII Ей всегда был приятней набег и разбой,
Чем суровые походы с воинской<?> хмурью.
XXVIII *как в тексте.*

На полях против вариантов этих строк стерт рисунок с надписью: Рожь *<1 ? сл. нрзб.> — возможно, еще одно изображение колосьев-лебедей.*

861–865 I Боже мой! Что я слышу? Казак! Как ты смог?
Как ты смог произнесть здесь такое слово?
II Боже мой! Что я слышу? Казак! Замолчи!
Как ты смог произнесть здесь такую
III Боже мой! Что я слышу? Казак! Замолчи!
Как ты смог произнесть мне все то, что я слышу?
IV Боже мой! Что я слышу? Казак! Замолчи!
Как ты смог произнесть это страшное сл<ово>?
V Боже мой! Что я слышу? Казак! Замолчи!

Неужель это плата за то, что я выстрадал?
[Будто кто-то]
Ты не должен, ты не должен
VI Боже мой! Что я слышу? Казак! Замолчи!
Неужель это плата за то, что я выстрадал?
[Не [уста] сломал<ись>]
И пока не сломались в руках мечи
VII Боже мой! Что я слышу? Казак! Замолчи!
Неужель это плата за то, что я выстрадал?
[О] Разве могут заговорщики бросать мечи
[В] Толь<ко>
VIII Боже мой! Что я слышу? Казак! Замолчи!
Я заткну твою глотку [свинц<ом>] ножом и пулей
IX Боже мой! Что я слышу? Казак! Замолчи!
Я заткну твою глотку ножом [и] иль выстрелом.
X Боже мой! Что я слышу? Казак! Замолчи!
Я заткну твою глотку мечом иль выстрелом...
Неужели вправду отзвенели мечи?
Неужель это плата за то, что я выстрадал?
XI Боже мой! Что я слышу? Казак! Замолчи!
Я заткну твою глотку ножом иль выстрелом.
Неужели и вправду отзвенели мечи?
Неужель это плата за все, что я выстрадал?
866—869 I Нет, нет, нет, все неправда и ложь
Стойте, стойте [зд<есь>] вы<?>
II Нет, нет, нет, [неправда] [это] вы
III Нет, нет, нет, быть не может, не может быть!
Разве вьюга
IV Нет, нет, нет, не поверю, не может быть!
[Ка] Кто сказал, кто сказал
V Нет, нет, нет, не поверю, не может быть!
Не на то вы взрастали в родных станицах,
Никакими угрозами страшной судьбы

VI Нет, нет, нет, не поверю, не может быть!
Не на то вы взрастали в родных станицах,
Никакие угрозы к нам суровой судьбы
Не должны вас заставить смириться.
VII Нет, нет, нет, не поверю, не может быть!
Не на то вы взрастали в степных станицах,
Никакие угрозы суровой судьбы
[Не должны] Не должны, не должны вас
заставить смириться.

870–871 I Вы не можете, вы
II Я зову вас, зову вас, как встарь
[С нами] Чтобы ветер метелями с нами
Я такой же, такой же мятежник, как все,
а н<е царь>
III Я зову вас, зову вас, как встарь,
Чтобы ветер метелями с наших стран дул.
Я [ж] такой же мятежник, как все, а не царь
[Снова, снова]
Эй вы, сотники, слушать команду!
IV Разве можно забыть тот кровавый взвой,
Когда ветер с метелями с наших стран дул.
[На] Смело ж к Гурьеву! Смело за мной!
Эй вы, сотники, слушать команду!
V [Вы]
[Вы должны сохранять тот же]
[Все равно не пр<остят?>]
[Не про<стят?>]
Вы должны разжигать еще больше тот взвой,
Когда ветер метелями с наших стран дул.
Смело ж к Гурьеву! Смело за мной!
Эй вы, сотники, слушать команду!
VI *как в тексте.*

I Крямин, *как в тексте.*
II Тор<нов?>
III Крямин, *как в тексте.*

874 I Нет, больше не слуги тебе
II *как в тексте.*
875 I [Но з]
К черту шлем мы
II К черту шлем, к черту
III К черту, к черту
К чему <?> нам зов твой
IV Брось вы<ть?>
V Нам проти<вно>
VI *как в тексте.*
878—881 I Нас обратно зовут
II [Мы]
[Не]
[Нас когда]
Перед пыткой
III [Е] Есть у сердца невзгоды и тайный страх
[От] От кровавых раздоров и стонов.
Мы как прежде хотели б в родных хуторах
Слушать шум тополей и кленов.
884—885 I [Н] Не по<ра>
II Мы [до] возьмем твою ба<шку>
III Мы давно уж решили
IV Мы давно уж тайно решили сложить
Перед властью мятежные головы.
V *как в тексте.*
887 I [С] Не<даром?>
II Знать недаром листвою сентябрь заплакал
III *как в тексте.*
888—892 I [Нет]
[Нет]
[Как] Как же

II Как? Измена? Измена?
Прочь! Прочь! Изменник, пр<очь>
III Как? Измена? Измена?
Прочь! Прочь! Изменник, теб<я?>
IV Как? Измена? Измена?
Так умри же, ум<ри>
V Как? Измена? Измена?
Так погибни [ж], погибн<и>
VI Как? Измена? Измена?
Так умри же, погибни, собака
VII Как? Измена? Измена?
Так погибни, погибни, собачья <?>
VIII Как? Измена? Измена?
Ха-ха-ха! Ну так что ж!
Ты пог<ибнешь>
IX Как? Измена? Измена?
Ха-ха-ха! Ну так что ж!
[Ведь и ты]
Ты получишь награду
X Как? Измена? Измена?
Ха-ха-ха! Ну так что ж!
Получай же награду свою
XI Как? Измена? Измена?
Ха-ха-ха! Ну так что ж!
Получай же награду свою, собака!

После 892 ремарка:

I Стреляет [и убива<ет>]. Крямин падает мертвым. Казаки [испуга<нно>] [с криками] с криком [выбивают из рук его писто<лет>]

II Стреляет. Крямин падает мертвым. Казаки с криком <*2 сл. нрзб.*> [вытаскивают нож<и>] обнажаю<т> сабли.

III Стреляет. Крямин падает мертвым. Казаки с криком обнажаю<т> сабли. Пугачев [пятится к стене] вытаскивает второй пистолет. Пятится к стене.
IV *как в тексте.*
893 I Тяните его за бороду!
II *как в тексте.*
894 I Бейте, бейте по морде саблей!
II *как в тексте.*
После 894
I <*Фамилия нрзб.*>
II Кочуров
После 895

Федулов

896 Тяните его за бороду...
897—898 I Дорогие мои! Хорошие!
[Что же]
Как это случилось? Как случилось?
II Дорогие мои! Хорошие!
Как случилось? Как случилось?
III *как в тексте.*
899—900 I Как же можно такую ношу
Бросить просто
II [С] [К] [Видно] Кто свалил нашу
III Видно нужно так с этой но<шей>
IV Кто [там] так страшно, там за окном хохочет
Он
V Кто так страшно, страшно хохочет
В придорожную грязь и сырость?
VI *как в тексте.*
901—905 I Кто [тот<?>] хихикает там за окном
исподтишка

Так
II Кто хихикает там за окном исподтишка,
Отплевываясь злобно от солнца?
Ах, это осень старуха
Тащит листву <?>, как мешок червонцев.
III Кто хихикает там, за окном исподтишка,
Отплевываясь злобно от солнца?
Ах, это осень
Тащит на плечах мешок червонцев.
IV Кто хихикает там, за окном,
Отплевываясь злобно от солнца?
Ах, это осень, это осень [хоронит?] [роняет]
[сыплет] роняет из сумы<?>
Чеканенные сентябрем червонцы.
VI Кто хихикает там за окном исподтишка,
Отплевываясь злобно от солнца?
Ах, это осень! Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.
906–907 I Это она подкупила вас
II Понял я, понял я страшный мой час
III Да, погиб я! Приходит час.
908–911 I [В о] [Вы отста] Срок назна<чен?>
II Мозг, как воск, каплет глухо
Это она подкупила вас
[Могли вы]
[Измените с]
[На такое]
[Смели]
[Изменить всем]
[Сдать]
[С] Злая и подлая беззубая старуха
III *как в тексте.*

912–915 I Это она, это она, она,
Ну так что же, вяжите, вешайте,
[Ее не] За
II Это она, это она, она,
Разметав свои волосы зарей холодной,
Хочет, чтоб сгибла родная страна
[Н] [К] От ще<?>
III *как в тексте.*
916–920 I Что [вы] ж стали, что?
Иль не понимаете, что зря
II Ну, живей же, живей. Вот так
Руки за спину той же верев<кой>
III Ну, живей же, живее! Чего
IV Ну, рехнулся! Чего ж [ст<оять>] глазеть?
Вяжите. Вяжите, пускай бормочет
[Карк]
Слава Богу! Конец его дикой резне,
Нужно [ж] в Яик свезти его к ночи.
V Ну, рехнулся! Чего ж глазеть?
Вяжите. Вяжите, пускай бормочет.
Слава Богу! Конец его буйной резне,
Нужно в Яик поспеть с ним к ночи.
VI Ну, рехнулся! Чего ж глазеть?
Вяжите. Вяжите, пускай бормочет.
Слава Богу! Конец его буйной резне,
[На]
Надо нынче свезти его в Яик к ночи.
VII Ну, рехнулся! Чего ж глазеть?
Вяжите. Вяжите, пусть бьет головою.
Слава Богу! Конец его буйной резне,
Конец его злобному волчьему вою.
VIII Ну, рехнулся! Чего ж глазеть?

Вяжите. [Пусть] Не выбить чай стен головою.
Слава Богу! Конец его буйной резне,
Конец его злобному волчьему вою.
IX Ну, рехнулся! Чего ж глазеть?
Вяжите. Не выбьет чай стен головою.
Слава Богу! Конец его буйной резне,
Конец его злобному волчьему вою.

926—929 I Да, да, вяжите ж, вяжите
II Где [ты] ж ты? Где ж ты былая мощь?
Хочешь вста<ть>
III Где ж ты? Где ж ты, былая мощь?
[О] Хочешь встать, и рукою не можешь
двинуться!
Юность, юность, ты майская ночь
С теплым
IV Где ж ты? Где ж ты, былая мощь?
Хочешь встать и рукою не можешь двинуться!
Юность, юность, как майская ночь
Отзвенела ты черемухой в родной провинции.

930—933 I Боже мой, боже мой, там жива еще мать.
[Быль] Синь ночная, синь ночная над Доном
[Воздух]
[А луна словно]
И луна
Ухмыляется нежно в мае
II Вот всплывает, всплывает синь ночная
над Доном,
[К] [О] Тянет мягкою гарью с сухих перелесиц.
Золотою известкой над низеньким домом
Сыплет широкий и теплый месяц.
III *как в тексте.*

934–937 I [Там] Где-то далеко-далеко пропел петух
[В о] [Жалобн<о>]
[Сонно и]
Боже мой, неужели пришла пора
А казалось как будто вчера
Я просил свою

II Где-то
Хрипло и нехотя пропел петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица,
[Там] [Вста<?>] [а] [Родной] Русский на<род>

III Где-то
Хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица,
Юность! Юность!
Вижу, вижу, вот пред Божницей в поту
Мать моя Господу за жизнь мою грешную молится.

IV Где-то
Хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица,
Дон мой! Дон мой!
Вижу, вижу, вот пред Божницей в поту
Мать на коленях за жизнь мою грешную молится.

Затем на полях слева против вариантов III и IV строк 936–937 зачеркнуто:

[Вас]
[Ужел<ь>]
[Ты]
[Посм]

После этого продолжена работа над строками 936—937 — варианты V—VII этой строки записаны на полях, остальные в тексте рукописи:

V Где-то
Хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица.
[Коло<кольчик>] Знать вовек
И [под] [отвечай<?>] колокольчик
встрев<оживший>

VI Где-то
Хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица,
И колокольчик [потревоживший]
потревоживши сонный луг

Не вычеркнув VI варианта строки 936, автор продолжил работу над этой строкой уже в общем тексте рукописи:

VII Где-то
Хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица,
И все дальше, все дальше [встревоживши]
[встревоживши луг] [встревожа луг]
встревоживши луг

VIII Где-то
Хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица,
И все дальше, все дальше, встревоживши
сонный луг,
Бежит колокольчик, пока за горой
не расколется.

940 I И с душою рас<ставаться>
II Неужели душа падает
III Неужель под душой вам тяж<ело?>
IV *как в тексте.*

На обороте 16-го листа после 198 строки написан и зачеркнут набросок, не вошедший в текст:

Заглавие: Послание медведям — *зачеркнуто.*

Прощай Чаган, прощай, прощай, прощай
[О пол] И ты, луны в воде потопленная лодка
[Н] [Прощай Чаган заря]
И степь, степь, степь по блюду синему равнины
I [Трав] Травы разлитый желтый чай
II Травы разлитый кипя<ч>еный желтый чай
[О братья мои]
[О сестры сосны]
[О сестры]
[Сестрицы]
[Мне не гло] [Мне не глотать тебя моей с]
[Уже не пить тебя] [Я пью]
[В последний раз вас пьет душ<а>]
[Но]
[Души ради отечес<тва?>]

Автограф в альбоме А.В.Ширяевца ст. 283—298 (из 3-й главы), с пометой «Из поэмы „Пугачов"» (ИМЛИ, ф. А.В.Ширяевца):

283 Знаешь, ведь я из простого рода
289 Я значенье свое разгадал

Беловой автограф под заглавием «Орнамент» ст. 120—129, 134—137, 231—237, 256—259, без подписи и даты (местонахождение неизвестно; факсимиле — Есенин III (1978), с. 15):

256 Уже стекается придавленная чернь

Неполная машинопись ранней редакции 6-й главы (РГАЛИ, ф. К.Л.Зелинского):

Заглавие: Лунный парус над саратовской крепостной стеной

Зарубин

Строки 1—16 — как в тексте 573—588, то есть как первые строки монолога Зарубина *из шестой главы. Далее:*

Двадцать крепостей мы забрали у неприятеля,
И еще тысчи возьмем крепостей,
И в Казани, и в Перми, и в Саратове
Точит чернь топоры на властей.
Скоро брызнет она в зверской стычке,
Как прибоем пурги буран.
Он пришел к нам наш царь мужицкий,
Чтоб спасти нас от лапищ дворян.
Всех, кто жил в подъяремной обиде.
Он под парус грозы — по волнам!

Вырезано ножницами более 30 строк. Далее:

<Пугачев>

Полюбилась душе моей жизнь простая,
Понял я, что вот здесь над степным пустырьем
Лучшим сыном земли человек вырастает,
Вместе пищу и дружбу деля со зверьем.
Не случайно, не случайно, совсем не случайно
Жег я пламенем глаз путевые столбы,
Я открою вам страшную, жестокую тайну,
Тайну несчастливой моей судьбы.
Голубую звезду над простором отыскивая,
Сердце светильником неся во мгле,
Я — законный хозяин страны Российской,
Как бездомная собака бродил по земле.

Слушайте ж, слушайте, я вам расскажу,
Я расскажу вам, как это случилось.

Всем известно, что с первых же дней к мужику,
Лишь взойдя на престол, я струил свою милость.
Знал я, знал, что крестьянскую Русь
Чтут дворяне за скот иль еще того хуже;
Что за всеми пространствами тяжкая грусть
Свищет, как ветер декабрьской стужи.
И решил я, решил я, решил я тогда
Круто взять над дворянами правительственные вожжи,
Эти пастбища — отдать тем, кто водит стада,
Эти пашни — отдать тем, кто сеет их рожью.
Я постиг, я постиг: чтоб страна расцвела,
Надо волю мужицкую вместе с солнцем числить.
Но не счесть вам коварства, не вымерить зла,
Что чинили мне дворяне за эти мысли.

Вырезано ножницами около 35 строк. Далее:

Пугачев

Так сражайтесь же! Бейтесь беспощадней и злей,
Не желайте и не ждите исхода скорого,
Знаю я, против нас с Измаильских полей
Движутся полки полководца Суворова.
Трудно смирить этого сукина сына,
Озорного и бойкого в военном взмахе,
И деньгами и ляжками покупает Екатерина
У продажных мерзавцев мою голову для плахи.
Только плевать мне, плевать на мразь!
Знаю я, что не в бабьей говядине сила.
Это отбиваются за грабительскую власть
Сволочные и подлые дворянские рыла.
Так крошите ж, губите и рушьте на части
Все, что пахнет, как падалью, этими стервами.
Зарубите на носах, что в своем государстве
Вы должны не последними быть, а первыми.

Машинописный список с правкой автора (ИМЛИ), ст. 1—528.

I

36—37	I	...И по грядкам, от капусты пенных*, Челноки ныряют огурцов?
	II	*как в тексте.*
70—71		Оттого что не может она, как птица, Оторваться от земли в синь.

5

Заглавие:	I	Загадочный каторжник
	II	Каторжник Хлопуша
475		Злое ль, доброе светится из пасти вспурга?

Печатный текст с правкой автора (верстка книги „Эпоха Есенина и Мариенгофа". Имажинисты. М., 1922), ст. 1—465.

I

70—71	Оттого что не может она, как птица, Оторваться от земли в синь.

Есенин. Пугачов. Пг., Эльзевир. 1922. Есенин С. Пугачов. Берлин. Русское Универсальное Издательство. 1922. Посвящение отсутствует.

I

36—37	...И по грядкам, от капусты пенных*, Челноки ныряют огурцов?

V

450	Что ты? Смерть? или исцеленье калекам?
475	Злое ль, доброе светится из пасти вспурга?
520	Уж три ночи, три ночи, пробиваясь сквозь тьму,

---

* См. сноску на с. 201.

VIII

863 Я заткну твою глотку ножом или выстрелом...

Есенин С. Стихи скандалиста, Берлин, 1923, с. 49—52, ст. 449—523.

Заглавие Уральский каторжник (Отрывок из Пугачова)
450 Что ты? Смерть? или исцеленье калекам?
475 Злое ль, доброе светится из пасти вспурга?

Страна Негодяев

Черновой автограф ст. 667—1162 с вариантом конца (РГАЛИ):

3 <часть> зачеркнуто.

Заглавие отсутствует.

Ремарка I [Кабак] Тайный притон с паролем «Авдотья, под[ы]ними подол». [Город российского захолустья.] Поволжский городок. В притон входят четыре повстанца. Один из них Номах. 2 тайных посетителя. Кабатчица, судомойка и подавщица.

Затем порядок слов в ремарке изменен простановкой цифр :

II Тайный притон с паролем «Авдотья, подними подол». Поволжский городок. 2 тайных посетителя. Кабатчица, судомойка и подавщица. В притон входят четыре повстанца. Один из них Номах.

Ремарка, не вошедшая в текст:

Кабатчица
подает посетителям.

667 I Самый чистый, самый настоящий

II Спирт самый чистый,
Самый настоящий.

После 672 ремарка отсутствует.

1-й повстанец*

673 I Эй, тетка Дуня!
Дай-ка и нам
II *как в тексте.*

После 673 зачеркнуто:
I 2-й повстанец
II Кабатчица, *как в тексте.*

После 674 слова 2-го повстанца.

677 I Да, сегодня
II *как в тексте.*

После 678 ремарка, не вошедшая в текст:
[Уходит с <*нач. сл. нрзб.*> посудой<?>]
(Суетится около стойки.)

679—680 Холод зверский.
Но... все-таки
[Все-таки] Я люблю
Наши русские вьюги.

1-й повст<анец>

681—684 I У этой тетки
Спирт такой,
Что лучше не найдешь
Во всей округе.
II У этой тетки
Спирт такой,

---

* В тексте слова 1-го повстанца в большинстве случаев отданы Барсуку, слова 2-го — 1-му, а 3-го — 2-му. 3-го повстанца среди действующих лиц нет.

Что лучше
Во всей округе
Не найдешь.

Затем сбоку справа вписано две строки, сделаны пометы цифрами о порядке строк и на полях дописана строка, не вошедшая в текст:

III Мне все равно.
Что вьюга, что дождь.
У этой тетки
Спирт такой,
Что лучше
Во всей округе
Не найдешь
Ни за какие коврижки.

3-й повст<анец>

685 I А я не люблю вьюг
II *как в тексте.*
688—689 I Мне кажется, что
На птичьем дворе
Гусей щиплют.
II Мне кажется —
На птичьем дворе
Гусей щиплют.

После 695 зачеркнуто обозначение реплики:

Но<мах>

Далее идет ремарка:

Подходит к столику. Ставит спирт и закуску.

Номах
кабатчице

696 I Что за люди сидят
За столиком?

II Что за люди сидят
Здесь... окол?..
699—700 I Люди, можно
II Люди, если можно
Теперь говорить так —
Не простого рода,
Знатные-с сударь.
702—705 I Самые лучшие потребители,
Каких, говорится, мало.
II [1-й сорт потребители]
1-й класс посетители,
Каких нынче мало.
Наши старые жители.
Один что
III Посетители — 1-й класс,
Каких нынче мало.
У меня уж набит глаз
Насчет материала.
IV Посетители — 1-й класс,
Каких нынче мало.
У меня уж набит глаз
Относите<льно материала>
V Посетители — 1-й класс,
Каких нынче мало,
У меня уж набит глаз
Что к<асается материала>
VI *как в тексте.*
706—709 I Один из них даже шинкари<т?>
[Другой спец по винам]
[Снабжают меня]
Другой из
II Люди нашей игры
О[бои]а — спецы по винам

III Люди ловкой игры.
Оба — спецы по винам.
Торгуют из-под полы
Спиртом и кокаином.
IV *как в тексте.*

710—711 I Не беспокойтесь, сударь!
Люди — у всех
Язык на полке.
II Не беспокойтесь!
Это люди,
У которых язык на полке.
III Не беспокойтесь!
У них
Язык на полке.

После 713 *первоначально следовала ремарка:*

Подвыпившие посетители начинают разговаривать.

Затем на полях записаны и отмечены знаком вставки заключительные слова Кабатчицы, *строки 714—715:*

714—715 I Это дворяне,
Щербаков и Платов.
II *как в тексте.*

После ремарки зачеркнуто:

I 1-й повстанец
Хозяюшка
II Щербаков
III Щербатов, *как в тексте.*

716—719 Авдотья Петровна!
Ты бы нам на гитаре
Вальс
«Невозвратное время».

После 719:

I 2-й посетитель

II Платов, *как в тексте.*

Затем зачеркнута ремарка:

подвыпивши

721—724 *подчеркнуты.*

После 727 зачеркнуто:

Благолепие.
Когда я в дворянском собрании

730 I Старые дн<и?>

II *как в тексте.*

После 731: 1-й повстан<ец>

После 732 зачеркнуто:

3-й повстан<ец>

Не тронь их
Пусть — *затем вписано:*

2-й повст<анец>

После 733: I Щербаков

II Щербатов, *как в тексте.*

735 I Гражд<ане>

II *как в тексте.*

После 737 зачеркнуто:

I Здра<вствуй<?>>

II Разве может понять ее новое племя
Новое племя

Кабатчица

Я спою, спою вам.

Далее, как в тексте, следует продолжение реплики Щербатова.

748 *отсутствует.*

После 749 зачеркнута реплика Кабатчицы:

Вы не говорите мне,
Не напоминайте.

752–755 I Когда-то я была первая
Красавица здешняя
И училась в лучшей
Городской гимназии.
II Я ведь тоже была
Дворянка здешняя
И училась в лучшей
Городской гимназии.

После 755 I Платов, *как в тексте.*
II Номах
III Платов, *как в тексте.*

756 I Спойте, спойте
II Спойте!
Спойте, Авдотья Петровна!

После 757 зачеркнуты реплики Кабатчицы *и* Щербатова:

I Обождите немного здесь<?>,
Я схожу за гитарой.
II Обождите немного,
Я должна сходить за гитарой.

Щербатов

Идите

Затем реплика Кабатчицы *начата вновь:*

758–759 I Обождите малость
II Обождите, Степаныч.
III Обождите, Петр Никанорович.
IV Обождите, мои милые,
Как справлюсь,

Так и сыграю.
V Обождите, голубчики,
Дайте разобраться.
VI *как в тексте.*
765 Сыамый лыучи опий.
766 I Шанго кыурил
II *как в тексте.*
769 I Если б не сытрыадал.
II *как в тексте.*
770 I Кыуришь кыольца выютыца
II Куришь, колица вьютица
772—773 I Зыабыл ливыарюца,
Зыабыл быльшивик.
II *как в тексте.*
774—775 I Ниет Амиерика,
Ниет Евыропе.
II Ниет Америка,
Ниет Евьропе.
777 Сыамый лыучи опий.
780 I Хыодя ыочень бедыный.
II *как в тексте.*
781 [Твой] Тывой шибыко живет

После 782 *зачеркнуто:*

Н о м а х

Это называется
Великим разложением.
Идем, ходя.

1-й повстанец

Гнилое отродье.

783—784 *и ремарка записаны справа на странице вместо зачеркнутых слов. Реплика* Щербатова *первоначально принадлежала* Платову.

784 I На кухню так на кухню.
Пойду к
II *как в тексте.*

После 784 *ремарка:*
I [Так] Покачиваясь [выходят с]
II Покачиваясь, выходят в кухню, китаец за ними.

785—786 I Ну и народец здесь.
Все просят ве<ревки>.
II Ну и народец здесь.
По всем веревка плачет.
III *как в тексте.*

1-й повстанец

787 I Д<а>
II М-дас.

После 787 *зачеркнуты слова* 3-го повстанца.
В том числе и о нас — *и далее продолжены как в тексте.*

После 790 *реплика* 1-го повстанца.

792—793 *реплика* 3-го повстанца.

799 I За в<ами>
II *как в тексте.*

802 I Обещано 1 тыс<яча> золотом.
II *как в тексте.*

После 806 *ремарка:* I *как в тексте.*
II Уходит.

После 808 *реплика* 1-го повстанца.

811—812 I Тогда ни одно бы рыло
Не знало
II *как в тексте.*

814–817 I [Нет его] Убить его
Мне жаль, и тех двоих,
Кото<рые>
II Ты слишком кровожаден.
Если б я видел,
То и этих двоих
Я бы не дал убить.
IV *как в тексте.*

1-й повстан<ец>

822–825 I По-моему, молчат лишь погос<ты>
II По-моему, молчат лишь кладбища,
Где корявые <*1 сл. нрзб.*> кресты.
Жизнь
III По-моему, молчат лишь кладбища,
Где холмы да кресты.
IV Нет! Это не так просто
V Нет! Это не так уж просто
Живые кусают носы.
По-моему молчат лишь погосты
VI Нет! Это не так уж просто.
В живых остается протест.
V Нет! Это не так уж просто.
В живом остается протест.
Молчат только те —
На погостах,
На ком крепкий камень и крест.
829 и 831–832 *реплики* 2-го повстанца.
833–836 I Я завтра с вечерним в Киев.
А вы [послезавтра] переждите здесь.
Вас не знают, кто вы такие,
Потому переждите здесь.

II Я сегодня в 12 в Киев,
Паспорт у меня есть.
Вас не знают, кто вы такие,
Поэтому вам лучше переждать здесь.
III Я сегодня в 12 в Киев.
Паспорт у меня есть.
Вас не знают, кто вы такие.
Потому обождите здесь.
IV *как в тексте.*

После 836 зачеркнуты слова Номаха:
Ты, Андрей, заберешь все слитки
И песок.
Дайте золота мне на дорог<у>
А сегодня пока не поздно
Есть один [зд<есь>] мне знакомый еврей
На

837—843 I [Я] Телеграммой я дам вам знать
Вы мне [слит] 2 слитка должны — червонцы
Это золотом тысяч 25.
Остальное пусть берут оборонцы.
II Телеграммой я дам вам знать
На дорогу возьму два слитка — валюту
Вы дадите золотом тысяч 25
Мы посмотрим, как они угонятся.
III Телеграммой я дам вам знать,
Где я буду... В какие минуты...
И обязательно тыщ 25
И посмотрим—
Как они угонятся.
[Вы держитесь меня стороной]
Остальное за<рыть?>
IV *как в тексте.*

После 843 реплика 1-го повстанца.
845 *отсутствует.*

848—849 I У меня созревает мысль
Государственного переворота.
II *как в тексте.*

856—859 I Но мне хочется вызвать тех,
[Кто по]
Что уселись в тепло кабинетов
[И по]
И
II *как в тексте.*

860 реплика 1-го повстанца.
861 реплика 2-го повстанца.
862 реплика 3-го повстанца.
После 862 реплика 1-го повстанца.

867—870 I Я от скуки стал нюхать табак,
Хоть немного в носу щекочет.
[А пока все пойдем по домам]
<*Нач. строки нрзб.*>
[Я частенько хожу в кабак]
Денег нет, чтоб пойти в кабак,
Сердце ж спиртику часто хочет.

После 869 вписано: Номах— *и зачеркнуто. Порядок строк изменен простановкой цифр:*

II *как в тексте.*

871 I Ну, а теперь пойдем.
II *как в тексте.*

После 871 следовала ремарка, а затем вписана строка 872.

2-й повст<анец>

873 I Проводить?
II *как в тексте.*

875 I Я уйду, а вы оставайтесь
Вы и
II Я выйду сперва один.
До
III *как в тексте.*

После 875 ремарка:

I [Быстро] Прощается и уходит.
II Быстро прощается и уходит. Из кухни появляется китаец и неторопливо [идет] выходит вслед за ним. [Выпившие] Опьяневшие посетители садятся на свои места.

887 I Сыграй нам, Авдотья Петровна, вальс
II *как в тексте.*

После 889 ремарка:

I <*Нач. сл. нрзб.*> Тыкается носом в стол. Платов тоже. Повстанцы молча продолжают пить. Кабатчица выходит с гитарой и начинает настраивать.
II Тыкается носом в стол. Платов тоже. Повстанцы молча продолжают пить. Кабатчица входит с гитарой. Садится [на] у стойки и начинает настраивать.

Далее написано на обороте листа и зачеркнуто:

Н о м а х

Мне надоела эта фуражка
Стрелочника

1-й п о в с т а н е ц

А мне ничего. В шинели
В

4 <часть>

Заглавие отсутствует.
Ремарка отсутствует.
893 I Я Киев сл<итки?>
II *как в тексте.*
После 895 ремарка:
Литза-Хун
[От] Передает тел<еграмму> Рассвет<ову>
После ремарки: I Замар<ашкин>
II Рассветов, *как в тексте — затем зачеркнуто*:
Что нужно ему ответить?

Чекистов

Как что?
Конечно
После 897 I Замарашкин
II Чекистов, *как в тексте.*
899 I Конечно, взять под цугундер.
II *как в тексте.*
После 899 зачеркнуто начало реплики Рассветова*:*
Все это
Я думаю
Если б песок
903 I Будет сорок других.
II *как в тексте.*
916–917 I Теперь он от нас нейдет,
Мы дадим ему сотню нянек.
II Теперь он от нас нейдет,
Особенно при сотне нянек.
922 I А я думаю не сцапает
II Что же ты

III До той поры пока другие
IV До той поры пока еще
V Когда будут следы других
VI *как в тексте.*
929—932 I И скажу вам, дружище, вкратце,
Что лучше всегда
Отыскивать нить
[И так, чтоб с корнем]
Так, чтоб навеки
Прикончить организацию.
II И скажу вам, коллега, вкратце,
Что всегда лучше
Отыскивать нить
[К са<мому>]
К общему центру организации.
После 932 *зачеркнуто:*
Мы китайцу
Такой пошлем ответ
От этих разнузданных жидов
Стране с
936 I А завтра у них будет другой.
II *как в тексте.*
939—940 I Из которых ни петли, ни плахи
Ни один не боится черт.
II Нашей веревки и плахи
Ни один не боится как черт.
III *как в тексте.*
945—948 I Еще не изжит вопрос
Хозяева ль
II Еще не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый росс
[Повеле]
Хозяи<н>

III *как в тексте.*
949—952 I Интернациональный дух
[Мир не его идей]
Прет из его рожон.
Сегодня он гневен не вслух,
А завтра придет с ножом.
II *как в тексте.*
953—956 I Повстанчество [есть] это сигнал.
Поэтому сказ мой весь.
И тот, кто крыло поймал,
Должен всю птицу съесть.
II *как в тексте.*
967 I Тогда этот дерз<кий>
II *как в тексте.*
969—970 I Когда хоть бандитов сто
Будет качаться рядом.
II *как в тексте.*

После 972 первоначально следовали слова Рассветова, *строки 978—985.*

978—981 I Мы китайцу пошлем ответ,
Чтоб он просто следил
II Как хотите,
Так и называйте.
[И чтобы]
Но
Чтоб больше наш спор
Не шел о том

После 985 *записаны слова* Чекистова, *строки 973—977 и простановкой цифр порядок строк изменен, как в тексте.*

Далее после ремарки и реплики Чекистова *проведена черта и обозначено:* II.

Заглавие: I Дом
II В доме за городом

Ремарка:

I Хорошо обставленная квартира. Номах сидит в кресле задумавшись. Он по-видимому только что вернулся. Сидит не раздетый в цилиндре и манто. [В дверь стучат] Город К.

II Хорошо обставленная квартира. Номах сидит на крыле кресла, задумавшись. Он по-видимому только что вернулся. Сидит не раздетый. В цилиндре и манто. В дверь кто-то барабанит пальцами.

Далее после этой ремарки следовала реплика Номаха:

I Кого еще черт несет?

II Кого еще несет?

Затем реплика Номаха *зачеркнута и продолжена ремарка:*

I Номах, как бы пробуждаясь от дремоты, идет осторожно к двери, [пр] [подход<ит>] прислушивается, смотрит в замочную скважину.

II Номах, как бы пробуждаясь от дремоты, идет осторожно к двери, прислушивается и смотрит в замочную скважину.

987 I Кто здесь стучит?

II *как в тексте.*

После 991 *ремарка:*

Барсук
(входя и закрывая дверь)

998–999 I За вами следят. Нас словят

II За вами следят.
Нас словят.

III За вами следят.
Нас ловят.

1002 I Конечно, не из своих пальцев.
II *как в тексте.*
1004 [Да] Да... помню.
1007 I Неужели он?..
II *как в тексте.*
1008 I Да б<?>
II *как в тексте.*
После 1008 зачеркнуто:

Номах

Посмотрим, кто кого перехитрит.

Барсук

Затем продолжены слова Барсука:
1009—1010 I Лишь только вы вышли за дверь
Китаец пошел за вами.
II *как в тексте.*
1011 I Я о
II *как в тексте.*
1013—1014 I На ваг<он?>
II Я видел, как вы сели в вагон.
Как он
III Я видел, как вы сели в вагон.
Он сел в соседний.
IV *как в тексте.*
1017 I Сел и сам.
II Сел я сам.
III Сел сам.
1018—1019 I Я здесь уже пятый день.
II Я здесь, как и вы,
10 дней.
III *как в тексте.*
1020 I Но ты уверен, что
II *как в тексте.*

1021 I Это еще не все
II *как в тексте.*

После 1021 *зачеркнуто*:

Н о м а х

Что же еще?

Б а р с у к

Затем продолжен монолог Б а р с у к а:

1022—1024 I Я следил за ним по пятам.
И вчера видел, вы выходили
Из дому
II *как в тексте.*

1030—1032 I У меня был один вопр<ос>
II Предо мною стоял вопрос
Узнать,
Что хочет этот черт
Желтокожий.
III Предо мною стоял вопрос
Узнать,
Что хочет он, черт
Желтокожий.

1033—1039 I И вот я увидел [тогд<а>] [то<гда>]
На синем телеграфном бланке
Он писал
II И вот на вокзале из-за спины
На синем <*1 сл. нрзб.*> бланке
Я прочел,
Еле сдерживаясь от мести,
[Как это по<?>]
Этот [посл<едний>] мерзавец писал,
Что вы здесь.
III И вот на вокзале из-за спины

На синем бланке
Я прочел,
Еле сдерживаясь от мести,
Отчего у меня [чуть]
Чуть не скочили штаны.
1044–1045 I Нужно, Номах, скорей бежа<ть>
Вы вед<ь>
II Нужно скорей скрываться<?>
III Нужно скорей в побег.
Здесь нам одна дорога
IV *как в тексте.*

После 1051 зачеркнуты слова Номаха:

Я намерен с китайцем
1052 I Но это совсем
II *как в тексте.*

1063–1066 и 1067–1068 *первоначально имели обратный порядок:*

1063–1068 I Я ведь не такой бандит
Как [все] все.
Я бандит особой марки.
Мой бандитизм —
Осознание, а не профессия,
Потому что, когда
II Мой бандитизм особой марки.
Он осознание, а не профессия.
Я ведь не такой,
Каким представляют меня кухарки.
Я весь — кровь,
Мозг и гнев весь я.

Затем порядок строк 1067–1068 и 1063–1066 изменен простановкой цифр, как в тексте.

1069–1074 I Слушай, я тоже когда-то верил

В чувства,
В любовь,
В геройство
И в радость
[Но случайно вывел я]
Но как только пон<ял>
II Слушай, я тоже когда-то верил
В чувства,
В любовь,
В геройство
И в радость.
Но как только
И понял, что все это сплошная гадость*.
1107—1112 I Я верил в восстание,
Шел
II Я верил... я горел...
Я шел с революцией,
Я думал, что братство
[Действи<тельно>]
Не мечта и не сон,
Что все во единое море сольются,
[На]
Все сонмы народов,
И рас и племен.
1113—1116 I Пустая забава!
Сердца отгорели.
И что же? И что же
После
II *как в тексте.*
1117—1119 I Пришли те же жулики,
Те же воры,

---

* Правка строк не закончена.

Ко<торые?>
II Пришли те же жулики,
Те же воры
И законом революции
Всех взяли в плен.
1120—1123 I Но к черту все, к черту!
II Но к черту все это! К черту!
Я далек от жалоб.
[Гру<сть>]
Лирическая грусть
Бандитам не полагается.
1124—1127 I Лишь одного я теперь желал бы,
Как бы покрепче
Одурачить китайца.
II Лишь одного я теперь желаю,
Как бы покрепче
Одурачить китайца.
1134 I На улице <*нач. сл. нрзб.*>
II *как в тексте.*

После 1134 ремарка:

Номах

I *как в тексте.*
II (*подбегает к окну*)
1135—1137 I Как?
Уже?
II Как?
Уже?
О! Их всего шестеро...
1139 I Беги
II *как в тексте.*
1141 I Я говорю, выходи ты!

II *как в тексте.*
III Выходи, не разговаривай!
IV Выходи и не разговаривай!
V *как в тексте.*

1144 I Во<зьми?>
II *как в тексте.*

1147 *отсутствует*

1148 I Меня жд<и>
II Я в полночь приду
III *как в тексте.*

После 1148 ремарка:

([<*1 сл. нрзб.*>] Бежит в другую комнату, тащит ящик и фартук.)
I Барсук [наряжается] быстро подвяз<ывает> фарт<ук> и выходит.
II Барсук быстро подвяз<ывает> фарт<ук>, клад<ет> ящик на плечо и выходит)

1151 I Идут... идут.
II *как в тексте.*

1152 I Вот и они.
II *как в тексте.*

После 1152 — ремарка:

I Отскакивает от двери. В дверь стучат.
II Отскакивает от двери и гасит электричество. В дверь стучат. Как бы раздумывая, Номах немного медлит. Потом опять подходит к двери, только тяжело и звучно отдаются <?> шаги.
III Отскакивает от двери. В дверь стучат. Как бы раздумывая, Номах немного медлит. Потом, осторожно ступая, идет в другую комнату.

Далее незавершенный вариант конца пьесы на обороте 22, 21 и 20 листов:

Номах

I Что угодно?
II Кто здесь?

Голос

I Откройт<е>
II Откройте.

Номах

Что вам надо?

Голос

Нам нужно видеть Номаха.

Номах

По какому делу?

Голос

Это мы скажем лично.

Номах

Хорошо.
(Открывает дверь.)
Входите!
([В дверь] Входят Литза-Хунг, Чекистов и 4 милицейских.)

Чекистов

Это вы Номах?

Номах

Я самый.

Чекистов

Именем закона
Вы арестованы.

Номах

(Притворяясь <*нач. сл. нрзб.*> испуганным)
Как?
По какому делу?

Чекистов

По делу ограбления
Экспресса N 54.

Номах

I Да, я в этом участвовал.
II Я в этом не участвовал.

Чекистов

Золото при вас?

Номах

I Да
II Здесь.

Чекистов

I Потрудитесь [его] указать<?>.
II Потрудитесь показать его.

Номах

I Оно здесь, в ящиках.
II Оно в другой комнате в ящиках.

I *<нач. сл. нрзб.>*
II Чекистов

I Оружие есть?
II Оружие при вас есть?
III Оружие есть?

Номах

Есть.

Чекистов

([*ми*] *обращаясь к милиционерам*)
Обыщите его.
(*Милиционеры обыскивают* [*его*]. *Вытаскиваю<т> браунинг, портсигар, портмоне, блокнот и нос<овые> платки*)

Номах
(*к китайцу*)

[Вы] Литза-Хунг,
Вы ведь квартиру знаете?

Литза Хунг
(*удивленно*)

I Да. Зынаю
II Зынаю

Номах

Я думаю, что я не опасен,
Если выйду в другую комнату.
[Мне нужно переодеться.]

Чекистов

Это мы знаем лучше.

Номах

Уверяю вас... это...
Это ошибка.

Чекистов

I А за черт<ом?> вам
II [Мы] После разберемся
Ошибка это
Или не ошибка.

Номах

Затем весь текст после строки 1152 зачеркнут.

Беловой автограф двух отрывков, ст. 1—102, 103—144 (ИМЛИ).

Заглавие Страна Негодяев
(Отрывок)

Действующие лица не указаны.

Сцена первая

Заглавие: Разговор Чекистова и Замарашкина.

Ремарка отсутствует.

3—4 С блядским холодом, и такой темнотой,

24 Ну и зол же ты брат мой!

31—32 О, если бы теперь рюмку водки...

40—41 Глядь: черви!
Черви, черви!

68 Там тебе не вот эти избы,

72—76 Я знаю, что ты не иностранец.
Я знаю, что ты настоящий жид.
Ругаешься ты, как ярославский вор,—
Но
Фамилия твоя Лейбман.

89 *отсутствует.*

105—109 Видишь ли? Я с детства
Был бедней церковного мыша
И глодал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела
Походить на Гамлета.

111—113 I Ха-ха-ха!
. . . .
А когда немного подрос
Я увидел, что
II Ха-ха-ха!
. . . .
А когда я немного подрос
Я увидел, что

Далее ремарка:

(В темноте слышатся снова чьи-то шаги. Чекистов быстро вслушивается.)

Затем зачеркнуто:

I Чекистов *вписано:*
II Замарашкин
Что такое?

Далее, как в тексте, слова Чекистова:

116—119 Черт бы взял этого Номаха
И эту банду повстанцев!
Я уверен, что ночью
Ты заснешь, как плаха.

После 139 следуют строки 156—161 — слова Чекистова.

После 161 — строки, не вошедшие в текст:

Ну их к черту!
Мы с тобой за всеобщее уравнение
И за хорошие ужины для всех.

После 144 ремарка отсутствует.

Беловой автограф с авторской правкой (частное собрание, Москва):

Персонал

I Комиссары из <*1 сл. нрзб.*> охраны
II Комиссар из охраны железн<одорожных> линий

Далее, как в тексте.

Часть первая

Ремарка: I Снежная чаща. [Ночь.] Железнодорожная будка Уральской линии. Часовой, охраняющий линию, ходит <*нач. сл. нрзб.*> с одного конца в другой.
II Снежная чаща. Железнодорожная будка Уральской линии. Чекистов, охраняющий линию, ходит с одного конца в другой.

2 I Что за такой<?>
II *как в тексте.*

46 I Что ж делать
Когда выпал нам такой год?
II *как в тексте.*

После 47 зачеркнуто:

Такой год!

50 I Там. Но вот
II Там. За Самарой
Я слышал
III *как в тексте.*

После 139 следуют строки 158—161 — слова Чекистова.

После 161 — строки, не вошедшие в текст.

Ну их к черту!
Мы с тобой за всеобщее уравнение
И за хорошие ужины для всех.

Ссора из-за фонаря.

155 *отсутствует.*

После 154 *строки, не вошедшие в текст:*

Им не до меня!
Мне не до них.
Каждый ищет свое.
Я ведь не предводитель
И не комиссар продовольствия.
Я самый простой грабитель
Ради собственного удовольствия.
О, Замарашкин!
Если б ты смог понять...
Если бы смог,
Какая поэзия в бандитизме,
Ты бы никогда не пришел на порог
Этой паскудной и трезвой жизни.

275 Чтоб не охрипла в холоде.

286—287 *отсутствуют, вместо них строки, не вошедшие в текст:*

Человечеству печальников не надо,
Кто печалится,
Тот сеет ложь!

Часть вторая

Экспресс № 5

После 330 *зачеркнуто:*

Лобок

Ну, это еще не такое счастье!
Этот песок очень тощий,
А бывает грудой
Из пяти жил при хорошем насте

Можно б в месяц достать и больше
[С каждой]
Мы достали лишь с каждой
По $1\,^{1}/_{2}$ пуда.

Рассветов

Далее, как в тексте, продолжен монолог Рассветова:

515—517 I Но все знают, что здесь до нас
II Знают все, что до наших лбов
Мужики караулили версты
Чтобы ездил
III *как в тексте.*

Часть третья

О чем говорили на вокзале N в следующий день.

После заглавия вставка, отмеченная знаком и пометой „см", написанная на обороте 25-го листа; ремарка и слова Замарашкина *— как в тексте. Затем продолжение сцены — как в тексте.*

После 636 *зачеркнуто*:
Я следы знаю.

Далее записано на полях и также зачеркнуто:

Я знаю его и

Рассветов

Ну?

Замарашкин

Если б не был обижен,
Я, может быть, и не сказал.
Но теперь я отчетливо вижу,

Что он плюнул мне прямо в глаза.

Рассветов

Кто он?

Замарашкин

Номах.

Чекистов

<1 сл. нрзб.> Ты знаешь его?

Замарашкин

Да, знаю. Но об этом потом
Мы случайно учились с ним в детстве...
Нам ведь важно
Узнать о том,
В каком они скрылись месте...
Я думаю, дня через три
Это место будет Киев.

Рассветов

Почему Киев?

Замарашкин

Потому что всякая крыса
От любви попадает впросак.
Есть такая одна актриса,
От которой Номах — дурак.
Нам лишь ловко расставить сети
И добыча вползет сама.
Только нужно всегда на свете
Хоть три лота иметь ума.

Чекистов

Тебе нужно иметь [их] их самому.

Лобок

Брось, Чекистов!

Замарашкин

Далее строка 637 написана над зачеркнутым отрывком, а 638 строка под ним и продолжена, как в тексте.

Замарашкин

659 I Золото, конечно, не с ним
II *как в тексте.*

661 I Нужно впредь их забрать живьем...
II *как в тексте.*

Заглавие: Приволжский городок. Тайный притон с паролем «Авдотья, подними подол».

Ремарка: [2 тайных посетителя] 2 тайных посетителя. Кабатчица, судомойка и подавщица.

После 720 ремарка:
I (насвистывает)
II *как в тексте.*

727 I Как бы нам назад лет 8.
II *как в тексте.*

780—781 Хыодя очинь бедыный.
Тывой шибыко живет

После 806 ремарка:
I И уходит<?>
II *как в тексте.*

После 875 ремарка:
I (Быстро прощается и уходит.)
Из кухни появляется китаец и неторопливо выходит вслед за ним. Опьяневшие посетители садятся на свои места. Барсук берет шляпу и выходит.

13—5762

II *как в тексте.*

После 889 *ремарка:*

Тыкается носом в стол. Платов тоже.

Далее продолжение ремарки, как в тексте.

Часть четвертая

Киев

Ремарка: Хорошо обставленная квартира. [Номах] На стене большой, во весь рост, портрет Петра Великого. Номах сидит на крыле кресла, задумавшись. Он, по-видимому, только что вернулся. Сидит [не раздетый] в шляпе. В дверь кто-то барабанит пальцами. Номах, как бы пробуждаясь от дремоты, идет осторожно к двери, прислушивается и смотрит в замочную скважину.

1117—1119 I Пришли те же жулики, те же воры,
<1 ст. нрзб.>
II Пришли те же жулики, те же воры
И всех с революцией
III Пришли те же жулики, те же воры
И вместе с революцией
Всех нас взяли в плен.
IV *как в тексте.*

После 1121 вместо 1122—1123 следуют строки, не вошедшие в текст:

Лирическая грусть
Бандитам не полагается.

После 1162 ремарка:

(Отскакивает от двери. В дверь стучат. Как бы раздумывая, немного медлит. Потом неслышными шагами [прох<одит>] идет в другую комнату.)

Глаза Петра Великого.

Ремарка: Осторожными шагами Литза-Хун идет к той комнате, в которой скрылся Номах. На портрете глаза Петра начинают моргать и двигаться.

Далее продолжение ремарки, как в тексте.

Бак. раб., 1924, 29 сент., № 220, ст. 317—473; Стр. сов., с. 35—39, ст. 317—473.

Заглавие Страна негодяев
(Отрывки из драматической поэмы)

Заглавие сцены отсутствует.

Ремарка отсутствует.

322—327 *отсутствуют.*

328 Можно ль подумать

330 Мы открыли 5 золотоносных жил.

334 Выдавая один пуд
За пять пудов.

339—340 А дело было под шепот,
Просто биржевой трюк.

348—351 *отсутствуют.*

358—359 Что без виски и мисс
Мы валялись с тобою в ямах.

378—379 Он мне сквозь трубочный дым
Пробулькал:

383—384 И будем туда стрелять,
Куда нам прикажет Том.

400—402 «Открылась золотая жила,
Приезжайте немедленно.
Том».

412 Мне до дьявола противны

И те и эти.
417–426 *отсутствуют.*
429–433 Можно сказать пред всем светом,
Что в Америке золота нет.
Там есть нефть, там есть соль и уголь
И железной много руды.
438–439 Тот, кто жить или мыслить устал,
Прозябает в ее краях.
451 Перерезало рельсами поле
462–465 От чукота и до испанца,
Проходимец и джентльмен
Все в единой графе считаются
Одинаково бизнесмен.

Бак. раб., 1924, 29 сент., № 220:
407 И что же, Рассветов!
Стр. сов., с. 35–39:
391 Лишь только зардел восток,
407 И что же, Рассветов! Что же?
409–411 Не все ли равно, какой роже
Капиталы текут в карман.

Город и деревня, 1925, № 18, с. 39–40, ст. 317–533

Заглавие: Номах
(Отрывок из пьесы).

Экспресс № 5

К заглавию сноска:
Номах — имя бандита. Рассветов и Чарин — комиссары. Время действия 1921–1922 гг.

407—426 *отсутствуют, пропуск обозначен строкой точек.*

474—475 Да, Рассветов! но все же, однако,
Ведь золота и мы хотим.

478—493 *отсутствуют, пропуск обозначен строкой точек.*

502—506 *отсутствуют.*

512—517 *отсутствуют.*

Кр. новь, 1926, № 3, март, с. 128—133, ст. 317—538.

Заглавие: Номах
(Отрывок из пьесы)

Часть вторая.

К заглавию сноска:
Номах — имя бандита. Рассветов и Чарин — комиссары. Время действия 1921—1922 гг.

Ремарка: Экспресс № 5. Салон-вагон. В вагоне страшно накурено. Едут комиссары и рабочие. Ведут спор.

502—506 *отсутствуют.*

Кр. новь, 1926, № 4, апр., с. 112—117, ст. 987—1213.

Заглавие: Номах (Страна негодяев)
(Отрывок из пьесы)

Киев.

1113—1119 *отсутствуют, пропуск строк обозначен строкой точек.*

После 1134 На улице милиция!

Затем ремарка:

Номах
(подбегает к окну)

Сцена за дверью.

После 1156 *к словам Литза-Хуна сноска:*
Переодетый агент Чека.

Песнь о великом походе

Черновой автограф с приложением фотокопии оборота 12-го, последнего, листа (ИМЛИ):

Заглавие отсутствует.

13–16 I Перва песнь о том, что давно было
II Первый сказ о том, что давно было,
А второй [о том] про то, что сейчас всплыло.

После 16 *зачеркнуто:*
Первый сказ к тому,
Чтоб был урок уму.
А второй наш сказ

17–24 I Для тебя я, Русь, эти песни спел,
Потому что был и правдив и смел.
Не боясь ничьей зуботычины
II Для тебя я, Русь, эти сказы спел,
Потому что был и правдив и смел.
Был мастак слагать эти притчины,
Не боясь ничьей зуботычины.

25–26 I Как во городе да во Ипатьеве
II Ой во городе да во Ипатьеве

37–38 Видно, делать ему, знать, нечего

45–48 I Не грустить тут как над судьбиною?
Непослушных бьет он дубиною.
II Не тужить тут как над судьбиною?
Непослушных бьет он дубиною.
49–50 I Услыхал слова молодой стрелец.
II Услыхал те слова молодой стрелец.
55–58 Я сведу тебя прямо в Питер-град.
Приведу к царю, кайся, сукин кот.
61–62 По Тверской-Ямской [что ль] под дугою вбряк
69–70 I Выходил тут стрелец
II Выходил тут царь с высока крыльца,
[Пальцем] В мах дубинкою — подзывал стрельца.
III Выходил тут царь с высока крыльца,
Мах дубинкою—подозвал стрельца.
77–78 I Не гонец я, царь, не братня с Москвой.
II Не гонец я, царь, не родня с Москвой.
85–86 I В кабаке у нас на честной народ
II В кабаке на весь на честной народ
88–89 Ну, сказал тут Петр, вылезай [ка]кось вошь
95–96 I И как сноп
II [И] [Из] Тут задра<л>
III И [упа<л>] навек задрал лапти кверху дьяк.
После 96 *зачеркнуто:*
Это только, ребята, начало
После 105 *зачеркнуто:*
Чарко<й>
108–109 [Сам в] [А] Во немецких одеждах разнаряженный
110–113 I Говорит ли Петр, как
II Говорит наш Петр, что труба орет
III Говорит<ь> начнет, что труба орет

IV Возговорит наш царь, Алек<сеич> Петр
V Взговорит наш царь Алек<сеич> Петр
[Ты] Подойди ко мне дорогой Лефорт.
114–117 Мастер славный ты в Амстердаме был
[У тебя] Русский царь тебе как батрак служил.
118–121 I Он учился там, как держать топор.
II И немало дней и немало пор
Он учился там, как держать топор.
III Он учился там, как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер, в Амстердам опять.

Затем часть строки — «в Амстердам» — *опять зачеркнута и восстановлена вновь.*

124–125 [И с<кажи>] Да скажи, что сейчас
в страшной доле он
126–129 I [Что] В страшной доле я, в гробовой тоске,
Потому что жить не хочу в Москве.
II Я построил град-Питер
III В страшной доле [он] я за родную Русь.
Скоро смерть [идет] придет, помирать боюсь.
130–133 I Много сделал я ч
II Помирать боюсь [от того что] да и жить не рад
Кто теперь блюсти будет Питер-град.
После 133 *зачеркнуто:*
I Кто
II Ни одной души
III Ни одной души бескоры<стной>
После 137 *зачеркнуто:*
На костях своих
141–145 I Вижу часто я, как все мертвые
II Оттого с Невы пред рассветами
III Оттого
IV Оттого подчас в строевой пара<д>

V Оттого подчас, обступая град,
Мертвецы встают в строевой парад.
150—153 I Говорят слова [что] обманул ты нас
II Говорят слова: Мы здесь все цари
На жи
III Говорят слова: Мы всему цари
Попадешься, Петр, лишь сумей помри.
154—157 I [Мы] За чупрын тебя мы возьмем тогда
II Мы сдерем с тебя твой лихой чупрын,
Телеса твои ни за что
III Мы сдерем с тебя твой лихой чупрын,
Потому что ты был собачий сын.
158—161 I И люб<ил>
II Поблажал [во] ты знать со министрами
[На крови на]
[Н] И для них
III Поблажал ты знать со министрами.
На крови для них город выстроил.
Вместо 166—169 следует строки 208—211:
I Отобьем о
II И за то, что в
III Мы [возьмем и] сгребем дворян да по плеши им
На фонарных столбах перевешаем.
Далее *зачеркнуто:*
Заберем дворцы, станем
После 173 *зачеркнуто:*
Эй ты [сердяга] доля сердяжная,
Русь холщовая и сермяжная.
174—178 I Вы, конечно, ребята хорошие
Хоть метелью вас крой, хоть порошею.
II Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ хороший,

Хоть метелью вас крой, хоть порошей.

После 182 — строки, не вошедшие в текст:

Это нужно, чтоб песня не глохла,
А то чтой-то во рту пересохло.

196—199 [А] И с того ль, что там всякий сволок был,
[В] Кто всерьез рыдал, а кто глаза слюнил.

200—203 I У могил грус<тил>
II Но с того вот дня [и] да на двести лет
Дураков царей
III Но с того вот дня да на двести лет
Дуракам-царям прямо счету нет.

После 203 зачеркнуто:

Лежит Петр в могиле
Среди всякой безносой гнили
[А пр]
И [бе] погибшие работники,
Каменщики, столяры и плотники
За чупрын его лихой таскают,
Никуда от себя не отпускают.

204—205 [Но] И все двести лет шел подземный гуд

После 207 зачеркнуты варианты начала строк:

И тот гуд
Столяры куз<нецы>
Мы по

Далее вместо 208—211 следуют строки 166—169.

212—213 I Через двести лет совершился <*нач.сл.нрзб.*>
II Через двести лет затряслась земля
III Через двести лет в дождевой октябрь
IV Через двести лет в снеговой октябрь

После 219 варианты начала строк зачеркнуты:

Пулеметы

Уж и как же

220—223 I Ай да славный люд! Ай да Питер-град!
Для тебя
II Ай да славный люд! Ай да Питер-град!
Но с чего же там пушки бьют-палят?

224—225 I Бьют за городом да на все поля.
II Бьют за городом, бьют из-за моря.

228—229 I Много в эти дни совершалось дел.
II Много в эти дни совершилось дел.

После 231 на обороте страницы зачеркнуто:
I Кричат [вс<е>] беззубой пастию
Кончай мол свою Династию
Хо<тят>
II Кричат все беззубой пастию
Кончай мол свою Династию
Там хотят по-другому жить наново,
Не надо нам дома Романова
[Отчаль ты]
Отчаливай, брат-соколик,
Не хотим твоих Сашек и Колек.

Далее после 231 следовали строки 236—247, затем порядок строк изменен простановкой цифр, как в тексте.

244—245 I [Так] Гаркнул «яблочком» молодой матрос
II Гаркнул «яблочко» молодой матрос

После 247 *зачеркнуто:*
Или

248—249 Ой за Явором под Украйною

260—263 I А на помощь им [пре<т>], как лихих волчат
Из Сибири [шлет] прет отряды адмирал Колчак.
II А на помог им, как лихих волчат
Из Сибири шлет отряды адмирал Колчак.

270—271 I Вы воль<но>

II Вы гольем пошли гулять с партизанами.
284—285 А[й] и как же тут злобу не вынашивать?
298—299 I Вдруг под Питером слышен новый гуд.
II Вдруг над Питером слышен новый гуд.
300—303 I [Эй] Эй вставай ты
II [Та] Из земл<и>
III Не поймет никто [отку<да>], отколь гуд идет.
[Ты вставай]
Эй не спи
IV Не поймет никто, отколь гуд идет.
Ты не смей дремать, трудовой народ.
314—315 Кто ж[е] не вспомнит [тогда] теперь речь Зиновьева?
324—331 I А Зиновьев нам речь такую вел
II А Зиновьев всем вел такую речь:
«Братья, лучше нам [в] здесь костьми полечь,
Чем отдать врагу славный Питер-град
С вольной
III А Зиновьев всем вел такую речь:
«Братья, лучше нам здесь костьми полечь,
Чем отдать врагу вольный Питер-град
И идти опять в кабалу назад».

После 331 — строки, не вошедшие в текст:
I Если дождь идет
II Еще дождь идет
III Дождик льет и льет, ты терпи, терпи.
В куртке кожаной, коммунар, не спи.

Далее зачеркнуто:
И о диво глядь
332—335 I А за Доном [ста<ницы>] в стане у Каледина
Распинался волк ехидный кукушеч<кой>
II А за синим Доном станицы казачей
В это время волк ехидный по-кукушьи плачет.

336–339 I Говорит [вой<скам>] Каледин казакам поречным:
[К] Угощайте
II Говорит Каледин казакам поречным:
«Угостите партизанов вишеньем картечным.
340–341 С Красной Армией Деникин [справит<ся>]
Справится, я знаю.
346–347 [Но] А на что ж у коммунаров есть
тов<арищ> Троцкий?
352–355 I Вей-ка [как] кр<епче>
II Вей [сильнее] сильней и крепче ветер полуденный
С нами храбрый Фрунзе, удалой Буденный.

После 335 начало следующей строфы зачеркнуто:
Если петь о чем, так всегда про

Далее начато вновь:
Ура! Наша не подкачала
С этого, братцы,
Идет второе начало.

Затем зачеркнуто и записано:
Налетела на нас нечисть — *и вновь зачеркнуто.*

360–363 I А как вышла тут рать Деникина
Полегла
II А как пошла по ней тут рать Деникина,
В сотни верст легла прямо в никь она.
364–367 I Офицеры на конях
II В стане белых ржут
Вал<ят>
III Над такой бедой в стане белых ржут.
Валят сельский скот и под водку жрут.
368–371 I Офицеры издеваются над слабыми,
Наших баб [они] вовсю, девок
II Мнут крестьянских жен, девок лапают.
Так и надо вам, сиволапые!

После 371 зачеркнуто:

Распла<тись>

380—383 I Ай ты, белая сирень, голубой палисад!
Как на нашей стороне никто жить не рад.
II Ой ты, синяя сирень, голубой палисад.
На родимой стороне никто жить не рад.

384—385 I Хаты б<рошены>
II [От] Опустели поля, хаты брошены
III Опустели огороды, хаты брошены

388—389 I И прибита рожь и примят
II И прибит овес и примята рожь.

После 391 следуют строки, в тексте ставшие 428—447. В автографе они отчеркнуты автором на полях, но перенос не отмечен:

I Офицерская знать при Деникине
[Раз] [Б] Что ль
II Мужики в Москву босиком бегут
III Бедный люд в Москву босиком бежит.
[А] И от стона и от рева вся земля дрожит.
IV А за Белградом окол Харькова
Кровью нивь мужиков перехаркана.
Бедный люд в Москву босиком бежит,
И от стона и от рева вся земля дрожит.
Ищут хлеба они, просят милости,
Ну и как же буйной воле тут не вырасти.
[В] У околицы гуляй-полевой
Собирал [пастух] Махно буйны головы.
Да как [свистнул он] нача жечь, как давай палить,
У Деникина аж живот болит.

392—395 I Если дождь идет и
II Но сильней всего те встревожены,

		Что не спят ночьми в куртках кожаных.
400–403	I	Вот под Павловском первый
	II	Уж под Павловском страшный бой идет,
		А не зрим еще роковой исход.
	III	Там под Павловском страшный бой кипит,
		Этот бой ро<ковой>
	IV	Там под Павловском страшный бой кипит,
		Питер траурный без огней не спит.
404–407	I	Ждут
	II	Миг и вот сейчас [в] враг проломит все,
		И навек мечту
	III	Миг и вот сейчас враг проломит все,
		И прощай мечта городов и сел.
408–411	I	Но тому, кому см<ерть>
	II	В бедных хижинах л
	III	[Но] Но тому, кому смерть глядит в упор
		В куртки
	IV	Пот и кровь струит с лиц встревоженных,
		Бьют и бьют людей в куртках кожаных.
412–413	I	Тр<упы>
	II	Как снопы лежат трупы по полю.
416–417	I	Но еще напор и еще, еще
	II	Но напор от нас все сильней, сильней.
420–423	I	На десятый день вдруг
	II	На десятый день не сдержался враг
		[Глядь б<ежит>]
		Насм<ерть>
	III	На десятый день не сдержался враг
		И пошел чесать по кустам в овраг.
424		Наши [в зад] в зад им: «Крой!»
426		Ай да смелый люд.
448–451		Эх ты песня! песня!

Если что на свете
Чудесней.

После 456 зачеркнуто:

Это надо чтоб песня не глохла,
А то чтой-то во рту пересохло.

457—464 I [Ох] Ах, яблочко! [Как] Уж ты подъедено.
Бьют Деникина, бьют Каледина.
[Ах] [Ты] Цветочек мой, цветик маковый,
Ты скорее, адмирал, отколчакивай.

Эти строки не зачеркнуты, а на следующей странице записаны в иной редакции:

II Ах яблочко, уж ты подъедено.
[Нет] Бьют Деникина, бьют Каледина.
Цветочек мой, цветик маковый,
Ты скорей, адмирал, отколчакивай.

465—468 I И за Волгой гром и за Доном гул
[Кровь]
Вспоминай

II И за Волгой гул и за Доном гром.
Из Украйны Крым достать хоть

III И за Волгой гул и за Доном гром.
[Защи<щает>]
Каждый в поле защищает свой отцовский дом.

IV И за Волгой гул и за Доном гром.
Каждый в битве защищает свой отцовский дом.

469—472 I Под Казанью беда, под Казанью

II Надоело мужикам

III Ой [за] под

IV [Кож] Курток кожаных на Дону не счесть,
[Есть] У нас тол<ько?>

V Курток кожаных под Донцом не счесть,
[А за Во<лгою>]

А за Сызранью волжской лугово<й>
VI Курток кожаных под Донцом не счесть,
Видно, много в Петрограде этой масти есть.

После 472 — варианты строк, не вошедших в текст:
I Осерчал мужик да как хвать топор
И пошел врага колотить в упор.
II [А] Там по Питеру в туман
III Бьет Буденный
IV Бьет деникинскую рать у Донца студеного
Защищая власть Советов конница Буденного.
V Бьет деникинскую рать у Донца студеного
Наша гордость, наша стать, конница Буденного.

473–474 I Ой на
II В стане белых про<клятия>
III В стане белых стон и проклятия
IV В стане белых вопль, в стане белых стон.

477–480 I [Офицеры] Офицер молодой
II В стане белых [визг] пир, в стане белых бред.
[Напоследок на]
Что-то завтра им пок<ажет?>
III В стане белых пир, в стане белых бред,
Как пожар стоит золотой рассвет.

481–484 I В кабаках
II Там
III И во всех кабаках огни светятся
Завтра многие [из них] друг с другом уж не встретятся.

485–488 I Там все пьют за царя, за святую Русь,
В ласках бандерш и шлюх забывают грусть.
II И все пьют за царя, за святую Русь,
В ласках знатных шлюх забывая грусть.

491–492 I Вонь портяночная от лихих солдат.

II Вонь портяночная от сапог солдат
493–494 I Уморилась орда
II Завтра еле свет нужно снова в бой
499–500 I В че<рной>
II В куртке кожаной коммунар не спит.

513–514 и 515–516 первоначально имели обратный порядок, затем простановкой цифр порядок изменен, как в тексте:

513–516 I Весь свой век тогда в нищете вам жить,
Пой же лучше
II Всем весь век тогда в нищете корпеть,
Будет крыть вас кнут, будет крыть вас плеть.
III Будет крыть нас кнут, будет крыть нас плеть.
Всем весь век тогда в нищете корпеть.
517–520 I Ве<сь>
II Не видать [тогда] нам
III С [гнев] горьким гневом губ утерев слезу,
Ротный наш стона<л>
IV С горьким гневом рук утерев слезу,
Ротный наш с тех слов сапоги разул.
521–522 I На, сказал
II [На, ск<азал>] Громко кашлянув —
На, сказал мне
III Громко кашлянув — На, сказал он мне
Дома нет сапог[ов], отвези жене.

После 528 зачеркнуто:

Враг
И под градом пуль в с

Далее следуют строки, не вошедшие в текст.

I Эх ты, яблочко, цвету разнаго,
Бей того... которого... буржуазного.
II Эх ты, яблочко, да цвету разнаго,

Бей того... которого... буржуазного.

529—536 I Пуля бьет слегка

II Пуля входит в грудь, как пчелы ужал.
В куртке кожаной комиссар [бежал] лежал.
Ротный молча

III Пуля входит в грудь, как пчелы ужал.
[Ком<мунар>] Наш отряд тогда впереди бежал.
<*пропуск 1 строки*>
Коммунар ничком в землю носом лег.

IV Пуля входит в грудь, как пчелы ужал.
Наш отряд тогда впереди бежал.
За лощиной пруд, а за прудом лог.
Коммунар ничком в землю носом лег.

537—540 I Мы вперед, вперед. Враг назад, назад.
[А на́ помощь нам вдруг еще отряд]
Вот и город их

II Мы вперед, вперед. Враг назад, назад.
Мертвецы пусть так под дождем лежат.
[<*1 сл. нрзб.*>] с Донца

После 540 — строки 541—544 написаны на обороте последнего листа поперек страницы. За ними следует знак отбивки звездочками и зачеркнутые строки:

Чам-ча́ра! Ча́ра-ча́ра, чара́-ра-ра́ куку
Гляди-смотри — у ротного булатный нож в боку.
Бежим вперед под дождиком, нам не видать ни зги.
И скрылись за курганами разбитые враги.

Продолжение текста следует на второй половине оборота листа. Выполнено вдоль листа.

545—548 I Ко<нчен?>

II Вот и кончен бой, плещет красный флаг.
За куканом скрылся
III Вот и кончен бой, плещет красный флаг.
Не жалея пят удирает враг.

549—550 и 551—552 первоначально имели обратный порядок, затем простановкой цифр порядок изменен, как в тексте.

549—552 I [Рот<ный>] Молча ротный наш сапоги надел,
Удивленный тем, что остался цел.
II Удивленный тем, что остался цел,
Молча ротный наш сапоги надел.
555—556 Я [их] [и] их сам теперь износить горазд.
557—560 I Ну [добавил] прибавил он: Слав<ный>
II Вот за эфтот бой чрез недели две
III Вот и кончен бой, тот кто жив, тот рад.
Ой ты славный люд, ой ты Питер-град.

После 560 — строки, не вошедшие в текст.

[Эту песн<ь>] Эту песнь ты спел первым голосом.
Пусть теперь нам рожь вторит колосом.
561—572 I От полуночи [здесь] до бела утра
[Бродит]
[За] Над Невой рекой бродит тень Петра.
III От полуночи до синя утра
Над Невой твоей бродит тень Петра.
Бродит тень Петра да любуется
На кумачный цвет в наших улицах.
В берег бьет вода [белой взаледью] пенной индевью
Корабли плывут будто в Индию...

Журн. «Звезда», Л., 1924, № 5, нояб., с. 5—18.

17—24	*отсутствуют.*
47—48	Непослушных бьет Он дубиною.
55—57	Я сведу тебя Прямо в Питер-град. Приведу к царю...
166—169 и 208—211	*имеют обратный порядок.*
232—235	*после 247-й строки.*
248—249	Ой за Явором, Под Украйною
336—337	Говорит Каледин Казакам поречным:
352—353	Вей сильней и крепче, Ветер полуденный.
388—389	И прибит овес, И примята рожь.
392—395	Но сильней всего Те встревожены, Что не спят ночьми В куртках кожаных.
426	Ай да смелый люд!
457—460	Ах, яблочко, Уж ты подъедено, Бьют Деникина, Бьют Каледина.
465—466	И за Волгой гул, И за Доном гром.
После 472	
	Бьет деникинскую рать У Донца студеного

Наша гордость, наша стать —
Конница Буденного.

473–474 В стане белых вопль,
В стане белых стон.

477–478 В стане белых пир,
В стане белых бред.

После 528

Эх ты, яблочко,
Да цвету разного
Бей, того... которого...
Буржуазного.

546 Плещет красный флаг.

559–560 Ой ты, славный люд,
Ой ты, Питер-град.

После 560

Эту песнь ты спел
Первым голосом,
Пусть теперь нам рожь,
Вторит колосом.

565–566 Бродит тень Петра
Да любуется,
На кумачный цвет
В наших улицах.

Авторизованный список рукой В.И.Эрлиха с авторской правкой (ГЛМ):

336–337 Говорит Каледин
Казакам поречным:

352–353 Вей сильней и крепче
Ветер полуденный.

400–407 и 408–415 имеют обратный порядок.

457–460 Ах яблочко,
Уж ты подъедено,
Бьют Деникина,
Бьют Каледина.

523–524 I «...Дома нет сапог,
Отвези жене».
II *как в тексте.*

565–568 Бродит тень Петра
Да любуется,
На кумачный цвет
В наших улицах.

Журн. «Октябрь», М., 1924, № 3, сент.-окт., с. 149–155.

336–337 Говорит Краснов
Казакам поречным:

352–355 Вей сильней и крепче,
Ветер полуденный.

400–407 и 408–415 имеют обратный порядок.

457–460 Ах, яблочко,
Уж ты подъедено.
Бьют Деникина,
Бьют Каледина.

565–566 Бродит тень Петра
И дивуется
На кумачный цвет
В наших улицах.

После 568

На кумачный цвет
Нами вспененный
Супротив всех бар
Знаком Ленина.

Поэма о 36

Черновой автограф (РГАЛИ):

Заглавие 26
Баллада

1–3 I Много в России троп
Есть< ?>
II Много в России троп,
Что ни тропа — то гроб.
III *как в тексте.*

7–9 I До енисейских мест
Шесть тысяч один сугроб.
II До енисейских мест
[Сто] Шесть тысяч один
Сугроб.

Далее без разделения строк на полустишия.

10–19 I Всем нам тот тракт знаком
Лесным непролазным мешком.
Там, где шумит тайга,
Где вязнет в снегу нога,
Попробуй идти пешком.
II Всем нам тот тракт знаком.
Слепым непролазным мешком.
Но там, где шумит тайга,
Где вязнет в снегу нога,
Попробуй идти пешком.
III Синий уральский ском
[На кар<те>]
Каменным лег мешком,
За скомом шумит тайга.
Коль вязнет в снегу нога,
Попробуй идти пешком.

После 19 *зачеркнуто:*
На карте родной страны
Затем строфа начата вновь:
24–29 [Но если]
Но если ты слаб и лег,
[В] То [в сумерк<и>] тайно пробравшись в лог,
Тебя отпоет шакал.
35–38 I Если захочешь в лес,
То распростись с головой.
II Если ты хочешь в лес,
Не дорожи головой.
39–42 I Ссыльный солдату не брат.
Разве свободен солдат.
II Ссыльный солдату не брат.
Сам подневолен солдат.
47–48 I Так что вернись назад.
II Но ты не иди назад.
53–54 I Кто под кандальный дзин
II А ты под кандальный дзин
Жарь< ?>, как седой Баргузин.
III А ты под кандальный дзин
Шпарь, как седой Баргузин.
59–68 I Там за Уралом дом.
Разве так плохо в нем?
Всех <*2 сл. нрзб.*> на угон.
II Там за Уралом дом.
Разве так плохо в нем?
Всех на расход<?> на угон.
III Там за Уралом дом
Разве так плохо в нем?
Дома отец и мать
<*пропуск*> вспомин<ать>

Далее оставлена лишь первая строка, другие зачеркнуты и на полях против зачеркнутых строк строфа дописана:

IV Там за Уралом дом.
Степь и вода кругом.
В синюю гладь окна
Скрипкой поет луна.
Разве так плохо в нем?

79—82 I Если ж, где отчая весь,
Свет<лая ?> девушка есть,
Девушк<а>

II Если ж, где отчая весь,
Стройная девушка есть

После 97 *следует строфа, не вошедшая в текст после десятой строфы:*

Много в России троп.
Что ни тропа — то гроб,
Что ни верста — то крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один сугроб.

98—101 I Тяжко идти средь пург.

II Колкий, пронзающий пух.
Тяжко идти средь пург.

108—117 I Там на затворах дверь,
Ходишь, как в клетке зверь.
Дума всегда об одном:
Что там в краю родном?
Что за окном теперь?

II Там, упираясь в дверь,
Ходишь, как в клетке зверь.
Дума всегда об одном,
Может, в краю родном
Стало не так теперь.

120—123 I В камере тесной темно

Хочется вырвать окно
II Друг или мать, все равно.
Хочется вырвать окно
127–136 I Длителен каторжный час.
Зорок солдатский глаз.
Можно ли здесь убежать?
Если ты хочешь знать,
Я знаю один рассказ.
II Но долог тюремный час.
И зорок солдатский глаз.
Если ты хочешь знать,
Как тяжело убежать,
Я знаю один рассказ.
137–146 I Голосом сдавленным
II Друг мой, земной мой брат
Стройный у пес<ни>
III Их было двадцать шесть,
В камере негде сесть.
[В окна<х>]
Окна — бурунный вспург.
Крепко стоит Шлиссельбург.
Вам его не разнесть.
IV Их было тридцать* шесть.
В камере негде сесть.
В окнах бурунный вспург.
[Но] Крепко стоит Шлиссельбург.

---

* „Двадцать" зачеркнуто; „тридцать" вписано, скорее всего, Г.А.Бениславской простым карандашом (автограф выполнен Есениным чернильным карандашом). Исправление внесено, видимо, позже, по указанию Есенина, когда было принято решение об изменении заглавия. Подобные исправления далее — в строки 205, 221, 266, 290, 369, 434 и 472 автографа — не внесены.

Море поет ему песнь.
149–152 I За то, что был горд и смел,
[За] Что в гневной своей тщете
156–165 I Вы помните
II Ты помнишь, конечно, тот
Клокочущий пятый год,
[На волны<?> [*<1 сл. нрзб.>* баррикад]
Когда из хламья <?> баррикад
Целился в брата брат.
Тот в голову, тот в живот.
III Ты помнишь, конечно, тот
Клокочущий пятый год,
Когда из-за стен баррикад
Целился в брата брат.
Тот в голову, тот в живот.
166–169 I Один защищал закон,
Который поддерживал трон.
II Один защищал закон,
Невольник, влюбленный в трон.
176–184 I Ты помнишь, конечно, как
<2 сл.нрзб.> казак
II Ты помнишь, конечно, как
Нагайкой свистал казак
Детей, стариков и жен.
И, словно корабль, погружен
Был край в непроглядный мрак.

Затем первые две строки варианта этой строфы оставлены, остальные зачеркнуты и варианты строк 180–184 записаны на полях против строк 176–179.

III Ты помнишь, конечно, как
Нагайкой свистел казак.
[Струился <?>]
[Тогда]

[Тогда к]
[Тогда от]
[И лю<ди>]
[И люди броса<ли>]
IV Ты помнишь, конечно, как
Нагайкой свистел казак?
Тогда у склоненных ниц
С затылков и поясниц
Капал [бурдовый] горячий мак.
185–188 I Я знаю, конечно, ты
Видал на зем<ле>
II Я знаю, наверно, ты
Видал на снегу цветы,
III Я знаю, наверно, и ты
Видал на снегу цветы.
195–198 I Но тех цветов не видал,
II Но я тех цветов не видал,
Был глуп, неразумен и мал.
III Но тех я цветов не видал
Был еще глуп и мал
214–219 I Раз комендант пришел
II Раз комендант сказал:
«Тесен для вас зал.
[Пяте<ро>] Пять я таких приму
227–232 I Рельсы грызет паровоз.
[Много]
Разве уместен вопрос:
Куда их доставит он?
II Рельсы грызет паровоз.
Тот ли<?> уместен вопрос:
Куда их доставит он?
III Рельсы грызет паровоз.
Разве уместен вопрос:

Куда их доставит он?
242–243 I Поезд на всем скаку.
II Поезд на всех парах.

После 251 зачеркнуто:

I Вдруг<?>
II Поле и снежный звон.
Клетчатый мчится вагон.
Вдруг

252–261 I Может случиться с тобой
[Что]
То, что достанешь киркой,
Дочь твоя там, вдалеке,
Будет на правой руке
Перстень носить золотой.
II Может случиться с тобой
То, что достанешь киркой,
Дочь твоя там, вдалеке,
Будет на левой руке
Перстень носить золотой.

266–268 I Вдруг двадцать первый встал
Шепотом всем<?> сказал
II Вдруг двадцать первый встал
И шепотом так сказал

281–289 I Клетку уж я пропилил,
Выгнул
II Клетку уж я пилой...
Выручил снежный вой.
Вы заградите меня
Подле окна от огня,
Чтоб часовой не видал.
IV Клетку уж я пилой...
Выручил снежный вой.
Вы ж заградите меня

Подле окна от огня,
Чтобы конвой не видал.
V Клетку уж я пилой...
Выручил снежный вой.
Вы заградите меня
Подле окна от огня,
Чтоб не видал конвой.

290—293 I Двадцать стоят в ряд,
[Громко] Будто о чем говорят,
Поле и белый снег
[Каждый]
Тихо свершался побег
II Двадцать столпились в ряд,
Будто о чем говорят,
Будто глядят на снег.
Разве так труден побег,
Если огни не горят?

300—301 I Их было только пять.
II Их оставалось пять.

329—330 I <*1 сл. нрзб.*> на окнах пух.
II Глянешь, на окнах пух.

342—346 I Ночью скребет и скребет,
Льется
II Ночью скребет и скребет,
Капает с носа пот.

347—350 I Раз на ра<згрузке>
II Раз при нагрузке дров
Он поскользнулся в ров.

377—380 I Я вспоминать не горазд,
[В]
В жизни живут лишь раз.

Затем порядок строк изменен простановкой цифр:

II В жизни живут лишь раз,

Я вспоминать не горазд.
381–382 I Скверный сибирский чалдон
II Глупый сибирский чалдон
390–395 I Толь<ко?>
II Знаю одно: без грез
Даже в лихой мороз
Славно на сене спать.
415–424 Быстро бегут дни.
День колесу сродни.
Ты помнишь, конечно, тот
Метельный семнадцатый год,
Когда разошлись они?
448–449 I [К] И каждый наш<ел>
II У каждого был свой дом.
III У каждого новый дом.
460–463 I Тот, кто теперь задремал,
Уж не подымет глаз.
II Тот, кто теперь задремал,
Уж не поднимет глаз.
464–467 I Тихая син<яя?> весь,
II Теплая синяя весь,
Всякие песни есть...

Беловой автограф с авторской правкой (ИМЛИ); *беловой автограф с авторской правкой (ГЛМ):*

Заглавие 26*
Баллада

---

* Впоследствии в соответствии с изменением заглавия в строках 137, 205, 221, 266, 290, 369, 434, 472 в тексте „двадцать" заменено на „тридцать".

После 97 зачеркнуто:

Много в России
Троп,
Что ни тропа,
То гроб.
Что ни верста
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

392—395 Даже в лихой
Мороз
Славно на сене
Спать.

415—424 I Быстро бегут
Дни.
День колесу
Сродни.
Ты помнишь, конечно,
Тот
Метельный семнадцатый
Год.
Когда разошлись
Они.
II *как в тексте.*

Машинописный список с правкой Г.А.Бениславской (РГАЛИ):

Заглавие 36
Баллада

77—78 В лунном мерцании
Хат.

После 97 следует строфа, не вошедшая в текст после десятой строфы:

Много в России
Троп,
Что ни тропа,
То гроб.
Что ни верста
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

392—395 Даже в лихой
Мороз
Славно на сене
Спать.

419—424 Ты помнишь, конечно,
Тот
Мятежный семнадцатый
Год,
Когда разошлись
Они?

З. Вост., 1925, 25 сент., № 686:

419—424 Ты помнишь, конечно,
Тот
Мятежный семнадцатый
Год,
Когда разошлись
Они?

Р. сов., с. 9—27:

75—78 Всякий ведь в жизнь
Влюблен
В лунном мерцании
Хат.

Наб. экз. (вырезка из ОРиР)
75—78 Всякий ведь в жизнь
Влюблен
В лунном мерцании
Хат.
129—130 Зорок солдатский
Глаз.

Анна Снегина

Черновой автограф (РГАЛИ):
Заглавие зачеркнуто:
Радовцы
Повесть
Посвящение отсутствует.

I

5—8 I Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища и поля.
Еще по всему угодью
Рассажены тополя.
II *как в тексте.*
После 8 зачеркнуто:
Избушки хоть крыты соломой,
Зато почти каждый мужик
14 I Кто
II как в тексте.
17 I Мы пл<атим>
II *как в тексте.*
21 I Но что<б>
II как в тексте.
23—24 I Но кто же захочет к власти
Попасть, как
II *как в тексте.*

После 28 *зачеркнуто:*
I Пройдет ли мужчина иль женщина
II И *<1 сл. нрзб.>* мужчина иль женщина
Ходили
III Пройдет ли мужчина иль женщина
Из нашего, значит, села.

Затем строки начаты вновь:

29—30 I Житье у них было плохое
Почти что все сорок дворов
II *как в тексте.*

34 I Бы<ла>
II *как в тексте.*

37—38 I Но мы-то причем виноваты?
II Ну, мы их однажды слов<или>
III Однажды мы их захватили.
Они в топоры, мы тож.
IV *как в тексте.*

39—40 I От звона дробящейся стали
По телу катилась дрожь.
II *как в тексте.*

45—46 I Потом их судили
II Потом кандалы и стража,
Дело полезло вширь.
III На нашей бурливой стачке <?>
Мы делу условили ширь.
IV На нашей бурливой сходке
Мы делу условили ширь.

49—52 *строки написаны на полях и отмечены знаком вставки.*

49 I С тех пор у н<ас>
II *как в тексте.*

51—52 I Почти что три года кряду

У нас что ни осень пожар.
II Почти вся собачья стая<?>
Как только
III Почти что три года кряду
У нас иль падеж иль пожар.
IV *как в тексте.*
53–54 I Такие печальные вести
Узнал
II *как в тексте.*
55–56 I Я в радовские предместья
Ехал с войны отдохнуть.
II *как в тексте.*
57–59 I Война мне всю душу изъела.
[Пустой и ненужный дала]
Свое
II Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
III *как в тексте.*
61–62 I Я понял, что я игрушка
В руках
II *как в тексте.*
63 I И твердо простившись с пушкой
II *как в тексте.*
66–67 I Купил себе «липу» и вот
Большую провел подготовку
II *как в тексте.*
69–72 I Вы свергнули власть дворянства,
Но что-то почудилось мне
Совсем неродное
II Мы свергнули власть дворянства,

Но как-то почудилось мне
Другое коварное чванство
Керенский на белом коне.
III Мы свергнули власть дворянства,
Но как-то почудилось мне
Другое коварное чванство
В Керенском на белом коне.

77—78 I Но все же не взял я шпагу
И с кажды<м> солдатски<м>
II *как в тексте.*

85—87 I Ну, вот оно, [Радо<во>] наше Радово,—
Промолвил возница,
— Есть!
II *как в тексте.*

101—102 Да что ты? Имеешь ли душу?

107 Десятку иль штучек шесть

118—119 I Да ставь ты скорее, старуха,
Приятелю самовар.
II *как в тексте.*

120—123 и 124—127 — первоначально имели обратный порядок, затем простановкой цифр порядок изменен, как в тексте.

120 В апреле продрогнуть трудно

122 I Но весны <?>
II *как в тексте.*

124 Объятия мельника крýты

130—131 I Ну это совсем хорошо.
Сегод<ня>
II *как в тексте.*

133—134 I А сколько
II И дичи здесь, братец, до чёрта,
Сюда
III *как в тексте.*

139–140 I Чинно
Иду я проведать
II Чинно
Нам в такт отшумел самовар.
III *как в тексте.*
143 I Иду я знакомым садом
II *как в тексте.*
145 I Так мил моим взгл<ядам>
II *как в тексте.*
149 I И женщина в белой накидке
II *как в тексте.*
151–154 I Далекие, милые были.
Тот образ во мне угас.
Мы все в эти годы любили,
И будем любить не раз.
II *как в тексте.*

II

После 163 зачеркнуто:
Ты помнишь ее, конечно,
Мальчишкой
168–171 I Я думаю, как прекрасна
Земля и на ней человек.
II Я думаю, как прекрасны
Земля и на ней человек.
174 I И сколько сгнило
II *как в тексте.*
177 I Су<ровую?>
II *как в тексте.*
После 182 *зачеркнуто*:
О вишни, мои вы вишни!
Я так вам безумно рад,
Что здесь хоть немного неслышней

Рыданий и стонов солдат.
187 У нас теперь здесь [неспокойно?] неспокойно.
196–197 I Прогнали царя... и вот
II Прогнали царя... Так вот
212–215 I Когда-то он в этой чаще,
Вот там, где плотинный плес
Три года назад
II Проклятый в третьёвом годе,
[Как только] Едва
III Проклятый в третьёвом годе,
Когда объявили войну,
Он нагло при всем народе
Убил топором старшину.
IV Он нагло в третьёвом годе,
Когда объявили войну,
При всем православном народе
Убил топором старшину.
216–219 I Живет он кой-где как попало
II Живет он почти как попало
III Живет он
IV Пропала Расея, пропала
V [А э<даких>] И эдаких тысячи стало
Теперь на дорогах
VI Таких теперь тысячи стало
Теперь на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала,
Погибла кормилица Русь.
VII *как в тексте.*
231 I Потом и тебя оглажу
II *как в тексте.*
232–233 I Ты видно забылся
II Ты помни<л>

III Да что ж ты мне утром ни слова
IV Да что ж ты мне утром ни звука
V Чего ж ты мне утром ни слова
Иль
VI Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным там и бряк
VII *как в тексте.*

237 I Я помню их 10 лет
II *как в тексте.*

246–247 I — Серг<ей>
II Звать Сергеем?
— Конечно, Сергеем.
III *как в тексте.*

249–251 I Ты знаешь, он очень забавно
Когда-то в меня был влюблен.
II Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
III Когда-то он очень забавно
В меня б<ыл>
IV Ты знаешь, он очень забавно
V Ты знаешь, он был забавно
Когда-то в меня влюблен.

252 I Важ<ный?>
II *как в тексте.*

263–265 I Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал цветы.
II И шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал овес.
Но солнце
III *как в тексте.*

267–268 I Струилися запахи сладко,
Пропала роса и ту<ман>

II *как в тексте.*
272–275 I Три года
Не зрел я соломен<ных>
II Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Здесь солнечная погода
Сиренью обрызгала тишь.
III *как в тексте.*
290 I Скажи, что там в Питере вышло?
II Тебе, чай, по-верному слышно?
III Что [там] нового в Питере слышно?
291 I С министрами [чай] ты ведь знаком?
II *как в тексте.*
295–297 I [Хороший] Приятный ты парень и свой.
Бахвалишься славой не очень,
Глядишь то сычом, то совой.
II *как в тексте.*

298–299 и 300–302 — первоначально имели обратный порядок, затем простановкой цифр порядок изменен, как в тексте.

299 I И душу кидал на испод.
II *как в тексте.*

После 302 зачеркнуто:

Мы слышим, что будто бы смуты
303–307 I Кричат нам, что землю не троньте,
Не вышел еще, мол, приказ.
За что же тогда на фронте
Калечат и мучают нас?
II Кричат нам, что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?
308–311 I Уж время идет под покосы

Пора проводить рубежи
II С улыбкой кривой и угрюмой
Мне каждый глядит в лицо.
И я, отягченный думой,
Сажусь
III С улыбкой кривой и угрюмой
Мне каждый глядит в лицо,
А я, отягченный думой,
Присаживаюсь на крыльцо.
IV И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в глаза и в лицо,
А я, отягченный думой,
Присел с ними в ряд на крыльцо.
V *как в тексте.*

312—318 I Скрипят и плывут ступени,
Но слышно сквозь муть головы:
— Скажи, кто такое Ленин?
И я отвечаю:
—Он — вы...
II Скрипели, качались ступени,
Но помню под звон головы:
— Скажи, кто такое Ленин?
Я тихо ответил:
— Он — вы...
III Дрожали, качались ступени,
Но помню под звон головы:
— Скажи, кто такое Ленин?
Я тихо ответил:
— Он — вы...

III

После 322 зачеркнуто:

[Но больше всего на свете

Мне нравилось лето и лес]
[Мне нравилось л<ето>]
Я занят был <в?> тем, что ко мне
323 I Однажды, придя с охоты
II *как в тексте.*
334 I И я
II *как в тексте.*
336—337 I Потом, когда [стало] легче стало
Я понял
II *как в тексте.*
340—342 I Я
II Лишь только [ве<ки>] я поднял веки
А здра<вствуйте>
III Я встал. И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой
353—354 I Я даже взгрустнула украдкой,
Лицо ваше гладя рукой.
II Я даже взгрустнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.

После 354 зачеркнуто:

Вы бредили кем-то [не знаю], стонали,
Ругались. Срывали компресс.
355—359 I Да! Нас года изменили.
Все воды бегут в водоем,
Но я [тогда] до безумья любила
[Ваши]
Когда мы сидели вдвоем.
II Да! Не вернуть, что было.
Все воды бегут в водоем.
Я с вами безумно любила
Сидеть у калитки вдвоем.
III Да! Не вернуть, что было.

Все воды бегут в водоем.
Когда-то я с вами любила
Сидеть у калитки вдвоем.

360—363 I Мы вместе мечтали о славе
Вы выбрали верн<ый>
II Мы вместе мечтали о славе,
Но вы угодили в прицел.
А мне в подвенечной оправе
Устроил судьбу офицер.
III *как в тексте.*

После 363:

I Я помнила вас и часто
Хотела вам даже писать.
II Но замужем очень нередко
Хотела вам даже писать.
Ведь я называла вас деткой
И строила строгую мать.
III Но замужем очень нередко
Хотела вам даже писать.
Тогда я звала вас деткой
И строила строгую мать.

Затем простановкой цифр порядок изменен — две первые строки поставлены после третьей и четвертой, после чего все строки зачеркнуты.

364—368 I Я слушал ее и невольно
Оглядывал <?>* легкий стан.
[<*1 сл. нрзб.*>]*
Хотелось, чтоб было больно
В объятьях рукам и устам.
II Я слушал ее и невольно
Оглядывал* стройный лик.

---

* В этом месте автограф поврежден чернильным пятном.

Хотелось сказать: «„Довольно“
Найдемте другой язык!»
369—370 I Но сам почему-то, не знаю,
Сказал
II *как в тексте.*
371—374 Да, да. Я теперь вспоминаю.
Садитесь. Я очень рад.
375—379 I Хотите, я вам прочитаю
Письмо
II Хотите, я вам прочитаю
К любимой п<исьмо>
III Хотите, я вам прочитаю
Посланье к лю<бимой>
IV Я вам почитаю немного
Стихи про кабацкую жизнь.
По форме отделано четко
V Я вам почитаю немного
Стихи про кабацкую Русь.
Отделано четко и строго
По чувству — [разгульная] цыганская грусть
388—389 I Не знаю. Само по себе.
II *как в тексте.*
413 I Завел же волынку, бездельник
II *как в тексте.*
416 Как будто бы кто влюблен
419—420 «С приветом Оглоблин Прон».
424 I Спьяну в печенки и в душу
II *как в тексте.*
426—429 Эй вы, тараканье отродье!
[Идемте к] Все к Снегиной... Р-раз и квас.
После 431 зачеркнуто:
Граждане, иль вы оглохли?

Затем после 431 строки — знак вноски и на полях записаны и зачеркнуты варианты строк:

I Граждане, что ж вы молчите,
Иль не хотите жить?
Я ведь не попечитель,
Я тоже простой мужик.
II Граждане, что ж вы молчите,
Иль вам не хочется жить.
III Граждане, что ж вы молчите,
Иль вам живется впрок?

432–435 I И тут же, меня завидя,
Затронув и Бога, и мать,
Сказал в неподдельной обиде:
«Таких дураков — не сыскать».
II *как в тексте.*

436 I «Ну, что ты мне скажешь, Проша?»
II *как в тексте.*

439–440 I И едем с тобой
II И е<дем>
III И к Снегиной оба
IV И [едем] к Снегиной вместе — просить.

441–443 I И Прон, заложивши клячу,
В оглоблях мосластая шкеть
[С] [Пое] Поехали мы наудачу
II *как в тексте.*

462–463 I Попудрись, пойду отопру».
II Припудрись, пойду отопру».

466 И Прон мой ей бякнул прямо

472 Как будто без мысли, без слуха

475–476 I Спросила скво<зь>
II Спросила меня сквозь грусть
III Спросила меня сквозь жуть

480 Сейчас я отчетливо помню
484–489 I Как будто дрожа от стужи,
В лицо
II Как будто от дикой стужи
Дрожа, она бросила мне:
«Вчера разорвало мужа
Снарядом в бою при Двине».
III Я понял — случилось горе,
И молча хотел помочь.
«Убили, убили Борю.
[Оставьте]
Оставьте. Уйдите прочь.
493 Нет, это уж было с излишком.
495 I Как будто стыдясь оплеухи
II И верной стыдясь оплеухи
III Обидой души не затронув

Затем варианты этой строки записаны на полях:

IV Краснея, как рак, с оплеухи
V *как в тексте.*

IV

505 I Весен<няя>
II В весе<ннюю>
III *как в тексте.*
508–511 I Луна холодней и багровей,
Как будто лохань с водой.
Уже в облетевшей дуброве
Повеяло снежной слюдой.
II Заря холодней и багровей,
[Гляди<т>]
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве

Разносится звон синиц.

После 515

I Ты слышал, али не слышал
[Солдаты-то с фронта]
У [власти] нас теперь новая власть
II Приятно сидеть у лежанки
В вечернюю снежную хладь.
Теперь я [сготовил] готовлю санки.

Затем после этих трех строк обозначен перенос строки:

У нас теперь новая власть

и потом все строки зачеркнуты.

Далее начато вновь и опять зачеркнуто:

I Сегодня завыла вьюга
II Сегодня запела вьюга

516—520 I Я рад и охоте, коль нечем
Души пробудить сон.
Сегодня на счастье под вечер
Пришел ко мне пьяный Прон.
II Я рад и охоте, коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер
Вкатился, как месяц, Прон.

521—525 I [Дрож] Дружище! С великим счастьем,
Настал [наш] столь желанный час!
[Прив]
Приветствую с новой властью!
Земля отошла для нас.
II Дружище! С великим счастьем,
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью,
Теперь мы всех р-раз — и квас!

526—529 I Рабочим теперь

II В России теперь Советы
И Ленин старшой президент.
III [И да<же>]
Без [выкупа] всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.
535 I Едри ж твою бабушку в ногу.
II *как в тексте.*
539 У Прона был друг Лабутя
541–542 I Но только <*пропуск*>
По-заячьи дьявольский тр<ус>
II *как в тексте.*
564 I Медали припрятав
II *как в тексте.*
565 I Хотя
II И важно
III Но с тою же важностью
IV Но с тою же гордо<й>
V Но с тою же ос<анкой>
VI *как в тексте.*
567 Хрипел под сивушною банкой
571 I Страдали от юных лет.
II *как в тексте.*
574–577 I Он первый поехал с Проном
Описывать снегинский дом.
II Хоть Прону и портил он н<ервы>
III Он Прону вытягивал нервы,
И тот материл не судом.
Но все ж он поехал первый
Описывать снегинский дом.
IV *как в тексте.*

578–579 I [Прие] У слабых всегда есть скорость:
Схватить
II В [пр] захвате всегда есть скорость:
Даешь! — разберем потом.

582–586 I А мельник мой. Старый мельник.
Привез их
II А мельник мой. Старый мельник.
Хозяек привез к себе.
Заставил меня, бездельник,
В чужой [ковыряться] полоскать судьбе.
III А мельник мой. Старый мельник.
Хозяек увез к себе.
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.

588–590 I Когда у лежанки я с ней
Сидел
II Когда я всю ночь напролет
Её окружал заботой
III *как в тексте.*

594 I Я вас и его любила.
II *как в тексте.*

596–597 I А вас оскорбила случайно.
II Но вас оскорбила случайно.

600 I Что люди любовью зовут
II *как в тексте.*

601–605 I Конечно
II Помню
III Я знаю, до этой осени
Мне бы любимой быть<?>
IV Конечно, до этой осени
[Я знала бы]
Знала я и счастье

V Конечно, до этой осени
Я знала б счастливую быль.
Потом бы меня вы бросили,
[Как выпитую бутыль]
Как выпитую бутыль...
607 Ни встреч... [ни] ни вобще продолжать.
После 609 *зачеркнуто:*
Скажите по совести, Анна,
611 I Душа уж моя улеглась
II Безучастными сделал глаза
III Запрятав всю боль в глаза
IV Запрятав себя в глаза
V *как в тексте.*
614—618 I «Скажите, вам очень [горько] больно,
Что вот, отобрали все?»
II «Скажите, вам больно, Анна,
Что вот, отобрали все?»
«— Сергей, вы довольно странный.
Конечно, немного жаль».
III «Скажите, вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то недвижно и странно
Она опустила свой взор.
IV «Скажите, вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.
619—621 I Смотрите, уже светает.
Ложится
II Смотрите, уже светает.
Заря как пожар на снегу.
629 I Обоим шестнадцать лет.

II Нам шестнадцать лет.
630—634 I Нет, помнить не надо, не стоит
II Потом, улыбнувшись тихо
III Потом, оглядев меня гордо,
Как будто древесную кладь,
Сказала спокойно и твердо:
«Ну ладно... идите спать».
IV Потом, оглядев меня гордо,
Как будто бы мертвую кладь,
Сказала спокойно и твердо:
«Ну ладно... Идите спать».
V Потом, оглядев меня нежно
[Поправив <?> свою]
И лебедя выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:
«Ну ладно... Пора на покой...»
638 I В до<роге>
II *как в тексте.*
639 I Дорогу найти — без труда,
II *как в тексте.*

После 639 зачеркнуты начала строк следующей строфы:

Не
За
642—643 I Я вскоре уеха<л>
II Я быстро пом<чался>
III Я быстро умчался в Питер
[На] На красногвардейский фронт.

V

646—647 I Видали дворцовые своды
Солдатскую смачную «мать».
II Слыхали дворцовые своды

Солдатскую добрую «мать».
После 647 Возмездье достигло рока.
В[близи] бою не видать лица.
Тогда Мережковские Блока
Считали за подлеца.
[И я, заходя к нему чай пить]
[Но эта паскудная свора]
«Двенадцать» вовсю гремело

Далее на следующей странице текст V-й главы начат вновь.

644 I Далекие, грозные годы.
II *как в тексте.*
После 647 И сам я ругался немало,
Когда буржуазная брысь
Слюною своей заливала
Пожаром взметенную [жизнь] жисть.
[О, время великого вз<лета>]
[Пускай мы сражались неловко]
[Хотя коммунистом я не был]
Хотя коммунистом я не был,
От самых младенческих лет,
Но все же под северным небом
Винтовку держал за «совет».
[Возмезд<ье>]
Возмездье достигло рока,
[Свершилось дви<женье>]
[В змеиную мудрость кольца]
Рассыпались звенья кольца.
Тогда Мережковские Блока
Считали за подлеца.
I И я, заходя к нему чай пить
С улыбкой ему говорил
II И я в телефонную трубку

С улыбкой ему говорил:
«Держите в карманах [брюк] руки

Затем эти строки зачеркнуты и на полях записано:

«Двенадцать» вовсю гремело,
И разве забудет страна,
[Как шла за великое дело]
Как ненавистью вскипела
Российская наша «шпана».

Далее продолжены варианты предыдущей строфы:

III [Смеясь]
И я, [зах<одя>] с ним бродя по Галерной,
Смеялся до боли в живот
[Над тем]
Над тем, как хозяину верный
Взбесился затягленный «скот».
I «Скотом» тогда некий писака
Назвал всю сермяжную Русь
II «Скотом» тогда некий писака
Назвал всю мужицкую Русь
II «Скотом» тогда некий писака
[Окликал мужицкую голь]
Назвал беспросветную голь
И плакал по вол<чьи>
IV «Скотом» тогда некий писака
Озвал всю мужицкую голь
И в зад геморрой наплакал
За волчью досаду и боль.
V «Скотом» тогда некий писака
Озвал всю мужицкую голь.
И в зад геморрой наплакал
За барскую участь и боль.

Затем весь отрывок после 647 строки зачеркнут. В текст не вошел.

648—652 I Эх, удаль, российская удаль
II Эх, удаль, российские дали,
Недаром тамбовский мужик
Играл во дворе на рояле
III Эх, удаль, цветенье в далях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.

656 I *как в тексте.*
II Танго себе слушал он.

658 I *как в тексте.*
II Он мыслил до дури о штуке

663 I Мужик незаметно гас.
II *как в тексте.*

664 I Немало сопрело в бутылках
II *как в тексте.*

После 666 зачеркнуто:
Он только
Он

670—671 Ну ладно. Довольно стона.

677—678 I Ты чтой-то опять Криушу
Оставил на много лет.
II Ты чтой-то опять в Криушу
Не кажешься целых 6 лет.

684—687 I Теперь есть просвет в погоде,
Вся <?> буря пришла в угомон.
На святках в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.
II *как в тексте.*

После 687 зачеркнуто:
Его захватили [казаки] солдаты
В ту осень в отчаянной драке
<*Нач. строки нрзб.*>

688–690		Расея! Дуровая зыкь она. Хошь верь, хоть не верь ушам.
	II	Расея! Дуровая зыкь она. Хошь верь, хошь не верь ушам.
693–694	I	Вот тут и вышла потеха. Такая потеха
	II	*как в тексте.*
696	I	Казацкая
	II	*как в тексте.*
697–698	I	Тогда вот и чикнули Прошу, Лабутю же выдрали так
	II	Тогда вот и чикнули Проню, Лабутя в солому залез.
	III	Тогда вот и чикнули Проню, Лабутя ж [за<лез>] в солому залез.

702–705 *отсутствуют.*

706–707	I	Теперь прокатились тучи [Три <?>]
	II	Теперь прокатились тучи И хоть мы живем не в раю
712	I	Бегут мои быстрые дроги
	II	*как в тексте.*
727	I	Голубчик! Да т<ы>
	II	Голубчик! Утешил! Сергуха!
	III	*как в тексте.*
731–732	I	Сергуны! Голубары! Послушай! И ты [уж] [ведь] стал старик по годам.
	II	*как в тексте, но без отбивки между строк.*

745–748 I — [Что] Вы живы? Я очень рада...
Смирились. Уже не бунтарь?
Как часто мне снится ограда
II *как в тексте.*

После 748 I Шесть лет мы не виделись с вами,
Я снова жена и мать.
II Шесть лет мы расстались с вами,
Теперь я жена и мать
III Шесть лет протекло с разлуки,
Я стала впервые мать
IV Шесть лет протекло с [прощанья] разлу<ки>,
Давно я

Затем строки после 748 зачеркнуты и написаны вновь, как в тексте.

750 I У вас
II *как в тексте.*

753–756 I Быть может, вы снова
II Быть может, теперь вы на тяге
Подслушиваете глухарей.
III *как в тексте.*

После 756 зачеркнуто:
Я
Шесть лет

759 I Смотрю
II *как в тексте.*

763 I *как в тексте.*
II И вы мне по-прежнему милы

После 764 зачеркнуто:
Письмо мне не нравится.

766–767 I Беспричинно.
Я в жисть бы не написал.
II *как в тексте.*

779 I Тот образ во мне угас
II *как в тексте.*

Беловой автограф (в 1926 г.— собрание И.В.Евдокимова, затем — В.Г.Данилевского, нынe — РГБ)

I

45 I На нашей быдлоневой <?сходке>
II На нашей быдлатой сходке
49—52 I С тех пор и у нас недороды.
Скатилась со счастья возжа.
Почти что три года с ряду
У нас то падеж, то пожар.
II *как в тексте.*
101—102 Да что ты?
Имеешь ли душу?
107 Десятку иль штучек шесть
124 Объятия мельника круты

II

159—163 I Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной. [Ей]
Ей вчера настрелял
II *как в тексте.*
192 I Слыхала от криуш<ан>
II *как в тексте.*
253—254 I А нынче... Под<и ж ты?>
II *как в тексте.*
305 I Еще не настал, мол, призыв <?>
II *как в тексте.*

III

342 I Коснулся дрожащей рукой
II *как в тексте.*

416		Как будто бы кто влюблен
424–425		И спьяну в печенки и душу
		Костит обнищалый народ.
466		И Прон мой ей бякнул прямо

IV

514–515	I	Теперь мы, Сергуха, по зайцам
		За милую душу пойдем!
	II	*как в тексте.*
544		Их рок болтовней наделил.
567		Хрипел под сивушною банкой
640	I	Не знаю тогдашних событий
	II	*как в тексте.*

V

648–649		Эх, удаль!
		Цветенье в далях!
670–671		Ну ладно!
		Довольно стона.
677–678		Ты чтой-то опять в Криушу
		Не кажешься целых шесть лет!
763–764		Но вы мне по-прежнему милы,
		Как молодость и как весна.
768–769		*зачеркнуто:*
		По-прежнему с шубой овчинной
		Иду я на свой

Затем написано вновь, как в тексте.

Машинописный список с пометами автора (ИМЛИ):

45		На нашей быдлатой сходке
59–60	I	Стрелял я в мне близкое тело

		И грудью на брата лез.
	II	*как в тексте.*
101—102		Да что ты?
		Имеешь ли душу?
107		Десятку иль штучек шесть

3

358	I	*как в тексте.*
	II	Когда-то я с вами любила
419—420	I	*как в тексте.*
	II	С приветом
		Оглоблин Прон.
424	I	И спьяну в печенки и душу
	II	*как в тексте.*
466		И Прон мой ей бякнул прямо

4

544	I	Их рок болтовней наделил
	II	*как в тексте.*
603		Я знала счастливую быль...

5

После 743 показан знак интервала и написано автором: «Интервал».

763—764	I	Но вы мне по-прежнему милы
		Как молодость и как весна...
	II	*как в тексте.*

Город и деревня. М., 1925, № 5, 20 марта, с. 73, ст. 57—80, 271—318, № 8, 1 мая, с. 52, ст. 499—581:

Заглавие: Из поэмы «Анна Снегина»
(Отрывок)

Посвящение отсутствует.

71—72 Тогда над страною неиствовал

Керенский на белом коне.

Кр. новь., 1925, № 4, май, с. 99—116, а также вырезки с пометами автора — РГАЛИ и собрание Ю.Л.Прокушева.

Посвящение отсутствует.

1

39—40 От звона и скрежета стали
По телу катилася дрожь.
45 На нашей быдлатой сходке
57—64 *отсутствуют.*
69—80 *отсутствуют.*
101—102 Да что ты?
Имеешь ли душу?
107 Десятку иль штучек шесть,

2

168—182 *отсутствуют.*

3

319—322 *отсутствуют.*
358 Когда-то я с вами любила
419—420 С приветом
Оглоблин, Прон.
466 И Прон мой ей бякнул прямо

4

603 Я знала счастливую быль

Черный человек

Черновой автограф ст. 101–126, 143–158 (ГЛМ):
Заглавие отсутствует.

103–110 I С доброй ночью!
Хрипит он, ворча на меня,
Сам все ближе и ближе клонится.
Далеко еще нам до прихода дня.
II С доброй ночью!
Хрипит он, ворча на меня,
Сам все ближе и ближе клонится.
Знаю я, ты боишься идущего дня.
Сло<вно?>
III Слушай, слушай! —
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе и ближе клонится. —
Я не видел, чтоб кто-нибудь из подлецов
Так [паскудно] ненужно и глупо страдал
бессонницей.

112–114 I Ведь нынче луна.
Это даже вы сами стишонками славите.
II Ведь нынче вовсю луна.
Это даже вы сами стишонками славите.
[Вьются] Льются чары.
III Ведь нынче луна
Что же нужно еще напоенному дремой мирику.

116–118 I Нынче придет к вам «Она»
И родная
II Тайно придет «Она»,
А вы будете пьяно читать свою [до<хлую>]
[сл<адкую>] дохлую лирику.
III Тайно придет «Она»,

И вы будете томно
Читать свою дохлую лирику.
IV *как в тексте.*
119—126 I Ах, люблю я поэтов. Их нежную грусть.
Я люблю их стихи
II Ах, люблю я поэтов. Забавный народ
[Так приятно подслушать]
[Так приятно чита<ть>]
Так приятно
Как прыщавой курсистке длинноволосый урод,
III Ах, люблю я поэтов. Забавный народ.
В них всегда нахожу
Я историю, сердцу знакомую,
Как прыщавой курсистке длинноволосый урод,
[Такой п]
Щупая грудь, про тоску говорит мировую.
IV Ах, люблю я поэтов. Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую,
Как прыщавой курсистке длинноволосый урод
Говорит [о любви] о мирах,
Половой истекая истомою.
143—144 I Черный человек.
Ты просто
II Черный человек.
Ты не смеешь так
III *как в тексте.*
145—146 I Видишь трость
II И летит моя трость,
III Пока эта слава
IV Есть предел, когда шутка с обидой сносит
V Эта слава давно про тебя разносится.

148–150 И летит моя трость
[Прямо к морде его в переносицу]
[Пр] Прямо к морде его в переносицу.
151–152 I Месяц умер. Синеет рассвет.
II Месяц умер. Синеет в окошко рассвет.

Беловой автограф с авторской правкой (РГАЛИ):

49 I И своей милою.
II *как в тексте.*
72–73 I Черный человек
Глядит на меня и вот
II *как в тексте.*

После 79 зачеркнута строфа:

Друг мой, друг мой,
Я знаю, что это бред.
Боль пройдет,
Бред погаснет, забудется.
Но лишь только от месяца
Брызнет серебряный свет,
Мне другое синеет,
Другое в тумане мне чудится.

80–86 *отсутствуют.*
91–94 I Вся [деревня на] равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,
И как всадники съехались
Яблони в нашем саду.
II *как в тексте.*
95–96 I Где-то плачет
Ночная зв
II *как в тексте.*
131–132 I Жил мальчик
В простой крестьянской семье
II Жил юноша

15—5762

	В крестьянской простой семье
135—142	*отсутствуют.*

Список I С.А.Толстой-Есениной с пометой: «Переписано с первоначального черновика. Исправления (вставка и слитье строк) сделаны по приказанью Сергея С.Е.». (ГЛМ):

80—86 записаны на полях и обозначены знаком вставки.

131—132	Жил [юноша] мальчик
	В простой крестьянской семье.

Комментарии

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Аф. I, II, III — Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., Индрик, 1994 (репринт издания 1865—1869 гг.).

Бак. раб.— газета «Бакинский рабочий», Баку, 1906—1995; 1997.

Восп., 1,2 — сб. «С.А.Есенин в воспоминаниях современников». В 2 т. М., Худож. лит., 1986.

Воспоминания-95 — сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни. Воспоминания современников», М., Республика, 1995.

ВЛ — журн. «Вопросы литературы», М., с 1957 г.

ВТ — журн. «Вестник театра», М., 1919—1921.

Гранат — Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. В 58 т. 7-е изд. М.: Изд-во т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°.

Грот — Грот Я.К. Труды. В 5 т. Т. 4. Из русской истории / Материалы для истории Пугачевского бунта. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1901.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955 (репринт издания 1880—1882 гг.)

Дмитриев-Мамонов — Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевщина в Сибири: Очерк по документам экспедиции генерала Деколонга. М., Университет. тип., 1898.

Дубровин — Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773—1774. По неизданным источникам. В 3 т. СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1884.

Есенин III (1978)— С.А.Есенин. Собрание сочинений. Том III. Поэмы. М., Худож. лит., 1978.

З. Вост.— газ. «Заря Востока», Тифлис—Тбилиси, 1922—1991. С 10 апреля 1991 г. выходит под названием «Свободная Грузия».

Комментарий — Комментарий к Собранию сочинений С.А.Есенина / Сост. Толстая-Есенина С.А. и Чеботаревская Е.Н. 1940 г. (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, № 227/1-3, 278).

Кр. нива — журн. «Красная нива», М., 1923—1931.

Кр.новь — журнал «Красная новь», М., 1921—1942.

Лимонов и др.— Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Ганеях В.М. Пугачев и пугачевцы. Л., Наука, 1974.

Мавродин — Мавродин В.В. Под знаменем Крестьянской войны. 1773—1775. М., Мысль, 1974.

Материалы — сб. «С.А.Есенин: Материалы к биографии», М., Историческое наследие, 1993 (на тит. л. ошибочно: 1992).

Маяковский — Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений. В 13 т. М., Гос. изд. худож. лит., 1956—1961.

Мой век, мои друзья и подруги — сб. «Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова». М., 1990.

Мордовцев, I — Мордовцев Д.Л. Политические движения русского народа. Исторические монографии Д.Мордовцева. Т. 1. СПб., С.В.Звонарёв, 1871.

Мордовцев, XVII — Мордовцев Д.Л. Собрание сочинений. Т. XVII. Ч. 1. Самозванцы и понизовская вольница. СПб., Н.Ф.Мертц, 1901.

Наб. экз.— наборная рукопись первого, второго и третьего томов «Собрания стихотворений», подготовленного автором в 1925 г. (ГЛМ).

Нак.— газ. «Накануне», Берлин, 1922—1924.

Овчинников — Овчинников Р.В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. 2-е изд. М., Наука, 1985.

ОРиР — Сергей Есенин. О России и революции. М., Современная Россия, 1925.

Панфилов, 1, 2 — Панфилов А.Д. Константиновский меридиан. В 2 ч. М., Энциклопедия Российских деревень; Народная книга, 1992.

ПиР — журн. «Печать и революция», М., 1921—1930.

Письма — сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы», М., Республика, 1995.

Покровский — Покровский М.<Н.> Русская история в самом сжатом очерке. В 2 ч. (От древнейших времен до второй половины 19-го столетия). М., Гос. изд-во, 1920.

Пугачевщина — Пугачевщина. В 3 т./ Центр. Архив. Материалы по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв. // Под общей ред. М.Н. Покровского. Подготовка к печати С.А.Голубцова. М.—Л., Госиздат, 1926—1931; т. 2. Из следственных материалов и официальной переписки, 1929.

Пушкин, 6 — Пушкин А.С. Полное собрание его сочинений. Т. 6. В 2 ч. СПб., Тип. В.В.Комарова, 1900.

Пушкин — Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. М.—Л., Наука. 1949.

РЗЕ — сб. «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи». В 2 т. М., Инкон, 1993.

РЛ— журн. «Русская литература», Л., с 1958 г.

Р. сов.— Сергей Есенин. Русь советская, Баку, Бакинский рабочий, 1925.

Рычков — Топография Оренбургской губернии. Сочинения П.И.Рычкова 1762 года. Оренбург, Тип. Б.Бресмена, 1887.

Собр. ст.— Сергей Есенин. Собрание стихотворений, т. 1—3, М.—Л., Госиздат, 1926; т. 4 — Стихи и проза, М.—Л., Госиздат, 1927.

Списки ГМЗЕ — перечни книг из личной библиотеки С.А.Есенина, составленные его сестрами (Гос. музей-заповедник С.А.Есенина).

Стр. сов.— С.Есенин. Страна советская, Тифлис, Советский Кавказ, 1925.

ТМ — журн. «Театральная Москва», 1921—1922.

Фирсов — Фирсов Н.Н. Пугачевщина: Опыт социолого-психологической характеристики. СПб.—М., <1895>.

Хроника, 1, 2 — Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника. В 2 ч. М., Сов. Россия, 1969—1970.

Шекспир 3 — Полное собрание сочинений Вилльяма Шекспира в переводе русских писателей. 4-е изд. Т. 3, СПб., 1888.

Энцикл. словарь — Энциклопедический словарь. СПб., Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А. Эфрон. 1890—1907.

IE — Gordon McVay. Isadora and Esenin. <Ann Arbor, Michigan,> Ardis, <1980>.

ГЛМ — Государственный литературный музей Российской Федерации. Отдел рукописных фондов (Москва).

ГМЗЕ — Государственный музей-заповедник С.А.Есенина (с. Константиново Рязанской обл.).

ГМТ — Государственный музей Л.Н.Толстого (Москва).

ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А.А.Бахрушина (Москва).

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской Академии наук (до 4 декабря 1991 г.— ИМЛИ АН СССР). Рукописный отдел (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (до 21 ноября 1991 г.— ИРЛИ АН СССР). Рукописный отдел (Санкт-Петербург).

НБ ФА — Научная библиотека Федеральных архивов (до 29 июня 1992 г.— Научная библиотека Центральных государственных архивов СССР) Москва.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (до 24 июня 1992 г. — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР), Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека (до 22 января 1992 г.— Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина). Отдел рукописей (Москва).

РНБ — Российская Национальная библиотека (до 27 марта 1992 г. — Государственная Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина). Отдел рукописей (Санкт-Петербург).

В данном томе в соответствии с общим планом издания печатаются поэмы, которые вошли в заключительный том подготовленного Есениным в 1925 г. трехтомного «Собрания стихотворений» (Собр. ст.).

Основным источником текста для третьего тома (так же, как для первого и второго томов) является наборный экземпляр (наб. экз.) — рукопись, по которой в ноябре-декабре 1925 г. осуществлялся набор Собр. ст. (хранится в ГЛМ*). Эта рукопись была подготовлена поэтом при участии С.А.Толстой-Есениной и редактора издательства И.В.Евдокимова. 6 сентября Есенин приехал из Баку в Москву. Работая над составом и композицией издания, поэт решил в третий том включить «большие» поэмы.

Наборный экземпляр тома представлен четырьмя печатными вырезками: Пугачов. М., Имажинисты, 1922; Песнь о великом походе. М., Гос. изд-во, 1925; «Поэма о 36» из сборника ОРиР; «Анна Снегина» из газеты Бак. раб., 1925, 1 и 3 мая, а также рукописным списком поэмы «Черный человек», выполненным С.А.Толстой-Есениной, и машинописным списком «Страны Негодяев».

Как показал анализ, наборный экземпляр третьего тома не свободен от различного рода погрешностей текста — особенно в части, представленной в виде вырезок. Имеются искажения текста и купюры, сделанные явно по

* Здесь и далее указания на архивные фонды опущены, когда речь идет о фондах С.А.Есенина. В прочих случаях фонды поименованы.

редакционным соображениям. Подготовка к печати рукописи этого тома Собр. ст. имеет свою историю.

Известно, что после возвращения из зарубежной поездки Есенин в 1923—1924 гг. неоднократно предпринимал попытки выпустить собрание сочинений и планировал включить в него поэмы. 17 октября 1924 г. он писал Г.А.Бениславской: «Мне важно, чтоб Вы собрали и подготовили к изданию мой том, так как я говорил с Анн<ой> Абрам<овной Берзинь>. Лирику отдельно и поэмы отдельно. Первым в поэмах „Пугачев", потом „36", потом „Страна Нег<одяев>" и под конец „Песнь". Мелкие же поэмы идут впереди всего». Ей же в письме от 29 октября 1924 г.: «Разделите все на три отдела: лирика, маленькие поэмы и большие: „Пугачев", „36", „Страна", „Песнь о походе". <...>

Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрешь — сделают все не так, как надо» (см. т. 6 наст. изд. Далее письма Есенина цит. без отсылок).

Машинописный список «Страны Негодяев», находящийся в наб. экз. Собр. ст., восходит к изданию, которое готовилось в 1924 г. (подробнее см. коммент. к поэме в наст. т.). По сравнению с «третьим отделом» планируемого Есениным издания 1924 г., наб. экз. третьего тома Собр. ст. дополнен двумя поэмами: «Анной Снегиной», написанной в 1925 г., и «Черным человеком» — окончательная редакция поэмы относится к тому же году.

Композиции изданий своих произведений Есенин придавал первостепенное значение. В первых трех томах настоящего издания «воспроизводится композиция и сохраняется состав подготовленного Есениным трехтомного издания» (см. «От редакции», т. 1, с. 8), как выражающего последнюю творческую волю поэта. Однако в данном случае, когда редакционное вмешательство в наб. экз. было очевидно, предстояло выяснить авторскую волю в расположении поэм. С этой целью был впервые проведен сопо-

ставительный и системный анализ источников и различных этапов работы над третьим томом Собр. ст.

И.В.Евдокимов вспоминал, что в первую же встречу после приезда с Кавказа, в сентябре 1925 г., Есенин говорил о плане издания: «Я, понимаешь, Евдокимыч <Евдокимов>, хочу так, <...> я обдумал... В первом томе — лирика, во втором — мелкие поэмы, в третьем — крупные» (Восп., 2, 289). Недели через полторы, вернув рукопись — она была «не пронумерована, без оглавления»,— поэт еще раз подтвердил выбранное им построение: «Теперь, кажется, совсем хорошо, <...> тут вот — лирика, тут — поэмы. Я еще подбавлю. Соня переписывает» (Восп., 2, 290). В одно из следующих посещений редакции Есенин проработал вместе с С.А.Толстой-Есениной и И.В.Евдокимовым «часа полтора-два. <...> Я записывал в каждом томе, чего недоставало и что хотел поэт донести потом: он диктовал. Остановились над поэмой „Страна негодяев“» (Восп., 2, 291).

Воспоминания И.В.Евдокимова и анализ помет в наб. экз. третьего тома Собр. ст. показывают, что поэт особенно тщательно готовил к печати текст поэмы «Страна Негодяев». Желая видеть эту поэму опубликованной в своем Собрании, Есенин пошел на явные уступки и произвел правку, которая привела к утрате рифм (речь идет об изменении ст. 75 и купюре ст. 81 — см. коммент. к поэме в наст. т.). Но несмотря на это, первоначально для публикации в третьем томе было принято четыре поэмы (список поэмы «Черный человек» был представлен позже). Последовательность поэм устанавливается по напечатанному на машинке оглавлению третьего тома с порядковыми номерами:

«1. Пугачев
2. Анна Снегина
3. Песнь о великом походе
4. Поэма о 36
5. Алфавитный указатель
6. Библиография».

Этому порядку соответствует первоначальная пагинация страниц с вырезками названных в оглавлении произведений, сделанная черными чернилами.

До конца ноября (срок сдачи рукописи в набор) появился рукописный список поэмы «Черный человек», выполненный С.А.Толстой-Есениной. Поэт отвел ему центральное место — после «Анны Снегиной», в середине тома. Соответственно изменилась пагинация страниц. Для «Пугачева» и «Анны Снегиной» пагинация осталась прежней — 1—48. Текст списка поэмы «Черный человек» (состоит из шести листов) получил нумерацию 49—54 (ранее 49-й была первая страница «Песни о великом походе»). Далее — в «Песни о великом походе» и «Поэме о 36» — следует двойная нумерация. Второй вариант пагинации наб. экз. третьего тома, начиная с поэмы «Черный человек», проставлен синим карандашом. Этим же синим карандашом вычеркнута предшествующая нумерация страниц.

Оглавление подтверждает состав и последовательность пяти поэм, которую принял автор. Название «Черный человек» не только вписано черными чернилами в оглавление рукой С.А.Толстой-Есениной под номером «3», но и нумерация поэм и других разделов оглавления, следующих за «Черным человеком», исправлена этими же чернилами. 4-й номер получает «Песнь о великом походе», 5-й — «Поэма о 36», 6-й и 7-й — Алфавитный указатель и Библиография.

Эта же последовательность воспроизведена в гранках.

Поэма «Страна Негодяев» не была включена в рукопись, отправленную в типографию при жизни поэта. Об этом говорят следующие факты:

1) машинописный список поэмы в наборном экземпляре пронумерован вслед за «Поэмой о 36» редактором красным карандашом сбоку, почти внизу страницы;

2) название поэмы отсутствует в оглавлении рукописи тома;

3) в статье А.К.Воронского, которая при жизни Есенина открывала первый том Собр. ст., сделаны купюры в строках, где упоминалась эта поэма. Позже, когда поэму удалось включить в том, купюры были восстановлены (ГЛМ);

4) в первых гранках третьего тома, поступивших из 1-й Образцовой типографии 19 января 1926 г. (см. штамп типографии), текст поэмы отсутствовал.

Помета на первой странице машинописи «Страны Негодяев» указывает, что она была отправлена в типографию 1 февраля. Гранки пришли из типографии 8 февраля (штамп типографии. ГЛМ).

Решение о публикации поэмы в Собрании было принято не позже 6 января 1926 г., одновременно с решением о превращении Собр. ст. в трех томах в Полное собрание сочинений в четырех томах. Тогда же в связи с тем, что первые три тома были сданы в типографию, решили поместить «Страну Негодяев» в готовящийся четвертый том. В этот день в рабочих гранках первого тома перед набором стихов Есенина (гранка 21-я) появляются указания И.В.Евдокимова и В.В.Гольцева о порядке верстки текстов первого тома. 7 января 1926 г. первая партия гранок этого тома (с 21-й по 83-ю) ушла в типографию с сопроводительной запиской В.В.Гольцева к сотруднику Госиздата РСФСР П.М.Романову:

«Глубокоуважаемый Петр Михайлович!

Посылаю гранки стихов Есенина (первую партию) с просьбой верстать. Вступительную статью Воронский исправляет. Пойдет она с *римскими* колонцифрами. Поля будут большие.

Прилагаю макет, которого прошу придерживаться при верстке.

Уважающий Вас В.Гольцев.

7. I—26».

(Письма, 377).

12 января 1926 г. в газете «Известия» был опубликован материал «Полное собрание стихотворений Сергея Есенина», в котором говорилось: «По предложению Государственного Издательства летом 1925 г. Сергей Есенин собрал и подготовил к печати три тома своих стихотворений. По замыслу поэта, издание должно было представлять собой собрание избранных стихотворений и поэм. Поэт тщательно проработал тексты стихотворений и сам произвел разбивку по томам. В целях увековечения памяти Сергея Есенина Государственное Издательство решило развернуть это, уже находящееся в печати, издание в „полное собрание сочинений“ Есенина, включая и прозу. Первый том, в который входят лирические стихотворения, выйдет в свет в конце января; второй и третий тома — в течение февраля. Сейчас уже приступлено к составлению четвертого тома, в который должны войти все произведения поэта, оставшиеся в рукописях, а также не вошедшие в предыдущие три тома. В этом томе впервые будет опубликована большая поэма „Страна негодяев“. Всему „Собранию стихотворений“ предпослана вступительная статья А.К.Воронского и автобиография поэта, написанная им в октябре 1925 г.». Подобная же информация прошла и в январской книжке журнала Кр. нива под заглавием «Памяти Сергея Есенина. Увековечение памяти» (1926, № 4, 24 янв., с. <8>).

В связи с принятым решением о публикации поэмы «Страна Негодяев» в статье А.К.Воронского были восстановлены купюры и на первой странице гранок 14 января 1926 г. сверху на заметке «От издательства» сделана запись: «Тут другой набор. И.Евдокимов». Внизу этой же страницы: «Исправив и добрав текст — верстать. В.Гольцев. 14. I. 26». Там же помета И.Евдокимова: «Прошу выдать по прилагаемой записке, указывающей верстку. 14. I. 26».

До 25 января план издания был изменен вторично. «Поправленная» статья А.К.Воронского, начинавшая первый том, перенесена во второй. Для первого А.К.Ворон-

ский написал другую статью — «Об отошедшем». Кроме того, принято решение, соответствующее намерению автора печатать драматическую поэму «Страна Негодяев» в третьем томе. На первой странице корректуры третьего тома, которая, судя по штампу 1-й Образцовой типографии, пришла 19 января 1926 г., появились следующие пометы редакции: «Верстать, сверив строфы и спуски. И.Евдокимов. 25/I. 26. P.S. Оригинал оставлен в отделе. И.Евдокимов». На полях слева: «Исправив, верстать со шмуцтитулами Есенина т. III. В.Гольцев». На последней странице первых гранок третьего тома, после текста «Поэмы о 36», сделаны записи: «10 л. / 145 с. Далее пойдет „Страна Негодяев". (Сдана в набор). В.Гольцев». В наборном экземпляре третьего тома появился также шмуцтитул «Страна негодяев» с пометами: «Есенин. Т. III. 10 л. 145 с.» На первой странице текста, где перечислен «персонал», внизу, красным карандашом редактора помета: «104—142 / I/II», которая обозначает нумерацию страниц машинописи текста. этой поэмы и дату сдачи в набор.

Примечание «От издательства» о незавершенности поэмы было сделано рукой А.К.Воронского в корректуре «Страны Негодяев», которая пришла из типографии 8 февраля 1926 г.: «„Страна негодяев" — пьеса, поэтом не законченная и не отделанная. С.А.Есенин при жизни нашел возможность напечатать лишь небольшие отрывки из нее».

В верхней части первой страницы запись Воронского: «Надо печатать с примечанием, которое я сделал, и с купюрой на стр. 21. А.Воронский» (см. коммент. к поэме, с. 545). Рядом со сноской о незавершенности поэмы помета красным карандашом: «Поместить на обороте шмуцтитула», сделанная В.В.Гольцевым. На этой же странице имеются записи: «В корректорскую, просьба проверить. И.Евдокимов»; «Верстать. И.Евдокимов. 26 / III. 1926. P.S. Вернуть в отдел»; «Исправив, верстать. В.Гольцев». Здесь же появилось распоряжение, данное П.М.Романовым: «Хранить эту корректуру. П.М. 8 / III. 26 г.».

Сложившийся к тому времени порядок поэм (пять поэм так, как их расположил Есенин, — «Пугачев», «Анна Снегина», «Черный человек», «Песнь о великом походе», «Поэма о 36», а также включенная в конец тома после смерти Есенина «Страна Негодяев») был зафиксирован в опубликованном проспекте («Сергей Есенин. Полное собрание сочинений», М., Гос. изд-во, MCMXXVI <1926, 4 с.>), где обозначен состав и структура четырех томов. «Страна Негодяев» названа завершающей в составе третьего тома. Поэма «Черный человек» занимает третью позицию, вслед за «Пугачевым» и «Анной Снегиной». В другом проспекте Полного собрания сочинений Сергея Есенина поэма под названием «В стране негодяев» также отнесена к третьему тому (см. «Бюллетень Торгового сектора Гос. изд-ва, М., 1926, № 3, 1 февр., с. 21).

Последнее исправление, внесенное редакцией, касалось изменения сложившегося порядка расположения поэм: поэма «Страна Негодяев» поставлена после «Анны Снегиной», а «Черный человек» перенесен в конец тома.

Процесс формирования состава и композиции третьего тома Собр. ст. свидетельствует о том, что Есенин отказался от строгой хронологии в расположении пяти поэм, отправленных в типографию в конце ноября 1925 г. Дополнив состав тома вещами, написанными и законченными в 1925 г. («Анна Снегина» и «Черный человек»), поэт существенно видоизменил порядок поэм по сравнению с планом 1924 г., то есть не только поставил новые поэмы после «Пугачева», но и поменял местами «Поэму о 36» и «Песнь о великом походе». Однако нет данных о том, какое место отводилось в 1925 г. «Стране Негодяев» (в наметках 1924 г.— третье, после «Пугачева» и «Поэмы о 36»). Прояснить окончательную авторскую волю в расположении *всех шести поэм* в настоящее время не представляется возможным. В связи с этим в томе принята хронологическая последовательность поэм — по времени создания.

При подготовке настоящего тома особую сложность представляла текстологическая работа, так как не все тексты наборного экземпляра третьего тома были проверены автором. Естественно, что Есенин тщательно отнесся к рукописному списку поэмы «Черный человек», выполненному С.А.Толстой-Есениной, и машинописному списку «Страны Негодяев» — произведений, которые ранее не публиковались. В настоящем издании все тексты, представленные в наборном экземпляре, критически сопоставлены с известными и оказавшимися доступными автографами, авторизованными списками и авторскими публикациями. Особую ценность для этой работы имели автографы Есенина, а также списки поэм, выполненные другими лицами, которые поэт внимательно проверил, порой тщательно расставив знаки препинания. К таким спискам можно отнести впервые изученный список поэмы «Песнь о великом походе», выполненный В.И.Эрлихом, машинописный список «Анны Снегиной» и списки «Черного человека», выполненные С.А.Толстой-Есениной.

В ходе работы над настоящим томом было впервые привлечено 9 неизвестных ранее рукописных материалов: беловой автограф «Страны Негодяев» (частное собрание, г. Москва), автограф отрывка из поэмы «Пугачев» в альбоме М.А.Стакле (ГЛМ), пять (из шести) списков поэмы «Черный человек», печатные вырезки «Анны Снегиной» из журнала Кр. новь с пометами автора, в том числе из архива Ю. Л. Прокушева. Сверка наборного экземпляра с выявленными источниками помогла устранить неточности и искажения в текстах Есенина, которые ранее оставались незамеченными. Ряд из них возник в результате разного рода ошибок и не включается в свод вариантов.

Впервые полностью, без купюр дается в Собрании текст драматической поэмы «Страна Негодяев». Написание ее заглавия (второе слово с прописной буквы) уточняется по двум беловым автографам. В цитатах, приведенных в комментарии, сохраняется также написание второго

слова со строчной буквы — «Страна негодяев». Заглавия поэм «Пугачев» и «Черный человек» печатаются в соответствии с общими принципами издания по современным правилам орфографии. В библиографических описаниях прижизненных изданий и цитатах воспроизводится написание «Пугачов» и «Чорный человек».

Важное значение имеют «мелкие» текстологические поправки, например, уточнение всего одной буквы в строке 972 поэмы «Страна Негодяев» — «Чтоб чище синел простор // Коммунистическим взглядам» по двум беловым автографам вместо «Чтоб чище синел простор // Коммунистическим взглядом».

Авторские интонационные знаки препинания в поэмах воспроизводятся с учетом указания, данного С.А.Толстой-Есениной при подготовке Собрания сочинений Есенина в 1940 г.: «В части пунктуации прошу считаться с проставленными мною восклицательными и вопросительными знаками и многоточиями. Они проверены мною по рукописям. Запятые и точки ставить в обычном порядке» (ГЛМ).

Тексты поэм, и прежде всего поэмы «Песнь о великом походе», в настоящем Собрании печатаются с уточнениями авторской композиции.

Установлена последовательность всех известных ныне шести списков поэмы «Черный человек», изучена история текста этой поэмы. Выяснено, что в автографе 10-я строка, написание которой дискутировалось около 70 лет, прочитывается «Ей на шее ноги», а не «Ей на шее ночи», как предлагал ряд исследователей (см. коммент. к поэме).

Немаловажные уточнения сделаны в текстах поэм «Пугачев», «Анна Снегина» и «Поэма о 36».

Поэмы «Пугачев», «Анна Снегина», «Песнь о великом походе» и «Страна Негодяев» датируются по наб. экз.

Сложным явился вопрос о времени создания поэмы «Черный человек», которая не была датирована автором. До сих пор в изданиях поэмы воспроизводилась дата

Собр. ст.— 14 ноября 1925 г., т. е. дата завершения работы над поэмой (подробнее см. коммент.). В наст. изд. впервые принята редакционная дата <1923—>14 ноября 1925, которая определяется на основе анализа творческой истории поэмы и свидетельств современников.

В разделе «Варианты» представлен полный свод вариантов к поэмам по всем известным к настоящему времени источникам текста. Сохранившиеся черновики поэм «Пугачев», «Анна Снегина» и «Страна Негодяев» показывают, какую огромную работу проводил Есенин над рукописями. Объем вариантов к «Пугачеву» в четыре раза превышает основной текст. Некоторые строки имеют около тридцати вариантов.

В соответствии с общими принципами издания в своде вариантов этого тома «не учитываются разночтения орфографического и пунктуационного характера, изменения в графике строк и строф» (см. т. 1, с. 10 наст. изд.), а также отбивка точками между строк, имеющая композиционный характер; необходимые пояснения даются в комментариях (см., например, с. 581, 584, 585, 643, 677, 678). В черновых есенинских автографах пунктуация, как правило, отсутствует; в своде вариантов смысловые знаки препинания проставлены в соответствии с основным текстом.

Одной из наиболее сложных текстологических проблем настоящего тома являлось прочтение черновых автографов. Выделение слоев авторской правки, расшифровка есенинских строк, написанных мелким бисерным почерком, зачастую карандашом, густо зачеркнутых или стертых и выцветших от времени, являлось крайне трудоемкой работой. Теперь они, как правило, прочитаны. Многие — впервые, другие — более точно. Благодаря этому в разделе «Варианты» публикуется много неизвестных ранее строк Есенина. Только в вариантах к беловому автографу «Страны Негодяев» имеется свыше 50 подобных строк, в том числе несколько отрывков, которые не вошли в окончательный текст (см. с. 365, 366 и 367-368).

К сожалению, далеко не все автографы поэм Есенина в настоящее время обнаружены. Неизвестны как оригинал, так и фотокопии автографа первой части поэмы «Страна Негодяев», который Есенин передал В.М.Левину до 3 февраля 1923 г. в Нью-Йорке (по словам последнего, автограф пропал, а две фотокопии были отданы в 1929 г. в русский отдел нью-йоркской Публичной библиотеки и в Отдел авторских манускриптов той же библиотеки, где впоследствии они не были обнаружены — РЗЕ, 1, 227, 316).

До сих пор не обнаружен автограф «Черного человека», по которому, как свидетельствуют современники, Есенин читал эту вещь после зарубежной поездки, в августе-сентябре 1923 г.

В комментариях к тому составитель следует общим принципам, принятым для настоящего издания, хотя здесь имеются свои особенности.

Наибольшее внимание уделяется текстологическим вопросам и творческой истории произведений. Представленный в томе анализ рукописей поэм «Черный человек», «Песнь о великом походе», «Поэма о 36» позволил показать не только процесс работы поэта над словом, строкой, фрагментом текста, но также над композицией произведений, к которой Есенин был особенно внимателен.

Впервые широко освещена история восприятия и оценок поэм Есенина прижизненной критикой, включая русское зарубежье. Однако обилие материала (например, только о поэме «Пугачев» выявлено более 80 критических отзывов, а вместе с информационными и рекламными объявлениями более 110) не позволило уделить всем откликам одинаковое внимание. Некоторые, не содержащие свежих наблюдений, ограничены беглыми ссылками или не упомянуты. Особое место уделено тем, которые находились в тетрадях Есенина с газетными, журнальными и книжными вырезками отзывов о его творчестве (Тетр. ГЛМ).

Значительно расширена фактическая основа историко-литературного и реального комментария за счет материалов государственных архивов, Государственного музея-запо-

ведника С.А.Есенина в селе Константиново, частных собраний Москвы, Санкт-Петербурга. Выявляя литературные и иные источники, получившие прямое или косвенное отражение в поэмах Есенина, комментаторы опирались прежде всего на книги, которыми поэт постоянно пользовался.

«Большими» поэмами Есенин называл произведения различных жанров: драматические поэмы «Пугачев» и «Страна Негодяев», а также «Поэму о 36», которая в первоначальном варианте имела заглавие «26. Баллада», лироэпическую поэму «Анна Снегина» (в черновике имела подзаголовок «Повесть») и философскую поэму «Черный человек», которую критики нередко называли «стихотворением».

Интерес к лироэпическому жанру возник у Есенина очень рано и владел им на протяжении всей жизни. Не все поэмы и драмы Есенина дошли до нас. Самое раннее из крупных произведений Есенина («черновик — 10 листов больших, и 10 листов — беловых», см. письмо к М.П.Бальзамовой от 26 янв. 1913 г.) — драма в стихах «Пророк». Первое упоминание о ней содержится в письме к Г.А.Панфилову, написанному в сентябре-октябре 1912 г.: «Хочу писать „Пророка", в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу». В письме М.П.Бальзамовой от 21 октября 1912 г.: «Начал драму „Пророк". Читал ее у меня довольно образованный человек, кончивший университет историко-филологического факультета. Удивляется, откуда у меня такой талант, сулит надежды на славу...» Ей же 26 января 1913 г.: «„Пророк" мой кончен, слава Богу...» (подробнее см. т. 4, с. 456 наст. изд.).

В другом письме к М.П.Бальзамовой, написанном в 1913 г., упоминается также не дошедшая до нас поэма «Тоска»: «Последнее время пишу поэму „Тоска", где вывожу под героем самого себя и нещадно критикую и осмеиваю».

Неизвестен текст поэмы «Галки» (предположительно датируется сент. 1914), сданной в печать, запрещенной военной цензурой и конфискованной в наборе. Г.Д.Деев-

Хомяковский в 1926 г. вспоминал: «В августе <1914 г.> социал-демократическая группа выпустила литературное воззвание против войны. Есенин написал небольшую поэму „Галки“, в которой отобразил ярко поражение наших войск, бегущих из Пруссии, и плач жен по убитым» (Восп., 1, 149). Дата цензурного запрещения поэмы «Галки» не установлена. Но известно, что Есенин неоднократно предпринимал попытки издать это произведение. 12 марта 1915 г. поэт предложил поэму издателю «Ежемесячного журнала» В.С.Миролюбову (Книга регистрации рукописей, поступивших в «Ежемесячный журнал», № 1906 — ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова). Поэма не была опубликована. Позже, как вспоминал вологодский краевед С.В.Клыпин, Есенин вел переговоры об издании поэмы в Вологде, куда приехал с А.А.Ганиным: «18 июля <...> наш вологодский поэт Алексей Ганин <...> представил какого-то поэта Есенина, который хотел бы свою поэму „Галки“ напечатать в Вологде, т.к. в Петрограде ее не печатают. Я дал сведения о стоимости издания и как направить рукопись в цензурный комитет г. Москвы, где легче проходят рукописи, чем в Петрограде» (Письмо С.Клыпина, в 1915 г. заведующего типографией, датировано 23 янв. 1962 г. и адресовано Ю.Л. Прокушеву. Хранится в его архиве). Рукопись поэмы «Галки» Есенин в Вологду не выслал (см.: Парфенов Н. Сергей Есенин в Вологде.— Газ. «Красный Север», Вологда, 1965, 3 окт., № 234).

Есть сведения о том, что в 1916 г. Есенин написал пьесу «Крестьянский пир». М.П.Мурашев слышал в чтении поэта два акта этой пьесы (см. сб. «Сергей Александрович Есенин: Воспоминания», М., 1926, с. 51). И.Н.Розанов вспоминал, что поэт говорил ему в 1921 г. в связи с завершением работы над «Пугачевым»: «А знаете ли, это второе мое драматическое произведение. Первое — „Крестьянский пир“ — должно было появиться в сборнике „Скифы“; начали уже набирать, но я раздумался, потребовал его в гранках, как бы для просмотра, и — уничто-

жил. Андрей Белый до сих пор не может мне этого простить: эта пьеса ему очень нравилась, да я и сам иногда теперь жалею» (Восп., 1, 440).

Не сохранился «драматический отрывок», который Есенин читал И.В.Грузинову в 1920 г. «Действующие лица: Иван IV, митрополит Филипп, монахи и, кажется, опричники. Диалоги Ивана IV и Филиппа. Зарисовка фигур Ивана IV и Филиппа близка к характеристике, сделанной Карамзиным в его „Истории государства Российского". Иван IV и Филипп, если мне не изменяет память <воспоминания написаны в 1926 г.>, говорят пятистопным ямбом. Два других действующих лица, кажется, монахи, в диалогах описывают тихую лунную ночь. Их речи полны тончайшего лиризма: Есенин из „Радуницы" и „Голубени" изъясняется за них обоих. В дальнейшем, приблизительно через год, Есенин в „Пугачеве" точно так же описывает устами своих героев бурную дождливую ночь» (Восп., 1, 352).

Имеются сведения о задуманной, но ненаписанной драме В.Э.Мейерхольда, В.М.Бебутова и С.А.Есенина «Григорий и Димитрий». Она была включена в репертуарный план Театра РСФСР Первого (Москва) в конце 1920 г. В 1936 г. на репетициях «Бориса Годунова» В.Э.Мейерхольд вспоминал, что он сочинил сценарий, который потом предложил Есенину. «Я сказал ему, что дам ему сценарий и чтобы он на основании этого сценария написал драму в стихах». По замыслу Мейерхольда, в пьесе встречались два мальчика — царевич Димитрий и Григорий Отрепьев (Мейерхольд Вс. Статьи, письма, беседы. М., 1968, с. 383, 573 см. также ВТ, 1921, № 78–79, 4 янв., с. 25).

К концу 1925 г. относится замысел поэмы «Пармен Крямин», в которой, по «тогдашним предположениям» Есенина, «должно было быть 500 строк» (Восп., 2, 299). Заглавие, данное по имени единственного вымышленного персонажа из «Пугачева», Есенин хотел изменить.

Тексты, варианты и комментарии к настоящему тому (кроме реального комментария к «Пугачеву» и «Песни о великом походе», выполненного Е.А.Самоделовой) подготовлены Н.И.Шубниковой-Гусевой.

Контрольное чтение чернового автографа «Пугачева» (РГАЛИ) после его реставрации проведено С.И.Субботиным.

* * *

Составитель тома выражает большую признательность Н.В.Есениной за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы из собрания сестры поэта — Екатерины Александровны, а также С.П.Есениной и благодарит Н.В.Волкову и Е.Е.Гафнер (РГАЛИ), М.А.Айвазяна, Е.Ю.Литвин и В.Н.Терёхину (ИМЛИ), Н.В.Шахалову и А.А.Ширяеву (ГЛМ), Т.К.Савченко (ИРЯ им. А.С.Пушкина), А.А.Федюхина (НБ ФА), О.В.Мечасову и Н.М.Зайцеву (ГЦТМ), Г.Маквея (Великобритания, Бристольский университет) за оказанную помощь в подготовке тома.

Особая признательность — С.И.Субботину и Н.Г.Юсову (ИМЛИ), прочитавшим том в рукописи и давшим ряд ценных советов.

Пугачев (с. 7).— Есенин. Пугачов, М., 1922 (фактически — дек. 1921); Есенин. Пугачов, Пг., 1922, без посвящения; Есенин Сергей. Пугачов, Берлин, 1922, без посвящения. Отрывки: в кн.: Есенин С. Стихи скандалиста, Берлин, 1923, с. 49-52, ст. 449-523, под заглавием «Уральский каторжник (Отрывок из Пугачова)» <монолог Хлопуши из 5-й главы>; сб. «Конский сад», М., 1922, <с. 7>, ст. 747—769, под заглавием «Из трагедии „Пугачов“» <монолог Бурнова из 7-й главы>.

Печатается и датируется по наб. экз. — вырезка — Пугачов, М.,1922, с исправлением ст. 520 «Уж три ночи, три ночи пробираясь сквозь тьму» вместо «Уж три ночи, три ночи пробиваясь сквозь тьму» по автографу и авторскому исправлению в неполной машинописи; ст. 894 «Бейте! Бейте прям саблей в морду!» по автографу и отд. изданию (Пг., 1922).

В книге С.Есенина «Стихи скандалиста» имеется искажение ст. 484 «Посылаются заматерелые разведчики» вместо «Посылаются замечательные разведчики», которое не вводится в свод вариантов.

Черновой автограф под названием «Поэма о великом походе Емельяна Пугачова» — (РГАЛИ), без посвящения, с датой «1921. Ст. стиль — февраль — август. Новый — март — август». Первоначальное заглавие «Пугачов» густо зачеркнуто и ранее не прочитывалось.

Это самый большой известный нам черновик Есенина, в котором зафиксированы разные стадии творческой работы поэта. Рукопись с вариантами по объему в четыре раза превышает окончательный текст. Отдельные строки имеют

около тридцати вариантов; в процессе работы автор нередко возвращался к одному из первых. Имеются отрывки, не вошедшие в окончательный текст, а также авторские ремарки, от которых Есенин впоследствии отказался (кроме двух — в конце второй и середине восьмой главы).

В начале автор строил произведение как драматическую пьесу. Доказательством этого является, например, заключительная ремарка второй главы «Занавес», а также — обозначение второй и третьей глав: «Действие второе». На следующем этапе работы Есенин обозначил восемь частей драматической поэмы цифрами. Затем две из восьми получили название: четвертая — «Происшествие на Таловом умёте» — и шестая — «В стане Зарубина» (как в основном тексте). Остальные в черновике заглавия не имели.

Позже сам поэт называл восемь частей «Пугачева» главами — см. дарственную надпись на книге «Пугачов» (М., Имажинисты, 1922) для Г.А.Бениславской: «Милой Гале, виновнице некоторых глав. С.Есенин. 1922, январь» (находилась в архиве подруги Бениславской, А.Г.Назаровой (см. РЛ, 1970, № 3, с. 162), в настоящее время, по словам ее дочери, Г.С.Назаровой, местонахождение не известно.

Первоначально каждая глава имела самостоятельную пагинацию. А.Б.Мариенгоф вспоминал, что первую главу Есенин написал до поездки в Среднюю Азию (Мой век, мои друзья и подруги, с. 375). Время написания седьмой, предпоследней главы С.А.Толстая-Есенина устанавливала по одному из рисунков, сделанных Есениным на полях рукописи против монолога Бурнова — колосья с изогнутыми головами лебедей, который считала иллюстрацией к стихотворению «Песнь о хлебе» (об этом и четырех др. рисунках и подписях к ним на полях черновика 7-й главы «Пугачева» см. раздел «Варианты» в наст. т.). В комментарии к этому стихотворению С.А.Толстая-Есенина писала: «Стихотворение было написано одновременно с работой

над „Пугачевым“ во время поездки Есенина в Среднюю Азию в 1921 году. На полях черновой рукописи „Пугачева“ Есенин набросал рисунок: несколько растущих стеблей ржи с верхушками, выгнутыми от тяжести колоса, но вместо колосьев нарисованы головки лебедей. Под рисунком подпись рукой поэта: „колосья“. Есенин рисовал очень редко. Это один из немногих сохранившихся рисунков» (Комментарий). Однако «Песнь о хлебе» написана до того, как Есенин начал работу над «Пугачевым» (см. т. 1, с. 566 наст. изд.).

Скорее всего, во время поездки Есенин написал 3-ю и 4-ю главы «Пугачева» (см. Земсков В., Хомчук Н. Есенин и Ширяевец.— РЛ., 1962, № 3, с. 185). Свидетельством тому, что Есенин до 25 мая работал над 3-й главой, является запись в альбоме А.В.Ширяевца. По словам А.Мариенгофа, Есенин в споре с Г.Р.Колобовым (см. о нем на с. 465) упоминал: «Я в твоем вагоне четвертую и пятую главу „Пугачева“ написал» (Мой век, мои друзья и подруги, с. 381).

На обороте страниц черновика находятся две авторские пометы, относящиеся к тексту поэмы. Одна из них восходит к библейскому источнику: «Приидите ко мне все озлобленные и я успокою вас» (ср. «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою Вас» — слова Христа — Матф. XI, 28) и соотносится с первым вариантом ст. 402—404 (монолог Пугачева из 4-й главы) — «Приидите ко мне, кто хоть чем-нибудь недоволен». Другая представляет собой чертеж с цифрами, в котором вписано слово «Казань <?>», и, видимо, является записью о военных действиях Пугачева. Две другие пометы отношения к тексту поэмы «Пугачев», скорее всего, не имеют (подробнее о восьми записях на черновом автографе, в том числе о четырех подписях под рисунками см. т. 7, кн. 2 наст. изд.)

Автограф — в альбоме А.В.Ширяевца (ИМЛИ) ст. 283—298 (из 3-й главы, начиная со слов «Знаешь, ведь я

из простого рода...»), с вар. и датой «Азия. 1921<,>25 мая» и авторской пометой: «Из поэмы Пугачов». Записан во время одной из встреч с Ширяевцем в Ташкенте. Неслучайный характер отрывка, выбранного Есениным в альбом А.В.Ширяевца, был впервые отмечен Д.Д.Благим (Благой Д. Материалы к характеристике Сергея Есенина (Из архива поэта Ширяевца).— Кр. новь, 1926, № 2, с. 201). А.В.Ширяевец очень дорожил этим автографом. С.Фомин вспоминал: «Ширяевец зазвал меня к себе <...> Вынул из корзины — единственного своего богатства — небольшой длинненький альбом и кивнул: „Настрочи-ка на память! Да, загляни: ведь здесь имеется запись Есенина и Клюева". И рассказал мне, как к нему в Ташкент приезжал Есенин» (Кр. нива, 1926, № 22, 30 мая, с. 21).

Автограф — в альбоме Э.Ф. Голлербаха (РНБ, личный фонд искусствоведа) ст. 758—759: «Плевать мне на всю Вселенную, // Если завтра здесь не будет меня! *С.Есенин*», с пометой в скобках «Из Пугачова», без даты (по местоположению в альбоме датируется Р.Б.Заборовой 22 июля 1921 г. — см: Заборова Р.Б. Из архивных разысканий о Сергее Есенине — РЛ, 1970, № 2, с. 152).

Автограф — в альбоме М.А.Стакле (ГЛМ) ст. 926—933 (из восьмой, заключительной главы со слов «Где ж ты? Где ж ты, былая мощь?»), с датой «9 сент. 1921. Москва» с подписью и пометой автора «Из Пугачова» отличается графическим членением сторок и пунктуацией. Выполнен на отдельном листе, вклеенном в альбом. В нижней части альбомного листа помета рукой неустановленного лица «Sergei Jessenin — 1925». На следующих листах альбома вклеены листы с автографами А.Б.Мариенгофа, В.Г.Шершеневича с той же датой и А.Б.Кусикова (датирован 10 августа 1921 г.) с силуэтами работы Е.С.Кругликовой. Судя по имеющимся пометам, материалы, помещенные в альбоме, скорее всего, не только дарились владельцу, но и покупались на аукционах.

Автограф — под заглавием «Орнамент», без подписи, без даты (местонахождение неизвестно). Представляет собой композицию отрывков из второй и третьей глав поэмы: Вторая глава «Бегство калмыков». Первый голос: ст. 120–129; Второй голос: ст. 134–137; Третья глава «Осенней ночью». Монолог Караваева: ст. 231–237 (оборван на середине предложения, поставлена точка) и ст. 256–259. Все отрывки даны без обозначения реплик и отделены друг от друга чертой. (Факсимильно воспроизведен в шеститомном изд. Собр. соч. С.А.Есенина, т. 3, с. 15; подробнее — см. т.7, кн. 2 наст. изд.).

Машинопись 6-й главы под заглавием «Лунный парус над саратовской крепостной стеной», не вошедшая в окончательный текст (РГАЛИ, ф. К.Л.Зелинского). В черновом автографе «Пугачева» встречаются строки, совпадающие с этим отрывком. Из текста изъяты (вырезаны ножницами) два фрагмента общим объемом около семидесяти строк, которые неизвестны. На первом листе рукой Г.А.Бениславской написано красными чернилами: «Гонорар за это — Шурке купить гармонию. Это обязательно. Сергей хотел, чтобы она играла на гармони. *13/IX — 26. Г.Бениславская*» (факсимиле — Материалы, 111). *Шурка* — младшая сестра Есенина — Александра Александровна Есенина (1911–1981).

Машинопись этой главы хранилась у Г.А.Бениславской, с которой Есенин познакомился осенью 1920 г., встречался в период работы над поэмой. И.И.Старцев вспоминал: «Есенин, между прочим, не один раз говорил мне, что им выкинута из „Пугачева“ глава о Суворове. На мои просьбы прочитать эту главу он по-разному отнекивался, ссылаясь каждый раз на то, что он запамятовал ее, или просто на то, что она его не удовлетворяет и он не хочет портить общее впечатление. Рукопись этой главы, по его словам, должна находиться у Г.А.Бениславской, которой он ее якобы подарил» (Восп., 1, 414). В 1922 г., когда Есенин был за границей, А.Б.Мариенгоф хотел

опубликовать этот фрагмент, но Г.А.Бениславская сказала, что у нее «ничего нет». (Материалы, 112). После смерти Г.А.Бениславской текст 6-й главы перешел к ее подруге А.Г.Назаровой, а затем был передан ею К.Л.Зелинскому для публикации в Собрании сочинений С.А.Есенина (М., 1962, т. 4, с. 311—313).

Неполная машинопись с авторской правкой ст. 1—528 (второй? отпуск). На титульном листе дата «1921», рукой Есенина вписано посвящение «Анатолию Мариенгофу» (ИМЛИ). Возможно, была подготовлена автором для первого издания «Пугачева» в издательстве «Имажинисты», М., 1922 (см. об этом — Комментарий).

Неполная верстка книги «Эпоха Есенина и Мариенгофа» М., Имажинисты, 1922 (не была издана) с посвящением «Анатолию Мариенгофу» и авторской правкой ст. 1—465 (ГЛМ). Содержание сохранившейся части сб.: С.Есенин. А.Мариенгоф. Манифест. 12 сент. 1921. Пугачов. Поэма; 32 с. На обложке помета рукой Есенина, относящаяся к заглавию: против слов «эпоха», «и» — «Одним шрифтом с именами». На обороте титула: «Верховному мастеру ордена имажинистов, создателю декоративной эпохи Георгию Якулову посвящают поэтическую эпоху Есенин и Мариенгоф».

Первые свидетельства о начале работы Есенина над поэмой относятся к концу 1920 г., когда поэт говорил В.И.Вольпину, что пишет «Пугачева» (Восп., 1, 423). Е.Р.Эйгес вспоминала эпизод, относящийся к этому времени: «...зайдя как-то в книжный магазин, я застала Есенина, сидящего на корточках где-то внизу. Он копался в книгах, стоящих на нижней полке, держа в руках то один, то другой фолиант.

— Ищу материалов по Пугачевскому бунту. Хочу написать поэму о Пугачеве,— сказал Есенин» (Воспоминания-95, с. 285).

В разговоре с И.Н.Розановым поэт обратил внимание на то, что несколько лет изучал материалы для своей трагедии (Восп., 1, 439).

Задолго до начала непосредственной работы над текстом у Есенина возникло желание побывать в местах, где 150 лет назад шла крестьянская война под предводительством Пугачева. О своем намерении поехать на Восток Есенин сообщал в письме к А.В.Ширяевцу 26 июня 1920 г.: «В октябре я с Колобовым буду в Ташкенте, я собирался с ним ехать этим постом, но [он] поехал в Казань, хотел вернуться и обманул меня». В конце 1920 г. поэт рассказывал В.И.Вольпину, что «собирается поехать в киргизские степи и на Волгу, хочет проехать по тому историческому пути, который проделал Пугачев, двигаясь на Москву...» (Восп., 1, 423).

В апреле—июне 1921 г. Есенину удалось совершить поездку по железной дороге из Москвы через Самару до Оренбурга (далее в Туркестан). Есенин путешествовал в служебном салон-вагоне Григория Романовича Колобова (1893–1952), который в то время занимал ряд ответственных постов — уполномоченного Трамота (Транспортно-материального отдела) ВСНХ и эвакуационной комиссии Совета обороны (Высшего совета по перевозкам при Совете труда и обороны), старшего инспектора центрального управления Материально-технического отдела НКПС. С 1918 г. Г.Р.Колобов был членом «Ассоциации вольнодумцев» (см. т. 7, кн. 2 наст. изд.).

Во время путешествия вагон прицеплялся к проходящим поездам, делал большие остановки: около десяти дней простоял в городе Самаре (см. Юсов Н. Есенин в Самаре. — Есенинский вестник. Изд. Гос. музея-заповедника С.А.Есенина. Вып. третий, 1994, с. 27) и несколько дней в Оренбурге, где Есенин имел возможность наблюдать быт казачества и природу тех мест, которые получили отражение в тексте (см. реальный коммент.), а также познакомиться с населенными пунктами охваченной Пугачев-

ским восстанием территории (все топонимы, встречающиеся в поэме, исторически реальны). В салон-вагоне Есенин продолжил работу над «Пугачевым» (о поездке в Киргизские и Оренбургские степи см. в автобиографиях 1923 и 1924 гг., т. 7, кн. 1 наст. изд.). В письме к А.Б.Мариенгофу (Самара, начало мая 1921) Есенин рассказывал: «Еду я, конечно, ничего, не без настроения все-таки, даже рад, что плюнул на эту проклятую Москву. Я сейчас собираю себя и гляжу внутрь. <...> Вот так сутки, другие, третьи, четвертые, пятые, шестые, едем-едем, а оглянешься в окно — как заколдованное место — проклятая Самара.

Вагон, конечно, хороший, но все-таки жаль, что это не ровное стоячее место. Бурливой голове трудно думается в такой тряске».

Вернувшись из поездки (до 10 июня 1921), Есенин продолжал работать над поэмой в Москве. Одновременно А.Б.Мариенгоф писал пьесу о заговоре против императрицы Анны Иоанновны. Друзья трудились напряженно и до обеда закрывали двери для всех (Мой век, мои друзья и подруги, с. 383). В память об этом творческом соревновании Есенин посвятил «Пугачева» Мариенгофу, а Мариенгоф «Заговор дураков» — Есенину.

«Пугачев» был закончен в Москве в августе 1921 г. Но и впоследствии, готовя поэму к печати, Есенин вносил в корректуру уточнения. И.И.Старцев вспоминал, что «однажды он проработал около трех часов кряду над правкой корректуры „Пугачева“» (Восп., 1, 413).

С.А.Толстая-Есенина справедливо назвала «Пугачева» самым значительным произведением по огромному творческому труду, вложенному в него автором, и отметила, что «сам поэт любил эту вещь и гордился ею» (Комментарий). И.И.Шнейдер вспоминал: «Над „Пугачевым“ Есенин работал много, долго и очень серьезно. Есенин очень любил своего „Пугачева“ и был им поглощен. Еще не кончив работу над поэмой, хлопотал об издании ее от-

дельной книжкой, бегал и звонил в издательство и типографию и однажды ворвался на Пречистенку торжествующий, с пачкой только что сброшюрованных тонких книжечек темно-кирпичного цвета, на которых прямыми и толстыми буквами было оттиснуто: „Пугачов"» (Восп., 2, 40). По словам И.И.Старцева, «„Пугачев" доставлял ему <Есенину> самое большое удовлетворение» (Восп., 1, 414).

Важное значение поэт придавал исторической канве своего произведения. В 1922 г. в беседе с будущей поэтессой Н.О.Александровой «он с гордостью рассказывал, как работал над драматической поэмой „Пугачев", как много материалов и книг прочел он тогда» (Восп., 1, 420). С.А.Толстая-Есенина также отмечала: «Со слов Есенина мы знаем, что во время работы над „Пугачевым" ему пришлось прочесть много исторических книг и даже архивных документов» (Комментарий). В разговоре с И.Н.Розановым о предшествующих опытах создания художественных произведений на тему пугачевского бунта поэт подчеркивал отличие своей «трагедии в стихах» от замысла повести В.Г.Короленко про трагическую участь одной из жен Пугачева. А на вопрос И.Н.Розанова: «А как вы относитесь к пушкинской „Капитанской дочке" и к его „Истории"?», ответил так: «У Пушкина сочинена любовная интрига и не всегда хорошо прилажена к исторической части. У меня же совсем не будет любовной интриги. Разве она так необходима? Умел же без нее обходиться Гоголь. <...> В моей трагедии вообще нет ни одной бабы. Они тут совсем не нужны: пугачевщина — не бабий бунт. Ни одной женской роли. Около пятнадцати мужских (не считая толпы) и ни одной женской. Не знаю, бывали ли когда такие трагедии. <...> Я несколько лет,— продолжал Есенин,— изучал материалы и убедился, что Пушкин во многом был неправ. Я не говорю уже о том, что у него была своя, дворянская точка зрения. И в повести и в истории. Например, у него найдем очень мало имен бунтовщиков, но очень много

имен усмирителей или тех, кто погиб от рук пугачевцев. Я очень, очень много прочел для своей трагедии и нахожу, что многое Пушкин изобразил просто неверно. Прежде всего сам Пугачев. Ведь он был почти гениальным человеком, да и многие другие из его сподвижников были людьми крупными, яркими фигурами, а у Пушкина это как-то пропало» (Восп., 1, 439). В соответствии с замыслом четырнадцать из шестнадцати действующих лиц „Пугачева" («не считая толпы») — бунтовщики из стана Пугачева, сам Пугачев и сторож Яицкого городка, подавший Пугачеву мысль назваться Петром III и возглавить восстание. Вражеский лагерь представлен Траубенбергом и Тамбовцевым, которые появляются лишь эпизодически во второй главе (см.: Беляева Т.К. <Савченко>. Драматическая поэма С.Есенина «Пугачев». — С.А.Есенин. Поэзия. Творческие связи. Межвузовский сб. науч. тр. Рязань, 1984, с. 73).

В фондах ГМЗЕ хранится принадлежащий Есенину пушкинский 6-й том «Полного собрания его сочинений» (СПб., 1900), который содержит «Историю Пугачевского бунта» и приложения к ней в виде манифестов, указов, рапортов, писем и сказаний современников о Пугачевщине — возможно, именно их Есенин именовал «материалами» (см.: Воронцов К.П. Из новых поступлений в музей С.А.Есенина.— Сб. «С.А.Есенин: Эволюция творчества. Мастерство», Рязань, 1979, с. 126). Сознавая отличие своего произведения от пушкинской «Капитанской дочки», Есенин, как справедливо заметил С.М.Городецкий, здесь «уже является сознательным учеником Пушкина» и в то же время «ставит себе задачу, которая со времени Пушкина не была разрешена,— он берет темой звериный бунт Пугачева и пишет драматическую поэму, каких давно не знала русская литература» (сб. «Есенин. Жизнь. Личность. Творчество», М., 1926, с. 46).

Пока достоверно не выяснено, какие еще исторические материалы использовал поэт в ходе работы над «Пугаче-

вым». Воспоминания современников по этому поводу разноречивы. В.И.Вольпин писал, что видел на столике в комнате поэта несколько книг о Пугачеве, «очевидно, „материалы" к его трагедии. Но какие это были книги! Четыре-пять дешевых популярных книжек, исчерченных на полях характерным почерком Есенина» (сб. «Сергей Александрович Есенин», М., 1926, с. 110). Е.Р.Эйгес, напротив, вспоминала, как Есенин листал «то один, то другой фолиант» (см. выше, с. 464). М.Д.Ройзман в 1960-е гг. зафиксировал следующий факт: зимой 1920 г. Есенин просил Д.С.Айзенштата купить для него «старинные книги о Пугачеве», «все, если можно» (в его кн. «Все, что помню о Есенине», М., 1973, с. 111–112). Почти исчерпывающие биографические сведения о Хлопуше (А.Т.Соколове) Есенин мог почерпнуть только из подобного фолианта — труда военного историка, академика Н.Ф.Дубровина «Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг. По неизданным источникам», в 3 т. (СПб., 1884), где наиболее подробно изложены пугачевские события (см. реальный коммент.).

В сюжетном плане (по охвату Пугачевщины и ее предыстории) Есенин шел вслед за А.С.Пушкиным и Н.Ф.Дубровиным, но в композиции своего произведения поэт сместил исторические временны́е рамки и намеренно нарушил последовательность изложения событий, чтобы акцентировать внимание на причинах возникновения крестьянской войны. Сцена ареста Пугачева изображена Есениным в соответствии с версией Пушкина, из приложений к его «Истории...» взяты фигуры Подурова, Оболяева, Торнова, Бурнова, Плотникова, Кочурова, Закладнова и Федулова (у Н.Ф.Дубровина последние две фамилии написаны иначе — Закладной и Федульев), отсутствующие в самом пушкинском тексте. Однако Есенин не считал книгу А.С.Пушкина единственной исторической праосновой собственной поэмы — это видно из воспоми-

наний А.А.Берзинь: «Его <Есенина> рассердило, когда я заметила, что „Записки пугачевского бунта" А.С.Пушкина послужили ему основанием и, пожалуй, единственным материалом к написанию этой поэмы. Сергей Александрович встал из-за стола и ушел, холодно простившись со мной» (альм. «Кубань», Краснодар, 1970, № 7, с. 87).

Есенин ощущал художественное новаторство своей драматической поэмы. «А „Пугачев" — это уже эпос,— говорил он Н.О.Александровой,— но волнует, волнует меня сильней всего...» (Восп., 1, 421). Внимание И.Н.Розанова поэт обращал на следующую особенность: «Кроме Пугачева, никто почти в трагедии не повторяется: в каждой сцене новые лица. Это придает больше движения и выдвигает основную роль Пугачева» (Восп., 1, 439). На самом деле в поэме Творогов и Караваев являются действующими лицами в двух главах, а Зарубин даже в трех из восьми. И, наоборот, Пугачев как непосредственное действующее лицо в четырех главах (2, 5, 6 и 7) не присутствует.

Исследователи справедливо отмечали, что Пугачев в сознании Есенина ассоциировался с послереволюционной современностью, с крестьянскими волнениями. «В контексте современности прозвучала и идея целесообразности и трагедии пугаческого восстания» (Солнцева Н.М. Сергей Есенин. М., 1997, с. 47; см. также Куняев Ст., Куняев С. Сергей Есенин, М., 1997, с. 220—221). В ответ на слова В.Т.Кириллова, что «Пугачев говорит на имажинистском наречии и что Пугачев — это сам Есенин», поэт обиделся и сказал: «Ты *ничего не понимаешь*, это действительно *революционная* вещь» (Восп., 1, 272).

С годами отношение автора к своему любимому детищу не изменилось. С.А.Толстая-Есенина писала: «До конца Есенин любил свою поэму» (Комментарий). В.И.Эрлих вспоминал, как Есенин в 1924 г. говорил ему: «Помнишь „Пугачева"? Рифмы какие, а? Все в нитку! Как лакированные туфли блестят!» (Восп., 2, 321).

Поэт охотно дарил разные издания «Пугачева» своим близким и знакомым. Известны дарственные надписи П.А.Кузько, А.М.Кожебаткину, В.Э.Мейерхольду, Ю.И.Айхенвальду, С.М. Городецкому, Б.Пильняку, А.М.Горькому, В.Л.Львову-Рогачевскому, В.Ричиотти, Г.А.Бениславской, Я.М.Козловской, А.Дункан, И.Дункан, М.Д.Ройзману, Г.А.Санникову, Е.Г.Соколу, И.И.Шнейдеру, Г.Г.Шпету и др., — (см. т. 7, кн. 1 наст. изд.).

Есенин часто и всегда с большим волнением выступал с чтением поэмы. «Когда читаю „Пугачева",— говорил поэт Н.О.Александровой,— так сжимаю кулаки, что изранил ладони до крови...» (Восп., 1, 420). А.Б.Мариенгоф вспоминал, что Есенин читал первую главу «Пугачева» еще до поездки по пугачевским местам (до 16 апр.): «С первых строк чувствую в слове кровь и мясо. Вдавив в землю ступни и пятки, крепко стоит стих» (Мой век, мои друзья и подруги, с. 375). В мае 1921 г. Есенин «почти целиком» прочитал «на память» еще незавершенного «Пугачева» в Ташкенте на квартире В.И.Вольпина, который вспоминал: «... большой комнаты не хватало для его голоса. Я не знаю, сколько длилось чтение, но знаю, что, сколько бы оно ни продолжалось, мы, все присутствовавшие, не заметили бы времени. Вещь производила огромное впечатление. Когда он, устав, кончил чтение, произнеся заключительные строки трагедии, почувствовалось, что и сам поэт переживает трагедию, может быть, не менее большую по масштабу, чем его герой» (Восп., 1, 426).

Летом 1921 г. в Москве Есенин и А.Б.Мариенгоф читали главы из своих поэм друзьям: «Как-то,— вспоминал Мариенгоф,— собрались у нас Конёнков, Мейерхольд, Густав Шпет, Якулов. После чтения Мейерхольд стал говорить о постановке „Пугачева" и „Заговора" у себя в театре» (Мой век, мои друзья и подруги, с. 383).

До выхода поэмы в свет в Москве состоялись крупные публичные выступления Есенина с чтением «Пугачева»,

которые, судя по воспоминаниям современников, прошли с большим успехом. 1 июля 1921 г. Есенин выступил в Доме печати (см. извещение о вечере — газ. «Правда», 1921, 1 июля, № 141; «Известия ВЦИК», М., 1921, 1 июля, № 141). С.Д.Спасский, присутствовавший на вечере, вспоминал: «И нельзя было оторваться от чтеца, с такой выразительностью он не только произносил, но разыгрывал в лицах весь текст. <...> Не нужно ни декораций, ни грима, все определяется силой ритмизованных фраз и яркостью непрерывно льющихся жестов, не менее необходимых, чем слова. Одним человеком на пустой сцене разыгрывалась трагедия, подлинно русская, лишенная малейшей стилизации. <...> ...Зал замер, захваченный силой этого поэтического и актерского мастерства, и потом все рухнуло от аплодисментов. „Да это же здорово!“ — выкрикнул Пастернак, стоявший поблизости и бешено хлопавший. И все кинулись на сцену к Есенину» (Материалы, 200—201). По окончании чтения состоялся обмен мнениями. Все выступавшие с оценкой «Пугачева», по словам В.Т.Кириллова, который был председателем собрания, «отметили художественные достоинства поэмы и указывали на ее революционность» (Восп., 1, 272).

6 августа 1921 г. состоялось выступление Есенина в «Литературном особняке» (Арбат, 7) (газ. «Известия ВЦИК», М., 1921, 6 авг., № 172). По отзыву В.А.Мануйлова, который записал свои впечатления от этого литературного вечера еще при жизни поэта, в 1925 г., «Есенин читал „Пугачева“ с редким воодушевлением и мастерством, слегка задыхаясь, но звонко и буйно... <...> Есенин читал горячо, темпераментно жестикулируя, скакал на эстраде, но это не выглядело смешным, и было что-то звериное, воедино слитое с образами поэмы в этом невысоком и странном человеке, сразу захватившем внимание всех присутствовавших в зале. <...> Многие находили, что это

лучшая вещь Есенина, большое литературное событие...» (Восп., 2, 169—170).

Авторское чтение «Пугачева» перед труппой Театра РСФСР Первого в июне 1921 г. оставило глубокое впечатление у В.Э.Мейерхольда: «...я почувствовал какую-то близость «Пугачева» с пушкинскими кратко-драматическими произведениями. <...> В этом чтении, визгливо-песенном и залихватски-удалом, он выражал весь неясный склад русской песни, доведенный до бесшабашного своего удальского выявления» (цит. по записи П.А.Кузько.— Восп., 1, 283). Актриса Центральной студии ленинградского Губполитпросвета (возникла в 1921 г.) — А.Г.Вышеславцева вспоминала: «Сергей Есенин нам предложил свою драму „Пугачев", замечательную драматическую вещь, которую он сам прочитал необыкновенно. Мы, конечно, пришли в дикий восторг» (сб. «Белые ночи: Очерки, зарисовки, воспоминания, документы», Л., 1989, с. 477).

Есенин часто читал «Пугачева» во время своей зарубежной поездки в 1922—1923 гг.

А. Ветлугин (В.И.Рындзюн) вспоминал о впечатлении от чтения поэмы в мае 1922 г. в Берлине: «Он <Есенин> тихий, он скромный, он „цветущее болото", конокрадство лишь личина. Но отчего же, когда майским вечером, в комнатке, пропахшей табаком, духами, блеклой берлинской зеленью проревет он монолог „отчаянного негодяя и жулика" Хлопуши, то заезжий француз (великий политик, рационалист и все пр. романское) схватится за седую голову и, не поняв ни одного слова, прошепчет: „Oui... maintenant, j'ai compris. C'êst de la folia, mais... enfin... c'est la grande revolution..."?!

Прав француз: „это и есть великая революция..." Прав безъязыкий француз: Есенин так же тих, как „бескровна" оказалась революция российская...» (Ветлугин А. «Нежная болезнь» — Нак., 1922, 4 июня, № 57, Лит. прил. № 6; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Бельгийский писатель Франц Элленс вспоминал есенинскую декламацию «Пугачева» в Париже в 1922 г.: «Есенин то неистовствовал, как буря, то шелестел, как молодая листва на заре. Это было словно раскрытие самих основ его поэтического темперамента. Никогда в жизни я не видел такой полной слиянности поэзии и ее творца. Эта декламация во всей полноте передавала его стиль: он пел свои стихи, он вещал их, выплевывал их, он то ревел, то мурлыкал со звериной силой и грацией, которые пронзали и околдовывали слушателя» (Восп., 2, 23).

Яркое описание чтения «Пугачева» в Брюсселе в июле 1922 г. оставила секретарша А.Дункан Лола Кинел (полька по происхождению) в своей книге «Под пятью орлами» (см. Kinel Lola. Under Five Eagles. My Life in Russia, Poland, Austria, Germany and America. 1916—1936. London, april, 1937): «После ужина он согласился по просьбе Айседоры почитать. Он ушел в дальний угол комнаты, повернулся к нам лицом и начал. Он взял отрывки из своей драматической поэмы „Пугачев“ — этого рассказа о знаменитом казачьем мятежнике. <...>

Я была ошеломлена. Есенинский голос — голос южно-русского крестьянина, мягкий и слегка певучий — передавал изумительный диапазон переживаний. От нежной ласкающей напевности он возносился до диких, то хриплых, то пронзительных выкриков. Есенин был Пугачевым — измученным крестьянином... долго страдавшим, терпеливым, обманутым, а потом — неистовым, хитрым, страшным в своем гневе и требующим свободы и мщения... и потом, в конце, когда его предали,— покорным, покинутым... Есенин-Пугачев выражал недовольство шепотом, вел неторопливый рассказ, будто пел песню. Он же орал, плевался, богохульствовал. Его тело раскачивалось в ритме декламации, и вся комната словно вибрировала от его эмоций. Потом, в конце, побежденный, он — Есенин-Пугачев — съежился и зарыдал.

Мы сидели молча... Долгое время никто из нас не мог поднять рук для аплодисментов, потом они разразились вместе с диким шумом и криком. Только я одна знала русский и могла понять смысл, почувствовать мелодичность его слов, но все остальные восприняли силу переживаний и были потрясены до глубины души» (цит. по пер. Л.Девель в журн. «Звезда», СПб., 1995, № 9, с. 152).

Среди излюбленных вещей, которые Есенин читал зимой 1921—1923 гг., был монолог Хлопуши из «Пугачева». Сохранилась фонографическая запись этого монолога, прочитанного Есениным 11 января 1922 г. в лаборатории И.С.Бернштейна в Петрограде (см. об этом в кн. Льва Шилова «„Я слышал голос Толстого..." Очерки звучащей лит.» М., 1989, с. 90). По словам И.И.Шнейдера, эта запись «не дает полного представления о потрясающем таланте Есенина-чтеца» (Восп., 2, 39). В.А.Мануйлов, напротив, считал, что «она не совсем точно передает тембр есенинского голоса, но интонации его и манера чтения <...> слышатся именно такими, как в тот вечер <6 августа 1921 г.>...» (Восп., 2, 169).

Одно из лучших описаний декламации монолога Хлопуши в мае 1922 г. в Берлине оставил М.Горький: «...вскоре я почувствовал, что Есенин читает потрясающе, и слушать его стало тяжело до слез. Я не могу назвать его чтение артистическим, искусным и так далее, все эти эпитеты ничего не говорят о характере чтения. Голос поэта звучал несколько хрипло, крикливо, надрывно, и это как нельзя более резко подчеркивало каменные слова Хлопуши. <...> Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью. Читая, он побледнел до того, что даже уши стали серыми. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно разновесна. Казалось, что он мечет их, одно — под ноги себе, другое — далеко, третье — в чье-то ненавистное ему лицо. И вообще все:

хриплый, надорванный голос, неверные жесты, качающийся корпус, тоской горящие глаза — все было таким, как и следовало быть всему в обстановке, окружавшей поэта в тот час. <...> Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось» (Восп., 2, 8—9).

В.М.Левин вспоминал о другом чтении монолога Хлопуши, которое состоялось также за рубежом, в Нью-Йорке, на вечеринке у поэта М.Л.Брагинского (Мани-Лейба) 27 января 1923 г.: «Есенин читал протяжно, настойчиво, изумительно трогая сердце искренностью своего тона и простотой образов, иногда царапающих нас своей народностью и неожиданностью, но сближающих с ним. Это были образы не нарочито подобранного фольклора, а собственной его жизни, его детства и отрочества. Слова росли у него просто, как трава на почве рязанской земли, сдобренной его чутким и пылким сердцем и одухотворенной трагической историей народа Рязани и всей Русской земли. Пугачев рисовался ему надеждой на новые пути поэту, новой возможностью выразить себя в эти дни, стараясь не дразнить гусей. Быть может, это он, Есенин, указал всем поэтам и писателям той эпохи историческую тему, под щит которой можно надежней укрыться от горячих и темных голов литературной партийной критики» (РЗЕ, 1, 314).

Информационные заметки о том, что Есенин работает над драматической поэмой «Пугачев», о подготовке ее к изданию, а также о выходе в свет появлялись в отечественной и особенно часто в русской эмигрантской периодике (см., напр., газ. «Новый путь», Рига, 1921, 16 апр., № 61, а также 1921, 28 сент., № 197; газ. «Общее дело», Париж, 1921, 30 апр., № 289; газ. «Свободное слово», Ревель, 1921, 8 мая, № 18; журн. «Русская книга», Берлин, 1921, май, № 5, с. 21; ПиР, 1922, янв.-март, № 1, с. 326 и др. См. также библиогр. справочник Н.Г.Юсова «Прижизненные издания С.А.Есенина», М., 1994,

с. 30—37, где зарегистрировано 30 информационных заметок).

При жизни поэта отрывки из «Пугачева» были включены в различного рода сборники и хрестоматии для школ: «Появление Пугачова в Яицком городке», ст. 1—88.— Сб. лит.-худ. революционных произведений, М., 1922, с. 161—164, на обложке: «Изборник» (ст. 25 напечатана: «Виснет с плеч твоя голова»); «Освобожденный труд». Общественно-лит. хрестоматия... для школ и самообразования... В 2-х ч. Вышла в 1923—1924 гг. в Харькове и Москве (четыре изд.); монолог Хлопуши вошел в кн.: Мотылев И.Е. Хрестоматия избранных отрывков русской литературы. 1917—1924 гг., Пособия для трудовой школы, М.; Л., 1925, с. 226.

Поэма Есенина явилась одним из первых произведений историко-революционной тематики в литературе 20-х гг. «Исключительная» фигура вождя крестьянского восстания, созвучие времени и художественное новаторство «Пугачева» вызвали особое внимание критики (в настоящее время выявлено более 80-ти откликов). «Пугачев» еще при жизни поэта был признан одним из наиболее популярных и значительных произведений Есенина, но оценивался крайне неоднозначно и даже полярно. В противоречивых откликах на поэму отразились гражданские и эстетические позиции авторов, их отношение к героическому прошлому России и современности.

Восторженно приветствовал «Пугачева» Н.А.Клюев в письме Есенину 28 января 1922 г. из Вытегры: «...какая же овца безмозглая будет искать спасения после „Пугачева“? Не от зависти говорю это, а от простого и ясного осознания Величества Твоего, брат мой и возлюбленный. <...> Покрываю поцелуями твою „Трерядницу“ и „Пугачева“. <...> „Пугачев“ — свист калмыцкой стрелы, без истории, без языка и быта, но нужней и желаннее „Бориса Годунова“, хотя там и золото, и стены Кремля, и сафьян-

но-упругий сытовый воздух 16—17 века. И последняя Византия» (Письма, 217—219).

«...Ты пришел к заветному слову своему, — заметил Есенину Я.З.Черняк в неотправленном и не датированном письме.— Ну скажу вот: ждалось, уж давно, что ты пробьешься к пластам вихревым своего сердца — ну, а там... Что там, Сережа?.. Тебе буря — нам огонь и радость. Ну и пусть так. Так я понял твоего *первого* Пугачова. Конечно же это *первый* твой Пугачов. Потому что если б ты его оставил так, как он есть (и так как ты только высек искру из огнива...), то темь ты бы не разорвал, и сердца своего не утишил... <...> Но твой голос помутила русская мука сегодняшняя — не открестишься, Сергей — тут и Сорокоуст, и Исповедь, и иной выкрик, и вся раскидистая и трепыхающая речь твоя, рука твоя, брат мой милый» (РГАЛИ, ф. Я.З.Черняка).

И.Г.Эренбург увидел в «Пугачеве» новое доказательство есенинских богатств: «...образы сыплются, как на былых булочных витые кренделя из золоченых рогов изобилия. Грустная удаль, нежное хулиганство. Повторение слов, выявляющее всю взволнованность готового оборваться голоса. Изумительные задыхания. <...> Я забываю об истории, о драме, о текстах и об инстанциях. Это действительно *певческий* дар.

Но есть в „Пугачеве", в его хаосе, несделанности, темноте нечто не бывшее в книгах Есенина. Это широта дыхания, начало высокого эпоса» (журн. «Новая русская книга», Берлин, 1922, № 2, февр., с. 15; подпись: И.Э.). Я.Апушкин также назвал поэму «одной из первейших попыток несомненно крупного поэта вырваться из лирики и дать какую-то эпическую ширь и глубь; отрешиться от себя и потопить себя в героях, действии, обстановках» (журн. «Экран», М., 1922, № 22, 21—28 февр., с. 10). «...Его <Есенина> надо переписывать целыми страницами,— писал критик В.А.Летнев в рецензии на „Пугачева" и „Заговор дураков" А.Мариенгофа,— ибо он безмерно

богат и швыряет сотнями стихов, каждый из которых сделает честь многим... <...> Есенин весь <...> в дерзании, оно — его стихия, и он купается в нем. Он дразнит нас охапками (не скажешь букетами) пряных, глубоких, сильных стихов. <...> Пугачева дух веет в этом бурном поэте, потому так экспрессивна эта трагедия» (журн. «Казанский библиофил», 1922, № 3, с. 90—91).

Высоко оценил произведение С.М.Городецкий: «...и вот мы имеем прекрасную поэму „Пугачов". Сработана она серьезно, написана ярким, могучим языком и полна драматизма. Все свое знание деревенской России, всю свою любовь к ее звериному быту, всю свою деревенскую тоску по бунту Есенин воплотил в этой поэме. Это — лучшая его вещь. <...> Одна из замечательных страниц русской революции нашла себе достойное воплощение в поэме Есенина. „Пугачев" написан не для сегодняшнего дня. Он войдет в сокровищницу новой пролетарской литературы» (газ. «Труд», М., 1922, 5 апр., № 75; подпись: С.Г.). В воспоминаниях о Есенине С.М.Городецкий назвал «Пугачева» «первой европейски крупной вещью», в которой поэт является «сознательным учеником Пушкина» (в сб. «Есенин. Жизнь. Личность. Творчество», с. 46; ср. также высказывание В.Э.Мейерхольда о влиянии «Бориса Годунова» А.С.Пушкина на драматическую поэму Есенина «Пугачев» — в сб. «Творческое наследие В.Э.Мейерхольда», М., 1978, с. 389). «Возможность гениальных завоеваний» и преодоление «нежной болезни» увидел в новом произведении Есенина А.Ветлугин, который, в частности, писал: «...и несмотря ни на какие горделивые обособления 1) эпохи, 2) имажинизма, 3) поэта, Сергей Есенин чрез одно и чрез много столетий протягивает руку творцу „Бориса Годунова", творцам классической трагедии.

В изумительно-мощном выявлении характеров, в построении соответствий меж исторической правдой, критицизмом сегодняшней эпохи, желанным жестом и обяза-

тельной фразой, Сергей Есенин — хочет ли он того или не хочет — является возродителем великолепной трагедии, вне которой тоскует русская литература вот уже 97 лет» (Нак., 1922, 4 июня, № 57, Лит. прил. № 6; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Н.А.Павлович, выступившая в журнале «Книга и революция» (Пг., 1922, № 7 (19), июль, с. 57—58) с рецензией на «Пугачева» под псевдонимом Михаил Павлов, заметила: «Есенин сделал свое дело, дело поэта. Он не учит, он показывает и, показывая, „испытует сердце“...» (см. также в ее статье «Московские впечатления» — газ. «Лит. записки», Пг., 1922, 23 июня, № 2, с. 8: «И Есенин недаром был связан с Москвой. Она дала ему ту боль, которая создала „Пугачева“»).

Анализируя последние книги «трех основных крестьянских поэтов: Есенина, Клюева, Орешина», Я.В.Браун обратил внимание прежде всего на то, что поэт не случайно избрал темой лирической драмы Пугачева и пугачевщину. «Социальная стихия этого мужицкого прошлого, врываясь еще из былинного далека, гуляет по всем есенинским творениям. <...> Есенинский Пугачев — первый революционер, сознательно избирающий „мертвое имя“ Петра III. <...> С поразительным мастерством изображает поэт этот дикарский порыв к самосохранению какою угодно ценой, это чувство *собственника своей жизни, своего* дома, *своего* тополя...» (газ. «Московский понедельник», М., 1922, 7 авг., № 8). Рецензент берлинской газеты Нак. А.Вольский (Гроним) писал в рецензии на берлинское издание поэмы: «„Пугачев“ заслуживает <...> особого исследования. Это если не самый крупный, то один из самых многогранных алмазов в творчестве Сергея Есенина. „Пугачев“ ярок, грандиозен, неповторимо своеобразен. <...> ...„Пугачев“ не имеет предшественников в русской поэзии, а под такой „пробой пера“ не откажется подписаться самый крупный художник» (Нак., 1922, 24 нояб., № 193).

«Первым совершенно зрелым произведением» своего соратника по имажинизму назвал «Пугачева» А.Б.Мариенгоф (рец. на поэму — журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М., 1922, № 1, нояб., <с. 29>; подпись: А.М.). «Одной из жемчужин поэзии Есенина» сочла «Пугачева» Е.Ливен, обратив внимание прежде всего на глубокую содержательность, жизненность, народность поэмы и поэтичность ее языка (журн. «Вулкан», Пг., 1923, № 1—2, с. 25—26). «Могучую жажду жизни, что таким пленительным звериным сиянием вспыхнула в Бурнове из „Пугачева“» и «звонкий крепкий сияющий стих» Есенина оценил Б.Е.Гусман (см. в его кн.: 100 поэтов. Лит. портреты, Тверь, 1923, с. 89—90). К «непревзойденным образцам русской художественной речи» отнес поэму Л.И.Повицкий (газ. «Трудовой Батум», 1924, 9 дек., № 279).

Ю.Н.Тынянов связал популярность Есенина с «живучей стиховой эмоцией» и обратил внимание на то, что «искусство, опирающееся на эту сильную, исконную эмоцию, — всегда тесно связано с личностью. <...> Вот почему замечателен „Пугачев“ Есенина, где эта эмоция новым светом заиграла на далекой теме, необычайно оживила и приблизила ее» (журн. «Рус. современник», М.—Л., 1924, кн. 4, с. 211). Одной из сильнейших поэм в русской литературе счел эту есенинскую вещь критик В.Галицкий (Лит. обозрение газ. «Нижегородская коммуна», 1925, 15 дек., № 287; вырезка — Тетр. ГЛМ). Положительно, но с различного рода оговорками исторического, политического и эстетического плана писали о поэме Иванов-Разумник, П.С.Коган, Н.Осинский (В.В.Оболенский), С.Радугин (С.Н.Ражба), А.Н.Рашковская и др. (см. ниже).

Высоко оценили «Пугачева» зарубежные критики. Уже в 1922 г. поэма была переведена на французский язык Ф.Элленсом и М.М.Милославской, см.: Essenine Serge. Confession d'un Voyou (Исповедь хулигана), издан-

ная в Париже двумя изданиями — в 1922 и 1923 гг. В предисловии к книге Ф. Элленс писал: «В <...> поэме под названием „Пугачев" ярко проявляются подлинные стремления и чаяния Есенина... <...> ...он раскрывает себя в образе Пугачева, это одна из самых искренних и волнующих исповедей поэта. <...> Его творчество классическое и по вдохновению (образы жизненные, яркие и типичные), как в греческих трагедиях, в „Илиаде", у Данте или у Шекспира; ритмы естественные, неизменные, навеянные ветром, молнией, сменой времен года и обновлением земли. Это прекрасное единство формы и содержания сближает Есенина с поэтами-классиками всех эпох. Его поэзия напоминает распаханную землю, поделенную на участки, которая поначалу кажется дикой, похожей на русские степи, на которых отпечатались следы поколений; следы человеческих радостей, бед и невзгод. К тому же Сергей Есенин пишет языком одновременно литературным и народным, очень лаконичным, без лишних украшений, полным страсти и энергии. Его стихи словно рождены природой, в них удачно соединяются классический и александрийский стили. Над всеми восемью песнями „Пугачева" веет дух Гомера» (газ. «Русь святая», Липецк, 1994, 14–27 апр., № 13–14, пер. Е.Н.Чистяковой, публ. Н.Г.Юсова).

А.Ярмолинский, издавший в 1921 г. в Нью-Йорке в переводе на русский язык (совместно с Б.Дейч) антологию новейшей русской поэзии «Modern Russian Poetry», куда включил стихи Есенина, в рецензии на берлинское издание поэмы отметил, что «Пугачев», созданный «под влиянием революционного преклонения пред народным вождем Емельяном», написан «красиво и оригинально» (газ. «New York Herald», 1922, 29 окт., см. также газ. «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1922, 20 дек., № 3616, в пер.).

Русский парижанин Н.Брянчанинов в статье «„Молодые" московиты», опубликованной в парижском журнале

«La Nouvelle Revue» (1923, 15 мая), писал: «В настоящее время, со смерти Александра Блока, умершего в 1921 г., Есенин бесспорно наиболее известный, если не величайший поэт России. Этот молодой поэт есть явление природы» (цит. по письму А.Дункан в кн.: Письма, 331, пер. О.К.Толстой). Среди имажинистских произведений Есенина Н.Брянчанинов выделил «Пугачева», обратив внимание на то, что некоторые «совершенные по определенности образы» «своей оригинальностью напоминают нам лучшие строфы „Инонии", поэмы, далеко предшествовавшей „Пугачеву"» (цит. по пер. в письме О.С.Смирнова к Есенину от 25 марта 1925 г., вырезка — Тетр. ГЛМ, где, в частности, есть такие слова, обращенные к Есенину: «...иностранец сумел просто и искренно подойти и по достоинству оценить Твои произведения.

Впрочем, это в порядке вещей, и имя Есенина наряду с именем Шаляпина, Горького, Рахманинова, Конёнкова и многих других послужит лишь продолжением той длинной плеяды русских гениев, к сожалению, ценимых на Западе больше, чем у себя на родине» — Письма, 275).

В 1922 г. китайский исследователь Юйджи в статье «Новая литература России» (журн. «Восток», т. 19, № 4) оценил «революционный пафос поэтической драмы „Пугачев"» (цит. по статье Ван Шоуженя в кн. «Есенин академический. Есенинский сб». Вып. 2. М., 1995, с. 268).

В отличие от названных выше авторов А.К.Воронский, Л.Д.Троцкий, И.А.Груздев, Б.А.Анибал (Масаинов), Н.Чужак (Насимович), Г.Г.Адонц, А.Лежнев (Горелик А.З.) и др. отнеслись к поэме отрицательно. Близкие между собой суждения высказывали критики разных взглядов и позиций как в советской России, так и русском зарубежье. Резко критическую оценку дал поэме А.В.Луначарский в статье под названием «Eine Skizze der russischen Literatur während der Revolutionszeit» («Очерк русской литературы революционного времени», написана в

1922 г.), которая была опубликована только на немецком языке в сб. «Das heutige Rußland. 1917–1922. Wirtschaft und Kultur in der Darstellung russischer Forscher», Berlin, 1923, s. 43–60 («Сегодняшняя Россия. 1917–1922. Хозяйство и культура в освещении русских ученых», Берлин, 1923; отрывок появился в берлинской газ. «Die Rote Fahne», 1922, № 523). «В его <Есенина> крайне неудавшемся „Пугачеве",— писал А.В.Луначарский,— среди всяческих острых словечек и вывертов, частью забавных и милых, частью вымученных и скучных, иногда пробивается недвусмысленная романтическая искренность, часто напоминающая, к сожалению, визг побитого щенка» (цит. по: Луначарский А.В. Неизданные материалы.— «Лит. наследство», М., 1970, т. 82, с. 226, публ. и пер. Л.М. Хлебникова).

В.Львов-Рогачевский так характеризовал есенинскую вещь в своей книге «Новейшая русская литература» (М., 1923, с. 263; в 1923–1925 вышла 4-мя изд.): «Поэма Сергея Есенина „Пугачев" поражает своей бедностью и однообразием. Нагромождение образов, уже много раз повторенных, и ни одного живого лица. Не Есенин написал о „Пугачеве", а „Пугачев" об Есенине. Поэма „Пугачев" — это провал имажинизма, провал Сергея Есенина, у которого не хватило сил на большое произведение. Без знаний, без предварительной подготовки с голыми руками подошел он к огромной теме и захотел отписаться своими кричащими сравнениями». Критик-пролеткультовец Г.Г.Адонц поддержал «решающую и уничтожающую оценку» «Пугачева», данную Н.Чужаком на страницах журнала «Жизнь искусства» (Л.–М., 1925, № 26, 30 июня, с. 3–4; 1925, Л.–М., № 35, 1 сент., с. 10; обе вырезки — Тетр. ГЛМ).

Откровенно предвзятые политические оценки, продиктованные ненавистью к советской России, подчас звучали со страниц газет русского зарубежья. М.Первухин, например, в статье «Пугачики» писал, что «кошмарное револю-

ционное творчество» Есенина ничего общего с поэзией не имеет. Все, что творит Есенин, критик назвал «дикой чушью, стряпней невежды, хулигана», а «беснующуюся советскую Россию» — «гигантским домом умалишенных и каторжной шпаны» (газ. «Новые русские вести», Гельсингфорс, 1924, 11 апр., № 96).

Разноречивость критических отзывов на «Пугачева» не сглаживалась и в последующие годы жизни поэта. Наоборот, отдельные критики прошли знаменательную эволюцию от высоких оценок к разносным политическим приговорам. Близкий знакомый Есенина, писатель и критик Г.Ф.Устинов в статье «Литература и революция» отметил, что «Есенина можно назвать первоклассным европейским поэтом» и «одним из самых просвещенных русских писателей». В поэме «Пугачев», продолжал Г.Ф.Устинов, поэт «сознательно ставит на первый план не личность, не героя, а массы... Есенин — это завтрашний день Маяковского, творец-создатель, пришедший на смену творцу-разрушителю, революционеру» (журн. «Вестник работников искусств», М., 1921, № 10—11, с. 39). Спустя почти два года Устинов дважды повторил противоположную оценку поэмы: «... его <Есенина> наиболее крупное произведение „Пугачев“ знаменует собою не поворот вперед, а поворот назад. Это произведение — гимн психологической пугачевщине, тому самому психо-бандитизму, который принес Сергей Есенин в революционный город с хитро улыбающихся рязанских полей. Есенинский Пугачев — не исторический Пугачев. Это — Пугачев-антитеза, Пугачев-противоречие тому железному гостю, который „пятой громоздкой чащи ломит“, это Пугачев — Антонов-Тамбовский, это лебединая песня есенинской хаотической Руси, на короткое время восставшей из гроба после уже пропетого ей Сорокоуста. <...> „Пугачев“ Есенина — не исторический Пугачев, а современный Пугачев-Есенин, родившийся в начале НЭПа, синоним оппозиции по отношению к пролетарскому государству уже не за „левизну“,

а за „правизну“ его политики...» (Устинов Г. сб. «Литература наших дней», М., 1923, с. 60, 63; см. также газ. «Известия ВЦИК», М., 1923, 29 июля, № 169). В 1924 г. Устинов еще раз сравнил с Пугачевым самого Есенина, который «бандитом — психобандитом» — скитался «по взбудораженной земле» (газ. «Последние новости», Л., 1924, 21 апр., № 16).

Большинство критиков, независимо от того, положительно или отрицательно восприняли они «Пугачева», не ограничилось общей оценкой. Острая полемика шла по трем основным проблемам: историзм и революционность, имажинизм и художественная образность, жанр и сценичность пьесы.

Наиболее острые споры вызвал вопрос об историзме «Пугачева». Сложились две противоположные точки зрения. Первая, наиболее распространенная, состояла в отрицании историзма, причем не всегда соотносилась с общей оценкой есенинской поэмы. В одной из самых ранних рецензий «Поэма о мужике» за подписью «Москвич», опубликованной еще до выхода произведения из печати, оно оценивалось как неисторическое и несовременное. «„Пугачева“,— писал анонимный автор,— того самого, который по ступеням исторических фактов прошел в пушкинскую „Капитанскую дочку“, в поэме нет и в помине. Да ему <Есенину>, собственно, нет и дела до реального, исторического Пугачева» (газ. «Новый путь», Рига, 1921, 10 сент., № 182; см. также за подписью Москвич — газ. «Новый мир», Берлин, 1921, 14 авг., № 164).

При всем многообразии оценок, одни авторы отрицали историзм «Пугачева» в пользу современного звучания и революционности, другие полностью отказывали поэме в социальном звучании.

Критики пытались найти истоки замысла «Пугачева» в советской эпохе, когда события революционного Октября и гражданской войны представлялись созвучными пугачевскому бунту. П.С.Коган услышал в поэме Есенина

«немало близкого нашей революции бунтарства, но бунтарства не пролетарского, а мужицкого» (журн. «Смена вех», Париж, 1921, 10 дек., № 7, с. 23) и соотнес «неисторичность» поэмы с ее главным достоинством: «„Пугачев", быть может, лучшее из всего написанного Есениным. Потому, вероятно, что не сверху, сквозь очки историка смотрит он на события, а видит простых людей прошлого, их будничные интересы, их повседневные заботы. И нет ничего исторического, большого в этих сценах, а есть обыкновенные люди. <...> Народу нет дела до политических переворотов, дворцовых интриг и царственных честолюбцев. Он восходит к историческим событиям от своих „огурцов на грядках"» (Кр. новь, 1922, № 3 (7), май, с. 257—258; вырезка — Тетр. ГЛМ; см. также в его кн. «Литература этих лет. 1917—1923», Иваново-Вознесенск, 1923. То же: 2-е и 3-е изд. 1924 и 4-е изд. 1925, с. 123—124; отрицательные рец. на кн. П.Когана в газ. «Книгоноша», 5 янв., № 1 и Н.Фатова в журн. «Молодая гвардия», 1924, № 10, с. 173—174; см. также газ. «Известия», Одесса, 1924, 7 нояб., № 1481). А.Н.Толстой, выступивший на страницах берлинской газеты Нак. со статьей «О новой литературе» (Нак., 1922, 11 июня, № 62, Лит. прил. № 7), причислил Есенина, который, читая «Пугачева» в берлинских залах, глубоко уверен, что «он сам — разбойник, вор и конокрад», к создателям новой русской трагедии, основой которой является «миф о революции».

Напротив, в статье Н.Осинского (В.В.Оболенского), опубликованной в «Правде» (1922, 4 июля, № 146), «Пугачев» был назван «высокоталантливым наброском», где отсутствует социальная направленность, но «сделана попытка выявить внешнее выражение и внутренний пафос мятежной стихии, изобразить ее как непрерывное течение одной реки, докатившейся от пугачевских времен до нашего времени».

Многие критики отказывали есенинскому «Пугачеву» не только в историзме, но и в том, что более всего ценил его автор, — в революционности и трагизме, оценивая фигуру главного героя как романтическую. Характеризуя поэму Есенина «не более как дивертисмент, где наряженные в нарочито лубочные костюмы актеры декламируют *есенинскую лирику*», критик В.И.Блюм писал: «Историзм „Пугачева“ не выше общеиловайского уровня, Пугачев, между прочим, является в степь, если верить Есенину, „посмотреть на золото телесное, на родное золото *славян*“(?)... Революционность довольно примитивная, в стиле есенинском» (ТМ, <1922>, № 23, 17–22 янв., с. 13).

По словам Б.Анибала, «есенинский герой не просто Емельян Пугачев, каким его знает история, а имажинист Пугачев, и если бы автор снабдил свою поэму, вернее лиро-драму, ремарками, то под героем значилось бы: „Пугачев — мечтательный молодой человек в цилиндре, красные бриджи, смокинг“. <...> Остальные персонажи также взяты неверно и производят комическое впечатление. <...> В передаче эпохи автор ошибся на полтораста лет и действие „Пугачева“ безошибочно можно отнести к 1921 г.» (журн. «Вестник лит.», Пг., 1922, № 2–3, с. 23).

М.О.Цетлин назвал Есенина «русским принцем поэтов», но увидел беду «Пугачева» в том, что вещь «не содержит никаких элементов трагедии и что Есенин всей сущностью своей чужд трагизму. Не трагический набат, а, скорее, „малиновый звон“ бубенцов под дугой — характерен для этого поэта» (газ. «Последние новости», Париж, 1922, 16 сент., № 740; вырезка — Тетр. ГЛМ). В «напряженности современья» отказал поэме Есенина (вкупе с «Оливером Кромвелем» и «Фомой Кампанеллой» А.Луначарского) Н.Н.Асеев, считая, что они «лишь передразнивают в более или менее удачных гримасах» «мучительные судороги наших дней» (ПиР, 1922, сент.-

окт., кн. 7, с. 73). «Но охватить большой и особенно этой — исторической темы,— заметил Г.В.Алексеев,— поэт не смог. <...> Поэт и взял Пугачева не в исторической перспективе, а сегодняшнего, проснувшегося...» (журн. «Веретеныш», Берлин, 1922, окт., № 2, с. 10).

Я.Б.Окунь заметил: «Есенин претворяет революцию в образ бунта, бессмысленного и стихийного, а Ленина трансформирует в Пугачева. <...> Классовые устремления и классовые цели чужды и непонятны наблюдателю с тросточкой в руках. Революция идет помимо него, он не участник ее, даже не статист, а посторонний человек в ней, и оттого она у него бессмысленна, стихийна, жестока» (журн. «Журналист», М., 1923, № 7, июль-авг., с. 20; подпись: Як. Окунев).

Противоречивые высказывания вызвала узловая проблема «Пугачева» — взаимоотношение народа и вождя. А.Лежнев в статье «„Пугачев" Есенина, или о том, как лирическому тенору не следует петь героических партий» не увидел ни стихии возмущенного народа как такового, ни передачи мятежного духа в образах «Пугачева»: «...не передано главное — дух бунта, народного возмущения, народной революции. Народа в поэме собственно и нет. Но можно было эту стихийность, этот мятеж передать в фигурах Пугачева и его соратников. Так нет же! <...> Во всех них мало героического, мужественного, даже просто мужского» (журн. «Вестник искусств», М., 1922, № 3–4, с. 19). «Типичным мелким буржуа-индивидуалистом» увидел Пугачева критик Г.Е.Горбачев (Справочник агитатора «Под знаменем коммунизма», Пг., 1922, № 1 (22), 15 окт., с. 112). Н.Чужак, считавший, что говорить об идеологии «Пугачева» «всерьез» — занятие неблагодарное, назвал есенинского Пугачева «дворянским монархистом, тоже по-своему использующим идею самозванства, но только для того, чтоб вырвать эту благородную идею из погромных рук неблагодарной черни». Саму эту идею критик расценил как «красивую, заманчивую ... глупость, ко-

торая может прийти в голову... обожравшемуся красотой эстету» (журн. «Жизнь искусства», Л.—М., 1925, № 26, 30 июня, с. 3—4; вырезка— Тетр. ГЛМ). Ср. противоположные высказывания П.С.Когана о народе (с. 487 наст. т.). Вскоре после смерти Есенина А.Ветлугин заметил, что в характере есенинского «Пугачева» «не трудно уличить распутинские черты» (РЗЕ, 1, 133).

В.П.Правдухин, определивший «произведение лишь как новый этап <...> исканий, признак перелома форм» творчества Есенина, отказал «Пугачеву» в историчности также на основании сочетания современных слов и анахронизмов в речи персонажей, обратив внимание на то, что «едва ли речушка Чаган могла слышать от Пугачева термин „пространство"» (журн.«Сибирские огни», Новониколаевск, 1922, май-июнь, № 2, с. 141). В.И.Лурье назвала слова Бурнова о керосиновой лампе «полным историческим абсурдом» (журн. «Сполохи», Берлин, 1922, нояб., № 13, с. 29). О «внеисторичности» этого образа, который А.Лежнев назвал «очаровательным анахронизмом „à la Шекспир"» (журн. «Вестник искусств», М., 1922, № 3—4, с. 19, см. также в статьях М.Первухина — «Рус. газ.», Париж, 1925, 17 мая, № 328 и И.А.Груздева — журн. «Книга и революция», М.— Пг., 1923, № 3 (27), с. 37).

Значительно реже появлялись отзывы, утверждавшие историзм произведения, причем и в этом случае — и с плюсом, и с минусом. Отражение генетического родства мировоззрения современного крестьянства и казаков второй половины XVIII в. увидели в «Пугачеве» такие разные авторы, как А.Б.Мариенгоф и Е.Ф.Никитина, ср. общность их высказываний о превращении есенинской Руси («Расеи») в Россию и бунтарства — в крестьянскую революцию. «„Пугачев",— писала Е.Ф.Никитина,— заметное историко-литературное явление». Отметив две замечательные сцены (разговор предателей Пугачева и гибель Пугачева) и «внутреннюю правдивость пьесы-поэмы», она

назвала «Пугачева» — поэмой наших дней, нашего «героизма и предательства» (альм. «Свиток», М., 1924, № 3, с. 152; см. также рец. А.Мариенгофа в журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М., 1922, № 1, нояб., <с. 29>; подпись: А.М.). Н.М.Тарабукин, напротив, утверждал: «Современность идет *мимо него*. <...> ... и, как иные эклектики, <Есенин> оборачивается назад, в прошлое истории („Пугачев“) и там хочет найти те образы, которых ему не дает современность» (журн. «Горн», М., 1923, № 8, с. 225; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Поэма «Пугачев» стала поводом к дискуссии об имажинизме (см. т. 7, кн. 1 наст. изд.) и художественной образности поэмы. Отдельные авторы утверждали, что Есенин имеет мало общего с имажинизмом Мариенгофа и Шершеневича (Н.Осинский) или отмечали «уход» «Пугачева» от имажинизма, «далекого от понимания глубин народной жизни» (С.Радугин). С.М.Городецкий считал: «Если имажинизм и принят Есениным, то, может быть, только как литературное развитие всегда стремившегося к изобразительности деревенского языка». А.Н.Рашковская в 1925 г. утверждала, что в группу имажинистов входили поэты, «совершенно чуждые по духу Есенину» (журн. «Вестник знания», М., 1925, № 13, стб. 888).

Значительная часть критиков, напротив, считала, что отделять Есенина от имажинизма нет оснований. «Пугачев» Есенина и «Заговор дураков» А.Мариенгофа уже в первых откликах воспринимались как «опыт приложения принципов имажинизма к драматургии» (Москвич. «Заговор дураков» — газ. «Новый мир», Берлин, 1921, 11 сент., № 188) и, как правило, на счет имажинизма относились все недостатки и парадоксы «образотворчества» двух поэтов. Независимо от общей положительной или отрицательной оценки «Пугачева» критики видели в нем «имажинистическую трясину» (Апушкин Я.В. — журн. «Экран», М., 1922, № 22, 21–28 февр., с. 10), «налет конфетного имажинизма» (П.С.Коган), «вычурный има-

жинизм» (Г-14 <Гринберг>— газ. «Коммуна», Самара, 1922, 16 июня, № 1049), а в главном герое Пугачеве — «оперного пейзана», «начитанного в имажинизме джентльмена», прошлым летом декламировавшего в «Стойле Пегаса» (Лежнев А. — журн. «Вестник искусств», М., 1922, № 3—4, с. 19; вырезка — Тетр. ГЛМ; см. также рубрику «Театр и искусство» — газ. «Курьер», Владивосток, 1921, 3 дек., № 54; Лебедев Н. «Поэтические школы» — газ. «Новый путь», Рига, 1922, 1 янв., № 1; Адашев К.— журн. «Художественная мысль», Харьков, 1922, 18—25 марта, № 5, с. 13—14; Н.М.П. <подпись> — газ. «Воля России», Прага, 1922, 25 марта, № 12, с. 20; Соснин Б.— журн. «Вулкан», Пг., 1922, № 2, дек., с. 27.

Е.И.Шамурин отнес слабость поэмы за счет того, что есенинский Пугачев и другие действующие лица «имажинизированы» и «испорчены». Признавая «большое дарование» Есенина, которое чувствуется в «Пугачеве», как и в других вещах поэта, критик делал вывод, что «только окончательный разрыв с „художественными приемами“ бездарного Мариенгофа и Шершеневича спасет поэта, прекратит это нелепое, систематическое если не самоубийство, то самоуродование художника» (журн. «Культура и жизнь», М., 1922, 1—15 марта, № 2/3, с. 75—76). Еще более уничтожающую оценку поэме дал Л.Д.Троцкий в статье, опубликованной под названием «Вне-октябрьская литература: Литературные попутчики революции» (об ошибочности заголовка см. Материалы, 426; т. 5 наст. изд., с. 396) на страницах газеты «Правда» (1922, 5 окт., № 224; вошла в его кн. «Литература и революция», М., 1923, с. 48—50, то же — 2-е изд., 1924, с. 52—53). Он назвал Есенина поэтом, «от которого все-таки попахивает средневековьем», и охарактеризовал попытку Есенина построить имажинистским методом крупное произведение — «несостоятельной». «Диалогический характер „Пугачева“,— писал Троцкий,— жестоко подвел поэта. <...> Емелька Пугачев, его враги и сподвижники — все сплошь

имажинисты. А сам Пугачев с ног до головы Сергей Есенин: хочет быть страшным, но не может. Есенинский Пугачев сентиментальный романтик. Когда Есенин рекомендует себя почти что кровожадным хулиганом, то это забавно; когда же Пугачев изъясняется, как отягощенный образами романтик, то это хуже. Имажинистский Пугачев немножко смехотворен... <...> Если имажинизм, почти не бывший, весь вышел, то Есенин еще впереди».

«Недостаточность» приемов имажинизма, которая обнаружилась в драматической поэме, отметил также И.А.Груздев: «Диалог, даже претендующий на сценичность, требует гораздо более сложных форм, чем перманентная образность и привычные Есенину лирические приемы.

Вследствие этого стих развалился, механизировался и, например, лирическое повторение, к которому так охотно прибегал Есенин („Кружися, кружися, кружися, чекань своих дней серебро!“), в „Пугачове“ выглядит так: „*Оболяев*. Что случилось? Что случилось? Что случилось? *Пугачов*. Ничего страшного. Ничего страшного. Ничего страшного.“ Это звучит явной пародией» (журн. «Книга и революция», М.—Пг., 1923, № 3(27), с. 37. П.Жуков, соглашаясь с И.Груздевым, счел, что «Пугачев» «во многих случаях» «звучит бессознательно пародийно» (журн. «Зори», Пг., 1923, № 2, с.11). Ср. факт, отмеченный в названной выше рецензии В.И. Лурье: «К повторению одних и тех же слов для усиления впечатления поэт прибегает на протяжении 60 страниц 56 раз»).

В связи с «опоэтизацией хулиганства» рассматривал «Пугачева» А.К.Воронский. В статье «Сергей Есенин», опубликованной в январском номере «Красной нови» за 1924 г., критик писал: «Пугачев приближен к нашей эпохе, он говорит и думает как имажинист, он очень похож на поэта. Марксизм давно уже дал надлежащую оценку нашей исторической пугачевщине, и напоминать ее здесь не имеет смысла. Но, конечно, теперешнее хулиганство

Есенина имеет с подлинной пугачевщиной весьма отдаленное сходство. <...> От заповедных лесов правнук ушел, но к тому городу, за которым будущее, не пристал» (с. 283—284, см. также его кн. «Литературные типы», М., <1925>, с. 52—55).

Критики не сумели оценить органического соединения литературных и фольклорных перекличек, уходящих корнями в мифологическое прошлое и придающих неповторимый колорит есенинской трагедии (см. реальный коммент.). Некоторые авторы указывали на излишнюю усложненность и вычурность языка поэмы, где «„манера“ превращается в „манерность“» (журн. «Воля России», Прага, 1922, 25 марта, № 12, с. 20; подпись: Н.М.П.). В.Красильников нашел работу Есенина-имажиниста неудовлетворительной и охарактеризовал образы поэмы по их внутреннему значению как «ребус, задачу, головоломку для читателя». На Б. Анибала персонажи пьесы произвели «комическое впечатление», их диалоги он называл «кукольными». «Неприятно поражает,— продолжал рецензент,— убожество мыслей поэмы» (журн. «Вестник лит.», Пг., 1922, № 2—3 (38—39), с. 23). И.Соболев писал: «Пугачев» — это «многословие поверившего в свою гениальность графомана» (альм. «Возрождение», М., 1923, т. II, с. 367— 368). А.И. Ромм назвал «Пугачева» «апогеем есенинского имажинизма» и заметил, что в погоне за образом поэт доходит «до таких плоских иносказаний: „Клещи рассвета в небесах // Из пасти темноты // Выдергивают звезды, точно зубы...“» (альм. «Чет и нечет», М., 1925, с. 36—37).

В рамках дискуссии об имажинистской образности «Пугачева» Иванов-Разумник поставил вопрос о модернизации и стилизации, нащупав тем самым одну из новаторских черт есенинской трагедии. Назвав «намеренно тяжеловесного „Емельяна“» «сильной, крепкой вещью», он писал: «В разбойных героев середины XVIII века вложены чувства, мысли, слова „имажиниста“ нашего времени,

который сам о себе говорит: „такой разбойный я...“ Эта модернизация, эта стилизация — прямая противоположность приему бесчисленных ауслендеров: у них современность жеманится под историчность, здесь же историческое переносится в современность. „Емельян“ Есенина — наш современник, со всеми своими историческими соратниками живет он в наши дни, среди нас и в нас» («Летопись Дома литераторов», Пг., 1922, 1 февр., № 3 (7), с. 5; вырезка — Тетр. ГЛМ). В.П.Правдухин заметил, что от поэмы веет «в новых формах воскрешаемой ложноклассикой. <...> И эта ложноклассика — порой сильная, ядреная — напитывает собой и всю „поэму“» (журн. «Сибирские огни», Новониколаевск, 1922, май-июнь, № 2, с. 141). С.Радугин назвал язык «Пугачева» прекрасным, чуждым вычурности, но «непохожим на обыденную речь» (журн. «Зори Грядущего», Харьков, 1922, № 5, с. 176).

Вопрос о правомерности соединения в исторической поэме разных жанров народной поэзии и русской книжности поставил Н.Н.Асеев. Он отметил символику «природы, быта и чувств», построенную «по образу загадок и пословиц», и злоупотребление не переплавленным собственным творчеством книжным орнаментом «всяких „Триодей“ и „Цветников“» (ПиР, 1922, кн. 8, с. 39—40).

А.Б.Мариенгоф противопоставил своеобразную творческую манеру письма Есенина обычному «стилизаторскому курьезу». «Историческая вещь не будет стилизаторской, если идеологическая трактовка, психологическое движение, лирическое содержание и формальная манера будет выражать дух своего времени (тому пример итальянский ренессанс, Новгородская иконопись XIV и XV века, Шекспир, „Пугачов“ Есенина, „Заговор Дураков“ автора настоящей статьи)». Как бы в ответ Н.Н.Асееву А.Б.Мариенгоф определил имажинистское понимание хода развития литературы: «От образного зерна первых слов через загадку, пословицу, через „Слово о полку Игореве“ и Державина к образу национальной революции» (в

его статье «Корова и оранжерея» — журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М., 1922, № 1, нояб., <с. 7>).

Наиболее пространно выступил по этому вопросу в одном из выпусков своих «Литературных заметок» Г.В.Адамович, по собственному признанию, прочитавший одну из наиболее популярных есенинских вещей лишь в середине 1924 г. «Есенин,— писал он,— по-видимому, как огня боялся впасть в стилизацию <...>. Но он впал в другую и едва ли не в худшую крайность. Его герои изъясняются не современным русским языком, сухим, простым и точным, а цветистым и разукрашенным, типичным условно-поэтическим волапюком. <...> Настоящая простота решительно и безусловно исключает метафоричность. <...> Есенин в своей грубо, кое-как сделанной поэме остался верным последователем имажинизма. ...„Пугачев“ по тону напоминает некоторые вещи Маяковского». Особенно подробно Адамович критиковал метафоры, основанные на двух вещественных или отвлеченных понятиях («цедит молоко соломенное ржи», «тополь общипан „зубами дождей“, по небу катится „колокол луны“, а Екатерина взошла на престол, разбив „белый кувшин головы“ своего мужа») (газ. «Звено», Париж, 1924, 11 авг., № 80).

Напротив, М.А.Рыбникова в исследовании, посвященном сравнениям и метафорам, выделила случаи «прииМенной метафоры: два существительных; определение в именительном падеже, определяемое в родительном падеже» («головы моей парус», «молоко соломенной ржи», «колокол луны» и др.), как излюбленный Есениным оборот, «словесный жест двух существительных», а также очень близкий ему оборот сравнения в творительном падеже («сивым табуном», «красным всадником», «красношерстной верблюдицей», «голодной волчицей» и др.) и сделала следующий вывод: «Поэт-имажинист (а в „Пугачеве“ имажинизм по преимуществу, а не просто поэзия), Есенин

выполняет одно из основных положений школы, давая образы не только обильные и разительные, но также и по форме своей необычно краткие, как бы с выжатым из них глаголом. <...> Есенин <...> находит возможным давать бесчисленные сравнения конкретного с конкретным. И в этом особая новизна и смелость „Пугачева"» (Книга о языке. Очерки по изучению русского языка и стилистические упражнения, изд. 2-е, М., 1925, с. 250—251, 257).

И.И.Старцев вспоминал, что Есенин «долго ожидал от критики заслуженной оценки и был огорчен, когда критика не сумела оценить значительность этой вещи.

— Говорят, лирика, нет действия, одни описания,— что я им, театральный писатель, что ли? Да знают ли они, дурачье, что „Слово о полку Игореве" — все в природе! Там природа в заговоре с человеком и заменяет ему инстинкт» (Восп., 1, 414).

Сразу же после выхода в свет «Пугачева» критики заговорили о его жанре. Я.В.Апушкин, например, рассуждал: «Конечно, потенциально „Пугачев" драматичен; конечно, в нем есть драматическая форма — разделение на сцены, диалог и пр. Но все это дается постольку, поскольку это может быть дано и в романе.

И мы не знаем, что перед нами: драматическая поэма, претендующая быть пьесой, или пьеса, претендующая на звание поэмы?..» (журн. «Экран», М., 1922, № 22, 21—28 февр., с. 10). В.Правдухин счел, что «это не поэма, это тем более не трагедия. <...> Сильный стих, порой сильные образы и даже целые удачные монологи, однако, не дают в конечном счете ни живых людей, ни картин» (журн. «Сибирские огни», Новониколаевск, 1922, май-июнь, № 2, с. 141). Своеобразие жанра есенинской трагедии нередко ставило в тупик современных критиков, которые считали, что «„Пугачев" Есенина — немыслим на сцене» (см., например, А.Лежнев — журн. «Вестник искусств», М., 1922, № 5, с. 38).

17—5762

Поводом к дискуссии о сценичности «Пугачева», разгоревшейся на страницах журнала ТМ, стала уже упомянутая рецензия В.Блюма, в которой тот писал: «Театру нечего делать с этой не то драматической поэмой, не то — лирической драмой» (<1922>, № 23, 17—22 янв., с. 13). Выступившие на страницах этого журнала имажинисты резко разошлись во взглядах не только на пьесу Есенина, но и на театральное искусство. В статье «Поэты для театра» В.Шершеневич придал первостепенное значение в пьесе театральной интриге: «...с театральной точки зрения, конечно, „Пугачов“ может быть поставлен, хотя бы как трагическая оратория, с минимумом движения, в монументальных формах...»

«Что определяет театральность произведения? — спрашивал он и отвечал:

— Интрига или фабула, построение слова и закономерное разрешение актерского волнения. <...> Совершенно так же, как композитор пишет определенную музыку на данные слова, так же поэт должен писать определенное словесное построение на разработанную фабулу волнений» (<1922>, № 34, 4—12 апр., с. 8—9).

Возражая В.Г.Шершеневичу, А.Б.Мариенгоф в статье, опубликованной в этом же журнале под заглавием «Да, поэты для театра. Ответ Вадиму Шершеневичу», отвел в работе над постановкой пьесы в театре первостепенное значение не интриге, а искусству актера: «Когда актер с подлинным мастерством, т.е. с искусством будет волноваться, двигаться и декламировать (я не боюсь этого слова), тогда не потребуется театральная интрига». Он писал о том, что всякая талантливая пьеса для театра «безусловно годна и не годен театр, который не может сделать такую пьесу интересной» (1922, № 37, 25—30 апр., с. 7). В.Г.Шершеневич в статье «Театр не для поэтов» ответил А.Б.Мариенгофу и вновь повторил уже изложенные им ранее мысли: «...на театре надо занимать не ту роль, которую он <поэт> хочет, а ту, которая ему отводится теат-

ральным искусством. Театр не „ставит пьесу поэта“, а поэт ритмически разрешает звучальный элемент актерской работы» (ТМ, <1922>, № 38, 1—7 мая, с. 14).

И.В.Грузинов вспоминал, как Есенин формулировал свою точку зрения на театральное искусство и защищал сценичность своей вещи. Поэт говорил, что он «расходится со своими друзьями-имажинистами <...>: в то время как имажинисты главную роль в театре отводят действию, в ущерб слову, он полагает, что слову должна быть отведена в театре главная роль.

Он не желает унижать словесное искусство в угоду искусству театральному. Ему как поэту, работающему преимущественно над словом, неприятна подчиненная роль слова в театре.

Вот почему его новая пьеса, в том виде, как она есть, является произведением лирическим.

И если режиссеры считают „Пугачева“ не совсем сценичным, то автор заявляет, что переделывать его не намерен: пусть театр, если он желает ставить „Пугачева“, перестроится так, чтобы его пьеса могла увидеть сцену в том виде, как она есть» (Восп., 1, 370).

Есенин действительно хотел видеть «Пугачева» на сцене. Известно, что поставить пьесу «Пугачев» хотели актеры Калужского театра (сохранилось письмо директора-распорядителя Калужского театра С.А.Есенину и на нем приписка поэта, датированная «1921—/16/II» (частное собрание, г. Москва). Постановку «Пугачева» предполагал осуществить и В.Э.Мейерхольд. Пьесы Есенина и Мариенгофа были намечены к постановке в Театре РСФСР Первом, информация об этом была помещена газетах (см.: «Новый путь», Рига, 1921, 20 июля, № 137 и газ. «Общее дело», Париж, 1921, 1 авг., № 380). 14 января 1922 г. В.Э.Мейерхольд включил пьесы «Пугачев» и «Гамлет» в перечень своих предполагаемых постановок, направленный в коллегию Наркомпроса и Главполитпросвета (см. в кн. «В.Э.Мейерхольд. Переписка». М., 1976,

с. 213—214), но постановка не осуществилась. 26 июня 1922 г. решением художественного подотдела МОНО (Московский отдел народного образования) Театр революционной сатиры был преобразован в Театр революции, которым первые два сезона руководил Мейерхольд. В 1922—1923 гг. он не раз возвращался к мысли о постановке «Пугачева» (см., например, газ. «Правда», 1922, 13 окт., № 231 и журн. «Новый худож. Саратов», 1923, 3—10 февр., № 5, с. 5; подробнее об этом — в статье В.А.Вдовина «... С любовью и верой в его победу» — газ. «Сов. культура», М., 1990, 29 сент., № 39). «Вопрос о постановке пьесы Есенина „Пугачев", которую также хотел ставить Мейерхольд, так и не сдвинулся с места. Мейерхольд, по-видимому, не смог, даже при своей фантазии, найти способ ее воплощения» (Ильинский И. Сам о себе. 3-е изд., доп., М., 1984, с. 189).

Неудачей с постановкой «Пугачева» Есенин, как отмечал Л.И. Повицкий, был очень огорчен (Восп., 2, 239). Поэт вел переговоры о «Пугачеве» с режиссером П.П.Гайдебуровым. В январе 1924 г. шли работы по постановке трагедии Есенина «Пугачев» в Центральной студии Губполитпросвета (под руководством В.В.Шимановского) — режиссер В.В.Шимановский, художник Е.Б.Словцова (см. журн. «Жизнь искусства», М., 1924, 29 янв., № 5, с. 26 см. также воспоминания актрисы А.Г.Вышеславцевой, жены В.В.Шимановского, на с. 473).

Позже Н.Н.Никитин писал: «Монологи Емельяна Пугачева и „уральского разбойника" Хлопуши, сочащиеся кровью, страстью, когда-нибудь люди услышат с подмостков какого-нибудь театра. И это будет подлинно народный и романтический театр. Именно он таится в этой крестьянской поистине революционной драме. <...> Есенин действительно так читал эту драму, что она была видна и без декораций, без актеров, без театральных эффектов.

Мне помнится, как в двадцатые годы, после смерти Есенина, В.Я.Софронов пробовал работать над материалом этой драмы. Это были еще робкие попытки, но и тогда уже они были значительны. И мне чувствовалось, эта драма — не только для чтения...» (Воспоминания-95, с. 433—434).

Много лет спустя «Пугачев» был поставлен в Москве (Театр драмы и комедии на Таганке, 1967), Варшаве (Театр польски, 1967) как спектакль по двум поэмам (вторая — «Страна Негодяев») под названием «Нам не дерево нужно, а камень», а также в «Театро мобиле» (Италия, 1981). В 1982 г. в Рязанском областном театре драмы был поставлен моноспектакль актера А.Сысоева по драматической поэме Есенина «Пугачев». Драматическая поэма Есенина вдохновила итальянского композитора Марко Тутино на создание оперы «Пугачев» (пер. Джузеппе Ди Леви), принятой к постановке филармоническим театром «Арена Ди Верона» (Италия, 1997), (см: Кошечкин С. Есенинский «Пугачев» запоет по-итальянски.— «Российская газ.» М., 1997, 6 нояб., № 216).

С. 7. *Появление Пугачева в Яицком городке.*— Из исторических источников известно, что Пугачев дважды появлялся в этой крепости и ее окрестностях до начала боевых действий. В первый раз он остановился с 22 ноября 1772 г. на неделю у казака Дениса Пьянова закупать рыбу для Иргизских скитов и уже тогда разведывал обстановку, подговаривал казаков к побегу на Кубань и впервые назвал себя императором Петром III. Во второй раз он был на хуторах близ Яицкого городка накануне Успеньева дня (14 авг. ст. ст.) 1773 г. после побега из Казанского острога (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 8—9, ч. II, с. 161, 166; Дубровин, II, 154, I, 175; об исторической основе см.: Самоделова Е.А. Проблема историзма «Пугачева» С.А.Есенина — сб. «Проблемы эволюции русской литературы XX века». Вып. 2. М., 1995, с. 191—193). Есенин соединил оба посещения в одно. В монологе Пугачев об-

ращается сразу к двум рекам: в месте впадения Чагана в Яик находилась крепость.

С. 7. *Ох, как устал и как болит нога!..*— Пугачев прибыл по подложным документам из-за польской границы, был арестован и бежал во время сбора милостыни на подготовленной тройке вместе с одним стражником 19 июня 1773 г.; нога его могла болеть от железной колодки. Другой возможный источник строки — «Я ногой, распухшей от исканий, обошел и вашу сушу и еще какие-то другие страны...» («Владимир Маяковский», 1913 — Маяковский, I, 159) (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 9; Шкловский В. И сегодня сегодняшний.— сб. «В мире Есенина». М., 1986, с. 635).

С. 7. *Не удалось им на осиновый шест // Водрузить головы моей парус...*— Такая казнь ожидала лишь особо опасных государственных преступников, и у Пугачева до ареста не было оснований ее опасаться. Но эта расплата за предводительство восстанием была назначена Пугачеву «Сентенцией 1775 года января 10» правительственного Сената: в Москве на Болоте «учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь» (Пушкин, 6, ч. II, с. 172, ч. I, с. 81—82).

С. 8. *Кто ты, странник?* — Образ бродяги — «странника», «прохожего», который «из края в край... шляется», — Есенин, возможно, заимствовал у А.С.Пушкина, причем тот отнес выбор заговорщиками в самозванцы «прошлеца» как раз ко второму посещению Пугачевым Яицкого городка (Пушкин, 6, ч. I, с. 9). Исторической правде соответствует тот факт, что Пугачева *надоумили* принять имя Петра III, хотя он и сам имел склонность фантазировать на тему родства с императорами: еще на службе в армии он показывал товарищам саблю, якобы подаренную крестным — Петром I, «царские знаки» на

теле — отметины от перенесенной золотухи (см.: Мордовцев, XVII, 116).

С. 9. *С первых дней, как умер третий Петр...*— Смерть государя Петра Федоровича 6 июля 1762 г., на 9-й день после незаконного восшествия на престол его жены Екатерины II, казалась таинственной и насильственной. Несмотря на официальные сведения о внезапных геморроидальных коликах у царя, в народ просочились слухи о дворцовом перевороте под руководством графов Орловых (с убийством Петра III в Ропше). Раскольники любили Петра III как защитника «креста и бороды», чернь — за указы об освобождении монастырских крестьян и о запрете покупать крестьян к купеческим фабрикам и заводам. Вопреки состоявшимся в Невском монастыре в Петербурге похоронам царя, народ не верил в его смерть. Уже в 1763 г. по местам будущего Пугачевского восстания разнеслась молва, что Петр III жив и скрывается у яицких казаков. Вера в это была столь сильна, что в селе близ Уфы поп с дьяконом отслужили благодарственный молебен (см.: Мордовцев, XVII, 54; Фирсов, 11, 52—55; Покровский, 125; Пушкин, 6, ч. I, с. 193; Дмитриев-Мамонов, 124). Современники Пугачева и позднейшие историки отмечали, что «бродя по России, Пугачев схватил и народные слухи о Петре III, скрывшемся из Петербурга, потом уже появившемся, принятом сочувственно народом и снова неизвестно куда исчезнувшем...» (Фирсов, 62). Пушкин подчеркнул, что «Пугачев был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III» (Пушкин, 6, ч. I, с. 97). Современные историки насчитывают семь предшественников Пугачева — лже-Петров-Третьих (Лимонов и др., 15).

С. 9. *Нашу рыбу, соль и рынок...*— Со вступления на престол императрицы Екатерины II в 1762 г. по 1771 г. на Яике вызревал мятеж из-за недовольства казаков действиями правительственных чиновников и казачьих старшин по отношению к «войсковой стороне». Пошли жалобы на

притеснения казаков членами войсковой канцелярии (раньше вместо военной коллегии сам государь назначал войскового атамана): «на удержание определенного жалованья, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаев рыбной ловли» (Пушкин, 6, ч. I, с. 5). До этого общественный севрюжий промысел приносил до 200 рублей дохода в год каждому казаку, соль брали из соленых озер около Узеней и в Киргизских степях (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 5, 90—93; Дубровин, I, 86; Фирсов, 69; Мордовцев, XVII, 126).

С. 9. *Воском жалоб сердце Каина...*— Стало нарицательным имя библейского земледельца Каина — первого человеческого сына, убившего родного брата-пастуха Авеля из зависти, что Бог призрел его пастушескую жертву и отверг дар из плодов земли (Быт., 4, 1—17). В царствование Екатерины II совершал разбойничьи походы на Волгу московский Ванька-Каин, предатель своей братии (см.: Мордовцев Д.Л. Собр. соч. Т. XIX. Ч. 1. Ванька-Каин: Истор. очерк. СПб., 1900, с. 5—40). О лубочном романе «Ванька-Каин» Есенин упомянул в письме к Г.А.Панфилову от января 1914 г.

С. 11. *Я положил себе зарок молчать до срока.*— Фраза типична для фольклорного жанра предания с мотивом скитания скрывающегося до поры народного защитника. В разгар Пугачевщины в местах событий на основе традиционных схем создавались такие предания, например: «Подлинно государь Петр III император восходит попрежнему на царство... Был он по всему государству и разведывал тайно обиды и отягощения от бояр. Хотел он три года о себе не давать знать, что жив, но не мог претерпеть народного разорения и тягости» (Дубровин, III, 56). Как описывал Н.Ф.Дубровин, сам Пугачев решение не распространять преждевременно весть о себе как о Петре III объяснял так: чтобы недоверчивые казаки не предали его властям, пока мало сподвижников и не набрано войско (см.: Дубровин, I, 179).

С. 13. *Бегство калмыков* — В марте 1771 г. атаман Петр Тамбовцев (о нем см. ниже) получил приказ отправить партию казаков в Кизляр преследовать калмыков, возвращающихся из-за притеснений местного начальства и невнимания центральных властей на свою историческую родину — в Китай. Казаки отказались выполнять приказ, видя в снаряжении на такую службу нарушение дедовских обычаев и ущемление своих традиционных прав. В течение года в Кизляр так и не была послана команда и назрел мятеж, начавшийся 13 января 1772 г. Объяснение причин бегства калмыков и их численность — «тридцать тысяч калмыцких кибиток» — Есенин взял, скорее всего, у Пушкина, но сместил хронологию событий и дал иное объяснение неповиновению казаков (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 9; Фирсов, 69).

С. 13. *Приказы свои Москва.* — В период описываемых событий императрица Екатерина II и правительственный Сенат располагались в Санкт-Петербурге. Есенинское упоминание Москвы в качестве столицы, как это было в допетровской Руси, могло иметь под собой несколько причин: 1) весной 1771 г. из Москвы был прислан генерал-майор с командой для усмирения мятежа, а летом (в июне) непобежденные казаки восклицали: «То ли еще будет! Так ли мы тряхнем Москвою!» (Пушкин, 6, ч. I, с. 9); 2) Пугачев затем высказал желание пойти на Москву (Фирсов, 75; Дубровин, III, 110); 3) на Есенина, возможно, повлияло современное положение дел, когда Москва вновь стала столицей; 4) казнь бунтовщиков происходила в Москве.

С. 13. *Кирпичников* — Сотник Иван Кирпичников в 1769 и 1771 гг. в качестве депутата от яицкого войска с товарищами ездил в Санкт-Петербург в Военную коллегию с прошением и челобитной, но вместо ожидаемого положительного ответа им пришлось спасаться от ареста. Кирпичников отговаривал казаков исполнять приказ преследовать калмыков в марте 1771 г. и уже в июне во главе

яицких депутатов прибыл в столицу с челобитной; после неудачного посещения председателя Военной коллегии генерал-фельдмаршала графа З.Г.Чернышева получил у графа И.Г.Орлова распорядительное письмо к капитану Дурново в защиту казаков. Это дало основание Кирпичникову вскоре по возвращении из столицы (там он находился по 6 декабря 1771 г.) стать во главе недовольных казаков и повести их к квартире правительственного чиновника Дурново, который медлил с исполнением полученного распоряжения (см.: Дубровин, I, 42—52: Грот, 614—615; Пушкин, 6, ч. II, с. 308).

В описании сцены мятежа Есенин опирался на «Историю Пугачевского бунта» Пушкина и, возможно, на исследование Д.Л.Мордовцева «Самозванцы и понизовская вольница» (гл. «Пугачев»), так как ничего не сообщил о руководстве переговорами Максимом Шигаевым, который шел впереди процессии с несущими три иконы почтенными стариками (Пушкин, 6, ч. I, с. 6; Мордовцев, XVII, 126; Дубровин, I, 61, 68—69 и Фирсов, 70). Однако роль Шигаева была известна Есенину, и поэт, надо полагать, сознательно отказался от изображения участия этого казака в мятеже 13 января 1771 г.: в черновом автографе поэмы его имя (а не только фамилия, как в 6-й главе в окончательном тексте) впервые упомянуто уже во вступительной ремарке к данной (2-й) главе — см. раздел вариантов наст. тома.

С. 14. *Тамбовцев* — Войсковой атаман Петр Васильевич Тамбовцев был утвержден в этой должности Военной коллегией 15 января 1768 г., учитывая принятие его кандидатуры войсковой и старшинской партиями казаков. Однако вскоре он перешел на сторону старшин. В прошении к императрице казаки писали: «... несем бесчеловечное мучение от атамана Петра Тамбовцева и его товарищей старшин... Помилуй, всемилостивейшая государыня, оборони от такого нападения атамана Тамбовцева...» (Дубровин, I, 51 и 29—30, 152).

С. 14. *Нынче ночью, как дикие звери...*— В речах предателей казаков и в официальных документах притеснителей народа зооморфные образы приобрели негативную окраску, хотя в пугачевских указах были нейтральными — «и будьте подобными степным зверям» (4 октября 1773 г.; ср.: 1 октября 1773 г., воззвание полковника Ступишина к башкирам 4 апреля 1774 г.— см.: Пушкин, 6, ч. II, с. 146, а также Дубровин, II, 40).

С. 14. *И калмык нам не желтый заяц...*— В степях Оренбуржья обитают зайцы русак и толай, или песчаник, очень близкие по желтоватому цвету шерсти (см.: Наумов С.П. Семейство зайцы (Leporidae).— Жизнь животных, т. 6, М., 1972, с. 137, 141).

С. 15. *Траубенберг* — Генерал-майор Михаил Михайлович фон Траубенберг (1722—1772) был прислан 30 декабря 1771 г. в Яицкий городок в качестве председателя следственной комиссии из Оренбурга, где руководил отрядом, не получившим казачьего подкрепления для преследования калмыков, и потому остался особенно недоволен казаками. В восстании 13 января 1772 г. после невыполненного повеления разойтись по домам отдал приказ стрелять из пушек в процессию на Соборной площади. В общих чертах Траубенберг изображен Есениным достоверно: не желая постичь обоснованность требований казаков, он произносит две краткие угрожающие реплики, приводящие его к гибели. В действительности гибель Траубенберга произошла иначе: он был ранен пулей в левую руку кем-то из казаков и затем при отступлении зарублен саблями на крыльце дома (сотника Симеона Тамбовцева или собственного — по разным сведениям) (см.: Дубровин, I, 54, 68; Мордовцев, XVII, 126; Фирсов, 70; Пушкин, 6, ч. I, с. 6—7).

С. 15. *Наши избы были на колесах* ∾ *Стадом черных лебедей...*— Здесь отражены представления Есенина о символическом значении крестьянской избы, которую поэт называл «избяным обозом» в статье 1918 г. «Ключи

Марии», перефразируя строку «И Русь избяная — несметный обоз!» из стихотворения Н.А.Клюева «Есть горькая супесь, глухой чернозем...» и цитируя оттуда же слова: «...на кровле конек // Есть знак молчаливый, что путь наш далек» (см. т. 5 наст. изд., с. 187). Охлупень крыши изготавливался в виде головы коня либо утки, изредка совмещая в себе сразу две такие фигуры. Древнейшие славянские представления о перемещении солнца по небосклону с помощью крылатых коней или водоплавающих птиц были известны Есенину из труда А.Н.Афанасьева (см.: Аф., I, 542, 594).

С. 17. *Мучил, злодей, три года...*— Есенин, следуя народно-поэтической символике числа «три», сократил срок атаманства П. В.Тамбовцева: в действительности тот находился у власти 4 года — с 15 января 1768 г. по 13 января 1772 г.

С. 17. *Три года, как коршун белый...*— В природе нет такой породы птиц, возможна лишь аналогия предателя Тамбовцева — выходца из казачьей среды — с альбиносом — птичьим выродком. Эпитет «белый» мог возникнуть у Есенина по ассоциации с цветом военного парадного (но не казачьего) мундира. Также возможно, что Есенину с детства запала в память расшифровка «белой рубахи» в сноске школьного учебника: «так прозвали киргизы и другие инородцы закаспийских пустынь русских солдат, одетых в белые парусиновые блузы» (Тихомиров Д.И. Вешние всходы: В 4 кн. Кн. 3—4. М., 1911. Изд. 16-е, с. 121. Сн.*).

С. 17. *Повесить его — и баста!* — В разгар мятежа 13 января 1772 г. в Яицком городке казаки повесили Тамбовцева; по другим данным, атаман был «срублен» (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 7; Дубровин, I, 74).

С. 18. *Караваев* — Яицкому казаку Денису Константиновичу Караваеву (1724—1775) в числе немногих доверенных лиц самозванец открыл свое настоящее имя на Таловском умёте. В правительственном документе охаракте-

ризован «весьма не глупым» и указан одним «из первых разгласителей о самозванце между Яицкого войска» (Грот, 631, а также 602; Дубровин, I, 220). Караваев видел мнимые «царские знаки» на Пугачеве и рассказывал о них казакам, хотя сам рассуждал так: «Пусть это не государь, а донской казак, но он вместо государя за нас заступит, а нам все равно, лишь бы быть в добре» (Дубровин, I, 218; Фирсов, 74). Караваев был арестован в самом начале восстания, еще перед походом Пугачева к Яицкому городку; он не выдал самозванца и впоследствии подвергся наказанию кнутом, вырыванием ноздрей с постановкой знаков на лице и высылкой на каторгу (см.: Грот, 629; Пушкин, 6, ч. II, с. 174—175).

С. 18. *Стоят ощипанные вербы...*— В день приезда Караваева на Таловской умёт шел дождь, а караулление осуществлялось с растущего на Усихе дерева. Пугачев специально ездил с казаками проверять пригодность дерева — «караулисто ли оно» (Дубровин, I, 219, 187). В черновом автографе Есенин в ремарке к 3-й картине указал в качестве сторожевой вышки «высокое дерево», переправленное потом на «вербу» (см. варианты).

С. 19. *С объятьями нас принимает всех // С Екатериною воюющий султан.*— В 1768—1774 гг. шла русско-турецкая война, и в самом зарождении Пугачевского восстания недовольным казачеством владела мысль о побеге в Турцию — по примеру увлекшего за собой донских казаков Игнатия Ивановича Некрасова, что случилось в царствование Анны Иоанновны (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 9).

С. 21. *Всех бы солдат без единого выстрела // В сонном Яике мы могли уложить...*— Подобное происходило в действительности: «С своей редкой находчивостью Пугачев брал иногда крепости, правильно вооруженные и защищаемые пушками, не имея ни одного осадного оружия, одною своею стремительною конницею» (Мордовцев, I, 245). Военные успехи пугачевцев отмечались в

правительственном «Манифесте 19-го декабря 1774 года, о преступлениях казака Пугачева»: «...пошли далее по Оренбургской линии, брав крепосцы частию от оплошности в них находящихся командиров, а частию от слабости сил живущих в оных престарелых гарнизонных команд» (Пушкин, 6, ч. II, с. 161).

С. 21. *Слушай, ведь я из простого рода...*— Емельян Иванович Пугачев (1740 или 1742—1775), донской казак из станицы Зимовейская, служил в Прусскую (Семилетнюю 1756—1763 гг.) и Турецкую войны; в последней принимал участие в бою под Бендерами, за храбрость получил младший казацкий офицерский чин хорунжего. Был женат и имел трех оставшихся в живых детей (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 8—9, 96, ч. II, с. 161—162; Дубровин, III, 245; Лимонов и др., 11—14).

С. 22. *Нас не бросали, как рыб, в Чаган.*— Это воспоминание Караваева относится к событиям 6—10 июня 1772 г. Им предшествовало жаркое сражение 3—4 июня в 70 верстах от Яицкого городка с правительственными войсками. 5 июня казаки собрали круг и постановили переправиться за р.Чаган, опасаясь подкрепления неприятеля. Некоторые казаки уехали за Камыш-Самарские озера и Узени или в Бударинский форпост, однако 6 июня противник занял мост, отрезал сообщение с городком и переловил беглецов (см.: Дубровин, I, 99—102; Пушкин, 6, ч. I, с. 7).

С. 23. *Непокорную чернь умерщвлять!* — Слово «чернь» Есенин заимствовал, возможно, из документов Пугачевского восстания: генерал-аншеф А.И.Бибиков в письме к графу З.Г.Чернышеву 30 декабря 1773 г. сообщал, что «всего более прилепление черни к самозванцу и его злодейской толпе» (Пушкин, 6, ч. II, с. 182; ср.: Грот, 485).

С. 23. *Происшествие на Таловом умёте.*— Изображенные в 4-й главе события происходили в августе 1773 г. в 60 верстах от Яицкого городка на Таловском (Таловин-

ском) умёте, то есть на постоялом дворе на реке Таловой; еще один вариант названия — Таловские Вильни (см.: Грот, 602; Дубровин, I, 152; Мордовцев, XVII, 127; Пушкин, 6, ч. I, с. 10, ч. II, с. 194).

С. 23. *Оболяев* — Отставной пехотный солдат Степан Максимович Оболяев (Абаляев, 1739 г.р.), арендатор Таловского умёта. Родился в селе Назайкине Симбирской губ., служил в Илеке у атамана Василия Тамбовцева и в Яицком городке у его сына Петра, был прозван окрестными жителями Еремкиной, или Ереминой, курицей, потому что «всегда оное слово употребляет и в шутку, и вместо бранного слова» (Дубровин, I, 152). От него Пугачев узнал о худом житье яицких казаков и о бунте 1771 г., открылся ему первому как государь и просил связаться с «войсковой стороной». При поездке с Пугачевым в Мечетную слободу Оболяева схватили и посадили в тюрьму на весь период Пугачевщины, секли кнутом и с вырванными ноздрями сослали на поселение (см.: Грот, 602; Фирсов, 61, 71; Мордовцев, XVII, 127; Он же, I, 253; Дубровин, I, 152, 175, 178–180, 187–189, 195; Пушкин, 6, ч. II, с. 175). Даты жизни пугачевцев здесь и далее взяты из кн.: Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995, с. 91–103; Емельян Пугачев на следствии: сб. документов и материалов / Сост. Р.В.Овчинников и А.С. Светенко. М., 1997).

С. 23. *Там на улице жолклая сырость...* — Диалектное прилагательное родственно глаголу «жёлкнуть» — „желтеть, более в значении блекнуть, вянуть“ и произведенному от „желтый“ (см.: Даль, 1, 531).

С. 24. *От песков Джигильды до Алатыря...* — Первый топоним Есенин мог почерпнуть из трех видов источников: 1) из атласов и географических карт, возможно, тщательно изучавшихся поэтом при чтении специальной литературы по Пугачевскому восстанию или при подготовке поездки по местам событий; 2) прочитать в письмах или

услышать от друзей — местных уроженцев или находящихся в Азии по долгу службы — например, от А.В.Абрамова (Ширяевца) и В.Г.Шершеневича; 3) услышать во время поездки 1921 г. в Ташкент, проезжая станцию Джилга (см.: Земсков В. Письма в Ташкент (Еще несколько крупиц к биографии Есенина) — журн. «Звезда Востока». Ташкент, 1966, № 6, с. 142). В черновом автографе (РГАЛИ) Есенин написал «Джагильды» (см. варианты в наст. томе), но не воспользовался возможностью исправить слово в корректурах разных изданий поэмы. Есенин сомневался в точности орфографической передачи тюркского топонима, восходящего к двусоставному антропониму родоплеменного характера. В нем ясно просматривается вторая часть — в дословном переводе «пришел» и в значении «родился» в собственном имени, а толкование первой части затруднено большим спектром значений из-за адаптации иноязычного корня к нормам русского языка и из-за неадекватной русской транскрипции. В любом орфографическом облике топоним отсутствует в наиболее авторитетных монографиях о Пугачевщине и географических справочниках — атласах, картах, энциклопедиях, словарях. Предположительно, Есенин имел в виду реку Джангильды — приток Уила, находящуюся на территории Казахстана, между Каспийским и Аральским морями, несколько севернее их, по административно-территориальному делению начала XX века — в Уральской области. К событиям Пугачевщины отношения не имела, кроме расселения там татар-сподвижников (см.: Самоделова Е.А. К автографу «Пугачева» С.А.Есенина...— сб. «Есенин академический», с. 102—107). Также существует точка зрения, что Джигильды — это «Джигертау, горная цепь в Оренбургской губ.» (Поэты-имажинисты / Сост., подгот. текста, биогр. заметки и примеч. Э.М. Шнейдермана. СПб., 1997, с. 493).

С. 25. *Идет отомстить Екатерине, // Подымая руку, как желтый кол...*— Есенин основывался на сведе-

ниях о том, что Екатерина II руководила заговором Орловых по свержению с трона и убийству Петра III. Образ императорской карающей руки — „желтого кола“ — возник на перекрестье двух источников: 1) кол — обычное крестьянское орудие убийства в драке или на войне; 2) осиновый кол, по народному поверью,— верное средство против восстававших по ночам покойников; его вбивали в могилу грешника. В результате введения созданного образа убиенный царь выступает как народный герой, борец за справедливость и одновременно как противник нечистой силы, под которой в данном случае понимается императрица.

С. 25—27. *Разбив белый кувшин // Головы его ∾ Который, череп разложив как горшок, // Варит из медных монет щи...*— Существует обычай закрывать покойнику глаза медяками, класть монеты ему в рот и бросать в могилу, что основано на верованиях о загробном мире. Близкие образы головы — белого кувшина и черепа — горшка созданы Есениным в духе фольклорной традиции, в первую очередь — старинной необрядовой песни «Ни сиди девка дома вечером...» (запись 1885 г. в д. Чернышевке Данковского у. Рязанской губ.) и духовного стиха «Голубина книга сорока пядень», который поэт мог прочитать в Сборнике Кирши Данилова или услышать его вариант от странствующих калик. Символика этих произведений в определенной степени опирается на мифологические (и апокрифические) представления о начале мироздания — о творении земном из тела первопредка — и соотносится с языческим ритуалом жертвоприношения. Ср.:

А и белой свет <зачался> — от лица Божья,
Со<л>нцо праведно — от очей его,
Светел месяц — от темечка,
Темная ночь — от затылечка,
Заря утрення и вечерняя — от бровей Божьих,
Часты звезды — от кудрей Божьих!

и

Я из рук, из ног скомью сделаю,
Я из тела твоего — пирагов напику,
Я из крови твоей — пива наварю,
Я из мозга твоево — вина накурю,
Я из галавы твоей чару вытачу...

(Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, № 59; Песни Рязанской губернии — журн. «Живая старина». СПб., 1894. Вып. II. Отд. IV. Смесь, с. 287)

С. 26. *Что ей Петр? ∾ Только камень желанного случая...* — Лингвистическая игра, основанная на этимологии: древнегреч. именем Петр — Πετρος переведено в Библии арамейское имя Кифа — «камень» (см.: Нестерова О.Е. Петр.— Мифологический словарь /Гл. ред. Е.М.Мелетинский. М., 1991, с. 439).

С. 27. *Зарубин* — Яицкий казак Иван Никифорович Зарубин (1736—1775) — наиболее известный и авторитетный деятель Пугачевского восстания. Зарубину в числе немногих доверенных лиц (среди них также Караваев и Шигаев) уже в одну из первых встреч на Таловском умёте Пугачев, разыгрывавший роль царя Петра III, открыл истинные планы завоевания царства и свое настоящее имя.— См. у Есенина: «Да здравствует наш император // Не Емельян, а Петр...» Зарубин давно ожидал увидеть странствующего государя в подтверждение бродившим слухам о тайном появлении Петра III на Яике, лично привез знамена Пугачеву на умёт. Правительственные чиновники обвинили Зарубина в укрывательстве Пугачева от сыскной команды, направленной на Таловский умёт, ибо он вместе с Мясниковым (о нем см. ниже) увозил бунтовщика на Усихину Россошь. Казакам Зарубин был прежде известен под прозвищем Чика, сохранившемся в черновом автографе поэмы Есенина (см. варианты) и обозначающем в диалек-

тах: 1) «чи́кать» — прыгать на одной ножке (наша запись в с. Константиново Рязанской обл.); ударять палкою при игре в кляп, чиж и др.; производить резкие, отрывистые звуки; 2) «чик» — бой, тор, езда, гон, толкотня, стойка извозчиков; 3) «чикилдать» — хромать (см.: Даль, IV, 604). Прозвище Чика зафиксировано в юмористической былине «Ловля филина» (см.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д.Григорьевым в 1899—1901 гг.: В 3 т. Т. 1. Ч. II. М., 1904. №№ 190, 194, 197; Былины Севера: В 2 т. Т. 2. М.—Л., 1951. №№ 200, 218).

С. 28. *Любит шкуру свою и имя* ∾ *Знайте, в мертвое имя влезть...*— По народным представлениям, имя отражает сущность человеческой личности: некрещеный младенец не считался полноценным человеком; слова «дитя», «ребя» — среднего рода и не указывают на половую принадлежность. Человек не волен выбирать себе имя — им «нарекают»; церковное имя связывало человека со временем (днем) его рождения или — чаще — крещения и сразу же ставило его под защиту соответствующего святого покровителя. Смена имени при тяжелой болезни, принятии духовного звания или иных чрезвычайных обстоятельствах свидетельствовала о переходе человека в иное качество, о его «перерождении» и носила «посвятительный» и защитный характер. В древности имя подчеркивало веру человека в свое тотемное происхождение: ср. у Есенина упоминание зверя в связи с этим (см.: Самоделова Е.А. Символика животного мира в «Пугачеве» С.А.Есенина.— Журн. «Revue des Études Slaves», Paris, LXVII/1, 1995, p. 35—48; Она же: Роль имен в поэме С.А.Есенина «Пугачев»: Историческая правда и вымысел — журн. «Есенинский вестник». Вып. 4. Рязань, 1995, с. 32).

С. 29. *Уральский каторжник.* ∾ *Я три дня и три ночи искал ваш умёт...*— Действие 5-й главы относится ко 2 октября 1773 г., когда в ставку Пугачева на старице

реки Сакмары явился отпущенный из Оренбургской тюрьмы Хлопуша (см.: Дубровин, II, 44). Время блуждания Хлопуши в поисках Пугачева не зафиксировано в исторических монографиях.

С. 29. *Хлопуша* — Афанасий Тимофеевич Соколов (1714—1774) родился в с. Мошкович Тверской губ. и был крестьянином вотчины архиерея Митрофана, затем жил в Москве в извозчиках, где вместе в двумя солдатами Коломенского полка попался на воровстве серебра, назвался беглым солдатом Черниговского полка и был прогнан шесть раз сквозь строй из тысячи человек. Потом бежал домой, где провел три года; в Торжке при выменивании краденой лошади был уличен, высечен кнутом, отправлен на жительство в Оренбургскую губ. и поселился в Бердинской слободе, женился и ходил на работу в с. Никольское к коллежскому советнику Тимашеву, а затем работал на Покровском медном заводе графа А.И.Шувалова. Там с двумя подговоренными им крестьянами ограбил возвращающихся с Ирбитской ярмарки четверых татар на шести лошадях с деньгами и товаром (эти сведения Есенин запечатлел в черновом автографе — см. варианты: «Грабил татарских купцов из Ирбита»), за что был вторично наказан кнутом, а также вырыванием ноздрей с клеймением лица и сослан на каторжную работу в Тобольск. Оттуда он бежал с намерением пробраться к жене в Берду, но в Сакмаре был пойман, в третий раз высечен кнутом и отправлен в Омскую крепость, а при новом побеге закован в железа в Оренбургской тюрьме (см.: Дубровин, II, 36—37. Сноска 3).

Свое прозвище Хлопуша мог приобрести как на Урале, так и раньше, находясь еще в Центральной России. Согласно первому предположению, «прозвище свое Хлопуша получил, вероятно, от дубового железом окованного песта, которым толкли руду на уральских заводах» (Шкловский В., И сегодня сегодняшний, с. 635—636). По второму предположению, возможны причины прозвища: от

«хлопать» — по роду крестьянских или извозчичьих занятий, например, сильного хлопанья кнутом; «хлопуша» — «хвастун, враль» — так могли отзываться сообщники или свидетели лживых его показаний на суде; от «хлап» — «карта холоп, валет» — по холопьему происхождению или картежной игре (написание «Хлапуша» зафиксировано в следственных материалах) (см.: Пугачевщина, II, 107; Даль, 4, 549—550).

С. 29. *Тучи с севера сыпались каменной грудой* ∾ *И цепами дождя обмолачивал*.— Резкую смену атмосферных осадков и быстрое наступление зимы в октябре 1773 г. отмечал акад. П.И.Рычков: 13-го числа «во весь сей день и в ночи шел дождь»; 14—15-го «были нарочитые уже морозы... На 16-е число с вечера пошел снег...» (Пушкин, 6, ч. II, с. 211—212, 215—216).

С. 30. *Прорубились ли в Азию бунтовщики?* — Известно, что чуть позже Пугачевское восстание охватило Южный Урал, по которому проходит условная граница с Азией, и «все деревни и села между Челябинском, Екатеринбургом и Шадринском поступили в руки мятежников» (Дубровин, II, 360—361). Перефразировка из «Медного всадника»: «Природой здесь нам суждено // В Европу прорубить окно» (Пушкин, IV, 378).

С. 30. *Смейся, человек!* ∾ *Посылаются замечательные разведчики*.— В ставку Пугачева был заслан арестант Хлопуша, которого для выполнения ответственного поручения выпустил из тюрьмы оренбургский губернатор с подсказки г-на Тимашева — бывшего хозяина арестованного. По этому поводу военный историк вложил шутливую реплику в уста Пугачева: «Разве лучше тебя некого было губернатору послать?» Пугачев имел разговор с Хлопушей при поручительстве казака Максима Шигаева, с которым тот сидел одновременно в Оренбургской тюрьме по делу о восстании яицких казаков 1772 г. Пугачев приказал первое время следить за Хлопушей, но потом стал относиться к нему с большим доверием (см.: Дубровин, II, 44—45).

С. 30. *Был убийца и фальшивомонетчик.*— В действительности Хлопушу не обвиняли в убийствах; Есенин, вероятно, опирался на художественный вымысел Пушкина в «Капитанской дочке»: «...и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутьи да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором» (Пушкин, VI, 502).

С. 31. *Вдруг... три ночи назад... губернатор Рейнсдорп...*— Губернатор Оренбурга в 1763—1781 гг. генерал-поручик Иван Андреевич Рейнсдорп (1730—1781) заслужил у современников репутацию недальновидного и трусливого военачальника: он не запасся продовольствием для горожан на случай возможной блокады и стал виновником наступившего голода; вместо ведения выигрышных в начале осады боев занял оборонительную позицию; ответил на послание Пугачева ругательным письмом — «Пресущему злодею и от Бога отступившему человеку, сатанину внуку, Емельке Пугачеву...» — и получил еще более оскорбительный ответ; в своем воззвании 30 сентября 1773 г. пытался отпугнуть горожан от Пугачева ложным сообщением о его якобы рваных ноздрях, но вызвал обратный эффект — еще большую уверенность жителей Оренбурга в истинности «государя»; послушался наивного совета добыть «языка» с помощью расставленных вокруг крепости капканов, над которыми насмехались казаки и даже сами осажденные; для оправдания своей бездеятельности в ответственнейшие моменты прибегал ко лжи, будто мятежники «прокрались» в пригород Берду во время тумана нечаянно, хотя П.И.Рычков с иронией писал в своем журнале: «Могло статься, что в иной слободе был туман, но в городе во весь сей день никакого тумана не было» (цит. по: Дубровин, II, 383. Сноска 3, а также с. 33—35, 68, 286—290, 383; Мордовцев, I, 230—234, 262; Пушкин, 6, ч. I, с. 20, 33, 105. Примеч. 51).

Всеобщее восприятие Рейнсдорпа как комической фигуры введено в научную и художественную литературу и узаконено в ней Пушкиным — см. его записи устных воспоминаний баснописца И.А.Крылова с отзывом об оренбургском губернаторе — «человек очень глупый» (Пушкин, 8, 359) и главу X «Осада города» из «Капитанской дочки». Екатерина II высоко оценила оборону Оренбурга Рейнсдорпом. (Подробнее см.: Самоделова Е.А. Историческая основа «Пугачева» С.А.Есенина — сб. «Начало». Вып. 3, М., 1995, с. 111–154).

С. 31. *И дворянские головы сечет топор — // Как березовые купола...*— Бунтовщики казнили одетых в дворянское платье людей и миловали остальных: «Тогда-то сии кровожаждущие звери всех попадающихся им в немецком платье, яко по мнению их в богопротивном, думая быть дворян и чиновных, коих будто народных мучителей предприяли истребить... из захваченных же ими солдат ни один почти не умерщвлен, а только у всех косы обрезаны были» (Пушкин, 6, ч. II, с. 352, ср. также с. 168). Виды деревьев, легшие в основание художественных тропов, не случайно подобраны в 5-й главе, повествующей об Оренбуржье. Береза и липа («липовая медь» у Есенина) наиболее типичны для Оренбургской губ. (см.: Энцикл. словарь, XXII, 132).

С. 31. *Ты, конечно, сумеешь всадить в него нож? ∾ И в карманах зазвякает серебро, а не камни.*— Насчет предложения Хлопуше убить Пугачева Есенин преувеличил. Все историки в унисон сообщают о поручении Рейнсдорпа переслать с каторжником в лагерь Пугачева увещевательные манифесты, а Н.Ф.Дубровин к этому добавляет сведения о задании разоблачить самозванца в глазах казаков и при их содействии доставить бунтовщика в Оренбург — это уж при самых благоприятных обстоятельствах, а также сжечь порох и заклепать пушки. Рейнсдорп пользовался тактикой подкупа: сама Екатерина II постепенно увеличила плату до 10 тыс. руб. за живого Пугачева, хотя

первоначально считала это недостойным (см.: Дубровин, II, 37, 44; Пушкин, 6, ч. I, с. 19, ч. II, с. 199; Мордовцев, I, 232; Грот, 504).

С. 32. *Подуров* — Впервые упомянут в черновом автографе в авторской ремарке к 4-й главе (см. варианты), откуда был справедливо вычеркнут Есениным, так как в действительности этот оренбургский казачий сотник появился в стане Пугачева несколько позже — 27 сентября 1773 г.

Тимофей Иванович Подуров (Падуров, 1723—1775) вел переписку Пугачева, пользовался полным его доверием. Пугачев советовался с ним 23 марта 1774 г. о дальнейших действиях после поражения под Татищевой крепостью. Захвачен в плен между Каргалой и Сакмарским городком в начале апреля 1774 г. при разгроме пугачевцев. Ему был вынесен приговор «повесить в Москве», несмотря на привилегию депутата Уложенной комиссии (1767) не быть «казненным смертию» (см.: Дубровин, I, 25—26, 41, 134, III, 361—362; Пушкин, 6, ч. I, с. 27—28, 33, 44, 80, 105, 140, ч. II, с. 147—148, 282; Грот, 629; Мордовцев, I, 227, 234, 261, 262; Фирсов, 91, 159. Сноска 1; Пугачевщина, II, 187).

С. 32. *Завтра ж ночью выбегу волком // Человеческое мясо грызть.* — Образ волка постоянно включался в сравнение с разбойником в Екатерининскую эпоху. В манифесте правительства от 29 ноября 1773 г. звучит мольба к Богу обратить свой праведный гнев на «хищного волка» Емельяна Пугачева, развращающего «овец паствы» господней (Пушкин, 6, ч. II, с. 154). Историки конца XIX века отмечали: «разбойники были волчьи натуры», «такому травленому волку, как Пугачев, легко было ускользнуть из всяких ловушек» (Фирсов, 45; Мордовцев, I, 195). По указанию Рейнсдорпа на конных пугачевцев были поставлены волчьи капканы.

С. 33. *Вам не взять Оренбург...*— В то время Оренбург считался крепостью, построенною по всем правилам

инженерного искусства, вооруженною 70-ю разнокалиберными орудиями на 10-ти земляных бастионах и 2-х бастионах на крутом правом берегу реки Яик, с 4-мя выходами из города. Для восставших казаков Оренбург являлся главным пунктом края, а в случае неудачи оттуда имелся путь отступления в Золотую Мечеть (легендарная вольная казачья община на берегу Каспийского моря), Персию или Турцию (см.: Дубровин, II, 29, 31—32, III, 147—148).

С. 33—34. *Хлопуша не станет биться.* ∾ *Трахнем вместе к границам Уфы.*— Хлопуша, начавший подготовку к штурму Оренбурга, предложил добыть артиллерию и порох на заводах, расположенных за рекой Сакмарой. Из исторических источников известно, что Хлопуша действительно сначала отказывался от предложенного Пугачевым офицерского чина, мотивируя свой отказ неграмотностью. Не умеющий читать и писать Пугачев убеждал: «У нас и дубина служит вместо грамоты» (Дубровин, II, 114).

С. 34. *В стане Зарубина.*— Зарубин (о нем см. также с. 514 наст. т.) носил чин пугачевского генерала и фельдмаршала, был правою рукою Пугачева в его военном совете, а позже самостоятельно вершил дела порой решительнее самого главного бунтовщика. 6-я глава поэмы может быть предположительно соотнесена с периодом поселения Зарубина в с. Чесноковке, в 10 верстах от г. Уфы, когда 29 ноября 1773 г. Пугачев приказал ему, находившемуся на Воскресенском заводе Твердышева в Уфимском уезде, принять начальство над собравшимся в уездном центре ополчением. Зарубин стал полным хозяином Башкирии и прилегающих к ней провинций и мало считался с военной коллегией, сам творил суд и расправу, назначал атаманов и полковников, окружил себя свитой. Зарубин щадил духовенство, видя его влияние на народ. Около дома этого «фельдмаршала» стояли две виселицы для устрашения, под наметом из соломы хранились боевые

орудия. По мнению правительства, Зарубин был «великий плут» (Грот, 630).

С. 35. *Оренбург, осажденный Хлопушей, // Ест лягушек, мышей и крыс.*— Оренбургская блокада длилась 6 месяцев, с 5 октября 1773 г. по 23 (или 29 — так как 28-го Пугачев наведался в Берду и причинил некоторый ущерб городу) марта 1774 г. Пугачев не собирался брать город приступом: «Не стану тратить людей,— рассуждал он,— а выморю город мором» (Пушкин, 6, ч. I, с. 21). У мятежников поддерживался строгий военный порядок, почти каждый день проводились артиллерийские, кавалерийские и пехотные учения. Пугачевцы постоянно вели переписку с гарнизоном крепости, перехватывали курьеров и уничтожали запасы продовольствия. Большая часть лошадей, которых кормили хворостом из-за недостатка в сене, пала и послужила пищей для горожан, в результате чего им пришлось прекратить конные вылазки за город. По предложению акад. П.И.Рычкова, стали жарить бычьи и лошадиные кожи и, мелко изрубленные, добавлять в хлеб, что привело к болезням. По другому рецепту, пекли и варили говяжьи и бараньи кожи и продавали на базаре по цене ниже хлебной. Падуров писал губернатору: «...а здесь небезызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете» (Пушкин, 6, ч. II, с. 105, сноска 51; см. также Мордовцев, I, 234; Дубровин, II, 290; Пушкин, VI, 501).

С. 35. *Шигаев* — Максим Григорьевич Шигаев (1726—1775), яицкий казак, активнейший участник восстания 1772 г. в Яицком городке, один из 4-х уполномоченных по горячим следам событий отстаивать интересы казачества в Санкт-Петербурге.

На Таловском умёте Шигаев познакомился с Пугачевым, затем собирал для него казаков по верхнеяицким форпостам и успел привести до ста человек во время осады Оренбурга. Шигаев был поименован «графом Воронцовым» и назначен полковником. Во время отъезда Пугачева в Яицкий городок и Татищеву крепость оставался за него

в Берде начальником восставших под Оренбургом и держал блокаду строже, чем она была при самозванце. Шигаев был назначен судьей и заведующим раздачей хлеба и денег в военной коллегии, учрежденной Пугачевым для управления краем и войсками после осады Оренбурга. К Шигаеву обратился с вопросом «что делать?» Пугачев 23 марта 1774 г.— на следующий день после поражения под Татищевой. Официальные власти тоже высоко, хотя и неодобрительно, характеризовали Шигаева: «весьма не глуп, тверд и был несколько раз в Петербурге», считали одним «из начальных способников злодейских», утверждали, что он «был злодейским любимцем» (Грот, 630). Казнен одновременно с Пугачевым (см.: Дубровин, II, 386; Пугачевщина, II, 107; Фирсов, 70, 91; Мордовцев, XVII, 128—129; Он же, I, 44, 251; Пушкин, 6, ч. I, с. 25, ч. II, с. 173—174, 220, 300, 315).

С. 35—36. *Говорят, наступит глад и мор, // По сту раз на лету будет склевывать птица...*— Ср. стихи духоборов о кончине мира и Страшном суде: «Будут глады в странах ваших. // Наведу на землю вашу птиц, // И те поедят остатки плодов»,— глаголет пророк Давид (Стихи духовные. М., 1991, с. 222).

С. 36. *Торнов* — Василий Иванович Торнов (Тарнов, 1737—1775), по происхождению перс по имени Велит из г. Мешхеда, перебрался в 1750 г. в Ставропольский уезд как крестьянин-новокрещен, затем стал оренбургским неслужащим казаком, «двоекратно был в злодейской толпе, добровольно взял Нагайбак и чинил в тех местах великие разорения и смертоубивства» (Грот, 631.— Ср: Пушкин, 6, ч. II, с. 174). Торнов командовал отдельными отрядами и заслужил у правительства и военачальников оценку «великий плут» и «бывший в Казани под караулом знаменитый злодей Тарнов» (Грот, 630, 579; см. также: Мордовцев, I, 251). Был пойман в конце августа 1774 г. в 25 верстах от Черного Яра при преследовании конницей разбитого Пугачева с сотней сообщников, спасавшихся

бегством по нагорной стороне Волги. Торнов разделил участь Шигаева и был повешен в Москве.

С. 39. *Ветер качает рожь.* — Действие 7-й главы относится к промежутку от 27 августа до 14 сентября 1774 г., ибо упомянутые в поэме события поддаются точной датировке: 26 августа произошло поражение под Сарептой; задача И.И.Михельсона ловить Пугачева была перепоручена прибывшему в Царицын 1 сентября А.В.Суворову, а 14 сентября пугачевцы провели последнее совещание по поводу выдачи бунтовщика в селении староверов на Узенях (см.: Фирсов, 108; Пушкин, 6, ч. I, с. 48, 77, ч. II, с. 206, сноска **; Мордовцев, I, 186; Дубровин, III, 273).

С. 39. *Чумаков* — Федор Федотович (по др. сведениям — Федорович) Чумаков (1729— не ранее 1786), яицкий казак, почти с самого начала восстания находился в лагере Пугачева, доставлял его указы жителям разных городов. Как начальник артиллерии по приказу Пугачева забирал порох, свинец и снаряды из побежденных крепостей. Проявлял инициативу: отправленный в Цивильск за лошадьми, разграбил город, повесил воеводу с женой и других. Именовался «графом Орловым», имел «чин» генерал-фельдцейхмейстера, стал предателем Пугачева. В «Журнале присутствия в московском Сенате 31 декабря» отмечалось, что «Чумаков самый первый, который восчувствовал раскаяние в совести своей, видя простираемые злодейства извергом» еще при поражении под Татищевой крепостью и сделался организатором заговора (см.: Грот, I, 633, 597, 599, а также Пугачевщина, II, 151; Мавродин, 113; Мордовцев, I, 223; Дубровин, II, 17, III, 114, 120, 217, 251; Пушкин, 6, ч. II, с. 220, сноска*).

С. 39. *Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари лакать.*— Ср.: «Уподобление багряных лучей солнца — кровавым потокам должно было сочетаться с мыслию о волке, терзающем светлое божество дня» (Аф., I, 747).

С. 39—40. *Кличешь старую рать, что легла под Сарептой* ∾ *И все сорок тысяч за Волгой легли, как один.*— В сражении под Сарептой (иначе говоря, между Царицыном и Черным Яром близ р. Волги) 25—26 августа 1774 г. Михельсон «разбил главное Пугачева скопище. Побито и потоплено до двух тысяч человек, живых взято более 6000» (Грот, 639). В «Истории Пугачевского бунта» приведены еще большие потери пугачевцев в этом сражении — 4 тыс. убитых и до 7 тыс. пленных (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 76). Есенинское число погибших мятежников гиперболично и приведено под воздействием христианской символики: в контексте кладбищенских образов «сорок» напоминает о количестве дней земного странствования душ перед попаданием в вечность загробного мира. Символическое числительное усилено поэтом еще в тысячу раз, сопрягаясь с исторической действительностью, когда подсчет погибших велся десятками тысяч.

С. 40. *Где кружит воронье беспокойным, зловещим свадьбищем...*— Идущая от фольклора образность использовалась в иносказаниях деятелей Екатерининской эпохи, докладывавших императрице о шпионаже за Пугачевым: «Два конной гвардии известные Вашему Имп. Величеству ворона уже несколько тому дней, как в путь свой один после другого полетели. О первом я имею уже известие, что он в Берду (злодейское гнездо) прибыл и там содержится в особой землянке, а о другом еще не знаю...» (Грот, 515).

С. 40. *Бурнов* — Есенин сочинил биографию этому герою. В действительности Иван Семенович Бурнов (1746—1775) являлся яицким казаком, которого в числе других предателей Пугачева — Чумакова и Творогова (о нем см. ниже) — за раскаяние и добровольную сдачу себя и бунтовщика правосудию и законной власти освободили «милостивым манифестом» императрицы от всякого наказания. Перед Грановитою палатою в Москве с них прилюдно были сняты оковы, хотя затем их (кроме умершего

22 января 1775 г. Бурнова) сослали на вечное поселение в распоряжение рижского губернатора с лишением казацкого звания и переименованием в переселенцев (см.: Фирсов, 159, сноска 1; Дубровин, II, 17, III, 362; Пушкин, 6, ч. II, с. 175–176).

С. 41. *Знаешь ли ты, что в Оренбурге зарезали Хлопушу?* — После поражения 22 марта 1774 г. Пугачева под Татищевой крепостью Хлопуша в одиночку отправился в Каргалинскую слободу за женой и сыном, желая их проводить в Сакмарский городок. Там 23 марта его с семьей поймали татары, связали и посадили в погреб под крепкий караул, а сами послали в Оренбург к губернатору за повелением, что дальше делать с арестованным, и уже 24 марта привезли туда же Хлопушу. По сентенции секретной комиссии было велено отсечь Хлопуше голову и посадить на кол для назидания оренбуржцам, а тело предать земле (см.: Пушкин, 6, ч. II, с. 318; Дубровин, II, 374, 377–378, сноска 1).

С. 41. *Знаешь ли ты, что Зарубин в Табинском остроге?* — После неудачных попыток взять Уфу отряд Зарубина был разбит Михельсоном 24 марта 1774 г. и сам он с 20-ю сподвижниками бежал в Табынск (Табинск), предварительно отправив туда казну. Зарубина выдал приказчик Богоявленского медеплавильного завода, который напоил его, связал и доставил в Табинск. По другим сведениям, Зарубин был схвачен 26 марта табинским казачьим есаулом и его людьми. Из Табинска Зарубина отправили сначала в Уфу и Казань, а при полном разгроме армии Пугачева — в Москву и казнили в Уфе в назидание мятежникам (см.: Пушкин, 6, ч. II, с. 337, а также см.: ч. I, с. 48, ч. II, с. 115, примеч. 79; Дубровин, II, 316, III, 273, 362; Грот, 555, 626; Фирсов, 92).

С. 41. *Наше войско разбито вконец Михельсоном...* — Иван Иванович Михельсон (1735–1809 — по А.С.Пушкину; 1739–1807 — по А.И.Дмитриеву-Мамонову; 1740–1807 — по энцикл. словарю Брокгауза-Еф-

рона), немец по происхождению. У современников и историков последующих времен Михельсон заслужил репутацию талантливого военачальника и, в первую очередь, неутомимого преследователя Пугачевского войска. В конце 1773 г. в чине премьер-майора был направлен против Пугачева. Будучи уже полковником, 18 марта 1774 г. получил особый отряд и 24—26 марта разбил войско Зарубина под Чесноковкой около Уфы. Начиная с 11 июля 1774 г. громил пугачевцев на подступах к Казани и освобождал город. 21 августа разбил Пугачева в Дубовке, а 26 августа нанес ему сокрушительный удар под Сарептой у Сальникова завода, в результате чего бунтовщик был вынужден спасаться бегством на левом берегу Волги. Часто армия Пугачева численностью превосходила отряд Михельсона на порядок (напр., после взятия Казани у мятежников было не менее 12 тыс. чел., у Михельсона — 800), у храброго офицера порой не находилось и 30 лошадей на всю конницу, а патронов имелось по одному на двух воинов. Михельсон шел уральским лесом и часто попадал в болото, перетаскивал пушки по дну рек, тысячи верст не слезал с коня. Современники считали Михельсона не только избавителем Казани, но и защитником Москвы, и П.А.Демидов 8 января 1775 г. писал ему: «Вы, государь мой, следовали по пятам его <Пугачева> более пяти тысяч верст, по местам пустым и почти непроходимым и многие ему, вору, с большим уроном делали нападения...» (цит. по: Дубровин, III, 101—102).

Михельсон и Пугачев нашли в лице друг друга достойных противников: «преследование Пугачева предоставлено было одному Михельсону», и в то время как он, «бросаясь во все стороны, везде поражал мятежников, прочие начальники оставались неподвижны» (Пушкин, 6, ч. I, с. 57—58). Впервые Пугачев увидел Михельсона 22 мая 1774 г. в лесу близ Чербакульской крепости, не растерялся, напал на левое крыло, расстроил его и захватил две пушки. Михельсон в ответ ударил конницею, мгновенно рассеял мятежни-

ков, забрал свои пушки и прихватил чужую, последнюю у пугачевцев после их поражения под Троицкой крепостью. Несмотря на одержанный верх, Михельсон отдавал должное уму Пугачева: в своем донесении он насмешливо отмечал, что поначалу принял стройное войско за корпус генерал-поручика Декалонга (дело происходило на следующий день после победы Декалонга над мятежниками), а в рапорте князю Щербатову 16 июля 1774 г. доносил: «Злодеи на меня наступали с такою пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием, коего только в лучших войсках найтить надеялся» (Дубровин, III, 100; см. также III, 311–312, 323; Пушкин, 6, ч. I, с. 48, 64, 121, ч. II, 353–354; Дмитриев-Мамонов, 243; Энцикл. словарь, XIX, 501; Грот, 638; Фирсов, 10; Мордовцев, I, 263).

С. 41. *Калмыки и башкиры удрали к Аральску в Азию.*— Городок Аральск возник в 1905 г. (эта точная дата зафиксирована в энциклопедиях) в связи со строительством железной дороги Оренбург — Ташкент; первоначально заселялся уральскими казаками, получил статус города в 1938 г. Аральск расположен среди песков и солончаков на берегу Аральского моря, у жел.-дор. станции Аральское Море, через которую проезжал Есенин во время своего путешествия в Туркестан. О существовании топонима «Аральск» поэт мог узнать на основании личного опыта или из газет, так как на картах самых репрезентативных атласов по 1928 год включительно указана только станция Аральское Море.

С. 42. *Хоть карманником, хоть золоторотцем...* — Золоторотец — 1) оборванец, вконец опустившийся человек; 2) чистильщик выгребных ям. Термин происходит от понятия (*разг.*) «золотая рота» (см.: Гиляровский В.А. Сочинения в 4 т., М., 1967, т. I, с. 107 — книга очерков «Мои скитания»; ср.: «золотарь... //отходник, юж. парашник» (Даль, 1, 692; см. также: Елистратов В.С. Язык старой Москвы. М., 1997. С. 184).

С. 43. *Творогов* — Илецкий казак Иван Александрович Творогов (1742 — до 1819 жил в г. Пернове) после взятия Илецкого городка 21 сентября 1773 г. радушно предоставил свой дом, как лучший в городе, Пугачеву, который стоял у него два дня. Получил первоначальное назначение командира над илецкими казаками и «чин» полковника, затем стал генерал-поручиком и председателем коллегии. Подписывал все манифесты и указы Военной коллегии мятежников — «у письменных дел находился», одновременно исполнял роль судьи. Засомневался в истинности «государя», когда тот велел из Дубовки послать на Дон именной указ неподписанным по причине скрываемой им неграмотности. Далее подметил, что Пугачев загораживал от донских казаков свое лицо. Открыл свои опасения Чумакову, с которым, как и с Бурновым, служащим палачом у пугачевцев, нашел полное взаимопонимание (см.: Пугачевщина, II, 141; Грот, 597—600; Дубровин, II, 16—17, 134, 137, III, 216—217, 246, 251, 260). Илецкий казак не был инициатором предательства, но оказался очень деятельным участником заговора: «Когда же самозванец второй раз ушел было, то Творогов его догнал, сшиб с лошади и потом обще с Чумаковым первые явились сами с известием о поимке злодея» в Яицкий городок (Грот, 634).

С. 44. *Только раз ведь живем мы, только раз!* — Об источнике этой фразы, дважды дословно повторенной в поэме, писал А.Б. Кусиков: «Если не ошибаюсь, в июне или июле 1921-го года, в то самое время, когда Есенин дописывал последние две главы „Пугачева“, по целому ряду причин, он находился в крайне нервном и беспокойном состоянии. <...> И не раз его подавленность расползалась в сияющую улыбку, когда брат ему утешительно баритонил:

Ах, в жизни живем мы только раз,
Когда монета есть у нас,
Думать не годится, завтра что случится,
В жизни живем мы только раз, аз, аз.

<...> „Ростовские песенки" в гениальной обработке Есенина озарили лучшие две главы „Пугачева"» (РЗЕ, 1, 173). Вариант этой песни привел А.Б.Мариенгоф в «Романе без вранья», называя ее «бандитской» (см.: Мой век, мои друзья и подруги, с. 368).

С. 44. *Словно хочет сказать он хозяину в хмурой октябрьской поре...* — Октябрь как время действия не соответствует исторической действительности, т. к. Пугачева арестовали уже 14 сентября 1774 г. Критики видели исходную мотивацию замысла Есенина в советской эпохе.

С. 45. *Конец Пугачева.*— Совещание казаков (Творогов, Чумаков, Бурнов и др.) постановило уговорить каждому своего приятеля участвовать в заговоре и убедить Пугачева перед тем распустить разночинцев по домам, отобрав у них лошадей для яицких казаков. Предатели притворно согласились пробираться через Каспийское море в Киргиз-кайсацкие степи и уговорили Пугачева ехать на Узени, чтобы забрать жен и детей и готовить дальнейший поход. 14 сентября 1774 г. прибыли на ночлег в селения к староверам на Узени, многие казаки отправились на охоту (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 77; ч. II, 344; Дубровин, III, 260—262). Далее историки дают две версии случившегося. Есенин следовал за Пушкиным, опиравшимся на летопись Рычкова: местом действия оказалось помещение — ставка Пугачева, где тот сидел один в задумчивости, когда вошедшие казаки загородили от него висевшее на стене оружие. Пугачев почувствовал предательство, попытался отбиться, затем подозвал своего любимца Творогова, но не дал ему скрутить свои руки за спину, угрожая местью великого князя, якобы своего сына. Казаки, повязав атамана, повезли его верхом к Яицкому городку. Во время пути в 200 верст Пугачев освободил руки, выхватил саблю и пистолет и ранил выстрелом одного из казаков, крича, чтоб вязали изменников (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 77). По версии Н.Ф.Дубровина, приведшему больше подробностей ареста, события разыгрались на

вольном воздухе на другом берегу Узеней, куда Пугачев переправился к землянкам старцев за дынями и буквами (разновидность бахчевых). Чумаков держал умышленно подобранную худую лошадь Пугачева, Бурнов схватил самозванца за руки выше локтей и велел отдать шашку, ножик и патронницу. Уже в пути Пугачев пытался уйти на коне и скрыться пешим в камышах, а затем воспользовался оплошностью караульного-малолетка и с криком «Вяжите старшин!» бросился на Творогова и Чумакова. На Федульева же (упомянутого Есениным в черновом автографе под фамилией Федулов — см. варианты наст. т., с. 327) с бранью направил пистолет, но произошла осечка. Пугачев отмахивался саблей от казаков, но Бурнов ударил его в бок тупым концом копья, а Чумаков схватил сзади за руки (см.: Дубровин, III, 264—278). Правительственный «Журнал присутствия...» эпизод с Бурновым трактовал иначе: «...когда злодей <Пугачев> по поводу казака Младенова схватил саблю и пистолет, хотел вооружась усилиться, он <Бурнов> схватил сзади руки злодея» (Грот, 634).

С. 45. *И попасть до рассвета со мною в Гурьев* ∾ *Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.*— Осознавая свое поражение, Пугачев звал оставшихся у него соратников зимовать к Гурьеву, а как лед вскроется, на судах плыть за Каспийское море и поднимать там орды. При отступлении к Волге остатки войска самозванца успели захватить на берегу несколько рыбачьих лодок (см.: Дубровин, III, 258, 263; Грот, 633).

С. 46. *Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.*— Сравнение Пугачева с Тамерланом, монгольским завоевателем, захватившим земли до Волги в 1391 г. и преследовавшим Тохтамыша до русских пределов в 1395 г. с разрушением Ельца, имеет историческую основу; автором этого сравнения стал поэт Г.Р.Державин, в то время — подпоручик Преображенского полка, посланный на борьбу с Пугачевым и описавший в рапорте секретной

следственной комиссии в Казани события 5 августа 1774 г. близ Саратова: «Жители... без начальника и толпы без присмотра собирались где хотели... Тут я вообразил, что это ратует на Тамерлана некакий древний воевода: нарядный был беспорядок! Хотя Пугачев и грубиян, но, как слышно, и он умел пользоваться всегда таковыми выгодами» (Грот, 658 — Ср.: Дубровин, III, 206).

Эпоха Тамерлана (1336—1405) в конце XVIII столетия мыслилась не как отдаленная, ушедшая в легендарное прошлое, но как живая, сохранившаяся в памяти казачества и реально связанная с Оренбуржьем. Акад. П.И.Рычков поместил в 1762 г. в «Топографии Оренбургской губернии» народное предание о Гугнихе и о первом поселении казаков на р. Яике: «Во время Тамерлана один донской казак, по имени Василий Гугна, с тридцатью человеками товарищей из казаков же и одним татарином, удалился с Дона для грабежей на восток... дошел до устья Урала и, найдя окрестности оного необитаемыми, поселился в них. По прошествии нескольких лет, шайка сия напала на скрывшихся близ ее жилища в лесах трех братьев татар, из которых младший был женат на ней, Гугнихе (повествовательнице), и которые отделились от Золотой Орды, также рассеявшейся, потому что Тамерлан, возвращаясь из России, намеревался напасть на оную. Трех братьев сих казаки побили, а ее, Гугниху, взяли в плен и подарили атаману» (Пушкин, 6, ч. I, примеч. 1, с. 84). При чтении этого труда у Есенина могло отложиться в памяти имя Тамерлана как косвенно связанное с событиями Пугачевщины.

С. 46. *Крямин* — Явно вымышленный герой, в исторической литературе о Пугачевщине никаких сведений о нем нет. Вероятно, Есенин ввел этот персонаж в поэму-трагедию для соблюдения законов жанра и усиления внешней трагедийности. История с этим героем получила дальнейшее развитие. При подготовке Собр. ст. в декабре 1925 г. Есенин «обещал доставить поэму „Пармен Кря-

мин", в которой, по его тогдашним предположениям, должно быть 500 строк» (Восп., 2, 299). Текст этой поэмы неизвестен. Фамилию Крямин и имя Пармен носили жители с. Константинова (сообщение Н.В.Есениной).

С. 49. *Чеканенные сентябрем червонцы.*— Ср.: в «Отношении Симонова к Бородину от 14 сентября», сочиненном в день измены Творогова, Чумакова и др. и даже содержащем их фамилии, рекомендовано убедить предателей Пугачева в том, что «они, казаки, не только в винах своих от Ее Императорского Величества прощаются, но имеют ожидать все до единого и всемилостивейшего награждения» (Грот, 598).

С. 50. *В рваные ноздри пылью чихнет околица.* — Слух о рваных ноздрях Пугачева был ложным, его пустил оренбургский губернатор И.А.Рейнсдорп (см. коммент. на с. 518 наст. т.). Арестованный Пугачев не терял надежды избежать смертной казни — в беседе с акад. П.И.Рычковым он отвечал: «...виноват перед Богом и государыней, но буду стараться заслужить все мои вины» (Пушкин, 6, ч. I, с. 79).

ПРИМЕЧАНИЯ К ВАРИАНТАМ

С. 246. *II <...> Казаки: [Под<уров>], Иван [Чика] Зарубин, Шигаев, Подуров, Торнов, Мясников, Скачков, Кочуров, Плотников и Закладнов хватаются за оружие.* — Творческая работа над текстом велась в направлении сокращения количества персонифицированных действующих лиц и, наоборот, укрупнения «фона» — монолитной казачьей массы. Есенин отбросил эпизодические фигуры, не сыгравшие заметной роли в Пугачевском восстании.

Молодого яицкого казака Тимофея Григорьевича Мясникова (1746 г.р.) позвали в числе главарей «войсковой стороны» на свидание с Пугачевым в степи близ Таловского умёта, и он подарил сапоги «царю». Вместе с Зарубиным повез будущего предводителя на хутор к каза-

кам Кожевниковым, оттуда через три дня — на Усихину Россошь. Сам же находился в городе «для повестки народу»; позднее, в Каргале, был уже сотником и руководил 500-ми казаками на заставе. По «Сентенции 1775 года января 10. О наказании...» был высечен кнутом и с вырванными ноздрями выслан на поселение.

Петр Тихонович Кочуров (1732 г.р.) являлся средним братом «запивохи» Алексея (1739—1775), несшего пугачевское знамя 17 сентября 1773 г., и младшего Козьмы (1748 г.р.), 30 мая 1774 г. явившегося с повинной в яицкую комендантскую канцелярию; ему в черновом автографе принадлежит фраза: «Натерпелись мы этой прыти» (см. варианты наст. изд., с. 327). Петр Кочуров спьяну разболтал место пребывания самозванца на Усихе, куда сам провожал его. Однако вместе с Тимофеем Петровичем Скачковым они состояли при Пугачеве и способствовали разглашению вестей о нем среди яицких казаков и составлению его войска, за что были наказаны одинаково с Мясниковым.

Старый казак Василий Якимыч Плотников (1734 г.р.) пользовался особым уважением, к нему стекались все новости и люди приходили за советом. Он принимал участие в мятеже казаков Яицкого городка в 1771 г., но всегда был против любых зверств и насильственых мер; приезжал на Таловской умёт и в числе первых разглашал в народе сведения о Пугачеве; взятый за это сразу под караул, не выдал самозванца; в 1775 г. был высечен кнутом с постановкой знаков на лице и с вырыванием ноздрей, затем сослан на каторгу.

Яицкий казак Григорий Михайлович Закладнов (Закладной, 1724—1775) приехал к Оболяеву просить лошадь, и Пугачев приказал пожаловать ее от своего якобы царского имени; он был первым посетителем Таловского умёта, кому самозванец назвался Петром III, и был послан в городок за «умными людьми»; претерпел то же наказание, что и Плотников (см.: Дубровин, I, 104, 180, 187,

196–200, 222, 225–229; Фирсов, 73, 159, сноска 1; Мордовцев, XVII, 127–131, I, 72, 252–253; Пушкин, 6, ч. I, 10–11, ч. II, 174–175).

С. 259. *Ведь корону Димитрия смрадную // Лишь Отрепьев не сморщась надел.* — По поводу сходства судеб Григория (Юрия) Богдановича Отрепьева (?–1606) и Пугачева и правомерности их сопоставления в правительственном манифесте возник особый вопрос в придворном совете, и Г.Орлов высказался против этого уподобления — «дабы таким сравнением не возгордить мятежников» — и нашел поддержку среди присутствующих (Фирсов, 146). Сравнение Пугачева с Отрепьевым успело войти в два манифеста — от 29 ноября и 23 декабря 1773 г. Вот более полный отрывок из первого: «...беглый с Дону казак Емельян Пугачев, скитавшийся пред сим в Польше, по примеру прежнего государственного злодея и предателя Гришки Расстриги, отважившись, даже без всякого подобия и вероятности, взять на себя имя покойного императора Петра III, тем не менее преуспел в своем изменническом и злодейском умысле сначала присоединить к себе толпу бродяг и подобных ему злодеев, а потом с помощью оных обольстить и принудить в сообщение себе и некоторую часть жителей Оренбургской губернии» (Пушкин, 6, ч. II, с. 153, ср. с. 157). В «Капитанской дочке» Пугачев дважды сравнивает себя в сходных выражениях с Г.Отрепьевым: «Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал?» (Пушкин, VI, 476, 507).

С. 267. *От киргизских степей до Кокшайска.* — Городка с таким названием не существовало, однако к нему близки два топонима — название села и одновремено паромной пристани Кокшайское и г. Царевококшайск, расположенных неподалеку друг от друга в Казанской губ. В XVI в. после завоевания марийцев русские основали в 133 верстах от г. Казани, на р. М.Кокшаге — левом притоке Волги — крепость Кокшажск, последовательно затем именовавшуюся как Кокшацкий городок, Царев город на

Кокшаге, Царево-Кокшайск. С 1919 по 1927 гг. (по др. сведениям, с 1918 по 1919) назывался Краснококшайском, затем стал областным центром Марийской автономии — с переименованием в Иошхар-Ола (Йошкар-Ола, Иошкар-Ола). На картах Пугачевского восстания (напр., в т. 1 труда Н.Ф.Дубровина), город обозначен как Царевококшайск. Во время путешествия Есенина по Пугачевским местам в 1921 г. он являлся конечным пунктом жел-дор. ветки Московско-Казанского направления (103 или 106 км от Казани) и был отмечен как Краснококшайск. Есенинская строка очерчивает огромные границы восстания — с юго-востока до северо-запада, то есть еще севернее Осы — самого северного из захваченных пугачевцами городков.

С. 276. *На Саратовской гор<одской> стене* — Саратов являлся одним из наиболее населенных (7 тыс. жителей) в Астраханской губ. городом, был окружен горами и очень обширен, но едва отстраивался после пожара начала 1774 г. Для защиты Саратова намечалось всеми соединенными силами встретить Пугачева в поле перед городом и разбить его, а на случай неудачи устроить земляное укрепление для горожан на берегу Волги, близ провиантских складов. План не был реализован из-за разногласий между комендантом полковником И.К.Бошняком и управляющим конторою опекунства иностранных поселенцев М.М.Ладыженским (Лодыжинским) с прикомандированным гвардии поручиком, будущим известным поэтом Г.Р.Державиным. Первый, оставшись без помощников, уже после падения Саратова отправил на лодках ночью городскую казну с частью дел воеводской канцелярии и прибыл в Царицын. Вторые преследовали личные интересы, спорили с комендантом и покинули город накануне вторжения пугачевцев.

Утром 6 августа пугачевцы широким фронтом подошли к Саратову, выставили на Соколиной горе 8 малозначительных орудий, и уже при первых выстрелах горожане

стали перебегать к мятежникам. Сдавшиеся солдаты получали по 2—4 руб. в награду, вечером в соборной церкви Пугачев приводил жителей к присяге на верность, приказал открыть амбары и соляные склады и бесплатно выдавать хлеб-соль, а повешенных дворян хоронить запретил. 9 августа, забрав 5 пушек и почти 26 тыс. руб. медью, Пугачев покинул Саратов и пошел вниз по Волге (см.: Пушкин, 6, ч. I, с. 64—65, 71—74, ч. II, с. 353—354; Дубровин, III, 181—212).

С. 276. *Осада Казани* — 11 июля 1774 г. Пугачев с 20 тыс. человек подошел к Казани. Его указ сдаться без сопротивления не возымел успеха, поэтому пугачевцы провели рекогносцировку; и утром 12 июля разделенное на 4 части войско (1-й частью командовал Пугачев) поднялось на штурм, прикрываясь возами сена с размещенными между ними пушками. Многие солдаты и горожане предались самозванцу и участвовали в грабежах, другие прятались в погребах, монастырях и крепости. Город был подожжен в 9 местах и сгорел почти весь. Есенин мог снять заглавие по двум причинам: 1) из-за нарушения хронологии событий, ибо Зарубин к тому времени уже был арестован; 2) из-за нежелания включать яркий эпизод с женой Пугачева Софьей и детьми, освобожденными из помещения Секретной комиссии при взятии Казани мятежниками. В Пугачевской войне Екатерина II именовала себя в тайной переписке «помещицей казанской» и при взятии Казани «уже думала сама ехать в край, где усиливалось бедствие и опасность, и лично предводительствовать войском» (Пушкин, 6, ч. I, с. 36, 69). Но Пугачев не сумел удержать Казань за собою. В боях 12, 13 и 15 июля на Арском поле, за р. Казанкой, за с. Сухая Река он был наголову разбит Михельсоном, несмотря на собранное подкрепление, и сам чуть не попал в плен, скрывшись в лесу после конной погони в 30 км (см.: Дубровин, III, 87—104; Пушкин, 6, ч. I, с. 61—64, ч. II, 349—353).

С. 327. *Федулов* — Есенин дал собственную огласовку фамилии исторического лица. По данным «Различения важности преступления пособников злодейских, примеченного каждого раскаяния по свойству их», яицкий казак Федулев относился к «5-му сорту» преступников (вместе с Чумаковым, Твороговым, Бурновым и др.), «с начала самого был в злодейской толпе есаулом и во всех местах служил ему верно, но по уговору Чумакова согласился злодея связать; а когда самозванец, вооружась, велел было старшин вязать, он первой кинулся на злодея с саблею» (Грот, 633—634).

Н.Ф.Дубровин в своем труде привел другой вариант фамилии пугачевца — Федульев — и подробно описал четыре последовавших друг за другом случая его измены Пугачеву. Так, непосредственно перед возвращением от землянок старообрядцев с другого берега Узеней Федульев крикнул Бурнову: «Что задумали, то затевай: сними с него саблю». Затем опять же Федульев выполнил приказ Творогова отрядить несколько казаков сесть на лошадей и следить за уже арестованным самозванцем, а спустя некоторое время помог задержать его при попытке к бегству в камыши. И далее как раз на дотошного Федульева, спросившего «кого велишь ты вязать?», направил с бранью пистолет Пугачев. И только осечка кремня спасла жизнь Федульева, испуганно искавшего защиты у казаков: «Атаманы, молодцы, не выдавайте». В последний раз Пугачев предпринял напрасную попытку воззвать к человеколюбию Федульева, будучи оставлен на его руках во время отъезда Творогова и Чумакова к капитану Маврину с донесением о поимке бунтовщика (см.: Дубровин, III, 264, 276—279).

При учете этих фактов, особенно неудачного выстрела Пугачева, можно считать яицкого казака — есаула Ивана Петровича Федулева (1737—1803) — в какой-то степени историческим двойником Крямина, его возможным прототипом. Однако Есенин отказался от развития сюжетной линии

с Федуловым (Федулевым), и только по занимаемому им месту в композиции произведения и в сопоставлении с известными данными Пугачевской войны можно представить предполагаемую поэтом роль этого персонажа в поэме.

С. 220 ...*Я — законный хозяин страны Российской, // Как бездомная собака бродил по земле.* — Удачно найденные художественные обороты речи Есенин в вариативном виде применял в дальнейшем; так, в письме к А.Б.Кусикову от 7 февраля 1923 г. он сообщал: «Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть» (Письма, 122).

С. 335. *Знаю я, против нас с Измаильских полей // Движутся полки полководца Суворова.* — Александр Васильевич Суворов (1729 или 1730—1800) оказался последним в войне против Пугачева видным военачальником, который после заключения Кучук-Кайнарджийского мира был направлен под Царицын принять начальство над отрядом Михельсона. Сменивший Михельсона Суворов не показал себя таким же блестящим преследователем Пугачева. С 1 сентября 1774 г. Суворов с тысячным отрядом при пушках скитался по бескрайней степи в поисках Пугачева и 14 сентября на Узенях узнал от старцев-раскольников об аресте Пугачева сообщниками. Через несколько дней Суворов «с любопытством расспрашивал пленного мятежника о его военных действиях и намерениях и повез его в Симбирск» и лично караулил при пожаре (Пушкин, 6, ч. I, с. 78). Есенин отказался от фигуры Суворова в окончательном тексте, возможно, из-за допущенной неточности: полководец взял Измаил в 1790 г.— позже Пугачевщины.

Страна Негодяев (с. 52).— Бак. раб., 1924, 29 сент., № 220, ст. 317—473, с подзаголовком «Отрывки из драматической поэмы <Монологи Рассветова>» и датой «Нью-Йорк. 14 февраля 23 года» (о неточности даты см. ниже); Стр. сов., <вышла до 20 янв. 1925 г.>,

с. 35—39, ст. 317—473, с подзаголовком «Отрывки из драматической поэмы <Монологи Рассветова>» и датой «Нью-Йорк. 14 февраля 23 года»; журн. «Город и деревня», 1925, № 18, с. 39—40, ст. 317—533, под заглавием «Номах (Отрывок из пьесы). Экспресс № 5»; Кр. новь, 1926, кн. 3, с. 128—133, ст. 317—538, под заглавием «Номах (Отрывок из пьесы). Часть вторая»; кн. 4, с. 112—117, ст. 987—1213, под заглавием «Номах (Страна негодяев). (Отрывок из пьесы); Киев»; полностью — Собр. ст., т. 3, с. 147—220.

Печатается и датируется по наб. экз. (машинописный список с авторской правкой), с исправлением строк 74—75 — «Я знаю, что ты // Настоящий жид» вместо «Я знаю, что ты Еврей» и восстановлением купюры ст. 81 «Ты обозвал меня жидом»; в перечне «Персонала» — «Комиссар из охраны железнодорожных линий» вместо «Комиссар из охраны жел. дор. линии» по беловому автографу (частный архив, Москва); а также с исправлением по автографам (РГАЛИ, ИМЛИ и частный архив) ст. 55 «И к тому ж еще чертова вьюга» вместо «И к тому же еще чертова вьюга»; ст. 88 «Проклинать вас хоть тысчи лет» вместо «Проклинать вас хоть тысячи лет»; ст. 598 «Окло двухсот негодяев» вместо «Около двухсот негодяев»; ст. 822 «Нет! это не так уж просто» вместо «Нет! это не так уже просто»; ст. 971—972 «Чтоб чище синел простор // Коммунистическим взглядам» вместо «Чтоб чище синел простор // Коммунистическим взглядом», и в первой ремарке картины «Глаза Петра Великого» из четвертой части в предложении «Портрет неожиданно открывается, как дверь, и оттуда выскакивает...» вставлен пропущенный союз «и».

В соответствии с двумя автографами сохраняется написание слов с прописных букв в заглавии «Страна Негодяев», в ст. 243 «Ты хочешь, чтоб Трибунал...»; в ст. 499 «И, считая весь мир за Бедлам»; в ст. 472 «Вот она — Мировая Биржа»; а также авторское фонетическое воспри-

зведение английских слов: «plis», «wiski», «miss», «bisnes men» и «blef».

Известно три автографа.

Черновой автограф заключительной части (РГАЛИ), ст. 667—1162, начиная с ремарки «Тайный притон с паролем „Авдотья, подними подол"»; без заглавия, даты и подписи. Первоначально состоял из двух частей — третьей и четвертой (ст. 667—889 и 890—1162), каждая из которых имела цифровое обозначение и самостоятельную пагинацию. Ст. 667—889 были зафиксированы С.А.Толстой-Есениной в пятом пункте рукописного перечня «разночтения и варианты», без даты (ГЛМ), как первый автограф «Страны Негодяев». На одном из ранних этапов работы над рукописью сцена «Тайный притон с паролем „Авдотья, подними подол"» открывала третью часть поэмы. Затем обозначение части зачеркнуто. Четвертая часть, ст. 890—1162, с зачеркнутым вариантом конца (см. варианты), также без заглавия, композиционно несколько раз перестраивалась (первые три листа меняли пагинацию четыре раза, а остальные — три).

Беловой автограф с авторской правкой (частный архив, г. Москва) выполнен в виде рукописной книги в тетради с переплетом малахитового цвета, золотым обрезом, на последней странице, наверху, номер 159 <страница>, внизу — печатный знак «A.Gerspacher. Berlin. W 8». Датирован автором — «922—923». Известны три подобные богато оформленные тетради, которые Есенин привез из зарубежной поездки. Две другие — одну точно такую же, как описанная выше, а другую в переплете бордового цвета — Есенин отвел под вырезки с отзывами о своем творчестве (Тетр. ГЛМ).

Первый лист рукописи исполнен как титульный лист книги:

Сергей Есенин
Страна Негодяев
Москва
1924

Все остальные страницы автографа (всего их 50) также выполнены аккуратно, на одной стороне листа и не пронумерованы (обороты чистые, кроме 25 листа, где вписана вставка после ст. 636, затем зачеркнутая, — см. Варианты, с. 366—367). Каждая из четырех частей начинается с новой страницы. Все остальные листы в тетради — чистые. Имеется правка, в том числе сокращения в тексте.

Этот автограф написан в три приема: ст. 1—561 (первая и бо́льший фрагмент второй части) — фиолетовыми чернилами с тремя слоями правки фиолетовыми и синими чернилами и химическим карандашом; ст. 562—777 (фрагмент второй и третьей части) — синими чернилами с правкой этими же чернилами и карандашом; ст. 778 и до конца — химическим карандашом с правкой. Судя по цвету чернил, различные слои правки делались по ходу написания текста или позже, когда поэт возвращался к написанному ранее. В основном правка касалась сокращения текста, уточнения графики и знаков препинания. С этого автографа в 1924 г. была сделана машинопись (описание см. ниже). Сравнение текста автографа и машинописи говорит о том, что исправление строки 1128 «И вместе с революцией» вместо «И законом революции» Есенин внес после выполнения машинописной копии.

Беловой автограф двух отрывков поэмы (ИМЛИ) под общим заглавием «Страна Негодяев (Отрывок)» — ст. 1—102 и 103—144 (первый выполнен чернилами, второй — карандашом и начат с новой страницы), без даты. Форма исполнения — с подзаголовком и подписью автора под каждым отрывком (карандашом) — свидетельствует о том, что рукопись предназначалась для печати. При жизни поэта не опубликован.

Три отпуска одного машинописного списка (кроме первого) — с пометами Есенина и Г.А.Бениславской. Выполнены в 1924 г. Один из отпусков этой машинописи (скорее всего, второй) находился в папке «Подготовка к печати про-

изведений Есенина С.А. 1924 г.» с пояснением С.А.Толстой-Есениной: «Произведения С.А.Есенина, подготовленные к печати его сестрой Екатериной и другими домашними (Галей ? <Г.А.Бениславской>) по просьбе Д.К.Богомильского, который хотел печатать сборник произведений Есенина в 1924 г. Сборник не был осуществлен и материал остался у Богомильского. Передан им мне в мае 1936 г.» (ГЛМ). В этих материалах Д.К.Богомильского, кроме «Страны Негодяев», находятся машинописи: «Русь бесприютная», «В дурную погоду» («Поет зима — аукает...»), «Яр» (подробнее см. в коммент. к «Яру», т. 5, с. 340—344 наст. изд.). В машинописи «Страны Негодяев» пронумеровано 38 листов (восьми листов не хватает: 20—27 лл., ст. 659—890). В остальном все пометы, исправления и вноски непропечатанных строк, сделанные карандашом Г.А.Бениславской, совпадают с другими отпусками машинописи, хранящимися в ИМЛИ и ГЛМ (наб.экз.).

Отпуск машинописи, хранящийся в ИМЛИ, поступил из Музея Есенина. Имеет пометы на первом листе «С.Есенин. Страна негодяев» и печать «Музей Есенина. 251». На с. 13 — единственная помета, которой нет в других известных отпусках этой же машинописи, — против ст. 502—506:

Потому им и любы бандиты,
Что всосали в себя их гнев.
Нужно прямо сказать открыто,
Что республика наша blef.
Мы не лучшее, друг мой, дерьмо, —

написано рукой Г.А.Бениславской: «выпущено» (с купюрой этих строк по машинописи текст поэмы в отрывках опубликован в Кр. нови).

Машинописный список наб. экз., кроме помет Бениславской, содержит редакторские и корректорские пометы, а также авторскую правку, сделанную во время подготовки текста к публикации. На первом листе название поэмы

«Страна Негодяев» зачеркнуто красным карандашом, затем очень густо синим. Рукой Есенина написано красным карандашом «Номах», затем зачеркнуто и химическим карандашом вписано: «Страна Негодяев». Кроме того, Есенин сделал исправления в строках 74-75 и исключил строку 81. Ст. 74—77 стали читаться так:

З а м а р а ш к и н

Я знаю, что ты Еврей.
Фамилия твоя Лейбман
И черт с тобой, что ты жил
За границей...

Вместо: Я знаю, что ты
Настоящий жид.
Фамилия твоя Лейбман
И черт с тобой, что ты жил
За границей...

Строка «Настоящий жид» зачеркнута сначала красным карандашом, затем синим (таким же способом зачеркнуто название «Страна Негодяев»), после этого рукой Есенина красным карандашом дописано «еврей». Позже первая буква исправлена синим на заглавную.

Правка привела к потере рифмы «жил» и «жид» (ср. также редакционные исправления, сделанные при публикации других отрывков из поэмы при жизни поэта: строка 462 «От еврея и до китайца» печаталась в Бак. раб. и Стр. сов.: «От чукота и до испанца»).

Аналогичное исправление — купюра ст. 81, цит. ст. 80—82:

Ха-ха!
Ты обозвал меня жидом?
Нет, Замарашкин!

Строка «Ты обозвал меня жидом?» зачеркнута синим карандашом, что также привело к потере рифмы: «дом» — «жидом».

При подготовке тома к печати Есенин исправил также ст. 1128 (см. с. 542 наст. т.).

«Страна Негодяев» не была включена в рукопись третьего тома Собр. ст., отправленного в типографию в конце ноября 1925 г. После смерти Есенина издатели решили поместить поэму в Собр. ст., оставив перечисленные исправления текста (см. об этом, с. 446—449). Дополнительно в корректуре было добавлено примечание А.К.Воронского о незавершенности поэмы и на странице 21 сделана купюра ст. 1123—1129:

Пустая забава!
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики, те же воры
И вместе с революцией
Всех взяли в плен...

Отпуск машинописи «Страны Негодяев» в наб. экз. (ГЛМ), кроме правки Есенина и Г.А.Бениславской, содержит пометы: на первой странице — «ГЛМ Есенин. В стране негодяев. 15561 / и-х.», в нижней части листа обозначение количества листов и дата отправки машинописи в издательство. Под заглавием «В стране негодяев» поэма упоминается еще в двух источниках: статье А.Ветлугина «Нежная болезнь» (Нак., 1922, 4 июня, № 57, Лит. прил. № 6; вырезка — Тетр. ГЛМ), а также в одном из проспектов Собр. ст. (см. наст. т., с. 450).

Есть сведения о не дошедшем до нас автографе раннего варианта первой части «Страны Негодяев». По свидетельству В.М.Левина, Есенин написал его в начале февраля 1923 г. в Нью-Йорке. «В день отъезда из Нью-Йорка,— вспоминал В.М.Левин в 1953 г.,— когда я его

провожал, он передал мне эти страницы, исписанные его четким бисерным почерком, точно так, как он читал <о чтении этого отрывка см. ниже, с. 548—549>, но не так, как это место было опубликовано позже в России. Там было кой-что изменено, и место это стало менее ярким. К сожалению, страницы эти погибли через много лет во Франции, в Ницце, где уничтожен был детьми целый чемодан моих рукописей, среди них и эта. Но пред отъездом из Нью-Йорка в 1929 году, предчувствуя, что подобное может произойти, я сделал два фотостата с этих страниц и передал их: 1) в рукописный отдел нью-йоркской Публичной библиотеки, и 2) в отдел авторских манускриптов той же библиотеки» (РЗЕ, 1, 227). А.Ярмолинский в воспоминаниях «Есенин в Нью-Йорке» (1957), ознакомившись с воспоминаниями В.М.Левина, писал, что снимки рукописи «Страны Негодяев» «в библиотеку не поступали» (РЗЕ, 1, 231). В то же время в неопубликованной части текста воспоминаний В.М.Левина сказано: «Нельзя думать, что и они там погибли — их можно разыскать при наличии настойчивости и любви к творческой личности С.А.Есенина» (см. РЗЕ, 1, 316).

Судя по воспоминаниям современников, сюжет поэмы «Страна Негодяев» менялся трижды. Вначале Есенин хотел отразить в поэме революцию и гражданскую войну, затем сосредоточил внимание на событиях гражданской войны и, наконец, в окончательном тексте совместил гражданскую войну с введением нэпа.

И.И.Старцев вспоминал о возникновении замысла поэмы зимой 1921—1922 г.: «Есенин долго готовился к поэме „Страна негодяев“, всесторонне обдумывая сюжет и порядок событий в ней. Мысль о написании этой поэмы появилась у него тотчас же по выходе „Пугачева“. По первоначальному замыслу поэма должна была широко охватить революционные события в России с героическими эпизодами гражданской войны. Главными действующими лицами в поэме должны были быть Ленин, Махно и бун-

тующие мужики на фоне хозяйственной разрухи, голода, холода и прочих „кризисов" первых годов революции. Он мне читал тогда же набросанное вчерне вступление к этой поэме: приезд автора в глухую провинцию метельной ночью на постоялый двор, но аналогичное по схеме начало в „Пугачеве" его смущало, и он этот отрывок вскоре уничтожил. От этого отрывка осталось у меня в памяти сравнение поэта с синицей, которая хвасталась, но моря не зажгла. Обдумывая поэму, он опасался впасть в отвлеченность, намереваясь подойти конкретно и вплотную к описываемым событиям. Ссылаясь на „Двенадцать" Блока, он говорил о том, как легко надорваться над простой с первого взгляда и космической по существу темой. Поэму эту он так и не написал в ту зиму и только уже по возвращении из-за границы читал из нее один отрывок. Первоначальный замысел этой поэмы у него разбрелся по отдельным вещам: „Гуляй-поле" и „Страна негодяев" в существующем тексте» (Восп., 1, 414; см. также «Ленин (Отрывок из поэмы „Гуляй-поле")» в т. 2 наст. изд.). С.М.Городецкий, который часто встречался с Есениным зимой 1921—1922 гг., также вспоминал о «Стране Негодяев» как об очередной работе после «Пугачева» (Восп., 1, 185). В письме к Иванову-Разумнику от 6 марта 1922 г. поэт отметил: «Хочется опять заработать, ибо внутри назрела снова большая вещь».

Есенин начал работать над поэмой в 1922 г. В процессе написания раннего варианта этой вещи поэт отразил события гражданской войны, голода, разрухи, взяв за основу эпизод ограбления продовольственного состава (см. с. 548).

Д.К.Богомильский вспоминал, что «Страна Негодяев» еще до отъезда Есенина за границу (10 мая) была «частично» набросана (Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1975, с. 337). Прилетев в Берлин, поэт написал в автобиографии, датированной 14 мая 1922 г.: «Сейчас работаю над большой вещью под названием „Страна Негодяев" (журн.

«Новая русская книга», Берлин, 1922, № 5, май, с. 41—42). 4 июня 1922 г. берлинская газета Нак. также сообщала, что Есенин работает над произведением «Страна Негодяев». А.Ветлугин, который тесно общался с Есениным в Берлине (вскоре он в качестве секретаря уехал с Есениным и Дункан в поездку по США) и имел возможность ознакомиться с содержанием поэмы, в упомянутой выше статье «Нежная болезнь» не только охарактеризовал новую большую вещь Есенина, но и утверждал, что поэт заканчивает над ней работу.

Другим свидетельством того, что до июня был написан монолог Номаха из четвертой части «Страны Негодяев», является пересказ выступления поэта на вечере под названием «Нам хочется Вам нежно сказать» в Берлине корреспондентом рижской газеты «Сегодня» Т.Варшер (1922, 10 июня, № 127, см. с. 563).

Содержание написанного до начала февраля 1923 г., но не дошедшего до нас варианта первой части поэмы излагает В.М.Левин в своих воспоминаниях «Есенин в Америке»: «Продовольственный поезд шел на помощь голодающему району, а другой голодающий район решил этот поезд перехватить и для этого разобрал рельсы и спустил поезд под откос. И вот на страже его стоит человек с фамилией Чекистов... Из утреннего тумана кто-то пробирается к продовольствию, и Чекистов кричит, предупреждая, что будет стрелять:

— Стой, стой! Кто идет?

— Это я, я — Замарашкин.

Оказывается, они друг друга знают. Чекистов — охранник, представитель нового государства, порядка, а Замарашкин — забитый революцией и жизнью обыватель, не доверяющий ни на грош ни старому, ни новому государству и живущий по своим неосмысленным традициям и привычным страстям. Между ними завязывается диалог».

«Чекистов объясняет всю нелепость акта против поезда помощи голодающим. Замарашкин явно не доверяет

идеологии Чекистова, уличая его в личных интересах и даже в том, что он — не русский. Замарашкин откровенен:

— Ведь я знаю, что ты — жид, жид пархатый, и что в Могилеве твой дом.

— Ха-ха! Ты обозвал меня жидом. Но ведь я пришел, чтоб помочь тебе, Замарашкин, помочь навести справедливый порядок. Ведь вот даже уборных вы не можете построить... Это меня возмущает... Оттого что я хочу в уборную, а уборных в России нет.

Странный и смешной вы народ,
Весь век свой жили нищими,
И строили храмы Божие.
А я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие».

(РЗЕ, 1, 223–224, 315)

Судя по авторской датировке, монолог Рассветова из второй части написан в Нью-Йорке 14 февраля 1923 г. Эта дата является в одной из ее частей, скорее всего в части числа, явно ошибочной, так как Есенин 3 февраля покинул Нью-Йорк (см. газ. «New Jork Sun» и «New Jork Globe», 1923, 3 febr., цит. IE, 140, 288) февраля был в Париже. Имеется еще одно подтверждение тому, что в феврале 1923 г. поэма «Страна Негодяев» была написана. В апреле 1923 г. журнал «Россия» (М.— Пг., 1923, № 8, с. 32) сообщал, что Есенин в феврале возвратился из Нью-Йорка в Берлин: «Им написан цикл лирических стихотворений <...>, „Страна негодяев“».

Вернувшись из зарубежной поездки, Есенин продолжил работу над отделкой поэмы. М.Д.Ройзман вспоминал, что Есенин в феврале 1924 г. говорил ему о «Стране Негодяев», где «он собирался вывести атамана Махно» (Восп., 1, 392). В течение 1924 г. Есенин предпринял по меньшей мере четыре безуспешные попытки опубликовать эту вещь полностью. В собрании сочинений, мысль о под-

готовке которого возникла еще в 1923 г., вскоре после возвращения на родину, поэт определил место этой поэмы среди других «больших» поэм: «„Пугачев", потом „36", „Страна Нег<одяев>" и под конец „Песнь"» (см. письмо к Г.А.Бениславской от 17 окт., а также от 29 окт. 1924 г.). Поэма «Страна Негодяев» упомянута Есениным на макете книги «Москва кабацкая» 1924 г. среди готовящихся к печати изданий (РГАЛИ). Скорее всего, об этом несостоявшемся издании Есенин писал в автобиографии 1923 г.: «Скоро выйдет из печати „Страна Негодяев", „Москва кабацкая"» (т. 7, кн. 1 наст. изд.). В «Гостинице для путешествующих в прекрасном», № 1 (3) 1924 г., помещено объявление: «В № 4 „Гостиницы" прочтете <...> Есенина „Страна Негодяев" поэма». Публикация не состоялась.

В «Предисловии» к первому тому двухтомника своих произведений (датировано «1 января 1924 г.», издание не осуществилось) Есенин также сказал о своем намерении опубликовать «Страну Негодяев»: «В этом томе собрано почти все, за малым исключением, что написано мной с 1912 года. Большие вещи: „Страна Негодяев", „Пугачев" и др. отходят во 2-й том» (см. т. 5, с. 222 наст. изд.).

В одном из писем к Есенину между 10 и 12 декабря 1924 г. Г.А.Бениславская спрашивала: «Издательство „Современная Россия" через некоего тов. Берлина (помните его?) издает сб. Ваших старых стихов о революции и России. Не стоит ли включить отрывки из „Страны негодяев" — разговор в салон-вагоне? Напишите об этом непременно» (Письма, 256; ответ неизвестен, отрывки не опубликованы).

Среди исследователей, изучавших творческую историю поэмы, прочно укрепилось мнение о ее незавершенности. Это мнение, как выразился А.А.Волков, «было признано многими единственно правильной версией» (см. его кн. «Художественные искания Есенина», М., 1976, с. 219, 221). Оно основывалось прежде всего на примечаниях, ко-

торыми сопровождалась публикация поэмы в Кр.нови (1926, № 3 и 4 — отрывки), а также в Собр. ст., т. 3, где «от издательства» говорилось, что это «пьеса, поэтом не законченная и не отделанная».

С.А.Толстая-Есенина писала: «С.А.Есенин намеревался создать широкое полотно, в котором <хотел> показать столкновение двух миров и двух начал в жизни человечества. Такое расширение замысла у Есенина произошло после его поездки в США, о чем он мне не раз говорил... Есенин рассказывал мне, что он ходил в Нью-Йорке специально посмотреть на знаменитую нью-йоркскую биржу, в огромном зале которой толпятся многие тысячи людей и совершают в обстановке шума и гама сотни и тысячи сделок» (Восп., 2, 263).

Системное изучение всех документов, относящихся к подготовке рукописи для печати в Собр. ст. (см. наст. т., с. 444—449), а также всей совокупности фактов творческой истории поэмы позволило сделать вывод о том, что Есенин рассматривал «Страну Негодяев» как законченное художественное произведение. Примечание, сделанное в Кр. нови (1926, № 3 и 4) и Собр. ст., внесено редакцией. Этот вывод подтверждает комментарий И.В.Евдокимова, данный к поэме «Страна Негодяев» в Собр. ст., где говорилось, что в настоящем виде «Страна Негодяев» публикуется впервые. «Текст „Собрания" сверен с черновым автографом Есенина, предоставленным Госиздату сестрой поэта Е.А.Есениной». Здесь же Евдокимов косвенно, но довольно определенно намекнул, что примечание о незавершенности поэмы не соответствует действительности. Упомянув отрывки пьесы, напечатанной в №№ 3 и 4 Кр. нови «с оригинала „Собрания"», Евдокимов заметил, что подзаголовок — отрывки из пьесы, а также заглавие «Номах» внесено редакцией. «Редакция же внесла примечание:« „Пьесу „Номах" („Страна негодяев") поэт считал не законченной и не отделанной„» (Собр. ст., т. 4, с. 421—422) (подробнее см.: Шубникова-Гусева Н.И.

К творческой истории поэмы Есенина „Страна негодяев".— Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сб. Вып. 3, М., 1997, с. 422—436).

Источники «Страны Негодяев» разнообразны. Сюжет драматической поэмы рожден жизнью конца 10-х — начала 20-х годов, событиями гражданской войны, национальной вражды и разрухи. Борьба с голодом и бандитизмом была основной приметой времени (ср. постоянные рубрики газ. «Известия ВЦИК»: «Борьба с голодом», «Борьба с бандитизмом»). Употребление слова «негодяй» также было характерно для языка тех лет (ср., напр., название статьи А.Мясникова «В стане мелкобуржуазных негодяев» — газ. «Известия ВЦИК», М., 1919, 5 окт., № 222) и было принято даже в официальных документах того времени. См., например, обращение Комитета обороны города Москвы:

«Ко всем рабочим Москвы.
Ко всем идейным анархистам.

Подонки и хулиганы анархизма, негодяи, служащие своими делами Колчаку и Деникину»... (газ. «Известия ВЦИК», 1919, 14 окт., № 229), а также запись в дневнике З.Н.Гиппиус за июнь 1919, где упоминаются «красный Петроград» и «белые негодяи» (в кавычках о белогвардейцах), а также за август 1919 г.: «Говорят еще, что в Москве „вор на воре, негодяй на негодяе..."» (Петербургские дневники 1914—1919 — в ее кн.: «Живые лица». В 2-х кн. Тбилиси, 1991, кн. 1, с. 177, 187).

Завязкой для детективного сюжета раннего варианта «Страны Негодяев» (ограбление продовольственного поезда и розыск преступника) могли послужить многочисленные публикации в газетах того времени о налетах махновцев на транспорт — например, статья Я.Яковлева «Махновщина и анархизм», опубликованная в Кр. нови, где «приводятся цитаты из махновской газеты „Набат": „Крестьянские выступления против Советской власти —

это движение народа, заявляющего свои права,— такого движения штыком задавить нельзя..." Тут же рассказы очевидцев о расправах махновцев над членами комитета бедноты, о бесплатной раздаче Махно хлеба крестьянам с ссыпных пунктов, о реквизиции оружия (в частности, броневиков)... „Махновцами разграблен отдел снабжения 23-й дивизии и произведен налет на транспорт"» (цит. по кн.: Куняев Ст. и Куняев С. Сергей Есенин. М., 1995, с. 265; см. также: Семанов С. Махно как он есть. М., 1991. В 2-х вып. Вып. 2, с. 22).

Есенин развил традицию «говорящих» фамилий в русской драме, используя подчеркнутую этимологию имен как выразительное средство, ключ к их характеристике: Рассветов, Замарашкин, Чекистов, Чарин. Дворянам Щербатову и Платову дал широко распространенные дворянские фамилии (см. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. Пер. с англ. М., 1989, с. 348). Если говорить о трех основных персонажах — Рассветове, Чекистове и Номахе, то здесь подразумеваются определенные прототипы, причем фамилии персонажей отличаются от фамилий прототипов и в чем-то сходны с ними. Есенин сделал это, чтобы имя персонажа помогало узнать прототип и одновременно для того, чтобы «увести читателя от прототипа, с именем которого, однако, автор не может расстаться» (подробнее о принципах выбора имени персонажа см. в кн. В.А.Никонова «Имя и общество», М., 1974, с. 233—245).

Чекистов — этимологически фамилия (псевдоним) восходит к аббревиатуре ЧК (Чрезвычайная комиссия) и используется как метафора, характеризующая героя. Кроме того, Замарашкин напоминает настоящую фамилию этого действующего лица — «Лейбман» и называет его «жидом». На основании этого, а также сходных биографических фактов («в Могилеве твой дом», «гражданин из Веймара») ряд исследователей считают прототипом комиссара Чекистова — Троцкого (Бронштейна) Льва (Лейбу) Давидовича (1879—1940) (см., например, Куняев Ст. и Ку-

няев С. Сергей Есенин, с. 265), хотя образ Чекистова имеет, скорее, собирательный характер.

Номах — именем этого героя Есенин хотел озаглавить поэму, когда готовил к печати третий том своего Собр. ст. Редактор Собрания И.В.Евдокимов вспоминал о подготовке к печати третьего тома: «Остановились над поэмой „Страна негодяев". Есенин перелистал ее, быстро зачеркнул заглавие и красным карандашом написал: „Номах".

— Это что? — спросил я.

— Понимаешь, надо переменить заглавие. Номах это Махно. И Чекистов, ты говорил, я согласен с тобой, выдуманная фамилия. Я переменю. И вообще я в корректуре кое-что исправлю.

— А мне жалко названия „Страна негодяев",— сказал я.— „Номах" очень искусственно.

Впоследствии он опять восстановил название „Страна негодяев"» (Восп., 2, 291—292).

Номах — перевернутая в слогах фамилия Махно. Но значение этого образа гораздо шире, и Номах не во всем совпадает с реальным прототипом. Об этом говорит прежде всего тот факт, что зимой 1921—1922 гг. (время действия поэмы, которое обозначено в первой публикации монолога Рассветова) Махно уже находился в Румынии. Кроме того, Махно появляется в поэме и под своей действительной фамилией в словах Чарина: «И кого упрекнуть нам можно? // Кто сумеет закрыть окно, // Чтоб не видеть, как свора острожная // И крестьянство так любят Махно?».

Есенин использует также свое портретное сходство с героем и прототипом: Махно — блондин с синими ясными глазами (см. описание, данное секретарем Л.Б.Каменева в журн. «Пролетарская революция», М., 1925, № 6 (41), с. 136). На основании этого сходства образ Номаха неправомерно трактуется как автобиографический (см., напр., Переяслов «Н. Блондин. Среднего роста. 28 лет...» — Газ. «Лит. Россия», М., 1995, 21 июля, № 31,

с. 10). Ряд ученых, прежде всего Г. Маквей, считают, что Есенин «эмоционально и интуитивно сочувствует крестьянскому бунтарю Номаху» (IE, 177). Некоторые исследователи расшифровывают имя Номах как анаграмму Монаха, деревенского прозвища молодого Есенина (см.: Мекш Э.Б. Сюжетно-жанровые искания Есенина 1921—1925 гг.— Сб. «Сюжет и художественная система», Даугавпилс, 1983, с. 100—111; Никё М. Поэт тишины и буйства.— Журн. «Звезда», СПб., 1995, № 9, с. 126).

Среди «персонала» «Страны Негодяев» особое место занимает комиссар золотых приисков *Рассветов*, сопровождающий экспресс с золотом, — единственный герой, который наделен именем, кроме кабатчицы, Авдотьи Петровны (или тети Дуни), у которой нет фамилии. Первоначально в черновом автографе имена имели также и другие герои: Барсук — Андрей; Щербатов и Платов с отчествами — Степаныч и Петр Никанорович, что подчеркивает их родовые корни. Фамилия и имя у Рассветова тоже необычные, «говорящие». Никандр означает «победоносный муж» от греч. *nike* — победа и aner — род. п. andros — муж, мужчина (см.: Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. Изд. 4-е, доп., М., 1995, с. 219).

Исследователи почти единодушно выделяли фигуру Рассветова среди других персонажей и отводили ему роль положительного героя. «Живая, активно действующая фигура коммуниста Рассветова — главная идейная и художественная удача Есенина» (Прокушев Ю.— Есенин III (1978), с. 249). «Рассветов один из тех, кто утверждает правду новой „стальной“ России, правду революции» (Кошечкин С. Весенней гулкой ранью... Минск, 1989, с. 92). А.М.Марченко заметила, что если «сходство в формулировках в словах Чекистова и Номаха можно объяснить тем, что он, как и Номах, болен одной и той же болезнью — национальным нигилизмом, то случай с Рассветовым сложнее» (Марченко А. Поэтический мир Есенина. М., 1989, с. 242).

Если верить авторской дате, проставленной под монологом Рассветова, он написан в Нью-Йорке. Возможно, там же Есенин кардинально изменил сюжет почти написанного произведения и заменил продовольственный поезд на экспресс, везущий золото (явные ассоциации с «золотым эшелоном» Колчака, который в начале 1920 г. передан представителям ВРК Иркутска, а 3 мая доставлен в Казань и помещен в кладовые банка (см. энциклопедию «Гражданская война и военная интервенция в СССР», М., 1983, с. 221). Информация о «золотом эшелоне» широко публиковалась в газетах тех лет.

Прототипом Рассветова, вероятно, явился видный советский деятель 20-х годов — Александр Михайлович Краснощеков (1880—1937) — Председатель Правительства и министр иностранных дел Дальневосточной республики — ДВР (1921), заместитель наркома финансов, член Президиума ВСНХ и Председатель правления Промбанка (1922—1923), с 1902 по 1917 годы жил в Америке (подробнее биографию А.М.Краснощекова см. в кн.: Янгфельд Б. Любовь — это сердце всего. В.В.Маяковский и Л.Ю.Брик. Переписка. 1915—1930. М., 1991, с. 218—219, 227, а также: Золотоносов М. Дело Краснощекова живет и побеждает. — Независимая газ., М., 1994, 2 июля, № 123). Свидетельством того, что фигура Краснощекова была в поле зрения Есенина при создании «Страны Негодяев», является связь основных реалий текста поэмы с действительными «американскими аналогиями»: золото и деньги, биржевые трюки, бизнесмены, маклера; дальневосточной тематикой: золотые прииски, экспресс с золотом, советский сыщик китаец Литза-Хун, а также определенное созвучие фамилий и имен героя и прототипа: Рассветов Никандр — Краснощеков Александр (подробнее см.: Шубникова-Гусева Н. Финансист Александр Краснощеков: О прототипе Никандра Рассветова из есенинской «Страны негодяев».— Независимая газ., М., 1997, 20 мая, № 90).

Есть косвенные факты, свидетельствующие о том, что Есенин не только был осведомлен о биографии и личности А.М.Краснощекова, но и встречал его в сопровождении В.В.Маяковского в 1921—1922 гг. на литературных вечерах; слышал о Краснощекове от близких ему в эти годы людей — З.В.Гейман, работавшей ответственным секретарем на конференциях правительства Дальнего Востока, и ее мужа, В.М.Левина, который в январе—феврале 1923 г. почти каждый день встречался с Есениным в Нью-Йорке, а в 1920 и 1921-х годах также жил в ДВР (РЗЕ, 1, 217). Поэт несомненно знал по публикациям в газетах тех лет о первом показательном процессе над крупным коммунистическим деятелем, сторонником частного рынка, который проиграл в борьбе со своими противниками (см. газ. «Правда» и «Известия ВЦИК», М., 1923, 3 окт.; К процессу Краснощекова. Беседа с секретарем президиума ЦК т. Е.Ярославским.— Газ. «Известия ВЦИК», М., 1924, 24 февр. № 46; <Б.п.> Развеселая жизнь братьев Краснощековых.— «Красная газ.» Л., Веч. вып., 1924, 4 марта; Дело Краснощекова. Приговор.— газ. «Известия ВЦИК», 1924, 11 марта № 59.

В поэме отразились поиски новой театральной формы русской драматургией тех лет. «Гражданская война в театре». отражала процессы становления нового «коммунистического театра», поиск нового героя, «эстетики коммунизма» и стремление приблизить классику к «текущему» моменту (см. «Гражданская война в театре» Передовая.— ВТ, 1921, № 80—81, с. 1; Луначарский А.В. Театр РСФСР.— ПиР, М., 1922, кн. 7, сент.-окт., с. 80, 87; а также ВТ, 1921, № 89—90, 1 мая, с. 18 и др. номера этого журн. за 1921—1922 гг.). Наиболее популярными авторами классического репертуара были Н.В.Гоголь, А.Н.Островский, а также Шекспир, особенно его трагедия «Гамлет». В брошюре «Амплуа актера» (1922), составленной В.Э.Мейерхольдом, В.М.Бебутовым и И.А.Аксеновым, действующие лица трагедий и комедий

Шекспира иллюстрировали почти все разделы «Таблицы амплуа».

Есенин относился с особым вниманием к творчеству Шекспира. В «Ключах Марии» он обращался к «нутру Гамлета» и «Макбету», излагая суть поэтических образов: заставочного, корабельного и ангелического, и перефразировал слова шекспировского «Гамлета» применительно к современной литературной ситуации: «Мы должны кричать, что все эти пролеткульты есть те же самые по старому образцу розги человеческого творчества.<...> Мы должны им сказать также, как сказал придворному лжецу Гильденштерну Гамлет: „Черт вас возьми! Вы думаете, что на нас легче играть, чем на флейте. Назовите нас каким угодно инструментом — вы можете нас *расстроить*, но не играть на нас“» (см. наст. изд., т. 5, с. 210—211). Судя по этой цитате, а также тексту «Страны Негодяев», Есенин был хорошо знаком по меньшей мере с двумя широко распространенными тогда переводами «Гамлета» — А.Кронеберга и П.Н.Полевого, скорее всего, с изданием П.Н.Полевого «Школьный Шекспир» (СПб., 1876) с переводом составителя, биографией Шекспира и критическими статьями Белинского и Тургенева о Гамлете (подробнее см.: Шубникова-Гусева Н.И. Открытие Страны негодяев.— Журн. «Лит. учеба», М., 1997, № 3, с. 91—130).

Есенин желал «походить» на Шекспира так же, как на Пушкина, не только в стихах, но и в жизни. Н.Г.Полетаев вспоминал один из разговоров с Есениным о Шекспире:

«— Ты знаешь, как Шекспир в молодости скандалил?

— А ты что же, непременно желаешь быть Шекспиром?

— Конечно.

Я не мог спорить, я сказал, что если Шекспир и стал великим поэтом, то не благодаря скандалам, а потому, что много работал.

— А я не работаю? <...> Если я за целый день не напишу четырех строк, я не могу спать» (Восп., 1, 298—299).

Не случайно летом 1922 Есенин в письме А.Б.Мариенгофу из Парижа вспомнил о Шекспире и Шершеневиче вместе и обыграл общность их инициалов. Процитировав строки из стихотворения В.Г.Шершеневича «Принцип романтизма», поэт иронично заметил: «Это сказал В.Ш., по-английски он зовется В.Шекспиром».

Во время написания «Страны Негодяев» Есенин был особенно тесно связан с Театром РСФСР Первым, которым руководил В.Э.Мейерхольд. Поэта и режиссера объединяли общие творческие интересы — замысел пьесы «Григорий и Димитрий» (см. преамбулу к наст. т., с. 457), а также постановка есенинского «Пугачева» одновременно с драмой А.Б.Мариенгофа «Заговор дураков» (см. коммент. к поэме «Пугачев» в наст. т., с. 471). Естественно, что поэт в эти годы часто общался с Мейерхольдом, был хорошо знаком с его творческими планами и был наслышан, а возможно и видел спектакль-митинг «Зори» Э.Верхарна (премьера состоялась 7 нояб. 1920 г.), максимально приближенный к ситуации гражданской войны, и спектакль-политобозрение «Мистерию-буфф» В.Маяковского, в котором показана «дорога революции». Во второй редакции В.Маяковский дополнил пьесу целым вновь написанным действием — «*Страна обломков*», где доминировала роль «Разрухи» (премьера состоялась 1 мая 1921 г.). Заглавия «Заговор дураков» (автор писал второе слово с заглавной буквы — «Заговор Дураков» — см. с. 495 наст. т.) и «Страна Негодяев» также явно соотносятся.

Одновременно с постановкой пьес «Григорий и Димитрий» и «Пугачев» Мейерхольд планировал постановку «Гамлета», где сцена могильщиков стала бы современным политическим обозрением (значилась в репертуарном плане театра в 1921 и в 1922 гг.). «Гамлет» Мейерхольда во многом противопоставлялся известной постановке Московского Художественного театра (1911), в которой активнейшее участие принимал Гордон Крэг, тогдашний

близкий друг Айседоры Дункан. В 1921 г. она приехала в Россию и вскоре стала женой Есенина. Создать декорации к спектаклю Мейерхольд поручил Г.Якулову, с которым Есенин в эти годы был также близок, а переписать сцену могильщиков — Маяковскому.

В начале 1921 г. в журнале ВТ (№ 78—79, 4 янв., с. 25) был объявлен «Гамлет» в переделке Вс. Мейерхольда, Вал. Бебутова и М.Цветаевой. Но М.Цветаева отказалась от «переделки» «Гамлета», как и от всяких других переделок: «Ни „Гамлета“, никакой другой пьесы я не переделываю и переделывать не буду» (Цветаева М. Письмо в редакцию.— ВТ, 1921, № 83—84, 22 февр., с. 15). По этой и по ряду других причин замысел не осуществился. Вокруг «Гамлета» и «около переделок» возникла дискуссия, в которой приняли участие А.В.Луначарский, М.И.Цветаева, В.Э.Мейерхольд, В.М.Бебутов и др. (см.: Бебутов В. „Переделки“ и „объективное искусство“ — ВТ, 1920, № 76—77, 14 дек.; Около переделок.— ВТ, 1921, № 83—84, 22 февр., с. 15 и др.) и которая получила отклик в драматической поэме «Страна Негодяев». Есенин, например, мог вспомнить сцену могильщиков из «Гамлета» в переводе П.Н.Полевого, где несколько раз упоминаются «негодяи»: «*Гамлет*. У этого черепа был язык, и он также певал! Как бросил его этот негодяй, будто это череп Каина, первого убийцы? А может быть, этот череп, который так легко швыряют теперь, — составлял голову великого политика или человека, который думал править целым миром — не правда ли? <...> *Гамлет*. Еще череп! <...> Как терпит он теперь обиду от этого негодяя и грубияна <могильщика>. <...> *Могильщик*. Черт его побери, негодяя! <...> Это череп Иорика, бывшего шута королевского» (Школьный Шекспир, с. 110—111, 114).

Не последнее значение имел и тот факт, что слова «негодный человек», «негодный плут», «негодяй» в значении, наиболее употребительном на родине Есенина, встречают-

ся в трагедии Шекспира «Гамлет» в переводе А.И.Кронеберга, перекличка с которым отмечается в поэме Есенина по всему тексту. В качестве семантического диалектизма это значение слова «негодяй» до сих пор бытует в Рязанской области (см. данные «Словаря современного русского народного говора (д. Деулино, Рязанского района Рязанской области)» М.,1969): «Негодяй... 2. Невзрачный, неказистый на вид... // Непригодный к военной службе (Да он *нигадяй*, у яво признали болезнь какую-та...)» (об этом см. в работе Е.А.Некрасовой — сб. «Очерки истории языка русской поэзии XX века», М., 1995, с. 402). Ср. слова главного героя трагедии Шекспира (Действие первое, сцена V): «Нет в Дании ни одного злодея, // Который не был бы негодным плутом», а также (Действие второе, сцена I): «Я трус? Кто назовет меня негодным?» (Шекспир 3, 201, 210).

Есенин создал оригинальное произведение, в котором развил традиции Пушкина и Шекспира и учел положения пушкинской статьи «О народной драме и драме „Марфа Посадница“» (1830): «занимательность действия», «истина страстей», «правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах», «вольность суждений площади» и «грубая откровенность народных страстей» (Пушкин, VII, 211—221, см. цитаты из этого «манифеста» о драме: Мейерхольд В., Бебутов В., Державин К. О драматургии и культуре театра.— ВТ, 1921, № 87—88, 5 апр., с. 3). У Шекспира Есенин ценил также то, что больше всего ценил у него Пушкин — «достоинства большой народности» (Пушкин А.С. О народности в литературе.— Пушкин, VII, 39).

Есенину были близки также слова А.Блока о Шекспире, сказанные летом 1920 г. актерам Петербургского Большого драматического театра. К словам Блока Есенин всегда особенно прислушивался: «Во имя чего все это создано? Во имя того, чтобы открыть наши глаза на пропасти, которые есть в жизни, обойти которые не всегда зави-

19—5762

сит от нашей воли. Но раз в этой жизни есть столь страшные провалы, раз возможны случаи, когда порок не побеждает, но и добродетель также не торжествует, ибо она пришла слишком поздно, значит, надо искать другой жизни, более совершенной» (опубл. в журн. «Дом искусств», Пг., 1921, № 1, см. цит. по журн., который читал Есенин.— ВТ, 1921, № 91—92, 15 июня, с. 9. Подробнее см.: Зиннер Э.Л. Между двумя революциями.— Шекспир и русская культура. М., 1965, с. 734—783).

Есенин как бы подходил к Шекспиру с разных сторон: по-своему используя афористичность русской речи, многозначность крылатых выражений и пословиц и игру слов или тонко обыгрывая многозначные реплики и целые сцены шекспировской трагедии и одновременно полемизируя с Маяковским и Мейерхольдом (см. реальный коммент.).

С.М.Городецкий вспоминал: «Есенин увлекался < „Страной негодяев“> так же, как и „Пугачевым“, и говорил мне о ней, как о решающей своей работе» (Восп., 1, 185). В.М.Левин также писал о том, как Есенин в январе 1923 г. делился с ним своими творческими успехами: «Он мне рассказал, что в Берлине Гржебин выпускает томик всех его произведений, как юношеских стихов и поэм, так и уже послеоктябрьских. Он написал пьесу о Пугачеве и теперь пишет „Страну негодяев“ — это о России наших дней. Страшное имя, хлещущее точно кнут по израненному телу» (РЗЕ, 1, 217).

Характер исполнения белового автографа «Страны Негодяев» (см. выше, с. 541—542) также показывает, как ценил сам автор эту поэму, какое придавал ей значение.

Есенин охотно выступал с чтением «Страны Негодяев» во время зарубежной поездки и по приезде в Россию. 1 июня 1922 г. в Берлине (Блютнерзал) состоялся нашумевший литературный вечер под названием «Нам хочется Вам нежно сказать» (название почти дословно повторяет строку из стихотворения Есенина «Исповедь хулигана» — но-

ябрь 1920), который называли также «Вечером четырех негодяев» («негодяи» — А.Н.Толстой, С.А.Есенин, А.Б.Кусиков и А.Ветлугин; см. воспоминания Г.Д.Гребенщикова 1926 г.— РЗЕ, 1, 99). «Оригинальная программа» этого вечера была опубликована в нескольких номерах Нак. (см. напр., 1922, 25 мая, № 49).

Отчеты об этом вечере, опубликованные во многих газетах русского зарубежья, позволяют предположить, что автором «сценария» и главным режиссером своеобразного театрализованного представления, на котором были «обыграны» идеи поэмы «Страна Негодяев», стал Есенин. Корреспондент Нак., например, писал: «Граф Толстой <...> остановил свое внимание на судьбах русских писателей, прокаленных в огне революции, на этих «отъявленных негодяях», отмеченных, к стыду своему, дарованием, которого „не заплюешь, как не заплюешь солнца“. <...>

Читались прекрасные вдохновенные стихи, которым только мелкий тупица не простит их бестрепетной смелости. И говорились прекрасные слова о примирении личности с левиафаном революционного коллектива, о неотразимом стремлении к братскому объятию людей, трагически разъединенных жестокой нелепостью гражданской войны» (Нак., 1922, 4 июня, № 57).

С едкой издевкой, сквозь которую все же «прочитывалась» серьезная нравственная проблематика вечера, описала выступление всех «негодяев», «представителей новой морали, трех отъявленных каторжников», и особенно Есенина, корреспондент рижской газеты «Сегодня» Татьяна Варшер в публикации под названием «Литературн<ая> кадриль накануневцев, или в гостях у „голых людей“». Поэт выступал в роли негодяя № 2 и, скорее всего, читал монолог Махно: «Говорил он <Есенин> о том, что приехал с пустыми руками, с полным сердцем и не с пустой головой,— и ему осталось лишь одно „озорничать и хулиганить“,— и что он теперь будет воспевать лишь преступников и бандитов. У самого у него лишь одно желание —

„стать таким же негодяем“». В отличие от корреспондента Нак., который отметил, что публика «восторженно приветствовала гениального крестьянина в дурно сшитом смокинге и огненного черкеса и едкого кандидата прав», Т.Варшер писала о «скучающей публике» и «усердно аплодирующей руками в белых перчатках» Айседоре Дункан (1922, 10 июня, № 127).

Воспоминания о чтении поэмы в ночь с 27 на 28 января 1923 г. в Нью-Йорке на вечеринке у еврейского поэта Мани-Лейба (М.Л.Брагинского) (речь идет о раннем варианте первой части «Страны Негодяев») оставили четыре мемуариста. Очерки А.Ярмолинского, Р.Б.Гуля и С.К.Маковского в этой части вторичны и написаны со слов очевидцев и по информации из газет того времени (РЗЕ, 1, 198—234, а также РГАЛИ, ф. С.К.Маковского). Наиболее достоверны воспоминания друга Есенина с 1917 г., левого эсера В.М.Левина, которого пригласил на вечеринку сам поэт. «Есенина снова просили что-нибудь прочесть из последнего, еще неизвестного,— писал В.М.Левин.— И он начал трагическую сцену из „Страны негодяев“ <речь идет о диалоге Чекистова и Замарашкина, сцена «На карауле»> <...> Вряд ли этот диалог был полностью понят всеми или даже меньшинством слушателей» (РЗЕ, 1, 223—224). Чтение поэмы стало причиной инцидента, в результате которого журналисты, присутствовавшие на вечеринке, наградили Есенина ярлыком «антисемита и большевика». Тенденциозно поданная информация была широко представлена на страницах зарубежной печати. По словам В.М.Левина, после этого инцидента Есенину «стало невозможно самое пребывание здесь». Поэт возвратился в Россию, «где хорошо знали его „как веруеши“, все его слабые человеческие места, и на них-то и построили „конец Есенина“» (РЗЕ, 1, 226—227).

Чтение «Страны Негодяев» на вечере в Klindworth—Scharwenka—Saal в Берлине 29 марта 1923 г. было объявлено в Нак. (1923, 25 марта, № 294). Поэт Н.А.Оцуп оставил воспоминания (1927 г.) о своем впечатлении от чтения Есениным «Страны Негодяев» летом 1923 г. в Берлине: «Я попросил прочесть еще что-нибудь. Есенин стал читать бесконечные отрывки из «Страны Негодяев».

Недавно мне случилось проверить мое тогдашнее впечатление: в третьем томе стихов Есенина, выпущенных „Госиздатом“, среди других непомерно больших и по большей части слабых вещей, напечатана и эта. Читая теперь то, что я слышал от автора у Ферстера <имеется в виду русский ресторан в Берлине>, я думаю, что не ошибся тогда: стихи вялы, невыразительны, прозаичны и не могут идти в сравнение с лирикой покойного поэта...

Зная самолюбие Есенина, я высказал ему свое мнение в форме достаточно осторожной. Но и это показалось ему оскорбительным. Он вскочил навстречу входившему К<усикову> и бросил ему:

— Пойдем, нам пора» (РЗЕ, 1, 164).

По приезде в Москву Есенин выступал с чтением «Страны Негодяев» 21 августа 1923 г. на вечере в Политехническом музее (см. объявление в газ. «Известия ВЦИК», М., 1923, 21 авг., № 186). В отчете о вечере С.Борисов писал : «...стихи „Страна негодяев“ относятся еще к *старым* работам и слабее первых...» (курсив сост. — газ. «Известия ВЦИК», М., 1923, 23 авг., № 188; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Д.К.Богомильский вспоминал еще об одном чтении поэмы в начале 1924 г., когда Есенин дорабатывал эту вещь и был занят хлопотами о ее публикации: «Намерение поэта прочитать поэму было встречено с восторгом, и в один из субботних вечеров собрались у меня на квартире слушать поэта Александр Константинович Воронский, Борис Андреевич Пильняк, украинский писатель Калистрат Анищенко, издательские работники Михаил Ильич

Кричевский, Сергей Павлович Цитович, Аксельрод, Сахаров, я и моя семья. <...>

И теперь, когда пишу эти строки, мне кажется, что вижу поэта за столом, улыбающегося, наклонившего голову к рукописи и читающего...» (Сб.«Воспоминания о Сергее Есенине», М., 1975, с. 337).

«Страна Негодяев» полностью была опубликована после смерти поэта. Тем не менее, благодаря выступлениям Есенина с чтением поэмы, она стала заметным фактом литературной жизни начала 20-х годов, причем не только в России, но и за рубежом. Наиболее ранняя оценка «Страны Негодяев» дана А.Ветлугиным вскоре после приезда Есенина в Берлин в июне 1922 г. в статье «Нежная болезнь». Определив сегодняшний путь Есенина как путь «к Большому Стилю», а нынешний задор как вторичный и плодовитый, носящий в себе «возможности гениальных завоеваний», критик заметил: «И кто знает <...>, не победит ли она <поэма „Страна Негодяев"> даже „Пугачева" чудовищной силой эмоции, библейской остротой образа, не родит ли она нового, третьего по счету Сергея Есенина. <...>

Но Есенин многое и многое написал после „Пугачева". Теперь он заканчивает „Страну Негодяев" — произведение огромное и подлинное. Он уже начинает изживать свою нежную болезнь, он растет вглубь и ввысь. В судорогах, в бореньях, в муках смертных, словно самое Россия». (Нак., 1922, 4 июня, № 57, Лит. прил. № 6; вырезка — Тетр. ГЛМ).

В 1922 г. бельгийский писатель Франц Элленс вместе со своей женой М.М.Милославской подготовил книгу переводов произведений Есенина на французский язык. Книга была издана в Париже в сентябре 1922 г. В предисловии к ней Ф.Элленс писал о «Стране Негодяев» как об известном ему произведении Есенина: «Два его произведения — „Страна негодяев" и особенно „Исповедь хулигана" — изображают поэта таким, каким он был, смело и без прикрас»

(цит. по публ. Н.Г.Юсова «Одна зарубежная книга Есенина», пер. Е.Н.Чистяковой — см. газ. «Русь святая», Липецк, 1994, 14—27 апр., № 13—14, с. 12).

А.К.Воронский дал оценку «Страны Негодяев» в статье «Сергей Есенин»: «Прославляя свою „Инонию“ и предавая поэтической анафеме железного гостя, Есенин сознает, что без этого гостя не обойдешься, а в любимом краю и в стозвонных зеленях — Азия, нищета, грязь, покой косности и что это... страна негодяев. Так им и названа одна из последних поэм. В ней Чекистов в диалоге со щуплым и мирным обывателем при явном авторском сочувствии говорил ему между прочим: „Я ругаюсь // И буду упорно...<далее цит. ст. 87—96>“.

Это „хулиганство“, но крепко сказано и целиком противоречит анафемствованиям по адресу каменных шоссе и железных дорог: в самом деле вместо уборных древний есенинский миф усиленно возводил храмы Божии...» (Кр. новь, 1924, № 1, янв.-февр., с. 170).

А.Лежнев в «Заметках о журналах и сборниках» (в том числе о Кр. нови, где были опубликованы есенинские поэмы) отметил, что «действительный интерес представляет только „Черный человек“ и отрывки из „Страны негодяев“ („Номах“). <...> Гораздо сильнее и значительнее „Номах“, вещь отнюдь не камерной звучности, с широким и вольным дыханием. Написан „Черный человек“ и „Номах“ во второй имажинистической манере Есенина. Ясно ощущается влияние Маяковского» (ПиР,1926, № 4, с. 96).

А.Коптелов в рецензии на Собр. ст. счел содержанием «Страны Негодяев» «российский бандитизм и борьбу с ним». Напомнив слова Рассветова об Америке — стране мировой биржи, о биржевых трюках, о «подлецах всех стран», о сети шоссе и дорог, критик заметил: «Странным кажется: поэт, прошедший мимо машины, не увлекавшийся ею, ушедший в лирику и родные поля, так говорит о Сибири, но противоречия у Есенина, человека заблудившего-

ся, не редкость, да, впрочем, слова эти вложены в уста комиссара приисков» (газ. «Звезда Алтая», Бийск, 1926, 13 июля, № 159, с. 6).

Д.Святополк-Мирский в рецензии на Собр. ст., охарактеризовав статью Воронского, открывающую 2-й том Собр. ст., «типичнейшим образцом чисто утилитарной (и до грусти „интеллигентской") современной критической педагогики», писал о поэме: «Невероятно слаба драматическая поэма „Страна Негодяев", в которой нет и следа лирической щедрости, спасающей „Пугачева"» (журн. «Версты», Париж, 1927, № 2, с. 256).

Высоко оценил поэму «Страна Негодяев» в воспоминаниях о поэте В.М.Левин: «Сказать о родной стране, что она „Страна негодяев" — только пророк смеет сказать такую жуткую правду о своем народе и своей родине. Недаром он осмелился еще раньше взять на себя именно эту ответственность и сказать в „Инонии":

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, —
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.<...>

В 1917 году, когда русские войска после трех лет войны терпели одно поражение за другим и среди всего народа катилась волна ненависти к начальникам, что не умеют организовать победу <...> Есенин ходит между ними <...> и слагает *мирные* песни. <...> Это все та же часть русской души, которая „ищет правды" и не может ее найти в войне, ни в какой войне, и даже в гражданской...» (РЗЕ, 1, 217–219).

С. 52. *Персонал* — обозначение действующих лиц поэмы восходит к языковой практике тех лет. Есенин, скорее всего, слышал это слово от В.Э.Мейерхольда, который употреблял его применительно к актерам своего театра. Режиссер, как правило, не различал обслуживающий и актерский персонал, тех и других в письмах, документах

и устных выступлениях называл одним словом «персонал», например: «Весь мужской персонал» занят в «Мистерии-буфф»» (ЦГАЛИ, ф. 963, цит. по: Аксенов И. Пять лет театра имени Вс. Мейерхольда: исторический очерк/ Коммент. Н.Панфиловой и О.Фельдмана — журн. «Театр», М., 1994, № 1, с. 155). Есенин, тяготеющий к органической образности, использует это обозначение действующих лиц полемически по отношению к В.Э.Мейерхольду и В.В.Маяковскому, которому были близки взгляды Мейерхольда как реформатора театра. Имеется свидетельство, что Маяковский однажды, увидев занятия биомеханикой, сказал Мейерхольду: «Хорошо, что ты привел игру актера к производственному процессу; я так же работаю над стихом» (сб. «Творческое наследие В.Э.Мейерхольда». М., 1978, с. 277).

Позднее определение «актерских кадров» как «персонала» или «состава» В.Маяковский обыграл в реплике режиссера — III действие пьесы «Баня» (1929—1930): «Свободный мужской персонал — на сцену! <...> Свободный женский состав — на сцену!» (Маяковский, 11, 312).

В противоположность идеям «производственного театра» Есенин утверждает свое понимание театрального искусства, созвучное известной шекспировской формуле (слова Гамлета): «Все, что изысканно, противоречит намерению театра, цель которого была, есть и будет — отражать в себе природу: добро, зло, время и люди должны видеть себя в нем, как в зеркале» (Действие третье, сцена II — Шекспир 3, 213). Ср. также слова Гамлета о представлении, разоблачающем преступление короля: «Злодею зеркалом пусть будет представленье — // И совесть скажется и выдаст преступленье» (Действие второе, сцена II — Шекспир 3, 210).

С. 53—54. *Чекистов. Ну и ночь! Что за ночь! // Черт бы взял эту ночь // С ... адским холодом* ∾ *Стой! // Кто идет? // Отвечай!..* ∾ *Замарашкин. ...Это*

ж... я... Замарашкин... // Иду на смену... — Ср. однотипный зачин трагедии Шекспира «Гамлет», которая начинается со смены караула (Действие первое, сцена I). «Франциско на часах. Входит Бернардо. *Бернардо.* Кто здесь? *Франциско.* Сам отвечай мне — кто идет? <...> Холод резкий.— // И мне неловко что-то на душе <...> Стой! Кто идет?» (Шекспир, 3, 190); (Действие первое, сцена IV). «*Гамлет.* Мороз ужасный,— ветер так и режет. *Горацио.* Да, холод пробирает до костей» (Шекспир 3, 198; перекличка слов о холоде в «Стране Негодяев» с «Гамлетом» отмечена в кн. Ст. и С. Куняевых «Сергей Есенин», с. 268). В «Гамлете» на смену караула идут «друзья Отечества», в «Стране Негодяев» — «защитник коммуны» Замарашкин.

С. 54. *Аж до печенок страшно...* — Ср. слова Замарашкина с репликами Номаха: «Насмешкой судьбы до печенок израненный» и «Мне до дьявола противны // И те и эти», а также Барсука: «Стало тошно до чертиков» и т. д.— о чем-либо выходящем за рамки обычного по силе своего проявления.

От этой проклятой селедки // Может вконец развалиться брюхо. — Ср. также слова Рассветова о бизнесменах Америки: «Эти люди — гнилая рыба». Селедка — наиболее яркая примета голодных лет в России, когда скудный продовольственный паек выдавали рыбой, преимущественно воблой или селедкой. Ср. в «Пугачеве»: «И по тюрьмам гноят как рыбу нас» (см. также с. 576).

«Рыбная тема» в 20-е гг. получила отражение в литературе и живописи. Ср. в стихотворении В.В.Маяковского «Два не совсем обычных случая» (1921), где речь идет о голоде в Поволжье:

Сидели
с селедкой во рту и в посуде,
в селедке рубахи,
и воздух в селедке. <...>
Полгода
звезды селедкою пахли,
лучи рассыпая гнилой чешуею.

(Маяковский, 2, 81—82, опубл. в однодневной газ. «На помощь!» изд. газ. «Известия ВЦИК» в пользу голодающим Поволжья, М., 1921, 29 авг. и в газ. «Дальневосточный телеграф», Чита, 1921, 16 окт.)

В поэме Есенина селедка, набитая червями, имеет также перекличку со строками из Гамлета о рыбе и «конгрессе политических червей» (Действие четвертое, сцена III), ср. также: «*Гамлет.* А что касается съестного, так этакой червячишка единственный монарх. Мы откармливаем животных, чтобы откормить себя, а себя — для червей. Жирный король и тощий бедняк — только различные кушанья, два блюда для одного стола. Этим все кончается. <...> Дело возможное удить червяком, который ел короля, и скушать потом рыбу, проглотившую червяка» (Шекспир 3, 223).

С. 55. *Там... за Самарой... Я слышал... // Люди едят друг друга...* — Ср. в стихотворении В.Маяковского «Два не совсем обычных случая» (1921):

Газетам писать не хватало духу —
но это ж передавалось изустно:
старик
удушил
жену-старуху
и ел частями.

(Маяковский, 2, 78—79)

С. 60. *Гамлет восстал против лжи, // В которой варился королевский двор.* — Разговоры персонажей

поэмы о Гамлете и короле восходят к трагедии Шекспира. В контексте шекспировского «Гамлета» могут быть истолкованы также слова Рассветова и Номаха, которых особенно волнует амплуа роли короля: «В этом мире немытом // Душу человеческую // Ухорашивают рублем, // И если преступно здесь быть бандитом, // То не более преступно, // Чем быть королем...» (Номах); «Сегодня он в оборванцах, // А завтра золотой король», «И мы будем королями мира...» (из монолога Рассветова); «Я не целюсь играть короля // И в правители тоже не лезу» (Номах).

С. 61. *...человеческая жизнь // Это тоже двор, // Если не королевский, то скотный.* — Ср. слова *Гамлета:* «Пусть скот будет царем скотов, и его ясли будут стоять наряду с царским столом. Это сорока, но, как я уже сказал, владыка огромного пространства грязи» (Действие пятое, сцена II — Шекспир 3, 235).

Применительно к «пришибеевским нравам» в литературе Есенин употребил метафору «скотный двор» в статье «Россияне» (1923): «Некоторые типы, находясь в такой блаженной одури и упоенные тем, что на скотном дворе и хавронья сходит за царицу, дошли до того, что и впрямь стали отстаивать точку зрения скотного двора» (т. 5, с. 240 наст. изд.).

«Слова, слова, слова...» — Реплика главного героя трагедии Шекспира «Гамлет» (Действие второе, сцена II — Шекспир 3, 206).

С. 62. *Гражданин вселенной <мира>* (у Есенина также *Король мира* —монолог Рассветова, наст. т., с. 70) — выражение традиционно употреблялось как синоним слова «космополит» — восходит к древнегреческим философским школам — киникам и стоикам. По свидетельству Эпиктета (50—140), Сократ был космополитом и автором выражения: «Если верно то, что утверждают философы о родстве между Богом и людьми, тогда на вопрос о родине человек должен отвечать словами Сократа: я не афинянин или коринфянин, а я космополит» («Беседы», 1, 9, 1). По другим источникам авторство приписывается Зе-

ному из Китиона (ок. 336—264 гг. до н. э.) и Диогену Синопскому (ок. 400—ок. 325 гг. до н.э.) см.: Ашукин Н.С. Ашукина М.Г. Крылатые слова. М., 1988, с. 424.

В «Стране Негодяев» связано с идеями анархизма и интернационализма и содержит полемику с собственными библейскими революционными поэмами 1918—1919 гг. «Инония», «Небесный барабанщик», «Пантократор» и др. Ср. слова Г.Ф.Устинова, который в 1919 г. повседневно общался с поэтом: «Человек — Гражданин мира — вот есенинский идеал, коллективное творческое всех во всем — вот идеал есенинского строительства мирового общежития. В «Пантократоре» <...> Есенин больше всего сказался как революционер-бунтарь, стремящийся покорить к подножию Человека-Гражданина мира не только Землю, но и весь мир, всю природу» (газ. «Сов. Сибирь», Омск, 1920, 1 февр., № 23 (94): Лит прил. № 2; см. также т. 2, с. 371 наст. изд.).

В письме к А.Б.Мариенгофу и Г.Р.Колобову (?) от 19 ноября 1921 г. Есенин употребил однотипное выражение «*Вагоновожатые Мира*». Близкое по смыслу словосочетание обыграно во время пребывания Есенина в Харькове в июне 1920 г., когда поэта В.Хлебникова объявили «Председателем Земного шара» (Восп. 2, 241).

Не завтра, так после... // Не после... Так после опять... — Ср. слова Гамлета (Действие пятое, сцена II): «Не после, так теперь; теперь, так не после; а не теперь, так когда-нибудь да придется же. Никто не знает, что теряет он; так что за важность потерять рано? Будь что будет!» (Шекспир 3, 236).

Люди обычаи чтут как науку... — Смысловые переклички со словами Гамлета (ср., напр., в ответ на вопрос *Горацио:*«Обычай что? <о пирушках> — Да, конечно, так — // И я к нему как здешний уроженец, // Хоть и привык, однако же по мне // Забыть его гораздо благородней, // Чем сохранять»; а также: «...привычкою, которая, как ржа, // Съедает блеск поступков благород-

ных...» — Действие первое, сцена IV — Шекспир 3, 198; «Привычка — // Чудовище: она, как черный дьявол, // Познанье зла в душе уничтожает» — Действие третье, сцена IV — Шекспир 3, 221. Смысл монологов Гамлета обычно комментируется, как протест против «чрезмерного подчинения какому-либо обычаю или привычке», которое «может быть истолковано как покорность общепринятому, хотя бы это последнее и расходилось с требованиями чести».— Аникст А. Трагедия Шекспира «Гамлет». Лит. комментарий. М., 1986, с. 201).

С. 63. *Конечно, меня подвесят // Когда-нибудь к небесам.* — Иронически, в противоположном смысле обыгран фразеологизм «Восхвалять до небес» — непомерно расхваливать, восхвалять. Ср. также игру словами и афористичность речи, типичную для драматической поэмы Есенина: «Я ведь не собака, // Чтоб слышать носом»; «У меня в животе лягушки // Завелись от голодных дум!»; «На птичьем дворе гусей щиплют»; «О всех веревка плачет»; «Считала лисица // Ворон на дереве»; «Мы мозгами немного побольше» и т. д. Эти строки включены в подготовленную поэтессой и художницей Н.В.Хлебниковой работу «125 мыслей Сергея Есенина: Афоризмы из произведений Есенина». М., 1928 (машинопись ГЛМ).

С. 65. *...лакей // Узаконенных держиморд.* — Номах называет Замарашкина, используя нарицательный смысл, который получила фамилия Держиморды — персонажа комедии Н.В.Гоголя «Ревизор» (1836), грубого полицейского служащего. Здесь — в значении своевольного и грубого администрирования.

А не то вот на этой гитаре // Я сыграю тебе разлуку. — Игра словами, в буквальном смысле означает — «убью тебя», так как гитарой Номах иронично называет кольт — наган; в то же время явно соотносится с наиболее популярной песенкой цыган и шарманщиков 20-х годов:

Разлука, ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто нас не разлучит,
Как мать—сыра земля.

(Разлука, ты разлука. Русская народная песня. Для голоса с ф.-п. Перел. Я.Ф.Пригожаго. М., Гутхейль, 1906. 3 с. Любимые песни московских цыган № 475).

См. тот же текст в исполнении старожилов села Константиново — Панфилов, 1, 194.

С. 66. *Я и сам ведь сонату лунную // Умею играть на кольте.* — Полемика со словами из «Гамлета» о флейте, где имеется в виду игра с судьбой человека, которая противопоставляется свободе его собственного выбора (Действие третье, сцена II — Шекспир 3, 217; см. также с. 554—555 наст. т.; ср. название — «Лунная» соната Людвига ван Бетховена). У Есенина это игра с человеческой жизнью.

Все вы носите овечьи шкуры, // И мясник пасет на вас ножи. — Восходит к тексту Евангелия: «Берегись лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Матф. 7, 15). Обычно употребляется для характеристики лицемеров, которые скрывают свои дурные намерения под прикрытием добродетели и кротости. Ассоциации с библейскими текстами вызывают также слова Замарашкина из первой части: «Был бедней церковного мыша // И глодал вместо хлеба камни».

С. 70. *...Ведь это не написано в брамах...* — В собирательном значении. Вероятно, образовано от названия индийского религиозно-философского трактата «Брахмасутра», ср. «браманизм» и «брахманизм».

С. 72. *С паршивой овцы хоть шерсти // Человеку рабочему клок.* — Ср. пословицу «С паршивой овцы хоть шерсти клок» («С лихой собаки, хоть шерсти клок» — Даль 4, 251).

Значит, по этой версии // Подлость подчас не порок? — Ср. название пьесы Н.А.Островского «Бедность не порок» (1854).

С. 74. *Все курьеры, курьеры, курьеры...* — Ср. строки из комедии Н.В.Гоголя «Ревизор» (слова Хлестакова. Действие третье, явление VI): «И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! каково положение, я спрашиваю?» (Гоголь Н.В. Собр. художественных произведений в 5 т., М., 1960, Т. 4, с. 61.)

В письме к А.Б.Мариенгофу (нач. мая 1921 г. — написано в салон-вагоне Г.Р.Колобова (см. о нем на с. 465) в Самаре Есенин сравнивал «проклятую Самару» с «Мертвыми душами» и «Ревизором» Н.В.Гоголя и цитировал слова Г.Р.Колобова, «что все политические тузы — его приятели, что у него все курьеры, курьеры, курьеры». Здесь же Есенин писал своему другу о селедке (ср. с. 570—571 наст. т.): «Мне вспоминается сейчас твоя кислая морда, когда ты говорил о селедках. если хочешь представить меня, то съешь кусочек и посмотри на себя в зеркало».

В.В.Маяковский также перефразировал слова Хлестакова в поэме «150 000 000», которую Есенин иронически называл «сто пятьдесят лимонов» (см. очерк «Железный Миргород», т. 5, с. 273 наст. изд.; см. также Маяковский, 2, 133).

С. 75. *...в кремлевские буфера...*— Намек на «буферную» платформу, с которой выступил в дискуссии о профсоюзах конца 1920 — начала 1921 г. Бухарин, стремясь примирить троцкизм с ленинизмом и сыграть роль буфера при столкновении двух платформ. Кроме того, Дальневосточная республика называлась буферной.

...Уцепились когтями с Ильинки // Маклера, маклера, маклера... — Улица Ильинка с XVI в. была торговым центром Москвы. В конце XIX-начале XX в. превратилась в финансовый центр города, где были расположены биржа и банки.

Бедлам — Англ. bedlam, от Bethlehem — названия психиатрической больницы в Лондоне (первонач, больница Марии Вифлеемской) — см.: Словарь совр. рус. лит. языка в 20 т. Изд. 2-е, М., т. 1, 1991, с. 388.

С. 88. *У них // Язык на полке.* — То есть — «Они умеют молчать». Перефразирована поговорка «Положи зубы на полку», то есть голодай (Даль, 1, 695).

С. 89. *Красные волки.* — Метафора содержит реальную «американскую» аналогию. «Красный, или гривастый волк (Canis jubatus), также гуар» относится к «американским видам собак» (Брэм А.Э. Жизнь животных. В 3-х т. М., 1992, т. 1. Млекопитающие, с. 278).

...Вальс // «Невозвратное время» — Вальс, который трижды просит сыграть Авдотью Петровну Щербатов, был популярен в послереволюционные годы, исполнялся как инструментальное произведение (см. Пирингер А.А. Невозвратное время. Вальс. Для фп.: Ор. 7, <Воронеж>. Б.г.).

«Все, что было, // Все, что мило, // Все давным-давно // Уплы-ло...» — Перефразирован припев популярной в 20-е годы песни «Все, что было», входившей в репертуар Ю.С.Морфесси, А.Н.Вертинского, И.Д.Юрьевой, Н.В.Плевицкой, И.Я.Кремер и др.:

Все, что было, все, что ныло,
Все давным-давно уплыло.
Утомились лаской губы
И натешилась душа!

Все, что пело, все, что млело,
Все давным-давно истлело.
Только ты, моя гитара,
Прежним звоном хороша.

(См. Все, что было (Из песен настроения) [Все равно года проходят чередою ...]. Для голоса с сопровождением ф.-п. Муз. ар. Ю.М.Давыдов. Слова Павла Германа. М., Собст. авт. [Б.Г.])

А.Б.Мариенгоф вспоминал, что Есенин напевал эту песню иначе:

Всё, что было,
Чем сердце ныло...

(см. Мой век, мои друзья, и подруги, с. 374)

С. 99. *Цугундер* — просторечное: на расправу — от нем. zu hundert, к сотне ударов; др. просторечия, употребляемые в современном русском разговорном языке и в наши дни, не комментируются.

С. 101. *Здесь каждый Аким и Фанас...*— Полемически восходит к сатирическим строкам В.Маяковского из «Окон РОСТа» о Тите и Власе. «Всем Титам и Власам РСФСР» (опубл: ВТ, № 71, 22 окт. — под заглавием «Всем Титам и Власам»; сб. «Театральная продагитация», вып. 1, М., 1920 — под заглавием «Всем Титам и Власам РСФСР»). Ср., например:

Был младший, Влас, умен и тих.
А Тит был глуп, как камень.
Изба раз расползлась у них,
пол гнется под ногами.

(Маяковский, 2, 46)

В противоположность именам Тит и Влас, широко распространенным среди крестьян, Есенин иронически наряду с встречающимся у Маяковского именем «Аким» называет имя «Фанас», объединяя их словом «каждый» и созвучием: «Тит и Влас» — «Аким и Фанас».

И.Г.Эренбург вспоминал разговор с Есениным в 1921 г. в «„подпольной“ столовой для актеров, писателей и спекулянтов»: «Вдруг обрушился на Маяковского: „Тит да Влас...“ А что он в этом понимает? Да если бы и понимал, какая это поэзия?.. <...>Он <Маяковский> поэт для чего-то, а я поэт от чего-то. Не знаю сам, от чего... <...> Уж на что был народен Шекспир, не брезгал балаганом, а

создал Гамлета. Это не Тит и не Влас (он цитировал агитку Маяковского, где упоминались Тит и Влас)» (Воспоминания-95, 207–208).

Агитка Маяковского вызвала раздражение Есенина, скорее всего, потому, что она была намечена к постановке в народном духе. См. примечание от редакции, которое сопровождало публикацию «пьесы» Маяковского в журнале ВТ (1920, № 71, 22 окт., с. 11): «Для продагиткомпании заготовлено много коротеньких пьесок-зрелищ. Одни будут даваться на манер представлений театра марионеток („Петрушка“), другие в виде инсценировок. Выше приведенная пьеса подходит к типу инсценировок и должна быть передана пением и декламацией. Для пения нужно подобрать соответствующий по размеру и настроению мотив из народных песен и петь четырем лицам в обычных костюмах. Артисты садятся в избе, на эстраде или, наконец, в амбаре, все в ряд. Пятый участник спектаклей ставит на возвышение (стул, табуретка) особый альбом плакатов (подобными альбомами будут снабжены все продагитгруппы) и, как начнется исполнение инсценировки, показывает один за другим плакаты, иллюстрируя содержание пьесы соответственно слогом исполнителей». Стихотворение напечатано в ВТ вместе с инструктивными материалами к проведению продовольственной агиткомпании, под общей шапкой-заголовком: „Без пилы, топора и гвоздей избы не построишь, а рабочий без хлеба их на сделает“» (подробнее см.: Маяковский, 2, 496).

С. 102. *Тот, кто крыло поймал, // Должен всю птицу съесть.* — Ср. пословицу «Коготок увяз — всей птичке пропасть» («Ноготь увяз — всей птичке пропасть»— Даль, 2, 552).

Мы усилим надзор // И возьмем его, // Как мышь в мышеловку. — В «Гамлете» — игра с целью разоблачения. Ср. сцену «Комната королевы» — Полоний за ковром. (Действие третье, сцена IV) и представление бродячих актеров с целью разоблачения короля (Действие

третье, сцена II): «*Король.* А как называется пьеса? *Гамлет.* Мышеловка. Как это? Метафорически. Это представление убийства...<...> Вы сейчас увидите: это злодейское дело. <...> Совесть у нас чиста, а шапка горит только на воре» (Шекспир 3, 215—216).

У Есенина представлена своего рода «мышеловка» наизнанку: театрализованное представление с переодеванием устраивает тот, кого хотят поймать в мышеловку — Номах переодевается китайцем и уходит от преследователей, а золото, за которым охотится агент ЧК, уносит повстанец Барсук, переодевшийся в костюм стекольщика.

Песнь о великом походе (с. 116) — З. Вост., 1924, 14 сент., № 677; журн. «Октябрь», М., 1924, № 3 <сент.-окт.>, с. 149—155; журн. «Звезда», Л., 1924, № 5 <нояб р.>, с. 5—18; Р. сов. <дек. 1924>; Есенин Сергей. Песнь о великом походе, М.—Л., 1925.

Печатается по наб. экз. (вырезка кн. «Песнь о великом походе») с исправлениями по всем другим источникам ст. 183 «Человечий язык» вместо «Человеческий язык»; ст. 268—269 «Ни ногатой вас не взять, / Ни рязанами» вместо «Ни ноготой вас не взять, / Ни рязанами»; ст. 284 «Ну и как же тут злобу» вместо «Ну и как же ту злобу»; ст. 345 «Не вожак, а соцкий» вместо «Не вожак, а сотский», ст. 403 «Без огней не спит» вместо «Без огня не спит» и ст. 525 «На заре, заре» вместо «На заре, на заре». Пунктуация и графическое деление текста уточнено по авторским пометам в списке В.И.Эрлиха. В наб. экз., корректуре и Собр. ст. поэма не датирована. Датируется по черновому автографу, списку, выполненному В.И.Эрлихом, и авторизованным публикациям: «Июль, 1924 г. Ленинград».

Известно два рукописных источника.

Черновой автограф с приложением фотокопии оборота 12-го листа, без заглавия, дата — «Июль 924» (ИМЛИ). Композиционно при помощи отбивки звездоч-

ками текст поэмы разделен на две части (два сказа), выполненные разновременно. Концовка каждого сказа (10 ст.) также выделена звездочками. Первая часть, повествующая о Петре (ст. 1—211 и 212—231), выполнена простым карандашом. Вторая, о современности, начата с новой страницы — ст. 232—544 — чернилами и ст. 545—572 — заключение — химическим карандашом.

Автограф написан на квартире В.И.Эрлиха в Ленинграде в июле 1924 г. (Восп., 2, 324).

Вольф Иосифович Эрлих (1902—1937) — поэт, участник литературной группы ленинградских поэтов «Воинствующий орден имажинистов» (см. т. 7, кн. 1 наст. изд.). Есенин часто встречался с ним во время последних приездов в Ленинград. Эрлих также бывал у поэта в Москве и не раз выполнял его издательские поручения. Именно к Эрлиху обратился Есенин с просьбой подыскать квартиру в Ленинграде в декабре 1925 г. и ему же, судя по воспоминаниям современников, передал свое последнее из записанных стихотворений «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (см. т. 4, с. 244 наст. изд.).

Уезжая на Кавказ 3 сентября 1924 г., Есенин поручил В.И.Эрлиху хлопоты по изданию «Песни о великом походе» в ленинградском отделении Госиздата и оставил у него черновой автограф. Об этом имеются свидетельство В.И.Эрлиха и пометы М.М.Шкапской в ее альбоме (РГАЛИ, ф. М.М.Шкапской). В.И.Эрлих писал в книге «Право на песнь» (1930), вспоминая дни, проведенные с Есениным летом 1924 г.: «С 4 сентября я в Ленинграде. Один. Что у меня осталось от Есенина? — Красный шелковый бант, которым он перевязывал кисть левой руки да черновик „Песни о великом походе“» (Восп., 2, 338). Дальнейшую судьбу автографа поясняют две записи М.М.Шкапской в ее альбоме, сделанные рядом с местом, где был вклеен автограф Есенина, а затем вырезка из газеты «Правда» с текстом письма Л.Д.Троцкого, оглашенного на вечере памяти Есенина 25/V 25: «Рукопись

„Песни о великом походе“ Есенина — подарил Эрлих в хороший зимний дружеский вечер; 9/X 26 г.: Рукопись отдана Соне Толстой для музея. Теперь ее заменит письмо Троцкого».

Сравнение текста чернового автографа «Песни о великом походе» с текстом, опубликованным в «Звезде», говорит о том, что до конца июля Есенин существенно переработал текст. Кроме изменений, зафиксированных в разделе «Варианты», появилось также композиционное членение текста отбивкой «звездочками» на 16 частей-главок, которыми отмечалась смена тем, эпизодов, персонажей, их диалога или обращения рассказчика к слушателям. В публикации было допущено (скорее всего, по вине корректора) явное нарушение авторской графики после строк 297, 337, 485 (см. журн. «Звезда», Л., 1924, № 5 <нояб.>, с. 11, 12, 16, а также опечатки в ст. 67, 203, 211, 234, 260 и др.).

Вторым рукописным источником текста является список, выполненный В.И.Эрлихом, карандашом, 21 л. Дата «Июль 1924 г. Ленинград» — рукой В.И.Эрлиха. Авторская правка — карандашом и красными чернилами, подпись — карандашом (ГЛМ). Судя по воспоминаниям А.А.Берзинь в записи В.Г.Белоусова, этот список выполнен в первой половине августа 1924 г. (1 августа Есенин с Эрлихом вернулись из Ленинграда в Москву): «Ко мне приехали Есенин и Эрлих. Есенин читал только что написанную им „Песнь о великом походе“. Когда поэт окончил чтение, я сделала ему предложение — опубликовать „Песнь“ в журнале „Октябрь“. Против ожидания, он тут же согласился. Тогда, по моей просьбе, Эрлих сел к столу, чтобы написать поэму для журнала. У него была хорошая память. Не вставая с места, он всю поэму без единой, кажется, помарки тут же и записал. Есенин проверил, внес несколько поправок и подписал.

После их ухода я велела перепечатать рукопись на машинке, а затем передала ее в редакцию „Октября“» (Хроника, 2, 136).

Обстоятельства исполнения списка, изложенные А.А.Берзинь, подтверждаются следующим:

— временем пребывания В.И.Эрлиха с Есениным в Москве в первой половине августа (в середине августа Эрлих сопровождал Есенина, ехавшего в Константиново, до станции Дивово, а сам поехал дальше до Симбирска (Восп., 2, 338);

— содержанием и временем написания писем издательского работника В.И.Вольпина, а также И.Вардина и А.А.Берзинь Есенину;

— характером правки В.И.Эрлихом собственного списка;

— авторской правкой ошибок и неточностей текста.

18 августа Есенину было отправлено в Константиново с его сестрой Е.А.Есениной три письма. В каждом речь шла о поэме «Песнь о великом походе». Все авторы писем держали перед собой текст есенинской поэмы. В.И.Вольпин писал: «Случайно встретил Вашу милую „есенинскую" сестру в Госиздате и, пользуясь ее любезностью, посылаю Вам несколько строк... <...>. Случайно прочитал Вашу „Песнь о великом походе"» (Письма, 245). Будучи в Госиздате, В.И.Вольпин мог ознакомиться с поэмой Есенина там или в редакции журнала «Октябрь». Письмо И.Вардина, в котором он сообщает: «Третий раз прочитал Вашу последнюю вещь», — и подробно анализирует ее текст, а также записка А.А.Берзинь с просьбой исправить поэму (Письма, 243—244) свидетельствуют о том, что поэма (скорее всего, в машинописных копиях, сделанных со списка В.И.Эрлиха) находилась в журнале «Октябрь» и Госиздате.

Характер исполнения списка В.И.Эрлиха, ошибки, допущенные и исправленные им самим, соответствуют свидетельству А.А.Берзинь о том, что список делался по памяти. Например, ст. 69 Эрлих начал писать: «Повстречал их», не дописал, зачеркнул и записал верно: «Выходил тут царь». После ст. 299 были пропущены две строки, но

затем вставлены: «Не поймет никто // Отколь гуд идет». Скорее всего, подобная ошибка памяти имела место также при записи текста на страницах 15—16. В результате появилась дополнительная страница 15а, а страница 16 оказалась неполной. На странице 18 слева на полях после ст. 524 написано четверостишие и знак вноски:

На заре заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.

Все остальные ошибки и неточности текста исправил сам Есенин. Он проверил и поправил текст дважды, чему соответствуют два слоя правки. Правка, выполненная карандашом (а также подпись под списком), была сделана, вероятнее всего, сразу после записи текста В.И.Эрлихом. Было внесено пять поправок. На странице 1 (ст. 15): «А второй о том» — «о том» зачеркнуто, написано «про то». На странице 5 (ст. 132—133): «Кто ж блюсти теперь // Станет Питер град?» — «блюсти теперь» зачеркнуто, написано «теперь блюсти» и вместо «Станет» — «Будет». После ст. 165 (страница 6) справа на полях написано четверостишие и знак вноски:

Мы сгребем дворян
Да по плеши им
На фонарных столбах
Перевешаем.

Затем эти же строки зачеркнуты. На 8 странице в ст. 232 «Ой гуляй душа» — «Ой гуляй» зачеркнуто и написано «Веселись».

В тексте присутствует единственная поправка синим карандашом в ст. 202, вероятно, сделанная третьим лицом. Исправлена описка Эрлиха — зачеркнуто слово «царям», написанное дважды.

Остальная правка проведена Есениным красными чернилами при вторичной очень внимательной проверке рукописи Эрлиха. Есенин вписывает еще два пропущенных четверостишия:

ст. 142—145

Оттого подчас
Обступая град
Мертвецы встают
В строевой парад.

ст. 240—243

Ни за Троцкого
Ни за Ленина
За донского казака
За Каледина.

Кроме того, Есенин зачеркнул неверно записанные Эрлихом слова и вписал свой текст — ст. 17: «Вы послушайте» вместо «Ты послушай Русь»; ст. 31 «Уж и как у нас ребята» вместо «Как у нас ребята» и т.д., исправлена 21 строка.

Красными чернилами поэт тщательно отметил дополнительные отбивки частей «звездочками» (всего 27 частей) и смысловые знаки препинания, обвел слова и буквы, нечетко написанные Эрлихом, исправил грамматическую ошибку: слово «чесной» исправил на «честной». На неполной странице 16 сделал помету: «См. стр. 17». Эту правку Есенина можно расценивать как подготовку текста для публикации.

Значительное отличие списка «Песни о великом походе», выполненного Эрлихом, от текста, опубликованного в «Звезде», говорит о том, что Есенин еще раз переработал текст поэмы до поездки в Константиново, т. е. до 14 августа 1924 г.

Перед отъездом на Кавказ Есенин внес в текст поэмы, публикуемый в журнале «Октябрь», новые изменения: ст. 336 «Говорит Каледин» исправил на «Говорит Краснов»; ст. 566 «Да любуется» исправил на «И дивуется»; заключительную часть поэмы после ст. 568 дополнил четырьмя строками, которых не было ни в журнале «Звезда», ни в черновом автографе:

На кумачный цвет
Нами вспененный
Супротив всех бар
Знаком Ленина.

(См. варианты, с. 391)

В публикации журнала «Октябрь» было принято двоякое композиционное деление текста — «звездочками» и цифрами: цифровое обозначение двенадцати глав, каждая из которых, кроме второй, четвертой и двенадцатой, имела внутреннюю разбивку «звездочками». В более поздних авторских публикациях такое обозначение не воспроизводилось. Утверждать, является ли оно авторским, мы не можем, тем более, что в тексте «Октября» имеются опечатки и искажения (в ст. 133, 260, 268, 363, 471). Тщательно проставленные Есениным красными чернилами в списке В.И.Эрлиха знаки препинания при публикации в «Октябре» учтены не были. Наиболее полно, но не вполне идентично со списком В.И.Эрлиха авторские знаки препинания и графика воспроизведены в отдельном издании поэмы (М., Госиздат, 1925, вышла в свет марте) с обложкой и иллюстрациями художника Исидора Ароновича Француза (1896—1991). Это объясняется тем, что Есенин оставил рукопись поэмы, выполненную В.И.Эрлихом, А.А.Берзинь, которая работала редактором отдела массовой литературы Госиздата, для того, чтобы сделанные им исправления учли при издании. Об этом А.А.Берзинь писала в воспоминаниях: «У меня хранились его <Есенина> две рукописи: „Песнь о великом походе“ и „Двадцать

шесть“. Я сдала их Софье Андреевне Толстой в Музей, боясь потерять то, что принадлежало ему, Сергею» (Берзинь А.А. Воспоминания о Есенине. Машинопись — ГЛМ. Машинопись и рукопись — РГАЛИ, ф. Б.Ясенского).

Публикуя поэму в З. Вост., Есенин вновь отредактировал текст: третий раз исправил ст. 336 и 566. Имена Каледина и Краснова заменил Корниловым; «Грозно хмурится» вместо «И дивуется» (в черновом автографе и «Звезде» было «И любуется»); соответственно исключил четверостишие, добавленное в текст публикации поэмы в «Октябре» (см. выше, с. 586), а также изменил ст. 353 «Ветер синь-студеный» вместо «Ветер полуденный». Значение автографического источника окончательной редакции текста имеют поправки к поэме в письме Г.А.Бениславской В.И.Эрлиху от 13 ноября 1924 г., где по З. Вост. они зафиксированы по просьбе Есенина (Письма, 342).

Интерес Есенина к времени петровских реформ и фигуре Петра Первого, популярной в литературе 20-х гг., проявился еще в работе над «Инонией» (1918; см. т. 2 наст. изд., с.223, раздел «Варианты») и в „Стране Негодяев“ (сцена «Глаза Петра Великого» в наст. т.). Замысел «Песни о великом походе» возник весной 1924 г. в Ленинграде (см. воспоминания И.М.Майского, бывшего в ту пору редактором «Звезды», в его кн. «Б.Шоу и другие: Воспоминания». М., 1967, с. 192).

В конце мая — начале июня 1924 г. Есенин ездил в Константиново и, как вспоминал Ю.Н.Либединский, беседовал с отцом о советской власти: «Вот раньше, когда, бывало, я приезжал в деревню, то орал отцу, что я большевик, случалось, обзывал его кулаком,— так, больше из задора... А теперь приехал, что-то ворчу насчет политики: то неладно, это не так... А отец мне вдруг отвечает: „Нет, сынок, эта власть нам очень подходящая, вполне даже подходящая...“ Ты знаешь, чтобы из него такие слова вывернуть, большое дело надо было сделать. А все Ленин!

Знал, какое слово надо было сказать деревне, чтобы она сдвинулась. Что за сила в нем, а?» (Восп., 2, 151).

Приехав в июне 1924 г. в Ленинград, Есенин делился с поэтом В.Эрлихом своими творческими планами:

«Вот я поэму буду писать. Замеча-а-тельную поэму! Лучше „Пугачева"!

— Ого! А о чем?

— Как тебе сказать? „Песнь о великом походе" будет называться. Немного былины, немного песни, но главное не то! Гвоздь в том, что я из Петра большевика сделаю! Не веришь? Ей-богу, сделаю!» (Восп., 2, 323–324). О напряженной работе над поэмой в июле 1924 г. в Ленинграде В.И.Эрлих вспоминал: «До двенадцати — работает, не вылезая из кабинета („Песнь о великом походе")» (Восп., 2, 324). Г.А.Бениславской из Ленинграда 15 июля 1924 г. Есенин писал: «Я очень сейчас занят. Работаю вовсю, как будто тороплюсь, чтоб поспеть».

Первая редакция поэмы была закончена Есениным в июле в Ленинграде. И.М.Майский вспоминал: «...Есенин, <...> появился в редакции и несколько торжественно протянул довольно толстую рукопись. Я развернул и прочитал в заголовке „Песнь о великом походе". Есенин начинал свой сказ с Петра Великого, эпоха которого, видимо, представлялась ему созвучной событиям гражданской войны и интервенции. <...> Поэма Есенина мне очень понравилась, и я сразу же сказал:

— Пойдет в ближайшем номере» (в его кн. «Б.Шоу и другие», с. 193).

Публикация в «Звезде», «Октябре» и З. Вост. имеет сложную историю. В статье «Письма к Сергею Есенину» В.А.Вдовин установил, что «первая публикация поэмы в „Заре Востока" оказалась ее последней авторской редакцией, а последняя по времени выхода в свет публикация „Песни о великом походе" в журнале „Звезда" — ее первой редакцией» (ВЛ., 1977, № 6, июнь, с. 236–246).

Изучение автографических, мемуарных и эпистолярных источников позволяет уточнить обстоятельства ее публикации.

Первая редакция поэмы была сдана в журнал «Звезда» в июле 1924 г. Тогда же Есенин условился с ленинградским отделением Госиздата об ее издании отдельной книгой. В связи с доработкой произведения Есенин написал 14 августа 1924 г. Е.Я. Белицкому, сотруднику Ленинградского отделения Госиздата: «Я помню, Вы в Ленинграде благосклонно обещали мне: распорядиться выслать причитающийся гонорар или аванс за мою поэму.

Час моего финансового падения настал, и я обращаюсь к Вам с велией <так!> просьбой выслать мне из тех 184 рублей <так!>, что найдете возможным.

При сем я попросил бы Вас передать Майскому, чтоб он обождал печатать поэму до моего приезда, так как я ее еще значительно переделал». На письме Есенина имеется помета Е.Я. Белицкого: «Тов. Пресман. Сообщите мне по тел., сколько следует Есенину <далее зачеркнуто: „Поговорите с Майским“>. *Е.Б. 18 VIII*». По-видимому, Е.Я.Белицкий является автором письма, отправленного Есенину 18 сентября 1924 г.: «Дорогой Есенин! В чем дело с твоей поэмой? Почему ты не хочешь печатать ее в „Звезде“? Если дело в измененной редакции — так не будешь ли добр прислать ее? „Звезда“ намеревается пустить ее в октябрьской книге. Если в течение ближайших дней я не получу от тебя никаких новых известий, я сдам поэму в набор. Майский настаивает на этом» (цит. по письму Г.А.Бениславской к В.И.Эрлиху от 13 ноября 1924 г.— Письма, 341).

Письмо из журнала «Звезда» Есенин своевременно не получил, так как был в это время на Кавказе. В письме, отправленном поэту в декабре (датируется по содержанию между 10 и 12 дек.), Г.А.Бениславская сообщала: «Майский, несмотря на переданное Эрлихом запрещение печатать „Песнь“, все же напечатал отрывок. <Бениславская

ошибается. В „Звезде" поэма опубликована полностью> <...> Я, видите ли, получила в октябре письмо на Ваше имя из „Красной звезды" — спрашивают, почему Вы не хотите печатать „поэмы" (не указывая, какой). Я об этом написала Вам (не знаю, получили ли Вы это?), а сама решила, что речь идет о „36", вернее, не догадалась, что это о „Песни".

А „Красная звезда", не получив ответа, взяла и напечатала. Теперь это все выяснено. Письмо „Красной звезды", как доказательство, у меня есть» (Письма, 257). 13 ноября 1924 г. эту ситуацию Бениславская несколько иначе разъяснила Эрлиху:

«С „Песнью" вышло недоразумение, и не из приятных: С. А. дал ее в журнал „Октябрь", они поместили в № 3, а потом выяснилось, что она напечатана в петербургской „Звезде". „Октябрь" рвет и мечет. А сегодня я нашла в письмах, полученных на имя С. А. после его отъезда, письмо из „Звезды"... <...>. Письмо помечено: 18 сентября.

Теперь мне ясно, что С. А. именно поэтому и не хотел ее печатать, что сдал в „Октябрь". Не знаете ли, каким образом она была сдана в „Звезду" и через кого он сообщал туда, чтобы „Звезда" не печатала ее? Если не трудно выяснить все это, напишите подробно об этом мне. Надо растолковать „Октябрю"» (Письма, 341).

В результате журнал «Звезда», вышедший в свет позже «Октября» и З. Вост., где также была напечатана «Песнь о великом походе», опубликовал первую редакцию поэмы.

Не получив ответа от Е.Я.Белицкого, Есенин 1 сентября послал письмо О.М.Бескину, заместителю директора Ленинградского отделения Госиздата: «Я посылал письмо Белицкому и просил прислать мне денег из причитающейся мне суммы в 284 <так!> рубля, о которой мы условились с ним устно.

Книгу, по-моему, так выпускать не годится. Уж очень получается какая-то фронтовая брошюра. Посылаю для

присоединения к ней балладу „26“. О ней мы с Ионовым говорили уже.

Потом лучше бы всего было соединить и последние мои стихи вместе с этой книгой. Это будет значительно и весче, чем в таком виде».

С просьбой помочь в издании поэмы в Ленинграде Есенин обратился также к В.И.Эрлиху, который в ответ телеграфировал: «Отдельно не выйдет тчк Две поэмы или сборник не знаю Ионов послезавтра — *Вова*» (Письма, 248). В письме от 9 сентября Эрлих уточнил вопрос об издании поэмы в Ленинграде: «Дело в следующем: с Б<ескиным> я кончил в первый же день, но приехал И<онов> и заупрямился. Полагаю — ненадолго. Окончательный разговор в среду. В худшем случае он будет ждать твоего приезда» (Письма, 248).

17 сентября Есенин спрашивал сестру, Е.А.Есенину: «Получила ли ты деньги и устроил ли Эрлих то, о чем мы с ним говорили. <...> Эрлиху напиши письмо и пришли мне его адрес. Я второпях забыл его». В середине сентября Е.А.Есенина писала брату, что получила от Эрлиха 100 р.— аванс за предполагавшееся в Ленинграде издание поэмы (письмо не было отправлено. Письма, 249). 17 сентября Есенин сообщал Г.А.Бениславской: «„Песнь о великом походе“ исправлена. Дайте Анне Абрамовне и перешлите Эрлиху для Госиздата. Там пусть издадут „36“ и ее вместе».

Хлопоты по изданию поэм в Ленинградском отделении Госиздата продолжались до начала 1925 г. В письме Бениславской к Эрлиху от 13 ноября 1924 г. содержится следующее: «Прислал исправленную „Песнь о великом походе“. Просит поправки переслать Вам для Госиздата. „Пусть там издадут „36“ и ее вместе“. Нарочно привожу его фразу дословно, так как не знаю, где эти вещи, вернее, куда сданы. <...>

Кроме того, если эта „Песнь о великом походе“ сдана в Госиздат, то не пускайте ее в печать самостоятельно, так как отдельно она издается здесь Госиздатом. Пустите ее,

как С. А. пишет, вместе с „36“ (он название „26“ изменил на „36“ и в заглавии, и в тексте), если это удобно; чтобы не вышло такой же истории, как с „Октябрем“ и „Звездой“,— одновременно и там и тут напечатают» (Письма, 341).

В письме Есенину между 10 и 12 декабря Бениславская отчитывалась: «Эрлиху сообщила. Он пишет мне, что „36“ и „Песнь“ выходят под названием „Две поэмы“. Корректуру править будет он сам и внесет Ваши поправки» (Письма, 257). В ответ 20 декабря Есенин просил: «Как только выйдут „Две поэмы“, получите с Ионова 780 рублей и пришлите их мне.

Я не брал у него 30 червонцев за „Песнь“ и 480 за „36“».

Побывав в Ленинграде, Бениславская писала Есенину на Кавказ 20 января 1925 г.: «Я и Катя ездили в Петроград. У Ионова ничего не получили, едва удалось добиться, чтобы печатал „Песнь“ и „36“ вместе (иначе был бы номер с Анной Абрамовной — с отделом массовой литературы)» (Письма, 268). Издание не состоялось.

История публикации «Песни о великом походе» в журнале «Октябрь» связана с полемикой вокруг вопроса о политике партии в области литературы. К середине 1924 г. разногласия между А.К.Воронским, поддерживавшим писателей-«попутчиков», и литераторами-«напостовцами» (Г.Лелевичем, С.А.Родовым, И.Вардиным, А.И.Безыменским, Б.Волиным и др.) обострились. «Напостовцы» требовали отстранения А.К.Воронского от редактирования Кр. нови. Союзниками журнала «На посту» стали «Октябрь» (первый номер вышел в мае-июне 1924 г. под ред. Л.Л.Авербаха, А.И.Безыменского, Г.Лелевича, Ю.Н.Либединского, С.А.Родова, А.Соколова, А.И.Тарасова-Родионова) и «Молодая гвардия». В связи с совещанием, организованным при Отделе печати ЦК РКП(б) 9—10 мая 1924 г., Есенин вместе с В.П.Катаевым, Б.Пильняком, С.А.Клычковым, И.Э. Бабелем, О.Э. Ман-

дельштамом, А.Н.Толстым, М.М.Пришвиным, Вс.В.Ивановым и др. (всего 36 подписей) подписал обращение в Отдел печати ЦК РКП(б), в котором говорилось: «Мы считаем, что пути современной русской литературы, — а стало быть, и наши,— связаны с путями Советской пооктябрьской России. Мы считаем, что литература должна быть отразителем той новой жизни, которая окружает нас, — в которой мы живем и работаем,— а с другой стороны, созданием индивидуального писательского лица, по-своему воспринимающего мир и по-своему его отражающего. Мы полагаем, что талант писателя и его соответствие эпохе — две основных ценности писателя» (Сб. «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе» М., 1924, с. 106—107; Письма, 136—137. См. также статью Есенина <«О писателях-„попутчиках“»> в 5 т. наст. изд. с. 242—244).

В резолюции, принятой на совещании в Отделе печати ЦК РКП(б), отмечалось, что «приемы борьбы с „попутчиками“, практикуемые журналом „На посту“, отталкивают от партии и советской власти талантливых писателей» (там же, с. 108). Но напостовцы не прекратили нападок на А.К. Воронского и «попутчиков».

Среди противников линии Кр. нови, с которыми Есенин сотрудничал, были И.Вардин и А.А.Берзинь. В статье «Воронщину необходимо ликвидировать» (журн. «На посту», М., 1924, № 1, март, стб. 9—36) Вардин охарактеризовал линию А.К.Воронского как «линию подчинения литературы буржуазии» (там же, стб. 34): «...тов. Воронский больше, чем кто-либо из нас, обязан взять за пуговичку Пильняка, Всеволода Иванова, Есенина — каждого попутчика в отдельности и всех их вместе и сказать им прямо:

— Друзья, в мире происходят чудесные штуки, человечество выходит, говоря словами Есенина, „на колею иную“, человечество перерождается в огне и буре. <...> Объективная истина, настоящая правда, истинная правда

20—5762

существует. Но чтобы ее понять, <...> вы должны усвоить основы пролетарской идеологии, хотя бы в размере уездной совпартшколы...<...> Не вооружившись этой правдой, не найдете и правды художественной» (там же, стб. 12—13).

Нападки на А.К.Воронского беспокоили Есенина. Сохранился черновик его доверенности на имя В.В.Казина (до 3 сент. 1924): «В случае изменения в журнале „Красная новь" линии Воронского уполномачиваю В.Казина присоединить мою подпись к подписям о выходе из состава сотрудников» (см. т. 7, кн. 2 наст. изд.).

В сентябре 1924 г. в состав редколлегии журнала Кр. новь был введен Ф.Ф.Раскольников.

Все эти обстоятельства определили широкий общественный резонанс, который получила публикация поэмы Есенина в журнале «Октябрь».

Существует мнение, что Есенин сдал «Песнь о великом походе» в «Октябрь» 2 сентября 1924 г. перед отъездом на Кавказ (Вдовин В. Письма к Сергею Есенину, с. 240). Факты, изложенные выше, свидетельствуют о том, что поэт дал согласие на публикацию поэмы в Госиздате и журнале «Октябрь» в одно и то же время и оставил текст поэмы у А.А.Берзинь до 14 августа 1924 г. Это обстоятельство подтверждают также записи А.И.Тарасова-Родионова, сделанные 10 января 1926 г.: «Мне вспомнилось о том, как однажды я затащил к себе домой Есенина с большою компанией, и мы, мужчины, спали в ту ночь на сеновале. В то время я имел большое влияние на политику ВАПП и, что называется, охаживал Есенина, стараясь свернуть его творчество на отчетливо советские рельсы. Тогда же я купил у него для „Октября" и „Песнь о великом походе"» (Материалы, 243). Эта покупка могла состояться только в первой половине августа, т. к. среди гостей Тарасова-Родионова был В.И.Эрлих (см. его воспоминания — Восп., 2, 338). Кроме того, Есенин до отъезда на Кавказ получил гонорар за публикацию поэмы в

Госиздате и журнале «Октябрь». Г.А.Бениславская отдыхала в это время в Крыму. В 1926 г. она (со слов сестры поэта Е.А.Есениной) писала, что переговоры велись главным образом через А.А.Берзинь: «Одновременно „Октябрь" стал просить поэму для помещения в октябрьском номере. С. А. колебался. Было очень много разговоров, но согласие не было дано. Однажды он послал Катю в Госиздат за деньгами к Анне Абрамовне. Она получила больше, чем предполагал С. А. <...>

А причиной было то, что деньги из „Октября" через Анну Абрамовну были выданы в виде аванса за поэму» (Материалы, 67—68).

Ознакомившись с текстом «Песни о великом походе», сданной Есениным в массовый отдел Госиздата и журнал «Октябрь», И.Вардин 18 августа 1924 г. отправил поэту письмо, в котором высказал свое мнение о поэме и предложил внести в текст существенные поправки:

«Она <„Песнь о великом походе"> бесспорно составит эпоху в Вашем творчестве. Здесь Вы выступаете в качестве подлинного *крестьянского революционера*, понимающего все значение *руководящей* роли городского рабочего для общей освободительной рабоче-крестьянской борьбы. Первый период Вашего творчества — отражение крестьянского *стихийного* протеста. Второй период — Вы „оторвались от массы" и очутились в городском мещанско-интеллигентском болоте — гниющем, вонючем, пьяном, угарном. Третий период — Вам начинает удаваться выявление крестьянской революционной *сознательности*.

Но от ошибок, от предрассудков Вы, разумеется, не свободны. В конце Вашей вещи этот предрассудок дает о себе знать<...>. Петр должен был быть дураком, чтобы тень его могла „любоваться" „кумачовым цветом" улиц *Ленинграда*.<...>

Когда народ „взял свой труд", когда он „сгреб дворян" и перевешал, тогда он построенный на его костях город

назвал „Ленинградом“. „Тень Петра“ любоваться на все это не может, не может.

Я очень просил бы Вас принять во внимание приведенные мною *бесспорные* соображения и *конец переделать*. Блок испортил „Двенадцать“ Христом, неужели Вы испортите Вашу прекрасную вещь Петром? Блок поставил дело так, что он почти не мог убрать из поэмы Христа. Ваша вещь, наоборот, построена так, что „любование“ Петра, удовлетворение его гибелью всего его дела объявляется *неестественным, противоречит* ходу мысли всей поэмы. Изменить конец в указанном мною направлении — значит *выправить, выпрямить* поэму, дать ей естественный, „нормальный“ конец.

Каледин покончил с собой в январе 1918 года. Он у Вас участвует в событиях 1919 года. Нельзя ли исправить?

Затем. У Вас говорится:

Вей сильней и крепче,
Ветер *полуденный*.
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой *Буденный*.

У Асеева:

То жара не с неба
полуденного,—
Конница *Буденного*
Раскинулась в степях...

(Неточная цит. из стих. Н.Асеева «Конная Буденного» — журн. «Мол. гвардия», 1923, № 2, с. 77).

К письму И.Вардина была приложена записка А.А.Берзинь, в которой, в частности, говорилось: «Если Вам не трудно и если Вы согласны с нами, то и я прошу исправить. <...> Текст прилагаю» (Письма, 242—244).

В тексте поэмы, сданной в «Октябрь», Есенин заменил фамилию Каледин на Краснов (ст. 336) и переделал

конец поэмы (см. с. 586). Позже, публикуя поэму в З. Вост., поэт по-своему исправил все строки, на которые обратил внимание И.Вардин.

2 сентября Есенин подписал договор № 4882 с Госиздатом РСФСР на издание книги «Песнь о великом походе» (РГАЛИ). А.А.Берзинь вспоминала: «Вскоре Есенин снова зашел в Госиздат. Я сказала ему, что редакция „Октября" решила „Песнь" напечатать в октябрьском номере. Есенин стал вдруг возражать, но не очень энергично.

— Я хотел бы,— говорил он,— чтобы Госиздат выпустил „Песнь о великом походе" отдельной книгой.

— Ну, что же, попробуем,— ответила я.

Я работала тогда редактором Отдела массовой литературы Госиздата.

Через день-два издательство оформило с Есениным договор на выпуск поэмы по самому высшему тарифу оплаты — 1 рубль за строку». (Хроника, 2, 140). Г.А.Бениславская отметила в воспоминаниях: «„Песнь" восторженно встретил Отдел массовой крестьянской литературы Госиздата. И вещь была продана туда» (Материалы, 66).

Позже, в сентябре, А.А.Берзинь, узнав о встречах Есенина с И.Вардиным в Тифлисе, писала: «Наверное, ссорились с Вардиным, и кто же кого? Думаю, что разумом он, а сердцем Вы его побили» (Письма, 248). В письме сестре, Е.А.Есениной, из Тифлиса 17 сентября 1924 г. поэт просил: «Узнай, как вышло дело с Воронским. Мне страшно будет неприятно, если напостовцы его съедят. Это значит тогда бей в барабан и открывай лавочку.

По линии писать абсолютно невозможно. Будет такая тоска, что мухи сдохнут.

<...> Вардин ко мне очень хорош и очень внимателен. Он чудный, простой и сердечный человек. Все, что он делает в литературной политике, он делает как честный коммунист. Одно беда, что коммунизм он любит больше литературы». 18 сентября 1924 г. Е.А.Есенина сообщала

брату: «Видела Воронского. Если бы ты знал, как ему больно.

Никаких распоряжений за глаза не давай. Помни, ты козырная карта, которая решает участь игроков. Остерегайся» (Письма, 250).

Зная отношение Есенина к А.К. Воронскому, Г.А.Бениславская призывала поэта тщательно взвесить свое решение о публикации поэмы в журнале «Октябрь» и написала в Тифлис 17 сентября 1924 г.: «Ну вот, Сергей Александрович, Вы просили Катю узнать, как там вышло дело. Отвечу за нее.

Никого, конечно, никто не съел, и неизвестно, съест ли, но Вас здесь встретят не слишком тепло; боюсь, многие руки не подадут. Вышло вообще очень нехорошо. <...>

Как исправлять, намечайте Вы. Можно им вернуть деньги и взять поэму совсем; можете Вы затребовать ее для изменений, можно задержать до „предполагаемого" написания второй части и т. п. <...> Одним словом, если у Вас есть силы бороться — бейте отступление (если надо отступать). Это вопрос чести. <...>

Катя Вам писала насчет козырной карты; это верно, и об этом не забудьте. А у Воронского отношение, кажется, такое: Вы не мальчик и сами понимаете, куда какие дороги» (Письма, 251).

Это письмо Бениславской Есенин оставил без ответа. В 1926 г. она вспоминала: «Непосредственно на мое письмо <он> не ответил, но кое-что есть в его письме от <20 декабря 1924 года>:

„Разбогатею, пусть тогда покланяются. Печатайте все, где угодно. Я не разделяю ничьей литературной политики. Она у меня своя собственная — я сам"» (Материалы, 68).

Один из писателей-напостовцев, поддерживавший с Есениным дружеские отношения, Ю.Н.Либединский писал: «Он <Есенин> обдумывал каждый свой шаг в литературе, и, несмотря на то, что печатался он в „Красной

нови“ и что А.К. Воронский едва ли не первый из советских критиков дал высокую оценку его дарования, Есенин, когда возник новый журнал „Октябрь“, орган пролетарских писателей, напечатал в одном из его первых номеров „Песнь о великом походе“.

Он сделал это для того, чтобы показать, что не принадлежит к какому-либо одному направлению тогдашней литературы, что значение его творчества шире, и Маяковский верно понял значение этого сближения Есенина с пролетарскими поэтами. Маяковский „с удовольствием смотрел на эволюцию Есенина: от имажинизма к ВАППу“ (см. статью Маяковского „Как делать стихи“).

Есенин знал, что принадлежит всей советской литературе. Его влияние на поэзию того времени было уже бесспорно» (Либединский Ю. Избранные произведения. В 2 т. М., 1980., т. 2, с. 330).

С 6 сентября 1924 г. до 27 февраля 1925 г. Есенин был на Кавказе. В Тифлисе Есенин завершил последнюю редакцию поэмы «Песнь о великом походе» и передал ее для публикации в З. Вост. 12 сентября газета (№ 675) вышла с объявлением на первой полосе: «Сергей Есенин. „Песнь о великом походе“, новая большая поэма, будет впервые опубликована в „Заре Востока“ в воскресенье 14 сентября». 13 сентября в № 676 З. Вост. объявление о публикации поэмы Есенина было напечатано на первой полосе вторично. 14 сентября поэма в окончательной редакции была опубликована.

Есенин считал «Песнь о великом походе» своей творческой удачей. Поэт В.Кириллов вспоминал: «Однажды я спросил:

— Ты ценишь свои революционные произведения? Например, „Песнь о великом походе“ и другие?

— Да, конечно, это очень хорошие вещи, и они мне нравятся» (Восп., 1, 275).

В.А.Мануйлов, тогда начинающий литератор, знакомый с Есениным с 1921 г., писал о встречах с поэтом в

1924 г.: «В Баку Есенин читал мне отрывки из „Песни о великом походе“, которую тогда писал. Читал нараспев, под частушки: „Эх, яблочко, куда ты катишься...“ Я высказал тогда опасение, что вещь может получиться монотонной и утомительной, если вся поэма будет выдержана в таком размере. Есенин ответил: „Я сам этого боялся, а теперь вижу, что хорошо будет...“» (Восп., 2, 186).

3 октября Есенин выступал с чтением «Песни о великом походе» в Клубе имени Сабира (Баку). Судя по отзыву, опубликованному в Бак. раб., поэма успеха не имела: «„Песнь о великом походе“, прочитанная по вырезке, пропала совсем» (Д-ов М. <Данилов М.> Вечер Сергея Есенина — Бак. раб., 1924, 6 окт., № 226; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Первыми известными отзывами о поэме (до ее публикации) являются письма И.Вардина (цит. выше, с. 595—596) и В.И.Вольпина Есенину от 18 августа 1924 г.: «Она <„Песнь о великом походе“> меня очень порадовала несколькими своими местами, почти предельной музыкальной напевностью и общей своей постройкой. Хотя в целом, надо сказать, она не „есенинская“. Вы понимаете, что я хочу этим сказать?» (Письма, 245). 17 января 1925 г. высокую оценку поэме дал в письме, адресованном Есенину, Ф.Ф.Раскольников: «Ваши последние стихи „Русь уходящая“, „Песнь о советском <ошибка — правильно: великом> походе“, „Письмо к женщине“ приводят меня в восторг. Приветствую происходящий в Вас здоровый перелом» (Письма, 267).

Критика оценила поэму довольно противоречиво. Большинство авторов, среди них были и «напостовцы», отмечали новый поворот в творчестве поэта. В том же номере журнала «Октябрь», где была опубликована «Песнь о великом походе», ее высоко оценил Г.Лелевич: «...трудно было певцу кондовой старой деревни проникнуться новым.<...>

Но вот за последнее время в есенинском творчестве наметился новый перелом. Его стихи „На родине“, „Русь советская“, „Песнь о великом походе“ коренным образом отличаются от всех прежних есенинских стихов. Правда, и тут он еще не смотрит на современность по-пролетарски, но он уже ясно видит то новое, революционное, что народилось в деревне» (журн. «Октябрь», 1924, № 3, сент.-окт., с. 182; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Публикация есенинской поэмы в журнале «Октябрь» вызвала дискуссию по основному вопросу литературной политики того времени: о руководстве художественной литературой со стороны партии и о методах этого руководства. Нередко критиков занимали не столько достоинства самой «Песни о великом походе», сколько факт помещения поэмы «попутчика» в пролетарском журнале. Есенин стал в этом смысле фигурой показательной.

Наметившиеся изменения в позиции журнала «Октябрь» по отношению к «попутчикам» критиковал А.Соколов в статье «Нужно ли в пролетарских журналах печатать „попутчиков“»:

«В № 3 журнала „Октябрь“ за счет пролетарских поэтов уделено большое место поэме Есенина, того самого, которого в прошлом году судили за возмутительные выпады против евреев и который одновременно печатается в „Октябре“ и в „Русском современнике“, т. е. в пролетарском и буржуазном журналах. Кроме того, „Октябрь“ намерен печатать подходящие произведения П.Орешина, Бабеля, Сейфуллиной, Н.Тихонова и т. п. В таком виде журн. „Октябрь“ нельзя назвать пролетарским.

Подобное направление можно назвать пролетарско-попутническим» (журн. «Октябрь», 1924, № 4, с. 178).

Редакция журнала «Октябрь» в этом же номере поместила ответ на выступление А.Соколова под названием «О „левом“ уклоне тов. Соколова» (без подписи), где, в частности, говорилось: «Конечно, его <Есенина> „Песнь о великом походе“ — вещь не пролетарская; иначе у нас

бы и разговору не было с тов. Соколовым. Но стоит сравнить все это произведение, помещенное в „Октябре“, с прежними кабацкими стихами того же Есенина в „Красной нови“, чтобы понять тот громадный идеологический сдвиг, который произошел в творчестве Есенина. <...> ...„Октябрь“ на примере Есенина показал, как может идеологически к лучшему измениться попутчик, если оказать на него должное товарищеское воздействие»(с. 184—185; то же: Родов С. «О „левом“ уклоне тов. Соколова» — Сб. «В лит. боях (1922—1925). Статьи, заметки, документы». М., 1926).

Подробный критический анализ поэмы «Песнь о великом походе» дал Н.Асеев в статье «О героях Бабеля, „октябринах“ С.Есенина, иностранных новинках и о прочих литературных вещах» (газ. «Известия», Одесса, 1924, 25 дек., № 1520). Анализ «октябрин» Есенина (иронично обыграно содержание поэмы и место ее публикации — журнал „Октябрь“) Н.Асеев связал с подробным анализом диспута в Доме печати (Москва, 29 нояб. 1924 г.), посвященного героям «Конармии» И.Бабеля: «И если метод тов. Воронского,— писал Н.Асеев, — метод выращивания кривых карликовых деревьев, то в методе т.т. из „Октября“ предвидится слишком простая расстановка телеграфных столбов на литературной дороге. <...>

Примером такого телеграфного столба, вытянувшегося в струнку, служит поэма С.Есенина „Песня о великом походе“ <так!>. Есенин всерьез, очевидно, задумался о выправлении своей идеологической линии. И написал... поэтическую иллюстрацию к сменовеховской теории проф. Устрялова. Формальные достоинства и недостатки этой вещи — обычные для Есенина. Стилизация народного песенного сказа,— но это до Есенина сделал уже Лермонтов в „Песне о купце Калашникове“. Может быть, права на этот прием больше у Есенина, чем у Лермонтова, но... повторение приема всегда наводит на мысль о подражании.

И именно от этой мысли не отделаешься, когда читаешь перебои распева, введенные С.Есениным в песню. <...>

Конечно, это мелкие недочеты есенинского творчества, относящиеся уже к самому характеру. А достоинств у „Песни“ много. Великолепно использованы революционные частушки, очень хорошо ведется основная линия размера, вещь нигде не разрывается, она действительно полна мелодийно-повествовательного пафоса — и тем досаднее эта устряловщина, это запоздалое приравнивание коммунизма к петровской дубинке, „оригинальностью“ которого пытается щегольнуть С.Есенин».

Изложив содержание поэмы, которую завершает фигура Петра, с умилением взирающего на свой город, разукрашенный красными флагами, Н.Н.Асеев сделал вывод: «Беспомощней и натянутей, чем эта „тема“, — трудно придумать».

Н.Осинский (В.В.Оболенский) в обзоре «Литературный год» назвал поэму Есенина, напечатанную в «Октябре», «вполне „советской“» (газ. «Правда», М., 1925, 2 янв., № 1). И.Новский (Рубановский И.) в рецензии на № 3 «Октября», в частности, писал: «Остальные мелкие вещи: М.Залка <...>, И.Доронина <...> и С.Есенина(!) „Песнь о великом походе“ прочтутся с интересом <...>. Интересная попытка Есенина в форме песенного сказа отобразить понимание октября нашим крестьянином» (газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». 1925, 6 янв., № 4).

Критик-«напостовец» С.Родов, подводя итоги дискуссии вокруг публикации поэмы в журнале «Октябрь», заявил в докладе-отчете Правления ВАПП, единогласно одобренном Первой Всесоюзной конференцией пролетарских писателей 10 января 1925 г.: «Редакция „Октября“ поступила вполне правильно. Конечно, мы не думаем отводить в „Октябре“ значительное место попутчикам, но если помещение какого-либо „попутчика“ тактически выгодно пролетарской литературе — а поэма Есенина как раз такова,— то мы не можем от этого отказаться» (Сб.

«Организация пролетарской литературы», М., 1925, с. 16).

Выход в свет «Песни о великом походе» отдельным изданием вызвал новую волну откликов. В.Л. Королев в газете «Коммуна» (Калуга, 1925, 13 мая, № 106, рубрика «Книжная полка») кратко характеризовал оформление и содержание поэмы, написанной старорусским стихотворным складом, и писал, что «Песнь о великом походе», «уже знакомую городу, вполне можно рекомендовать для деревенских библиотек».

Информацию о выходе в России книги Сергея Есенина поместили газ. «Новый мир», Буэнос-Айрес, 1925, 24 мая и газ. «Последние новости», Париж, 1925, 24 сент. № 1662.

Высокую оценку дал поэме Есенина В.А.Красильников, отметивший не только социальность и революционность темы «Песни о великом походе», но и новизну ее формы (журн. «Город и деревня», М., 1925, № 16/17, сент., с. 76). В другой работе В.А.Красильников охарактеризовал поэму подробнее: «„Песнь о великом походе“ (Октябрь, № 3, 24 года) для суждения о новой дороге Есенина — недостаточный материал. Правда, она сдвиг к революционным темам и выполнена местами необыкновенно сильно, но самый подход к современным событиям — защита Ленинграда от белых — оказался традиционным есенинским подходом к революции от летописей, сказаний. Так же как его другая революционная поэма «Марфа-Посадница», песнь делится на два сказа <...> и, конечно, первый сказ, оправленный в сильную рамку летописного отрывка, к сюжету самой песни имеет очень небольшое отношение. Таким образом тематический прогресс Есенина в этой вещи не велик — действительно велик технический прогресс, потому что „Марфа-Посадница“ была слабой, юношеской поэмой» (ПиР, М., 1925, кн. 7, окт.-нояб., с. 122).

По мнению критика В.Никонова, Есенин в «Песни о великом походе» «спотыкаясь, — но дает яркие образы; многие герои у Родова, Лелевича, даже у Безыменского,— игрушечные деревянные солдатики перед Есенинским ротным („Песнь о великом походе“). Это живой человек» (журн. «Стрежень», Ульяновск, 1925, № 1, нояб., с. 11).

В ряде работ, опубликованных вскоре после смерти Есенина, «поэма о кожаных куртках Питерграда» расценивалась в числе лучших вещей поэта (А.Коптелов в рецензии на т. 3 Собр. ст. — газ. «Звезда Алтая», Бийск, 1926, 13 июля, № 158; см. также газ. «Волна», Архангельск, 1926, 7 янв., № 5 и кн. В.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература», 5-е изд., М., 1926, с. 328).

Ю.Н.Либединский и П.В.Орешин тогда же положительно отозвались о «Песни о великом походе» в воспоминаниях о поэте (Либединский Ю. О Есенине (Воспоминания) — Журн. «На лит. посту». М., 1926, кн. 1, с. 32–34; Орешин П. Мое знакомство с Сергеем Есениным. Воспоминания. — Кр. нива, 1926, № 52, дек., с. 19–20).

Были критики, оценившие «новый поворот» Есенина резко отрицательно. В.Друзин в статье «Путь Есенина» писал: «Он едет на Кавказ, окончательно излечивается от богемы. Круто берет курс на РКП, начинает изо всех сил советизироваться. <...>

Отход от „Москвы кабацкой“ — разительный. И формально — Есенин однотонный анапест меняет на ямб (ямб, впрочем, не Пушкинский, а опять-таки скорее Блоковский), пробует частушечные размеры („Песня о великом походе“). <...>

Одно можно отметить — пока Есенину нюханье Маркса пользы не приносит. Его советизированные стихи — рассудочны, лишены лирической влаги, подчас убоги, в них нет внутренней культурности стиха как такового (то, что было в изобилии у Гумилева и что имеется у

любого самого бездарного Гумилевского последыша)» (Красная газ., веч. вып., 1925, 15 мая, № 116).

Близкую оценку поэме дал Г.Адонц в статье «О поэзии Есенина»: «...Есенин <...> пробует окунуться в самую что ни на есть революционную современность. Он пишет „Песнь о великом походе". На 32-х миниатюрных страничках рисует он „новым вольным сказом" мрачное историческое прошлое — Петровскую Русь, а потом великий Октябрь... „Новый, вольный сказ" — это попросту немного перелицованный старый кольцовский размер: его ритмика, его мелодика... <...>

Описывая октябрьский переворот и последующую эпоху гражданских войн, Есенин скользит по важнейшим революционным событиям чрезвычайно легко, с налету, частушечным дурашливо-юмористическим приемом... <...>

Тут — кровавая борьба пролетариата с вековыми врагами, смерть, решительный бой, а Есенин вспоминает про „баночку"...

Картины Великой Русской Революции Есенин не дал, даже отрывочной, эскизной... Нарочито скоморошеский тон, не крепкий, не пролетарский, а какой-то низкопробно-эстрадный подход к темам...» (журн. «Жизнь искусства», М.—Л., 1925, № 35, 1 сент., с. 9—10; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Поэма стала одной из наиболее популярных среди читателей есенинских вещей. Заключительная часть поэмы из журн. «Звезда» полностью и в сокращении была перепечатана в журн. «Шквал» (Одесса, 1924, № 8); «Красная газ.» (М.—Л., 1924, 15 нояб., № 262; под загл.: «Песнь о великом походе (Из поэмы того же названия, посвященной разгрому Юденича)»); газ. «Красное знамя» (Томск, 1924, 27 нояб., № 272; отрывки из сказа о современности З. Вост.), газ. «Советская Сибирь» (Ново-

николаевск, 1924, 28 сент., № 222); газ. «Амурская правда» (Благовещенск, 1924, 7 нояб., № 1379).

Поэма была помещена в хрестоматии «Земля советская. Чтец-декламатор для деревни» (М.-Л., 1926).

В 1926 г. студент IV курса полиграфического факультета Вхутемаса Николай Лапин подготовил в качестве академической работы (макет, иллюстрации, набор, печать и брошюровка) отдельное уникальное малоформатное издание поэмы, которое было исполнено в академической типографии Вхутемаса под руководством профессора Н.И.Пискарева и выпущено тиражом 50 экземпляров (собрание Ю. Л. Прокушева). Книга отпечатана в 2-х вариантах. В 1927 г. во Вхутемасе было другое издание книги «Песнь о великом походе», где текст поэмы дан в подборку (как проза). Автор этой зачетной работы неизвестен. Тираж ее не установлен (собрание Н.Г.Юсова).

В книге учителя сибирской коммуны «Майское утро» Адриана Митрофановича Топорова «Крестьяне о писателях» (М.—Л., 1930) приводилось 20 отзывов об этом произведении, сделанных после прочтения 13 февраля 1927 г., как о лучшем из написанного Есениным:

«*Стекачев Т.В.* Уж шибко хорошо подпевы прикрашены. А присказульки-то! Ну, сверх всякой цены они стоят! <...>

Зубкова В.Ф. Изо всех стихов стих! За один этот стих можно отблагодарить так же, как за многие. Дороже целых книг он. Весь дух твой подхватывает навыся. <...>

Титова А.И. Даже сам Петра-царь устрашился своего греха. Сколь он на своем веку люду рабочего погубил! И над всем чтеньем наша душа теперь так же устрашается. Видно, дело-то Петрово и самого сочинителя растревожило.

Крюков М.Ф. По-моему, этот „Поход" лучше всех сочинений Есенина. Вот такие его штуки надо для народа издавать. <...> Здесь остается впечатление такое, что по всему сложенью тела идет мурашка» (с. 240—242).

Заглавие «Песнь о великом походе» содержит обозначение литературного жанра и обладает историко-терминологическим статусом — с обозначением передвижения войск с целью развертывания военных действий (ср. Петровские походы и «Ледяной» поход 1918 г.); ориентировано на фольклорный жанр солдатской песни (с ее воинской тематикой и походно маршевым звучанием) и направлено на восприятие произведения как литературного аналога народно-музыкального текста, соприкасающегося с былинами, историческами песнями, похоронными плачами и частушками.

Заглавие перекликается с древнерусским названием «Слово о полку Игореве» и повторяет черновое (более расширенное) есенинское наименование другой поэмы — «Поэма о великом походе Емельяна Пугачева».

С. 116. *Эти притчины...*— При обозначении «притчина» Есенин мог исходить из двух трактовок термина «притча»: 1) идущий от Библии и широко представленный в мировой литературе нравоучительный жанр; 2) распространенный на Рязанщине народный термин, обозначающий повествование о сверхъестественном событии мифологического толка, или «волшебное слово», которое устраняет беду (запись комментатора в д. Инкино Касимовского р-на Рязанской обл. в 1992 г.; Чернышев В. И. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда — «Сб. ОРЯС». СПб., 1900, т. 68, с. 145; Даль, 3, 453).

С. 117. *Ой, во городе // Да во Ипатьеве...*— Топоним имеет собирательный характер и мог возникнуть от Ипатиево-Троицкого (Ипатского) мужского первоклассного кафедрального монастыря, основанного ок. 1330 г. в версте от г. Костромы (там находились Ипатьевская летопись конца XIV — начала XV вв., одна из древнейших, и Ипатьевская лицевая псалтирь 1591 г.). К владениям монастыря были приписаны существовавшая в Москве в Китай-городе с XVII в. Ипатская ул. (с XIX в.— Ипатьевский пер.) и в

Санкт-Петербурге в начале II-ой половины XVIII в. собственный дом-«подворье» (см.: Диев М.Я., протоирей. Историческое описание Костромского Ипатского монастыря. М., 1858; Имена Московских улиц. М., 1988).

С. 117–119. *Ой, во городе* ∾ *Лапти кверху дьяк.*— Зачин фрагмента построен по аналогии с запевами исторических песен, в том числе и о Петре I, напр.:

Как во славном во городе во Питере,
Во крепости Петропавловской,
У ворот было Канверских...

(Песни, собранные П.В.Киреевским. Ч. 3. Вып. 8. М., 1870, № 5, с. 103.).

Ритмика отрывка опирается на напевность стиха былин, исторических песен и их литературных переделок, впервые появившихся в печатных «Песенниках» в Петровскую эпоху — в «завершительный период нашего творчества былевого» (Бессонов П. Заметка — «Песни...», с. VIII и IV, XLVII). В период обучения Есенина в 1913–1915 гг. в Московском городском народном университете им. А.Л.Шанявского на семинарах по «Истории русской литературы первой половины XVIII века» А.Е.Грузинского две темы касались деятельности Петра I — это «Преобразовательная работа Петра в деле просвещения и литературы» и «Театр при Петре». Среди предлагаемых студентам пособий числился 3-й том капитальной «Истории русской литературы» в 4-х томах А.Н.Пыпина (1911 — 3-е изд.), в котором 4 главы из 12-ти посвящены Петру I: гл. IV — «Время Петра Великого», гл. V — «Путешествия за границу», гл.VI — «Книжная деятельность при Петре Великом», гл. VII — «Петр Великий в народном предании» (см.: Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. М., 1914, с. 122–123, 180–181). Вероятно, приведенный А.Н.Пыпиным эпизод из Петровской эпохи лег в основу сюжетной линии расправы

императора с дьяком: «В январе 1700 года один монах в Москве, бранясь с монастырским конюхом, который шел в даточные солдаты, приплел к своей брани и Петра: „Вам нынче даны кафтаны венгерские — прадеды ваши и деды, и отцы таких кафтанов не нашивали — уже вы пропадете также, что и стрельцы всех вас перевешают... государю этому не быть... мы выберем иного царя...; он государь — немец, полюбил и верует в них и кафтаны солдатам и вам наделал немецкие...“ Монаха пытали, били кнутом и, отрезав язык, сослали в Азов на каторгу» (Пыпин А.Н. История русской литературы: В 4 т. СПб., 1911, т. 3, с. 317). К пыпинскому изложению событий восходит упоминание стрельцов как рода войск под 1700 годом, хотя (согласно энциклопедическим данным) последний стрелецкий бунт был подавлен в августе 1698 г. и последовавшие за ним массовые казни продолжались по февраль 1699 г., когда московское стрелецкое войско перестало существовать, а 17 ноября 1699 г. объявили набор 27 полков уже нового образца.

Есенин использовал лишь общую канву происшествия, нарушил историческую хронологию и сместил политические акценты. Строительство Санкт-Петербурга началось в 1703 г., а собственно стричь бороды у первых сановников государства Петр I стал с 26 августа 1698 г., вернувшись из путешествия по Европе раньше намеченного срока из-за беспорядков среди стрельцов. Сомнительно, чтобы настроенные враждебно по отношению к царю стрельцы привезли к нему на расправу дьяка. Очевидно, в сознании Есенина образ стрельца слился с военнослужащим Преображенского полка (набор в него был объявлен 17 ноября 1699 г.), а последнее войсковое учреждение перепуталось с Преображенским приказом, в котором началась расправа с противниками петровских нововведений — бритья бород и надевания немецкого и венгерского платья. Полностью соответствует исторической действительности самосуд

Петра I: в 1698 г. «пиры и покойники сменяются казнями, в которых царь сам играет иногда роль палача» (Энцикл. словарь, т. XXIIIА. СПб., 1898, с. 489, см. также с. 490). Случаи, когда Петр I выносит смертный приговор, запечатлены и в исторических песнях: например, текст «Во славном городе в Орешке...» о троекратном допросе пленного шведского майора заканчивается тем, что после полученных показаний о семитысячной численности войска противника «тут государь взвеселился: // Велел ему, майору, голову отляпать» (Песни.., с. 138, № 1).

С. 118. *По Тверской-Ямской...*— Единственное в поэме название московской улицы указывает направление пути в новую столицу. У Есенина название улицы могло оказаться «на слуху» в результате исполнения Ф.И.Шаляпиным песни «Вдоль по Питерской // Да по Тверской-Ямской...» Однако в эпоху строительства Петербурга одноименного с возводимым городом тракта еще не существовало; дьяка в поэме Есенина везли по Тверской-Ямской как по второсортной улице, по которой как раз приличествовало передвигаться преступникам, что отражено в вариантах народной исторической песни о старшем современнике Петра I князе В.В.Голицыне:

Что Москвою князю ехать,— ему было стыдно:
Что поеду я, князь Голицын, Ямскою-Тверскою,
Что Ямскою-Тверскою, глухим переулком

(Песни..., с. 42–44, №№ 3, 5–6)

Подробнее см.: Самоделова Е.А. «Песнь о великом походе» Есенина: от исторических реалий — к поэтической строке — «Российский литературоведческий журнал». М., № 11 (1997), с. 61–77.

С. 119. *У Петра был двор ∾ Начало.*— Близкая к оригиналу переделка «докучной сказки» из сборника А.Н.Афанасьева: «Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с начала?» (На-

родные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3 т., М., 1957, т. 3, № 530). Есенин мог услышать текст и в живой традиции.

С. 120. *Он в единый дух // Ведро пива пьет.*— Этот мотив (иногда троекратно использованный) восходит к былинной характеристике Ильи Муромца и его противников — Соловья-разбойника и др.— ср.:

Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра...
...Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одным духом...

(Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. М.—Л., 1949–1951, т. 2, № 74)

О хорошем знании Есениным былин свидетельствуют воспоминания И.В.Грузинова: «Когда речь зашла об образности русской народной поэзии, Есенин наизусть прочел большой отрывок из былины, по его мнению, самый образный» (Восп., 1, 356). Сборник «Былины» изд-ва «Огни» (СПб., 1911) входил в число книг библиотеки Есенина и значится в списках ГМЗЕ.

С. 120–122. *Дорогой Лефорт ∾ Лишь рабочий люд.*— Историческая хронология в этом фрагменте не соблюдена, но верно переданы «дух времени» и народное отношение к Петру I. С одобрения Франца Яковлевича Лефорта (1656–1699) и под его начальством царь задумал «Великое посольство» в Европу и с середины августа 1697 по середину мая 1698 г. находился в Амстердаме в качестве «волонтера Петра Михайлова» для ближайшего изучения кораблестроения. Лефорту было поручено представительство Императорского двора, осуществление необходимых закупок, приглашение иноземцев на российскую службу. Лефорт больше не ездил в Амстердам, т.к. вскоре по возвращении из Европы умер, не застал даже начала строительства Санкт-Петербурга. Есенин «продлил» его жизнь или ото-

ждествил соратника Петра I с второстепенной исторической фигурой «бригадира Лефорта», который по приказу царя в июле 1714 г. выводил 80 галер из Твереминдской гавани на глазах у неприятеля — шведского флота. Сам Петр I еще дважды посещал Амстердам: в декабре 1716 г. и в середине июля 1717 г. (см.: Энцикл. словарь, т. XVIIА. 1896, с. 615; т. XXIIIА, с. 489; Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 15 т. М., 1838, т. 5, с. 247—248).

С. 121. *Кто ж теперь блюсти // Будет Питерград?* — В 1714 г. Санкт-Петербург стал столицей. Его строительство было личным делом Петра I и осуществлялось «вопреки препятствиям природы и сопротивлению окружающих. С природой боролись и гибли в этой борьбе десятки тысяч русских рабочих, вызванных на пустынную, заселенную инородцами окраину; с сопротивлением окружающих справился сам Петр, приказаниями и угрозами» (Энцикл. словарь, т. XXIIIА, с. 494).

С. 123. *И пушки бьют ∾ А кто глаза слюнил.*— Смерть Петра I в 1725 г. вызвала поток исторических песен и плачей. В сборнике П.В.Киреевского они представлены целым разделом «Петр Первый кончается» с внутренней рубрикацией: «Смерть государя», «Плач государыни», «Плач войска». В духе народной песенности представлены в есенинском тексте два момента: 1) бой колоколов — ср.: «Ударили в большой колокол, // Раздается звон по матушке сырой земле: // Помер... Белый царь... Петр Первый»; 2) оплакивание Петра I отдельными личностями — ср.: «У гробницы государевой, // Молодой солдат на часах стоял. <...> И он плачет — что река льется, // Возрыдает — что ручьи текут» (Песни.., с. 276, 282—283). Пренебрежительное отношение к кончине царя в исторических песнях не встречается. Зато оно выступает на передний план в «Борисе Годунове»

А.С.Пушкина (его творчество Есенин высоко ценил), где примечательна сцена в Новодевичьем монастыре с вестью о погребении невинно убиенного младенца царевича Димитрия и о наследовании престола Борисом: «„Все плачут, // Заплачем, брат, и мы“.— „Я силюсь, брат, // Да не могу.“ — „Я также. Нет ли луку? // Потрем глаза.“ — „Нет, я слюней помажу“» (Пушкин, V, 228).

С. 123. *На фонарных столбах // Перевешаем!*— Реминисценция французской эпиграммы, перевод которой необоснованно приписывался Пушкину и часто встречался в переделанном виде в многочисленных сборниках русской потаенной литературы:

Когда б на место фонаря,
Что тускло светит в непогоду,
Повесить русского царя,
Светлее стало бы народу.

(Лернер Н.О. Мелочи прошлого. Из прошлого русской революционной поэзии — сб. «Каторга и ссылка». 1925, № 8(21), с. 241)

Цит. по: Гарнин В.П. Примечания.— Сергей Есенин. Стихотворения и поэмы. Б-ка поэта. Малая серия. Л., 1990, с. 451.

С. 125. *За Каледина.*— Каледин Алексей Максимович (1861—1918), войсковой атаман. 25 ноября (8 декабря) 1917 г. Совнарком выступил с призывом к трудовым казакам встать на защиту Советской власти против Калединщины. В добровольческой армии росло недовольство Калединым, он сложил с себя полномочия Войскового атамана 28 января 1918 г. и 29 января застрелился. (Здесь и далее о военачальниках и гражданской войне см.: Политические деятели России. 1917: Биограф. словарь. М., 1993, с. 129—131; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энцикл. М., 1987, с. 199).

С. 125. *Гаркнул «Яблочко» // Молодой матрос...*— В печатном тексте встречается трижды (2-й раз при цитировании «Яблочка» без всем известной первой строки.— «Куда ты катишься?» и т. д.; 3-й раз — «Ах, яблочко, // Цвета милого»), а в черновом автографе (ИМЛИ) — еще 2 раза. В.А.Мануйлов в воспоминаниях приводит строчку «Яблочка», с которой ассоциировалось у него в Баку чтение Есениным отрывков из поэмы: «Читал нараспев, под частушки: „Эх, яблочко, куды катишься...“» (Восп., 2, 186). В «Романе без вранья» А.Б.Мариенгоф цитирует «Яблочко» Есенина, посвященное Коненкову (см.: т. 4, с. 495 наст. изд.).

С. 125. *А за Явором, // Под Украиною...* — Имеется в виду г. Яворов на Украине, недалеко от Львова (см.: Гарнин В.П. Примечания — в кн.: Есенин С.А. Стихотворения и поэмы. Л., 1990, с. 452).

С. 125. *И Врангель тут, // И Деникин здесь.*— В период гражданской войны белогвардейские офицеры были частыми персонажами частушек и стилизованных под них «агиток» (см., напр., «Фронтовые частушки» Д.Бедного, 1918 г.). Образы военачальников-белогвардейцев проникли в заграничные скандалы Есенина за русскую революцию — А.К.Воронский вспоминал: «...в Берлине на вечере белых писателей он требовал „Интернационал“, а в Париже стал издеваться над врангелевцами и деникинцами, в отставке ставшими ресторанными „шестерками“» (Восп., 2, 72).

Врангель Петр Николаевич (1878—1928). В августе 1918 г. примкнул к Добровольческой армии, командовал Кавказской армией (Казачья конница), вел наступление на Волгу для соединения с Колчаком, взял и потерял Царицын.

Деникин Антон Иванович (1872—1947). В Новочеркасске участвовал в формировании Добровольческой армии. В декабре 1918 г. принял командование «всеми су-

хопутными и морскими силами, действующими на юге России», а во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода был начальником Добровольческой дивизии (практически всех частей Добрармии).

С. 125. *Из Сибири шлет отряды // Адмирал Колчак.*— Колчак Александр Васильевич (1873—1920). Короткое время был военным и морским министром Директории в г. Омске, провозгласил себя Верховным правителем России. В марте-апреле 1919 г. достиг вершины успеха с призывом в белую армию, захватил золотой государственный резерв и вел наступления на Восточном фронте.

С. 126. *Ни ногатой вас не взять, // Ни рязанами.*— Ногата, резаны (рязаны — рѣзань — Даль, 4, 121) — названия самых мелких серебряных монет кунно-денежной системы Киевской Руси, упоминаемые в «Русской Правде» и «Повести временных лет». Есенин отталкивался от фразы из «Слова о полку Игореве»: «...то была бы чага по нагате, а кощей по резане» (см.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1959, с. 22), и действующие персонажи на Дону (как и в древнерусском произведении) в контексте поэмы приобрели семантический оттенок пленников и рабов. Есенинское написание «рязанами» перекликается с топонимом «Рязань», одна из этимологических версий которого близка к происхождению названия монеты от собственного имени Рязань, буквально обозначающего «вырезанный (из чрева матери)». И наоборот, в древнерусской литературе часто встречалось написание «Резань», фонетически близкое к «резане».

С. 126. С *партизанами.*— Партизанское движение возникло в 1918 г. в результате германо-австрийской интервенции на Украине и юге России. Партизанские повстанческие отряды неоднородны по составу и политической ориентации: анархо-махновского, левоэсеровского, боротьбистского, буржуазно-националистического (петлюровского) и др. направлений.

С. 126. *Красной Армии штыки ∾ Могут встретиться.*— Перефразирование строк «В Красной Армии штыки, // Чай, найдутся» из стихотворения Д.Бедного «Проводы. Красноармейская песня» (1918), положенного в 1922 г. на музыку и ставшего народной песней с названием по первым стихам — «Как родная мать меня // Провожала». И.В.Грузинов вспоминал об исполнении Есениным летом 1925 г. народного варианта песни, немного отличавшегося лексическим составом и числом строк от авторского текста (Восп., 1, 376—377),— и именно в таком виде песня до сих пор бытует на Рязанщине.

С. 127. «*Пароход идет ∾ Коммунистами*».— Есенин воспроизводит известный ему вариант очень распространенной частушки периода гражданской войны. Подобный текст приведен в книге В.Князева «Современные частушки 1917—1922 гг.» (М.—Пг., 1924, с. 12) в разделе «Врангель»:

Пароходик идет
Мимо пристани;
Будем рыбку кормить
Коммунистами.

О знакомстве поэта со сборниками частушек В.В.Князева сохранилось свидетельство С.М.Городецкого: «Сергей Есенин великолепно знал не только выходившие тогда и достаточно известные сборники частушек — Е.Н.Елеонской „Сборник великорусских частушек“ (1914), В.И.Симакова „Сборник деревенских частушек“, издания В.Князева и пр.» (цит. по: Молдавский Дм. Над словом. Сергей Есенин и Александр Прокофьев — сб. «В мире Есенина». М., 1986, с. 559). К есенинскому противопоставлению «На Дону теперь поют // Не по-нашему» близко описание М.Артамонова в статье «Письма из Донбасса (от нашего специального сотрудника)»: «Когда гуляла

в степи махновская вольница, жгла, грабила, оглашала вечерний воздух диким гиканьем, уханьем, присвистами, а над голой степью, как вечерние зори, пылали поселки, детвора, чуткая ко всяким переменам, приспосабливалась, изловчаясь. Если были красные, пела:

Пароход идет —
Волны кольцами.
Будем рыбу кормить
Добровольцами.

А если входили в село белые, они же вызванивали:

Пароход идет
Прямо к пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами».

(Известия ВЦИК, М., 1922, 2 июня, № 121.— Пунктуация в строфах наша.— Е.С.).

С. 127. *Как под Питером // Рать Юденича!*— Было два белогвардейских наступления на Петроград в 1919 г.: весенне-летнее и октябрьско-ноябрьское, оба — под руководством Н.Н.Юденича (1862—1933). Есенин, судя по строкам «На корню дожди // Озимь выбили» и по упоминаемой речи Зиновьева, имел в виду осенний «поход на Петроград». Николай Николаевич Юденич 2 октября — 28 ноября 1919 г. являлся командующим Северо-Западной армии, сформированной в буржуазной Эстонии с санкции «Русского комитета». В августе 1919 г. вошел в «Северо-Западное правительство», в ходе наступления создавшее нелегальное «Петроградское правительство». Предполагалось овладеть Петроградом ударом с Нарвского направления; в планах Антанты было отвлечь силы Красной армии с южного фронта в напряженный момент борьбы с Деникиным, идущим на Москву. 15 октября

Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «Петроград не сдавать». 19 октября Ленин обратился «К рабочим и красноармейцам Петрограда» с призывом защищать город до последней капли крови. Были выстроены три оборонительных линии и поставлены боевые корабли на Неве. После поражения в начале декабря остатки армии Юденича были разоружены эстонскими войсками.

С. 128. *Речь Зиновьева? ∾ В кабалу назад.* — Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фамилия и имя — Радомысльский Овсей-Гершен Аронович, 1883—1936). С декабря 1917 г.— председатель исполкома Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Во время чрезвычайного положения в Петрограде в октябре 1919 г., создавшегося в результате наступления Юденича, Зиновьев организует оборону города и призывает пролетариев защищать город.

С. 128—129. *По-кукушьи плачет. ∾ С Дона до Дунаю.*— В основе фрагмента лежит образность «Слова о полку Игореве» с проходящим через весь текст упоминанием Дона как цели военного похода и Дуная как отдаленной в противоположную сторону от Киевского княжества реки, маркирующей прародину славян в фольклоре («На Дунаи Ярославнынъ гласъ сяъ слышит, зегзицею <кукушкою> незнаема рано кычеть» — Слово о полку Игореве, с. 26). Карта основных боевых операций южного фронта гражданской войны наложилась на географию памятника древнерусской литературы. На берегах Дона Есенин побывал с 11 июля по 5 августа 1920 г. и в конце января — начале февраля 1922 г., совершив поездки в г. Ростов-на-Дону.

С. 128. *Говорит Корнилов...*— В ранней редакции поэмы вместо Корнилова был упомянут Краснов (см. варианты). Есенин мог отказаться от этой фигуры потому, что в описываемых событиях Краснов Петр Николаевич (1869—1947) не принимал участия. Однако исторически

неточной оказалась и замена Краснова на Корнилова (Лавр Георгиевич, 1870—1918), ибо того ко времени действия в поэме не было в живых: он погиб в штабе от разрыва снаряда 13 апреля 1918 г., накануне очередной попытки штурма г. Екатеринодара.

С. 129. *Есть товарищ Троцкий? ∾ Напоить из Дона.*— В самые опасные периоды весенне-летнего и осеннего наступлений белогвардейской армии на Петроград в 1919 г. Троцкий Лев Давидович (наст. фамилия — Бронштейн, 1879—1940), нарком-военмор и председатель Революционного Военного Совета республики, находился в Петрограде и, постоянно характеризуя состояние дел Красной армии, уделял особое внимание южному фронту, и отмечал, что «самая живая и действенная часть неприятельских сил может застрять на Дону... <...> Там конница Деникина дробила на части наши отряды, захватывала узлы железных дорог» (газ. «Петроградская правда». 1919, 2 сент., № 196, с. 2). Часто Троцкий говорил о формировании конницы из мобилизованных петроградских рабочих и об отправке их на Дон.

С. 129. *С нами храбрый Ворошилов...*— Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969), вместе с С.М.Буденным организовал Первую Конную армию.

В варианте строки вместо Ворошилова упомянут Фрунзе (Михаил Васильевич, 1885—1925). Есенин отказался от включения имени Фрунзе в произведение потому, что тот не сражался на описанной в поэме „донской территории".

С. 129. *Удалой Буденный.*— Буденный Семен Михайлович (1883—1973), родом из крестьян. С ноября 1919 г. по октябрь 1923 г.— командующий 1-й Конной армией, которая сражалась на Дону.

С. 129. *Прямо в никь она.*— «В никь»— наречное образование от «никнуть» — 'нагибаться, полегать, упа-

дать' (см.: Осипов Б.И. Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С.А.Есенина: Словарь-справочник для учителей средней школы и учащихся старших классов. Барнаул, 1973, с. 48; Даль, 2, 546).

С. 131. *В куртках кожаных.*— Образ большевика как «кожаной куртки» в художественной литературе впервые был выведен Б.А.Пильняком в романе «Голый год» (1920), получившем высокую оценку в есенинской статье <«О писателях-„попутчиках"»> (см. т. 5 наст. изд.). Отношение Есенина к комиссарской униформе было неоднозначным в разные годы. А.М.Сахаров свидетельствовал, что в декабре 1918 – начале 1919 гг. Есенин «видит ненавистную для него „кожаную куртку". В два прыжка он отскакивает от стола» (Сахаров А.М. Обрывки памяти — журн. «Знамя», М., 1996, № 8 , с. 171).

С. 131. *Там под Лиговом // Страшный бой кипит.*— Имеется в виду д. Лигово, известная с 1500 г. и названная по реке Лига (ныне Лиговка), в 1918 г. переименована в Урицк. З.Н.Гиппиус в «Петербургском дневнике» (М., 1991, с. 87-88) от 16 и 26 октября 1919 г. сообщила непроверенные сведения, распространявшиеся тогда даже газетами из-за отсутствия точной информации: «Неужели снизойду до повторения здесь таких слухов... <...> Взято Лигово», и далее писала более определенно: «Из фактов знаем только: белые оставили Царское, Павловск... <...> Большевики вывели свой крейсер „Севастополь" на Неву и стреляют с него в Лигово и вообще во все стороны наудачу» (ср. сообщения в газ. «Известия» за 1919 г.). В боевых операциях гражданской войны и особенно в так называемом белогвардейском «походе на Петроград» 1919 г. Лигово не отмечено — в отличие от справедливо указанного Есениным в варианте Павловска: во второй половине октября 1919 г. Северо-Западная армия генерала Н.Н.Юденича заняла Павловск в числе других населенных пунктов и вышла на ближайшие подступы к

Петрограду. 21 октября Красная Армия при поддержке Балтфлота развернула контрнаступление и 23 октября освободила Павловск и Детское село.

С. 131–132. *Как снопы, лежат // Трупы по полю. // Кони в страхе ржут...*— Реминисценция 2-х цитат из «Слова о полку Игореве»: 1) «На Немизѣ снопы стелют головами... вѣютъ душу отъ тѣла» и 2) «Комони ржуть за Сулою...» (Слово о полку Игореве, с. 25, 11).

С. 132. *А за Белградом, // Окол Харькова...*— В гражданскую войну здесь часто происходили сражения, населенные пункты переходили от одной власти к другой. В 1918–1921 гг. в Харьковской и Екатеринославской губ. распространилась махновщина. Во второй половине декабря 1919 г. наступление Украинского фронта красных под Харьковом и Киевом создали благоприятную ситуацию для действий партизанских отрядов и восстаний. Есенин проезжал г. Белгород по пути в г. Харьков, куда совершал поездку с 23 марта по 22 апреля 1920 г. вместе с А.Б.Мариенгофом и А.М.Сахаровым.

С. 133. *У околицы Гуляй-полевой...*— Село Гуляй-Поле Екатеринославской губ. в апреле 1918 г. было признано «столицей» махновщины, куда в 1917 г. приехал Н.И.Махно. В ноябре-декабре 1920 г. Красной Армией ликвидирована группа махновцев в районе Гуляй-Поле — Синельниково.

С. 133. *Собиралися //Буйны головы.* — В одной из ранних редакций — «Собирал Махно буйны головы» (см. раздел «Варианты» наст. т.) — Махно Нестор Иванович (1888–1934). В 1917 г. уехал в с. Гуляй-Поле Екатеринославской губ. В апреле 1918 г. создал вооруженный анархистский отряд, начал партизанскую борьбу с австро-германскими оккупантами и гетманскими властями. В 1919–1920 гг. сражался против белогвардейцев, петлюровцев и Красной Армии. Вторжение Деникина на Украину в центр махновщины в январе-феврале 1919 г. и недо-

статок вооружения вынудили Махно искать соглашения с командованием Красной Армии. 19 мая 1919 бригада Махно была разбита деникинцами и бежала с фронта в район своей «столицы» — села Гуляй-Поле, а 28 мая уже воевала против Советской власти (см. коммент. к «Стране Негодяев»).

Первоначально вместо Махно был указан «пастух», что подчеркивает крестьянское происхождение вожака-анархиста.

С. 133. *Эх, песня! ∾ Хоть под тальяночку.* — Возвеличивание жанра песни как такового с одновременным уравниванием достоинств исполнения ее под аккомпанемент гуслей и тальяночки (то есть итальянской гармонии) и создание таким способом видимости былинного и частушечного стиха созвучно мысли П.А.Флоренского: «Можно сказать, что былина — это выражение быта народа, вековечной глубины его жизни, а частушка — злоба дня, мимолетная и, тем не менее, всегдашняя рябь на водной поверхности этого затона» (Флоренский П.А. Собрание частушек Костромской губернии, Нерехтского уезда. Кострома, 1919, с. 19; 1912 — 1-е изд.; подробнее см.: Самоделова Е.А. Былина и частушка в «Песни о великом походе» — сб. «Сергей Есенин: Науч. статьи и материалы междунар. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта 12—13 окт. 1995 г.». Киев, 1996, с. 60-65).

С. 133. *Хоть под гусли тебя пой...*— По воспоминаниям Д.Н.Семёновского, в период обучения в Университете Шанявского Есенин был знаком с гусляром-суриковцем Ф.А.Кисловым и слушал хор гусляров под управлением Н.Н.Голосова (см.: Восп., 1, 156—157; Хроника, 1, 80). В написанной сразу же после смерти поэта статье «Сергей Есенин и русская песня» фольклорист Ю.М.Соколов размышлял 3 января 1926 г. о влиянии гуслей и гармоники на творчество поэта: «Но и уйдя бы опять в деревенскую родную обстановку, не нашел бы Есенин в деревне исце-

ления от мрачных сил. Не услышал бы он там старинных долгих песен под стройные переливы гуслей или прозрачные переливы рожка. Но остался бы он чужд ярким, призывным „агиткам", распеваемым комсомольцами и по-новому дисциплинирующим молодежь. Есенин, на мой взгляд, подчинился опять той же бесшабашной и озорной песне под визгливые всплески надрывной гармошки, с которыми он сроднился с юности в предреволюционные годы» (РГАЛИ, фонд бр. Соколовых Ю.М. и Б.М.).

С. 133. *Цветочек мой! // Цветик маковый!* — «Цветок», «цветочек аленький» — типичное обозначение в частушках «милого парня», часто употребляется в обращениях; у Есенина дано в ироническом ключе. Словосочетание «цветик маковый» восходит к устойчивому выражению «маков цвет» из свадебных приговорки и песни, а эпитет «маковый» применительно к частушке взят из названия второго раздела «Маковые побаски» сборника Есенина «Радуница» (1916).

С. 133. *Ты скорей, адмирал, // Отколчакивай.* — Частушка обладает возможностью ради создания рифмы образовывать окказиональные глаголы, произведенные аффиксальным способом от имени существительного, напр.: «На три года с половиной // Девка осолдатела» (Горелов А.А. Русская частушка в записях советского времени. — Частушки в записях советского времени. М.—Л., 1965, с. 14—15). Это свойство частушки использовал в стихотворении «Страдания следователя по Корниловскому (только ли?) делу. Песня» Д.Бедный в 1917 г.:

То корнилится,
То мне керится,
Будет вправду ль суд,—
Мне не верится.
(Бедный Д. Полн. собр. соч., т. 2.
М.–Л., 1925, с. 156).

Производная лексика от фамилии Колчак по существующим словообразовательным моделям была широко распространена в гражданскую войну: в докладе Троцкого 1 сентября 1919 г. на экстренном заседании Петроградского Совета прозвучала фраза — «...Колчак сделал распоряжение о том, что в случае его гибели его корона должна перейти к его преемнику, Деникину Колчаковичу (громкий хохот)»; существовала газетная рубрика «В Колчаковии» (Петроградская правда, 1919, 2 сент., № 196, с. 2, 2 окт., № 202, с. 1 и 5 окт., № 225, с. 1 и др.).

С. 138. *Корабли плывут // Будто в Индию...*— Индия, «царство Индейское» — возникшее в средневековой Руси под книжным влиянием обозначение богатой земли, куда совершил поход былинный богатырь Волх Всеславьевич и приплыл на кораблях купец — см. «Хожение за три моря Афанасия Никитина». Редактор газеты «Бакинский рабочий» П.И.Чагин, уезжая в феврале 1924 г. из Москвы, на вопрос Есенина «“А Персию покажете?“ — обещал и Персию показать, а если захочет, то и Индию.

— Помните: „Корабли плывут будто в Индию“?

По буйной молодости (я был на три года моложе Есенина) это представлялось мне не таким уж трудным делом» (Восп., 2, 160). Образ «Индии Духа» как мира личной духовной свободы, противопоставленного неотвратимому року исторического бытия, Есенин мог заметить в стихотворении Н.С.Гумилева «Заблудившийся трамвай» (1920) или в творчестве Н.А.Клюева, с 1916 г. воспевавшего Белую Индию и в беседе сообщившего С.Маркову, что он «аж до Тибета доходил, в Китайских горах и в Индии бывал» (см.: Лурье А.Н. Поэма А.С.Пушкина «Медный всадник» и советская поэзия 20-х годов — Уч. записки ЛГПИ им. Герцена, т. 322. Л., 1968, с. 66; Куняев С.С. Огнепалый стих. М., 1990, с. 7, 10).

21—5762

ПРИМЕЧАНИЯ К ВАРИАНТАМ

С. 387. Чам-ча́ра! ча́ра-ча́ра, чара́-ра-ра́ куку — Есенин соединил в одну строку припева (2 и 4 стихи) частушки «Чум-ча́ра», распространенной в 1920-е годы в пограничье России и Украины, исполнявшейся на русском и украинском языках шахтерами Донецка и грузчиками Таганрога, напр.:

Расскажу на злобу дня,
Чум-ча́ра, чу-ра-ра.
А вы слушайте меня,
Ку-ку.

(Пясковский А.В. Коллективная пролетарская поэзия. (Песни Донбасса) М.-Л., 1927, с. 105, ср.: с. 114–115, 155–156, 193)

Вероятно, Есенин мог слышать состоящие из отдельных частушечных строф песенки в исполнении младшего брата А.Б.Кусикова в июне или июле 1921 г.: «Брат мой, всегда беспечный и ко всем случаям жизни безразличный, на тревожные вопросы Есенина, вместо ответа напевал „ростовские песенки“» (РЗЕ, 1, 173), а также во время поездок в Ростов-на-Дону — с 11 июля по 5 августа 1920 г. (с выездом в Таганрог, Новочеркасск) и в конце января— начале февраля 1922 г.

Поэма о 36 (с. 139) — З. Вост., 1924, 25 сент., № 686; Р. сов. <фактически до 25 дек. 1924>; ОРиР.

Печатается и датируется по наб. экз. (вырезка из ОРиР) с исправлением ст. 77–78 «В лунном мерцаньи // Хат» вместо «В лунном мерцании // Хат» по трем автографам; ст. 129–130 «И зорок солдатский // Глаз» вместо «Зорок солдатский // Глаз» по трем автографам, авторизованной машинописи, З. Вост. и Р. сов.; а также с уточнением строфики и композиции по беловым автографам.

Черновой автограф — под заглавием «26. Баллада» с авторской датой «август 1—6» (РГАЛИ). Выполнен химическим карандашом в блокноте на восьми листах. Всего листов 10, все пронумерованы. Нумерация 9-го зачеркнута, а на 10-м (под ним поставлено «9») имеется запись рукой Есенина: «41-й Чернышовские казармы, 2-я маршевая рота отправлена в Ташкент к Фрунзе» (относится к «Песни о великом походе», над которой Есенин работал в то время, см. варианты к поэме в наст. т., с. 380). В тексте имеется одно исправление простым карандашом, выполненное, скорее всего, рукой Г.А.Бениславской — в ст. 137 «двадцать» исправлено на «тридцать». Связано с изменением названия поэмы в сентябре 1924 г. (см. с. 628—629 наст. т.). Этим же карандашом на полях справа проставлены цифры, обозначающие счет строк: «35, 50, 100».

В черновом автографе отсутствует деление строк на полустишия, а также композиционное деление текста на восемь частей-главок при помощи отбивки звездочками. На первой странице сбоку дан принятый в окончательном тексте образец первой строфы.

Беловой автограф (ИМЛИ) — под заглавием «26. Баллада» с авторской датой «август 2—6». Сделан с черновика с последующей авторской правкой.

Беловой автограф (ГЛМ) — под заглавием «26. Баллада» с датировочной пометой С.А.Толстой-Есениной «август 2—6».

Один из беловых автографов находился у А.А.Берзинь, см. в ее воспоминаниях: «У меня хранились его <Есенина> две рукописи: „Песнь о великом походе“ и „Двадцать шесть“. Я сдала их Софье Андреевне Толстой в Музей» (ГЛМ), а также запись в дневнике С.А.Толстой-Есениной от 26 декабря 1932 г.: «Нынче в Дом Герцена приходила Берзина, после я звонила ей. Говорит: „Предлагаю товарообмен“ — дает рукопись 36-ти в том

варианте, когда она называлась „26“, и за нее просит 4 тома ГИЗа» (журн. «Наше наследие», М., 1995, № 34, с. 68).

Машинописный список (РГАЛИ) — под заглавием «36. Баллада» с правкой автора и карандашом Г.А.Бениславской сделан с чернового автографа, дата «Август 1924». Большая часть текста не разделена на строфы. Один из отпусков этой машинописи явился протографом для Р. сов., а также для ОРиР» после внесения дополнительных поправок, сделанных в беловых автографах.

Изменение заглавия и соответствующие замены «двадцать шесть» на «тридцать шесть» в тексте произведены Есениным в связи с замыслом «Баллады о двадцати шести», посвященной героическим бакинским комиссарам. В письмах к Г.А.Бениславской Есенин называл «Поэму о 36» — «36», очевидно, для краткости.

Поэма была написана по приезде Есенина из Ленинграда в Москву за шесть дней. В это время поэт работал над «Песнью о великом походе». Замысел «Поэмы о 36» сложился в Ленинграде, где поэт жил в июне-июле 1924 г. По свидетельству Г.А.Бениславской, в основу этой вещи положены воспоминания И.Ионова: «Его горение заставило С<ергея> А<лександровича> над чем-то в нашей общественной жизни задуматься (он его натолкнул на „Поэму о 36“)» (Материалы, 43).

Ионов (псевд., наст. фам. Бернштейн, 1887—1942) Илья Ионович — поэт, участник революционного движения, печатался в большевистской газете «Правда» и др. С мая 1903 был неоднократно арестован. В 1906 сослан, бежал, но опять арестован. В июне 1907 жестокий тюремный режим в одиночной камере довел его до попытки самоубийства (ГАРФ, ф. Департамента полиции Российской Империи). В ноябре 1908 по обвинению в принадлежности к военно-боевой организации Петербургского комитета РСДРП был приговорен к 8 годам каторги и отбывал ее в каторжных тюрьмах, в том числе в Шлис-

сельбурге. В 1913 сослан в Сибирь, сначала в Нарым, затем в 1915 г. в с. Тутура Верхоленского уезда Иркутской губернии, где пробыл до Февральской революции 1917 г.

После Октябрьской революции публиковал стихи в сборниках и альманахах, заведовал Петроградским (затем Ленинградским) отделением Госиздата. В 1924 г. Есенин написал стихотворение «Издатель славный! В этой книге...», сохранился его беловой автограф с посвящением: «Милому Ионову» (см. т. 4 наст. изд., с. 190, 415—416). Во время поездок в Ленинград Есенин встречался с Ионовым, слушал его рассказы об истории Шлиссельбурга, сибирской каторге, тюрьмах и дореволюционном подполье, которые легли в основу содержания «Поэмы о 36». В.И.Эрлих вспоминал о каждодневном «непременном маршруте» Есенина в Госиздат, где работал И.Ионов: «В двенадцать <...> выходит. <...> В Госиздате сидит у Ионова до трех, до пяти» (Восп., 2, 324—325).

В поэме отразились также собственные впечатления Есенина, в частности, воспоминания детства о революционных событиях 1905 г. в селе Константиново (ср. в тексте «Но я <...> // Был еще глуп // И мал. // И не читал еще книг..»), которое, как и вся Рязанская губерния, было охвачено волнениями и беспорядками среди крестьянского населения (см. документы, хранящиеся в Гос. архиве Рязанской области.— цит. Панфилов, 2, 167—175). Есенин мог вспомнить относящийся к тому времени эпизод ареста зимой 1905—1906 гг. одного из учителей константиновской школы Александра Ивановича Воронова — личности, ставшей легендарной среди односельчан поэта. А.И.Воронов был взят под стражу во время школьного урока, по заведенному на него 31 января 1906 г. делу обвинен в государственном преступлении — «противоправительственной агитации» и заключен в тюрьму. Есенин тогда учился во втором классе, не у Воронова, но, по поздним воспоминаниям сверстников, был с ним

близок («около него вертелся») и переживал его арест (подробнее см. Панфилов, 2, 165—191).

В юношеские годы, будучи сотрудником типографии товарищества И.Д.Сытина, Есенин был связан с революционно настроенными рабочими-печатниками. В марте 1913 г. поэт подписал коллективное письмо «пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района г. Москвы» в поддержку фракции большевиков в Государственной Думе (см. т. 7, кн. 2 наст. изд.) и 1 ноября 1913 г. был взят под наружное филерское наблюдение (см. отчеты агентов охранки о передвижениях Есенина по Москве в первые дни месяца — в ГАРФ, ф. Московского охранного отделения). «Все, что довелось узнать, услышать Есенину в типографии о событиях 1905 г., заставило его задуматься о многом: „Вот и гаснет румяное лето со своими огненными зорями, а я и не видал его за стеной типографии,— писал Есенин в конце августа—начале сентября 1913 г. Г.Панфилову.— Куда ни взгляни, взор всюду встречает мертвую почву холодных камней, и только и видишь серые здания да пеструю мостовую, которая вся обрызгана кровью жертв 1905 г.“» (см. коммент. Ю.Л.Прокушева.— Есенин III (1978), с. 279). Позже в Петрограде Есенин познакомился с народовольцем-шлиссельбуржцем Германом Александровичем Лопатиным. Об одной из встреч с ним Есенина в 1917 г. у Сакеров, издателей журнала «Северные записки», писала в своих воспоминаниях М.Л.Свирская (РЗЕ, 1, 143).

Есенин продолжил работу над поэмой во время поездки в Константиново в августе 1924 г. Сестра поэта А.А.Есенина вспоминала: «Я помню, как часами, почти не разгибаясь, сидел он за столом у раскрытого окна нашей маленькой хибарки. Условия для работы были очень плохие. По существу, их не было совсем. Мы старались не мешать Сергею, но так как дом наш был слишком мал, а

амбар служил кладовой, где хранили и платье, и продукты, то поневоле нам приходилось его беспокоить.

И несмотря на трудности, он упорно работал над „Поэмой о 36“» (Восп., 1, 98). В.Г.Белоусов считает, что в это время Есенин работал над поэмой «Песнь о великом походе» — дорабатывал ее по замечаниям И.Вардина (Хроника 2, 299—300). Однако, как показывают факты, основные изменения в текст второй редакции «Песни о великом походе» были внесены до 14 августа 1924 г., то есть до поездки Есенина в Константиново, и поэма была сдана к тому времени в Госиздат и журнал «Октябрь» (подробнее см. наст. т., с. 582—586). Скорее всего, Есенин продолжал отделывать в Константинове тексты двух поэм — «Песни о великом походе» и «Поэмы о 36». 14 августа 1924 г. Есенин сообщил Е.Я.Белицкому о том, что к этому времени «Песнь о великом походе» «еще значительно переделал», а в письме к А.А.Берзинь, написанном в тот же день, сказано: «Сижу в избе и дописываю поэму». В последнем письме речь идет, скорее всего, о «Поэме о 36». Подтверждением этому являются воспоминания еще одного очевидца тех дней, который связывал работу поэта над «Поэмой о 36» с поездкой в Константиново в августе 1924 г. С.Н.Соколов, преподаватель, затем директор школы в селе Константиново, вспоминал о Есенине: «Укроется в своем любимом амбарчике (он и сейчас сохранился за домом Есениных) и пишет <...> Часто напишет новое стихотворение, просит послушать. Хорошо помню, как он читал отрывки из „Поэмы о 36“» (Восп., 1, 136).

Вернувшись из Константинова, Есенин 26 августа 1924 г. получил за нее аванс (см. расписку Ф.А.Березовскому). 1 сентября 1924 г. перед отъездом на Кавказ послал поэму О.М.Бескину с просьбой опубликовать ее вместе с «Песнью о великом походе» и последними стихами отдельным изданием в Ленинградском отделении Гос-

издата. Как сообщил Есенину в письме от 9 сентября 1924 г. В.И.Эрлих, О.М.Бескин согласился с проектом Есенина, но И.Ионов «заупрямился» (Письма, 248). Только 20 января 1925 г. Бениславская сообщила Есенину о решении И.Ионова издать «Песнь» и «36» «вместе» (Письма, 268). Хлопоты по изданию книги под названием «Две поэмы» продолжались до середины февраля 1925 г., но издание не осуществилось (подробнее см. с. 590—592 наст. т.). 18 февраля 1925 г. В.И.Эрлих писал Г.А.Бениславской «относительно 36-ти»: «Ионов печатать запретил, заявил, что, во-первых, по его сведениям, вещь печаталась уже два раза (?) <в З. Вост. и Р. сов.>, а во-вторых, „он не желает ничего предпринимать до того времени, как Сергей лично приедет и расхлебает всю кашу (?)". Со своей стороны должен прибавить (Ионов этого не знает): в Питере появилась книжка Грузинова „Избяная Русь", причем в каталоге издательства „Современная Россия" в числе изданных книг значится „36"» (Письма, 346). Отдельной книгой не выходила, позже вошла в состав ОРиР, вышедшей в издательстве «Современная Россия» в конце апреля 1925 г.

В 1924 г. Есенин предполагал включить поэму в готовящийся том своих произведений и писал Бениславской 17 октября 1924 г.: «Первым в поэмах „Пугачев", потом „36", потом „Страна Нег<одяев>" и под конец „Песнь"» (см. также письмо от 29 окт. 1924 г.) и 2 ноября 1924 г.: «"36" давайте куда хотите». В ответ Бениславская сообщила Есенину, что через Вардина, может быть, даст «36» в «Молодую гвардию»: «...ведь все равно Ионов ее издаст <...>, чего ж тогда ее здесь перед тем не пустить?» (письмо от 15 дек.— Письма, 259).

«Поэма о 36» была сдана также в альманах «Ковш», о чем Бениславская сообщила Есенину 20 января 1925 г.: «36» «сдана в „Ковш" (журнал Серапионовцев, типа „Красной нови")» и для этой цели послала Эрлиху вырезку из

З.Вост. с первой публикацией поэмы (Письма, 268), но поэма там не была напечатана. 1 мая 1925 г. В.И.Эрлих писал: «В „Ковше“ полная неразбериха. <...> Сменяется редакция и ни черта не разберешь» (Письма, 348).

Есенин дорожил «Поэмой о 36», как и другими своими революционными вещами. Об этом свидетельствует ответ поэта на письмо Бениславской от 15 декабря 1924 г., содержащее критику этой поэмы. Бениславская писала: «Мне не очень хочется ее печатать, и Вардин не советует... <...> Вардин говорит, что ее Вам отделать бы, а я того хуже, согласна с Воронским — „Черного принца“ Асеева помните? В ритме ли, в форме ли, но мне что-то не нравится (ох и распушите же Вы меня за такие речи!)» (Письма, 259). Есенин оставил без внимания упомянутые параллели, но высказался по основному вопросу об «отделке» этого произведения: «Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отделывать стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требователен. Только я пришел к простоте».

Есенин довольно редко выступал с чтением «Поэмы о 36». Известно, что он читал ее в Константинове в августе 1924 г. (Восп., 1, 136). О чтении этой вещи после приезда Есенина из Константинова вспоминала также С.С.Виноградская (см. ниже, с. 641). 3 октября Есенин читал «Москву кабацкую», «Русь советскую» и «Песнь о великом походе» в клубе имени Сабира в Баку. К тому времени «Поэма о 36» была опубликована в З. Вост. «Очень жаль,— заметил М.Данилов в информации об этом вечере,— что не была прочитана честная и красивая „Поэма о 36“» (за подписью М.Д-ов.— Бак. раб., 1924, 6 окт., № 226; вырезка — Тетр. ГЛМ).

«Поэма о 36» была отмечена лишь в нескольких критических откликах. П.И.Чагин в предисловии к Р. сов. писал: «Собранные здесь стихи — первые ласточки, первые предвестники настоящей революционной весны есе-

нинского творчества.В этих стихах Сергей Есенин — уже больше чем попутчик, он уже наш спутник, с буйным молодым задором пробивающийся через разношерстную, вслушивающуюся в революцию толпу, куда он попал, вырвавшись из четырех стен — в широкую революционную массу» (из предисловия к Р. сов., с. 3—4).

М.Данилов, соглашаясь с оценкой П.И.Чагина, писал о книге Есенина: «Свежий советский ветер опахнул большую, творческую душу Есенина, изболевшую, искалеченную кабацким надрывом.

И в струях этого ветра омылось чудесное дарование Есенина, зазвенело новыми песнями.<...>

Незачем вдаваться в формальный разбор книжки.

В ней — сочный черноземный есенинский язык, крепкая, насыщенная живыми красками образность, серебряная звучность рифмы, изумительная ритмика (особенно в „Поэме о 36“, бесспорно, сильнейшей вещи сборника).

И напрасно Есенин утверждает, что „октябрю и маю“ он „лиры милой“ не отдаст.

Он уже отдал ее, сам того не замечая» (Бак.раб., 1924, 25 дек., № 294).

В.А.Красильников в рецензии на четыре книги Есенина: «Березовый ситец», «О России и революции», «Русь советская», «Персидские мотивы», вышедших в свет в 1925 г., увидел ценность новых стихов Р. сов. и «Персидских мотивов» «прежде всего в социальности и революционности тем». «...Вчерашний лирик-индивидуалист,— продолжал критик,— заговорил о героической смерти в Баку двадцати шести ответственных советских работников (Баллада о 26), о побеге из Шлиссельбурга тридцати шести политических заключенных (Поэма о 36). Поэт еще не нашел для новых революционных тем оригинальной, достаточно сильной и крепкой формы („Поэма о 36“ написана размером „Поэмы о 26“ Н.Асеева <асеевская поэма „Двадцать шесть“ датирована 1925 г., а есенин-

ская — авг. 1924>, а „Песнь о великом походе“ уложена в размер частушки), и в этом отношении ему придется много поработать, отбросив за ненужностью некоторую часть приемов старой лирики, нередко бившей на эффект скандала. На пути формальных переоценок и исканий стоит и сам поэт...» (журн. «Книгоноша», М., 1925, 31 июля, № 26, с. 17; см. то же — журн. «Город и деревня», 1925, 1 сент., № 16/ 17 , с. 75—76).

С. 139. *Поэма о 36.* — Первоначальное заглавие «26. Баллада» имело, возможно, связь с гибелью 26 бакинских комиссаров — С.Г.Шаумяна, П.А.Джапаридзе, М.А.Азизбекова, И.Т.Фиолетова и др. деятелей Бакинской коммуны 1918 г., расстрелянных 20 сентября 1918 г. на 207-й версте Закаспийской железной дороги, между станциями Перевал и Ахча-Куйма близ Красноводска (подробнее см. коммент. к «Балладе о двадцати шести» — т. 2, с. 424—425 наст. изд.). П.И.Чагин вспоминал, что Есенин еще в Москве (февр. 1924) признавался, что тема гибели 26 комиссаров волнует его (Чагин П.И. Сергей Есенин в Баку.— Сб. «Сергей Есенин. Исследования. Мемуары. Выступления», М., 1967, с. 253).

Вместе с тем Есенин, вероятно, знал, что одной из самых «знаменитых» одиночек Шлиссельбурга была двадцать шестая. В камере № 26 сидели Н.А.Морозов и Ф.Н.Петров. Номер одиночки считался также номером заключенного в ней узника. «Не шуми, двадцать шестой!», «Выходи, двадцать шестой!» — покрикивали на меня надзиратели,— вспоминал Ф.Н.Петров (сб. «На каторжном острове: Дневники, письма и воспоминания политкаторжан „нового Шлиссельбурга“ (1907—1917 гг.)», Л., 1967, с. 21).

«Баллада о двадцати шести» была создана в сентябре и 22 сентября напечатана в Бак. раб. Но уже в конце августа поэме о «клокочущем пятом годе» и политкаторжанах Шлиссельбурга было дано иное название: «36». В

письме к О.М.Бескину, написанном 1 сентября 1924 г., Есенин назвал ее «балладой „36“», а рукой неустановленного лица (скорее всего, работником редакции, где имелся автограф этого произведения под названием «26. Баллада») карандашом «2» исправлено на «3». Второй вариант названия «36. Баллада» зафиксирован также в машинописном списке поэмы. Текст этой вещи, сданный в З. Вост. до 17 сентября 1924 г., получил третье окончательное заглавие «Поэма о 36» (см. объявления о публикации «Поэмы о 36» в З. Вост., 1924, 17 сент., № 679; 1924, 21 сент., № 683). В письме к Г.А.Бениславской от 17 октября 1924 г. Есенин указал: «Эрлиху напишите, чтоб поэму пускал как „36“, а не „26“». 13 ноября этого же года Бениславская писала Эрлиху, что Есенин «название „26“ изменил на „36“ и в заглавии и в тексте. <...> „26“ переименовать в „36“, соответственно изменив в тексте» (Письма, 341—342).

Образность поэмы навеяна, в частности, мотивами стихотворений И.Ионова, вошедших в его сб. «Алое поле», Пг., 1917 (первое издание), с которым Есенин был, несомненно, знаком. Ср., например, перекличку строк «Если ты хочешь // В лес, // Не дорожи головой» и «Хочется вырвать // Окно // И убежать в луг», которые являются сквозным лейтмотивом поэмы, со стихотворением, написанным И.Ионовым в Шлиссельбурге:

О, пустите меня,
Дайте лесом дышать,
Дайте яркости дня
Мою грудь обласкать.
Дайте в травы лугов
Опуститься, уснуть.
У зеленых стогов
Отдохнуть, отдохнуть.

(Ионов И. Алое поле. Пг., 1917, с. 17)

Строки «Я знаю, наверно, // И ты // Видал на снегу // Цветы» и «Капал горячий // Мак» (с. 146 наст. т.) восходят к стихотворению И.Ионова «Цветы казненных», ср. «Цвели, как знак кровавых дней», см. также «Первые цветы» и «Снежинки» (V) — «цветов ароматы» и др. Цветы были яркой приметой жизни политкаторжан «нового Шлиссельбурга». Небольшой дворик, где совершались совместные прогулки, был украшен цветами, посаженными заключенными. Некоторые из них «занимались сушкой цветов, которыми обклеивали специально нарезанные картонки вроде почтовых открыток и в письмах отправляли своим родным» (сб. «На каторжном острове», с. 162, 183). Выражение «цветы Шлиссельбурга» стало нарицательным. В 1963 г. единственная из здравствовавших тогда участниц «Группы помощи политкаторжанам Шлиссельбурга» А.Я.Бруштейн опубликовала документальную повесть о шлиссельбуржцах под названием «Цветы Шлиссельбурга».

Клен, который дважды упоминается в поэме как знак родного дома и России, является не только сквозным образом поэзии Есенина, но встречается и у Ионова в заключительных строках стихотворения «Узник», также написанного в Шлиссельбурге:

Темный лес, река и клен,
Перед смертью из неволи
Вам поклон!
(Ионов И. Алое поле, с. 16)

С. 141. *Баргузин* — северо-восточный ветер на Байкале (Даль, 1, 48). Ср. «Эй, баргузин, пошевеливай вал...» из песни «Славное море, священный Байкал...» (сб. «Русские народные песни» / Сост. А.Г.Новиков. Сб. 1–3. М.—Л., 1936–1937, Сб. 1, с. 176).

С. 143. *Шлиссельбург.* — В пер. «ключ-город» — наименование г. Петрокрепость в 1702–1944 гг. на Оре-

ховом острове, в истоке Невы из Ладожского озера. В поэме Есенина упоминается трижды как исторический знак, уходящий в далекое прошлое России (основан новгородцами в 1323 г.). После постройки Кронштадта (1703) утратил военное значение и превратился в тюрьму, где содержались особо опасные политические заключенные, начиная с сына Петра I царевича Алексея: в XIII—XIX вв. — опальные царедворцы, раскольники, беглые крестьяне, А.Н.Радищев, писатели-просветители Н.И.Новиков, В.Н.Каразин и др., а также несколько поколений революционеров, в том числе декабристы А.П.Барятинский, В.К.Кюхельбекер, И.И.Пущин и др., народовольцы Г.А.Лопатин, Н.А.Морозов, В.Н.Фигнер, члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Н.Э.Бауман, М.С.Ольшанский, А.С.Шаповалов, брат В.И.Ленина — А.И.Ульянов, М.Горький и др. (см. «Галерея шлиссельбургских узников». Ч.1. СПб., 1907; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Изд. 3-е. т. 4, Петропавловская крепость. 1900—1917, М., 1962). Значение Шлиссельбурга как места лишения свободы со времени первой русской революции 1905 г. изменилось. Он перестал быть тюрьмой для отбывания наказания и стал преимущественно местом предварительного заключения, после которого осужденные ссылались на поселение или отбывали каторжные работы в Сибири (это получило отражение в тексте Есенина, ср. «До енисейских мест // Шесть тысяч один // Сугроб»). В 1907—1917 гг. через Шлиссельбург прошли свыше 530 политкаторжан.

Воспоминания политкаторжан говорят о том, что Есенин лаконично, но очень точно отразил условия их заключения (см. указ. сб. «На каторжном острове»). В годы, предшествовавшие написанию «Поэмы о 36», вышли в свет воспоминания известных шлиссельбуржцев: Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1916—1918, т. 1—4; Фигнер В.Н. Запечатленный Труд. М., 1922; Панкратов В.С.

Жизнь в Шлиссельбургской крепости. Пг., 1922. Шлиссельбургская крепость стала историко-революционным музеем (1922). Шлиссельбургский музей решено было организовать также в Москве (см. газ. «Известия ВЦИК», М., 1919, 23 апр., № 85). Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев в 20-е гг. издавало свой журнал «Каторга и ссылка», откуда Есенин также мог почерпнуть интересующие его сведения.

И.Ионов являлся одной из ярких фигур среди оставшихся в живых узников Шлиссельбурга «нового времени». Будучи председателем Ленинградского общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, он осуществлял живую связь и преемственность разных поколений революционеров-шлиссельбуржцев и принимал активное участие во всех мероприятиях общества в течение 1923—1924 гг. (см. раздел «Хроника» в журн. «Каторга и ссылка»). Например, на вечере шлиссельбуржцев, состоявшемся 22 декабря 1924 г. в Большом Академическом театре с участием В.Н.Фигнер, М.Ю.Ашенбреннера, М.П.Шебалина, М.Ф.Фроленко и М.В.Новорусского, И.Ионов выступал с приветствием старым ветеранам революции от нового поколения шлиссельбуржцев, отбывавших каторгу после революции 1905 г. (журн. «Каторга и ссылка», 1924, № 6 (13), с. 271).

С. 143—144. *Там, упираясь // В дверь, // Ходишь, как в клетке // Зверь.* ∾ *Но долог тюремный // Час. // И зорок солдатский // Глаз.* — Отражение реалий одиночного заключения в Шлиссельбургской крепости. Ср. «Через окно можно видеть кусок неба и шагающего на высокой стене часового с ружьем. <...> Четыре шага вперед, четыре — назад. Не подсчитал, сколько шагов проделывал за день по камере. Но, несомненно, несколько километров ежедневно, пока голова не закружится» (Гамбург И.К. За крепостными стенами.— Сб. «На каторжном острове», с. 154).

С. 144. *Их было тридцать // Шесть. // В камере негде // Сесть.* — В общих камерах Шлиссельбурга сидело по 20—25 человек (см. воспоминания Д.А.Трилиссера «Новый Шлиссельбург» в сб. «На каторжном острове», с. 41). Это соответствовало содержанию первого варианта поэмы («Их было двадцать // Шесть...»).

С. 148. *Браслет.* — Жаргонное название ручных кандалов.

С. 148—149. *Может случиться // С тобой ∾ Перстень носить // Золотой.* — Перефразированы строки из песни сибирских каторжан «Паша, ангел непорочный...». Сестра поэта А.А.Есенина рассказывала: «Больше всего я любила слушать, когда он пел песню „Паша, ангел непорочный, не ропщи на жребий свой...“ Слова этой песни, мотив, отцовское исполнение — все мне нравилось. Эту песню пела у нас и мать, пели ее и мы с сестрой, но отец эту песню пел лучше всех. Слова из этой песни Сергей использовал в „Поэме о 36“. В песне поется:

Может статься и случиться,
Что достану я киркой,
Дочь носить будет сережки,
На ручке перстень золотой...»

(Восп., 1, 90)

В варианте этой песни, сохравшейся в памяти старожилов села Константиново (записан в конце 60-х годов), есть такие слова:

Может статься и случиться,
Что добуду я киркой.
Ты носить будешь сережки,
На ручке перстень золотой.

Может быть, и донесется
Обо мне к тебе молва;
Сердце кровью обольется,
Как услышишь те слова.

(текст песни полностью со слов жителей села Константиново — Е.А.Воробьевой, П.П.Дрожкиной, П.С.Вавиловой, см.: Панфилов, 1, 237, а также текст песни, бытовав-

шей в Московской губернии: Чернышев В.И. Сведения о некоторых говорах Тверского и Московского уездов.— Сб. Отд. Рус. языка и словесности имп. Акад. Наук. Т. 75, № 2, СПб., 1904, с. 120, 178–179. Здесь же имеется комментарий: «... песня сочинена одним московским квартальным, убившем свою жену из ревности» (с. 178).

С.С.Виноградская вспоминала, что Есенин очень дорожил старинным песенным источником: «...при чтении им этой, еще недоделанной, поэмы, его слушатель открыл „источник“ ее; <...> обнаружил знакомство с песней, старой, забытой песней сибирских каторжников, откуда Есениным были взяты приведенные выше слова. Это привело его в неописуемый восторг, он был буквально обуян радостью и все твердил: „Да ведь дед, старый мой дед один только и понял это, он знает, помнит еще эту песню. А так никто ее не знает. А вы ее знаете? Вот хорошо-то, ведь песню-то знает!“

И рассказал, что, когда он это место прочитал своему двоюродному деду (Есенин за неделю до того был в деревне), тот сказал:

— А что, и тебя, небось, трогают эти песни, помнишь их! Ну, ну!

Чтение этой поэмы кончилось пением ставшей в этот вечер „знаменитой песни“:

Там, где солнышко не всходит,
Где сияет лишь заря,
Там суждено мне жизнь окончить
По приказанию царя.

И пуще всех заливался Есенин» (сб. «Как жил Есенин. Мемуарная проза», Челябинск, 1991, с. 27).

В поэме можно увидеть близость к другим широкоизвестным песням ссылки и каторги: «По диким степям Забайкалья..», «Солнце всходит и заходит...», «Глухой, не-

ведомой тайгою...» и др. (см. сб. «Русские песни и романсы». М., 1989, с. 468—472).

С. 153. *В жизни живут лишь раз...* — Перекличка с песней «В жизни живем мы только раз...», которую любил и часто напевал Есенин в разные годы и в разных вариантах, начиная с 1921 г. Ср. слова Творогова из 7-й главы «Пугачева»:

Только раз ведь живем мы, только раз!

где также явная перекличка с этой песней, на которую указал еще А.Б.Кусиков в воспоминаниях о поэте, написанных сразу после его смерти (подробнее о ней см. в коммент. к «Пугачеву» — наст. т., с. 529—530).

Глупый сибирский // Чалдон. // Скуп, как сто дьяволов, // Он. — *Чалдон* (челдон) — сибиряк, русский, не пришлый, коренной житель Сибири. Исследователи отмечали своеобразные черты характера типа сибирского «челдона»-крестьянина: «особую практичность», «решительность и настойчивость, но также и известную суровость, замкнутость и недоверчивость по отношению к посторонним» (Токарев С.А.Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. М., 1958, с. 32, см. также: Ядринцев Н.Н. Сибирь как колония. СПб.,1882, с. 55—59).

Анна Снегина (с. 158),— журн. «Город и деревня», М., 1925, № 5, 20 марта (ст. 57—80, 271—318), с. 73; № 8, 1 мая (ст. 499—581), без посвящения, с. 52; Бак. раб., 1925, 1 мая, № 95 (ст. 1—318); 3 мая, № 96 (ст. 319—782); Кр. новь, 1925, № 4, май, без посвящения.

Печатается и датируется по наб. экз. (вырезка из Бак. раб.) с исправлением ст. 59 «Стрелял я мне близкое тело» вместо «Стрелял я в мне близкое тело»; ст. 177 «Жестокую судоргу щек» вместо «Жестокую судорогу щек»; ст. 214 «При всем при честном народе» вместо «При всем честном народе»; ст. 289 «Про нашу крестьянскую жисть»

вместо «Про нашу крестьянскую жисть»; ст. 544 «Их рок болтовней наградил» вместо «Их рок болтовней наделил»; ст. 588 «Когда я всю ночь напролет» вместо «Тогда я всю ночь напролет»; ст. 672 «Ненужных насмешек и слов» вместо «Не нужно насмешек и слов»; ст. 711 «Ночная июньская хмарь» вместо «Ночная июльская хмарь». Исправления внесены по двум автографам, авторизованной машинописи и двум вырезкам из Кр. нови с правкой автора; ст. 645 печатается: «Ну разве всего описать» по всем источникам.

Черновой автограф (РГАЛИ) — без заглавия (заглавие — «Радовцы. Повесть» — зачеркнуто) с датой: «1925 г. Батум», без посвящения. Композиционное деление внутри глав звездочками отсутствует. Строфическое деление — четверостишиями.

Состоит из трех разновременно выполненных частей. Листы 1—8, 15—18 записаны простым карандашом в блокноте с дарственной надписью «Т.Есенину от <подпись неразборчива>». Большая часть листов блокнота вырвана, оставшаяся была первоначально пронумерована автором карандашом подряд. Ст. 1—223, включая строку «Как старый знакомый и гость», выполнены на листах 1—8; ст. 369—498, начиная со слов «Но почему-то, не знаю» и кончая заключительной строкой III-й части «Поедем-ка, Прон, в кабак...», — на листах с первоначальной нумерацией 9—12, окончательной – 15—18.

После 8-го листа в блокнот вложено 6 нелинованных листов (формат 23,5 x 18,25), исписанных химическим карандашом, имеющих первоначальную пагинацию 7—12 и включающих текст второй половины II-й части и начало III-й со ст. 224 «Иду голубою дорожкой...» до ст. 368 «Найдемте другой язык...»

После 18-го (по первоначальной нумерации 12-го) листа в блокнот вложено еще 11 нелинованных листов формата 17,0 x 25,0 — части IV и V, начиная со слов «Все

лето провел я в охоте», написанных химическим карандашом. Судя по палеографическим особенностям, в том числе пагинации страниц (части IV и V первоначально имели самостоятельную пагинацию, которая трижды, а в ряде случаев и четырежды менялась), а также характеру и объему правки, текст в блокноте и отдельные листы выполнены в разное время. С.А.Толстая-Есенина описала автограф, выполненный на отдельных листах и начинающийся словами «„Все лето провел я в охоте“ 17 лл.», как самостоятельный и пометила как «первый черновик» (см. в папке «Разночтения и варианты», ГЛМ). Другая запись С.А.Толстой-Есениной относится к автографу, находящемуся в блокноте: «„Анна Снегина“ „Село <значит> наше Радово“ <...> Блокнот. Середина оторвана (стр. 8 потом сразу 15 и до 18). Всего 12 лл. Карандаш с мн. правками, б/д, б/п. 5753/2».

Судя по содержанию и пагинации страниц различных частей чернового автографа, композиция поэмы в процессе работы существенно менялась. Можно предположить, что на одном из ранних этапов работы Есенин начал поэму с описания революционных событий в Петрограде (начало V-й части), затем отказался от этого зачина, решив связать основное действие с революционными событиями в деревне. Листы меньшего формата, вероятно, были заполнены поэтом позже. Второй вариант пагинации отдельных листов показывает, что на одном из этапов работы над рукописью поэмы эти листы входили в части, получившие обозначение IV и V, которые начинались со слов «Все время провел я в охоте...» Впоследствии в блокноте был записан недостающий текст, а отдельные листы вложены в определенное для них место.

Беловой автограф — с датой: «1925 январь Батум», с посвящением А.Воронскому (РГБ). Композиционное деление текста внутри глав при помощи звездочек и отточий проведено непоследовательно. Строфика — четверостишиями. Принадлежал И.В.Евдокимову. Написан летом

1925 г. в одну ночь по памяти (см. коммент. к 4-му т. Собр. ст. 1927 г., с. 412). Затем находился в коллекции В.Г.Данилевского, позднее поступившей в РГБ.

Машинописный список — с авторской правкой и датой: «1925-го Январь. Батум» (ИМЛИ). Протограф публикаций в Бак. раб. и Кр. нови.

Вырезка из Кр. нови — с пометами автора (РГАЛИ).

Вырезка из Кр. нови — с дарственной надписью автора «Милой Соне. *С.Есенин. 1 июнь. 25 Москва*» (собрание Ю.Л.Прокушева), с пометами автора.

Сохранился машинописный список стихотворения «Мой путь» под заглавием «Анна Снегина» (вписано рукой Есенина); заглавие «Мой путь» зачеркнуто (РГАЛИ). Имеется правка автора в тексте, а также вписана и зачеркнута строфа «Ведь это та, // Что в детстве я любил, // Та — // На которой я хотел жениться...» (см. наст. изд., т. 2, с. 246). Вероятно, возвращение к первоначальному заглавию стихотворения, напечатанному в Бак. раб. (1925, 24 апр., № 90), связано с решением Есенина дать это заглавие своей большой лиро-эпической поэме, где был развит тот же мотив (в черновом автографе, написанном в дек.-янв. 1925 г. в Батуме, поэма заглавия не имела, первоначальное заглавие — «Радовцы. Повесть» — зачеркнуто, см. выше, с. 643).

В перечне есенинских материалов, сделанном С.А.Толстой-Есениной, зафиксирована машинопись «ОГИЗ под названием "Село Радово", отрывок» (местонахождение неизвестно).

Замысел поэмы «Анна Снегина» возник, вероятнее всего, после поездок в родное село Константиново, в конце мая — начале июня и в августе 1924 г. По словам А.К.Воронского, вернувшись в Москву в начале июня, Есенин некоторое время ходил притихший и как будто потерявший что-то в родимых краях: «Все новое и непохожее. Все очень странно» (Восп., 2, 73). Позже писатель

Ю.Н.Либединский вспоминал о других впечатлениях, которыми делился с ним Есенин после поездки в Константиново в августе этого года:

«— Знаешь, я сейчас из деревни... <...> А все Ленин! Знал, какое слово надо сказать деревне, чтобы она сдвинулась. Что за сила в нем, а? <...>

И все, что он мне тут же рассказал о деревенских делах, потом, словно процеженное, превратилось в его знаменитых стихах о деревне и в „Анне Снегиной" в чистое и ясное слово поэзии» (Восп., 2, 151).

Есенин начал работать над поэмой в конце 1924 г. на Кавказе. В процессе завершения «поэмы» «Цветы» (см. т. 4, с. 203—208, 428—429 наст. изд.) Есенин все больше внимания уделял «Анне Снегиной». 14 декабря 1924 г. поэт сообщил П.И.Чагину: «Теперь сижу в Батуме. Работаю и скоро пришлю Вам поэму, по-моему, лучше всего, что я написал». Журналист Л.И.Повицкий, у которого Есенин жил в небольшом уединенном домике, окруженном зеленью и фруктовым садом зимой 1924—1925 гг. в Батуме, вспоминал: «Я решил ввести в какое-нибудь нормальное русло дневное времяпровождение Есенина. Я ему предложил следующее: ежедневно при уходе моем на работу я его запираю на ключ в комнате. Он не может выйти из дома и к нему никто не может войти. В три часа дня я прихожу домой, отпираю комнату, и мы идем с ним обедать. После обеда он волен делать что угодно» (Восп., 2, 247). Есенин заметил о своем творческом подъеме в эти дни Г.А.Бениславской (письмо от 17 дек. 1924 г.): «Работается и пишется мне дьявольски хорошо. <...> Лёва <Повицкий> запирает меня на ключ и до 3 часов никого не пускает. Страшно мешают работать» и через три дня ей же: «Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра.

Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы,

не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия. <...> Я скоро завалю Вас материалом. Так много и легко пишется в жизни очень редко».

Действительно, одна из крупнейших вещей Есенина была создана за очень короткий срок. Уже 20 января поэт просил Г.А.Бениславскую: «Скажите Вардину, может ли он купить у меня поэму 1000 строк. Лиро-эпическая. Очень хорошая». О завершении работы над «Анной Снегиной» Есенин сообщил также в письме к Н.К.Вержбицкому от 26 января: «Сейчас заканчиваю писать очень большую поэму. Приеду, почитаю». 9 февраля Есенин посылает Г.А.Бениславской телеграмму: «Скажите Вардину, поэму высылаю».

1 марта Есенин вернулся в Москву. «Из Баку,— вспоминал В.Ф.Наседкин,— он привез целый ворох новых произведений: поэму „Анна Снегина", „Мой путь", „Персидские мотивы" и несколько других стихотворений.

„Анну Снегину" набело он переписывал уже здесь, в Москве, целыми часами просиживая над ее окончательной отделкой. В такие часы он оставался один, и телефон выключался» (Восп., 2, 304). В начале марта Есенин сдал поэму А.К.Воронскому в Кр. новь (см. об этом письмо Н.К.Вержбицкого К.Л.Зелинскому от 29 янв. 1956 г.— Письма, 496), а затем послал текст поэмы П.И.Чагину и сообщил в письме: «"Анна Снегина" через два месяца выйдет в 3 № „Красной нови" <опубликовано в № 4>. Печатай скорей. Вещь для меня очень выигрышная, и через два-три месяца ты увидишь ее на рынке отдельной книгой». Отдельной книгой не выходила.

«Своим литературным друзьям,— вспоминал В.Ф.Наседкин,— он охотнее всего читал тогда эту поэму. Было видно, что она нравилась ему больше, чем другие стихи» (Материалы, 212). В Батуме Есенин прочитал оконченную вчерне поэму Л.И.Повицкому и спросил его мнение. «Я сказал,— писал Повицкий,— что от этой лирической повести на меня

повеяло чем-то очень хорошо знакомым, и назвал имя крупнейшего поэта шестидесятых годов прошлого столетия.

— Прошу тебя, Лёв Осипович, никому об этом не говори!

Эта простодушно-наивная просьба меня рассмешила. Он тоже засмеялся.

— А что ты думаешь — многие и не догадаются сами...» (Восп., 2, 247).

По приезде в Тифлис в феврале 1925 г. Есенин читал поэму друзьям на квартире Н.К.Вержбицкого. «Спросил: какого я мнения? Я сказал: „Мне очень нравится. И хорошо, что твой герой под конец поэмы не огрызнулся, не позлорадствовал, а пожалел и Анну и свою чистую любовь к ней... Ты правильно поступил, что не прельстился агиткой, дал настоящее человеческое и, вместе с тем, человечное разрешение всему“» (журн. «Звезда», Л., 1958, № 2, с. 174).

В марте, уже вернувшись в Москву, Есенин читал «Анну Снегину» матери, которая приезжала навестить своих детей. «Она, как всегда,— вспоминала А.А.Есенина,— слушала чтение Сергея с затаенным дыханием, не перебивая его, ни о чем не расспрашивая. Неграмотная, она отлично понимала стихи сына и многие из них запоминала во время его чтения» (Восп., 1, 107). Известен снимок, где поэт сфотографирован с матерью за самоваром во время чтения поэмы (см. т. 7, кн. 2 наст. изд.).

Первое публичное выступление с «Анной Снегиной» состоялось в Доме Герцена на собрании литературной группы «Перевал» (предположительно датировано В.Г.Белоусовым 14 марта — по информации в газ. «Известия», 1925, 14 марта, № 60). Об этом вечере осталось несколько мемуарных свидетельств. В.Ф.Наседкин вспоминал: «Поэма готова. Я предложил ему прочитать ее в „Перевале“. Есенин согласился. <...>

Поместительная комната Союза писателей на третьем этаже была набита битком. Кроме перевальцев „на Есенина“ зашло много „мапповцев“, „кузнецов“ и др.

Но случилось так, что прекрасная поэма не имела большого успеха. Спрошенные Есениным, рядом с ним сидящие за столом, о зачитанной вещи отозвались с холодком. Кто-то предложил „обсудить“. Есенин от обсуждения наотрез отказался. <...> Все же с собрания Есенин ушел немного расстроенный, маскируя свое недовольство обычным бесшабашным видом. Перед уходом спросил тов. Воронского, нравится ли ему поэма.

— Да, поэма мне нравится,— ответил Воронский» (Материалы, 212–213).

Несколько иначе об этом выступлении Есенина вспоминал в 1949 г. в эмиграции писатель Р.М.Акульшин (Р.Березов). Ему запомнилось, что семнадцатилетний перевалец, поэт Джек Алтаузен утверждал, «что новая поэма Есенина — шаг назад, что язык поэмы беден, рифмы не блестящи, идея не ясна. Все почувствовали неловкость. Есенин зарделся от возмущения.

— Меня бы удивило, если б все это было сказано знатоком русского языка или талантливым человеком. Но кто меня критикует? Молокосос Джек, не знающий русского языка, не обладающий хотя маленькой искоркой таланта!

Поэма получила высокую оценку всех, кто выступал после Алтаузена, но Есенин не мог успокоиться до конца вечера» (РЗЕ, 1, 250). Г.А.Шенгели, слушавший декламацию «Анны Снегиной», по словам М.Д.Ройзмана, был удивлен, что «эта вещь большого мастерства не дошла до слушателей» (Восп., 1, 405). Присутствовавший на вечере литератор И.С.Рахилло вспоминал: «За столом я увидел Есенина и Воронского. Справа, у стены, сидели, не раздеваясь, Зинаида Райх и Мейерхольд. <...> Есенин выступал в шубе с меховым воротником. <...> Не поднимая глаз, с опущенной головой, голосом, проникновенно тихим

и немного хриповатым, он начал читать... <...> Есенин читал поэму негромким голосом, как бы гордясь этой достигнутой им эпической формой стихосложения, не нуждающейся ни в каком внешнем украшательстве. <...> Никогда потом не приходилось слышать такого чтения, проникновенного и выразительного, полного необыкновенной простоты и непередаваемой задушевной напевности...<...> Молча выслушал Есенин критику Воронского...» (в его кн. «Московские встречи». М., 1961, с. 59—63, а также воспоминания С.Фомина в сб. «Памяти Есенина». М., 1926, с. 134—135). С.А.Толстая-Есенина рассказывала, как Есенин, радостный, пришел к ней «с четвертым номером журнала „Красная новь", еще пахнущим типографской краской», и прочитал всю поэму. «Я сидела, не шелохнувшись. Как он читал! А когда кончил, передавая журнал, сказал, улыбаясь: „Это тебе за твое терпение и за то, что хорошо слушала"» (см.: Прокушев Ю. Они знали Есенина. Из встреч с современниками поэта.— День поэзии 1975, М., 1975, с. 198—199).

А.Л.Миклашевская вспоминала, что у «друзей» Есенина «прекрасная поэма» вызывала «иронические замечания: „Еще нянюшку туда — и совсем Пушкин!"» (Восп., 2, 84, с исправлением опечатки по машинописи из архива А.Л.Спировой).

С.А.Толстая-Есенина подчеркивала, что поэма «имела большой успех у рядового читателя, но литературной средой и критикой <...> была встречена равнодушно и даже отрицательно. На Есенина это произвело тяжелое впечатление» (Комментарий).

В одной из первых рецензий на поэму анонимный автор (скорее всего, В.Друзин; имеется дословные совпадения анонимного текста с рецензией критика в Кр. газ.; см. ниже), отрицательно оценивший «мелкие стихи», опубликованные в № 3—6 Кр.нови, которые, за исключением двух отрывков Ильи Сельвинского из поэмы «Уля-

лаевщина», «зачем напечатаны — неведомо», писал: «"Анна Снегина" — история о двух друг в друга невпопад влюбляющихся существах. Социальной значимостью выведенные герои не обладают. Любовная канитель эта тянется на фоне бунтующей деревни... <...> Есенин совсем не видит важности происходящего. В его поэме революция — нечто случайное, привходящее. <...> Формально Есенин здесь находится под значительным влиянием Некрасова. Но, к сожалению, некрасовские строчки в меньшинстве. <...> Упадок словесного мастерства — очевидный» (журн. «Звезда», Л., 1925, № 4, с. 293–295). В.Друзин в рецензии на № 4 Кр. нови начал разговор с «Анны Снегиной» и отозвался о поэме еще более резко. «Когда-то кн. П.Вяземский,— иронизировал критик,— сказал про одного плодовитого писателя: „Помилуйте, да разве он пишет. — Его слабит чернилами". Пожалуй, симптомы этой болезни можно заметить и у Есенина. За последний год им написано несуразно много, и написанное большой ценностью не отличается. <...> Если в книге „Русь советская" звучали кое-где некрасовские нотки, то в поэме „Анна Снегина" некрасовское влияние неоспоримо. (Это в лучших строчках,— к сожалению, такие в меньшинстве.) Но Некрасов не особенно-то помогает Есенину в эпических заданиях, ибо выдержать эпический тон до конца последний не в состоянии. Постоянно срывается. И хорошо еще, если в родную стихию — лирики,— тогда мы узнаем прежнего Есенина: „Мелькают часовни, колодцы..."<...> Говорить ли о социальной значимости „Анны Снегиной"? Содержание ее — нудная история о любви невпопад двух, так сказать, романтических существ. Глубина психологических переживаний — измеряется писарским масштабом. Да и кто всерьез станет ждать от Есенина создания крупных общественно-значимых типов» («Красная газ.», веч. вып.,Л., 1925, 30 июня, № 160; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Отрицательно оценил «Анну Снегину» эмигрантский критик и литературовед К.В.Мочульский, автор ряда крупных исследований о русской классической литературе: «В поэм<е> Сергея Есенина „Анна Снежина“ <так!> — тургеневский „усадебный“ сюжет рассказан языком франтика-конторщика. Элегия воспоминаний, цветущей сирени и „разросшегося сада“ уснащена заборными словечками» (газ. «Звено», Париж, 1925, 12 окт., № 141). Критик не ограничился этой беглой оценкой и вскоре посвятил поэме специальную большую рецензию, которая была написана при жизни Есенина, но увидела свет уже после его смерти в брюссельском журнале «Благонамеренный» (1926, № 1, с. 155—156). К.В.Мочульский расценил «попытки автора возвести себя в романтические герои» как «крайне плачевные»: «Есенин в роли чувствительного мечтателя — зрелище занятное. Крестьянский паренек, малый бойкий и озорной, вдруг декламирует „как хороши, как свежи были розы“. Что скажут советские критики: ведь это непорядок — у пролетарского поэта — „дворянская идеология“! И дело происходит в семнадцатом году не девятнадцатого, а двадцатого века.

Романтизм Есенина особенный. „Усадебная тема“ разработана им в „народном“ стиле; вокруг „разросшегося сада“ буйствуют пьяные мужики и замирающие звуки романса чередуются с матерщиной. Поэма, несмотря на всю свою чувствительную серьезность, кажется пародией. „Поэтический“ сюжет с мещанско-фабричной фразеологией. Глинка не вышел...» Холодно воспринял поэму М.Горький. В письме редактору Кр.нови А.К.Воронскому, пославшему ему в Сорренто номер журнала с «Анной Снегиной», он написал 18 июня 1925 г.: «Есенин в 4-й книге „так себе“» (Архив А.М.Горького. ИМЛИ).

Другие критики (в основном в провинциальной прессе) рассматривали «Анну Снегину» как свидетельство поэтической зрелости Есенина. Рецензент газеты «Советская

Сибирь» писал в «Литературных заметках», посвященных Кр. нови № 4, что «Анна Снегина» значительно уступает многим из лучших поэтических произведений Есенина, напечатанных за последнее время, и вместе с тем отмечал, что в этой вещи поэт «идеологически преодолевает себя» и «приближается к проблеме широких социально-психологических обобщений, с одной стороны, а с другой — к проблеме поэмы-романа» (газ. «Сов. Сибирь», Новониколаевск, 1925, 28 июня, № 145; за подписью «Новус»). А.Меромский в рецензии на Кр. новь № 4 отметил: «Из стихов лучшие — есенинские. Его поэма в стихах „Анна Снегина“ — большая, с сильным и умело использованным уклоном в сторону классицизма, вещь. Великолепно владея формой, Есенин и сюжетно интересен в „Снегиной“. Если не считать отголосков выветривающегося уже былого его литературного озорства, например: „В России теперь Советы...“ < до слов „А брат мой в штаны намочил...“ >» (газ. «Красная Татария», Казань, 1925, 1 июля, № 144). Критик В. Галицкий писал об «Анне Снегиной»: «Читая ее, испытываешь чувство, словно сидишь летом, в жаркий, палящий полдень в прохладном саду под тенью ветвистого, душистого дерева. Безоблачна синева неба. Движутся солнечные узоры. Пенье, гимн природе раздается кругом.

Так ясно, так покойно, светло.

Жизнь, жизнь так и дышит, так и веет от стихов „Снегиной“.<...>Такой брызжущий каскад веселья, такой гудящий водопад радости мы встречали лишь у одного русского поэта — Пушкина» (Лит. обозрение газ. «Нижегородская коммуна», 1925, 15 дек., № 287). Все три последние процитированные положительные рецензии Есенин читал: они были вклеены в тетрадь с вырезками, куда поэт собирал критические отклики на свои произведения. Высоко отозвался о поэме А.К.Воронский: «„Годы молодые“, „Русь советская“, „народные“ „Персидские мотивы“, „Анна Снегина“ — идеологически и художественно креп-

ко"» (Из конспекта статьи Воронского, сделанного Д.Фурмановым — (см. РЛ, 1976, № 3, с. 175—176; цит. по сб.: «Русские писатели о литературном труде, т. 4, Л., 1956, с. 708).

Действие «Анны Снегиной» происходит с весны до поздней осени 1917 г. и в 1924 г. Связь поэмы с реальной действительностью прослеживается по ряду деталей, получивших отражение в тексте и отмеченных родными и близкими поэта. С.А.Толстая-Есенина считала, что «Анна Снегина» в значительной мере автобиографична: «В ней отразились некоторые моменты из личной биографии поэта и революционные события в Петрограде и в деревне, очевидцем и участником которых был сам Есенин. Во время Февральской и Октябрьской революции Есенин был в Петрограде. В зачеркнутом отрывке о Блоке, о травле его „Мережковскими" и о „Двенадцати" поэт, видимо, хотел дать описание борьбы, происходившей с самого начала революции между контрреволюционно-настроенной группой, возглавлявшейся Мережковским и Гиппиус. <...> Лето 1918 года Есенин провел в Константинове и, конечно, был очевидцем явлений, происходивших в революционной деревне» (Комментарий). Е.А.Есенина вспоминала о событиях и лицах, получивших отражение в поэме, о пребывании поэта в Константинове летом 1917 г. (Восп., 1, 43—46) и 1918 г. (в поэме отнесены к весне и лету 1917): «1918 год. В селе у нас творилось Бог знает что.

— Долой буржуев! Долой помещиков! — неслось со всех сторон.

Каждую неделю мужики собираются на сход. <...> В 1918 году Сергей часто приезжал в деревню. Настроение у него было такое же, как и у всех,— приподнятое. Он ходил на все собрания, подолгу беседовал с мужиками» (Восп., 1, 49).

А.А.Есенина также писала о константиновских впечатлениях, которые нашли отражение в «Анне Снегиной».

«За церковью, внизу у склона горы, на которой расположено старое кладбище, стоял высокий бревенчатый забор, вдоль которого росли ветлы. Этот забор, тянувшийся почти до самой реки, огораживающий чуть ли не одну треть всего константиновского подгорья, отделял участок, принадлежавший помещице Л.И.Кашиной. Имение ее вплотную подходило к церкви и тянулось по линии села. <...>... А слова в поэме „Анна Снегина“:

Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетневый его полисад, —

относятся к имению Кашиной. <...> Белый каменный двухэтажный кашинский дом утопал в зелени. <...> Дух захватывало при виде огромных кустов расцветшей сирени или жасмина, окружающих барский дом, дорожек, посыпанных чистым желтым песком, барыни, проходившей в красивом длинном платье...» (Восп., 1, 58-59, см. также сходное описание имения Л.И.Кашиной в воспоминаниях ее сына Георгия (Юрия) Николаевича Кашина — цит. по статье И.Бурачевского «Девушка в белой накидке» — журн. «Огонек», М., 1977, № 46, с. 20-21).

«Названия деревень «Криуши» и «Радово»,— писала С.А.Толстая-Есенина,— заимствованы из жизни. Две деревни с такими названиями существуют в округе села Константинова, но друг от друга отстоят далеко. Одна из них находится около Радовецкого монастыря, памятного Есенину по детским впечатлениям. В одной из своих автобиографий он рассказывал, как <...> бабушка водила его, трехлетнего ребенка, на богомолье в Радовецкий монастырь» (Комментарий). В.В.Полторацкий, уроженец Мещеры, вспоминал, как его отец, слушая рассказ возницы

из «Анны Снегиной», сказал: «Погоди-ка, ведь это о нашей Криуше. <...> Действительно, какое у них житье: на всю деревню одна соха. И главное, правда» (в его кн. «Жизнь Акима Горшкова. Рассказы и очерки». М., 1965, с. 200—203). По наблюдению лингвиста М.Орешкиной, выбор этих топонимов продиктован также их «говорящими» названиями: «*Криуши* является названием-характеристикой бедной, „обнищалой" деревни; название села *Радово* вызывает представление о зажиточной и счастливой жизни ее обитателей. <...> Такое семантическое противопоставление топонимов ведет свое начало из классической сатиры (у Салтыкова-Щедрина города *Глупов* и *Умнов*, у Некрасова *Заплатово*, *Дырявино*, *Разутово*, *Знобишино* и село *Избытково*, *Непотрошеная волость*)» (журн. «Русская речь», М., 1974, № 2, с. 40—41).

Однако сюжет поэмы и судьба ее героев существенно отличаются от тех реальных событий, свидетелем и участником которых был сам поэт. Прежде всего это касается центрального в поэме эпизода разорения снегинской усадьбы, «хуторского разора» («В захвате всегда есть скорость: // — Даешь! Разберем потом...»). В действительности Есенину удалось удержать своих односельчан от подобного шага. В жизни инициатором разорения «буржуйского гнезда» явился рабочий-большевик П.Я.Мочалин. Решение о судьбе барской усадьбы принималось на собрании односельчан. В воспоминаниях Е.А.Есениной это событие отнесено к лету 1918 г. и передано в восприятии матери и соседки: «Однажды вечером Сергей и мать ушли на собрание, а меня оставили дома. Вернулись они вместе поздно, и мать говорила Сергею:

— Она <помещица> тебя просила, что ль, заступиться?

— Никто меня не просил, но ты же видишь, что делают? Растащат, разломают все, и никакой пользы, а сохра-

нится целиком, хоть школа будет или амбулатория. Ведь ничего нет у нас! — говорил Сергей.

— А я вот что скажу — в драке волос не жалеют. И добро это не наше и нечего и горевать о нем.

Наутро пришла ко мне Нюшка.

— Эх ты, чего вчера на собрание не пошла? Интересно было. <...> Знаешь, Мочалин говорит: надо буржуйское гнездо разорить, чтобы духу его не было, а ваш Сергей взял слово и давай его крыть. Это, говорит, неправильно, у нас нет школы, нет больницы, к врачу за восемь верст ездим. Нельзя нам громить это помещение. Оно нам самим нужно! Ну и пошло у них.

Через год в доме Кашиной была открыта амбулатория, а барскую конюшню переделали в клуб» (Восп., 1, 49—50. — Сейчас в доме Л.И.Кашиной открыт «Музей есенинской поэмы „Анна Снегина“»).

Сохранилась также конспективная запись рассказа Л.И.Кашиной (в ней идет речь о сент.-окт. 1918 г.), выполненная С.А.Толстой-Есениной: «Кашину выгнали из дома, пришли сведения, что отбирают ее дом в Москве. Она поехала в Москву, он <Есенин> поехал ее провожать. Первое время жил у нее. Очень отрицательно <отзывался о происходящем> в разговорах с ней.

Отношение к Кашиной и ее кругу — другой мир, в который он уходил из своего и ни за что не хотел их соединять. Не любил, когда она ходила к ним. Рвался к другому <миру>. Крестьянской классовости в его отношении к деревне и революции она не чувствовала» (Письма, 461).

В поэме «Анна Снегина», кроме реальных исторических фигур — В.И.Ленина и А.Ф.Керенского, а также отряда Деникина и в черновых вариантах А.А.Блока и Мережковских, выведены герои, образы которых являются в известной мере собирательными. Есенин отразил в них черты реальных людей, с которыми был знаком.

22—5762

Образ *героя-рассказчика*, которому Есенин дал свое имя — *Сергей* (в речи Анны), Сергуня, Сергунь, Сергуша, Сергуха (в речи мельника), — играет важную роль не только в содержании, но и в композиции поэмы и имеет некоторые автобиографические черты: дезертирство из армии Временного правительства, о котором поэт упоминал в автобиографии 1923 г. и других документах (см. т. 7, кн. 1 наст. изд.), приезд весной 1917 г. в Константиново, болезнь героя («И в этом проклятом припадке // Четыре я дня пролежал...», ср. в письме к А.Белому (сент.-дек. 1918): «Лежу совсем расслабленный в постели» с указанием адреса: «Адрес: Скатертный пер., д. 20. Лидии Ивановне Кашиной для С.Е.»), посещение села летом 1924 г., переписка с дедом. Но полного совпадения между героем «Анны Снегиной» и самим Есениным нет. В передаче отдельных фактов Есенин использует прием ретардации: эпизод посещения героем поэмы села Радово весной 1917 г. (см. ст. 138—146 со слов «Беседа окончена. // Чинно...» до «Состарившийся плетень», с. 163—164), по мнению А.А.Есениной, совпадает по реалиям с одним из майских вечеров в Константинове летом 1924 г.: «Мимо нашего плетня, сплетенного неумелыми руками отца, проходил Есенин с овчинной шубой в руках на сеновал, и вместо сирени лицо его задевали наши цветущие вишни» (Восп., 1, 97); «стихи про кабацкую Русь» (так же, как и широкая известность и др.), вошедшие в книгу Есенина «Москва кабацкая» (1924), написанные в 1922 и 1923 гг., упоминаются в поэме при описании событий 1917 г.

Образ главной героини поэмы *Анны Снегиной* также собирательный. Одним из ее прототипов является Лидия Ивановна Кашина (1886—1937) — дочь богатого помещика Ивана Петровича Кулакова (?—1911), которому принадлежали хутор Белый Яр, леса за Окой, тянувшиеся на десятки километров в глубь Мещеры, заливные луга, а

также ночлежные дома в Москве на Хитровом рынке. «"Кулаковкой", — писал В.А.Гиляровский, — назывался не один дом, а ряд домов в огромном владении Кулакова между Хитровской площадью и Свиньинским переулком. Владельца главной трущобы Москвы с его миллионами „вся полиция боялась", потому что „с Иваном Петровичем генерал-губернатор за ручку здоровался"» (в его кн. «Москва и москвичи», М., 1981, с. 20—30). После смерти И.П.Кулакова хутор Белый Яр достался в наследство сыну Борису Ивановичу (в 1915 г. он поставил там дом — место действия в повести «Яр», см. т. 5 наст. изд.), а дочери — имение в Константинове («дом с мезонином») и заливные луга. Кроме того, им разрешалось пользоваться процентами с восьмимиллионного вклада в банке.

Л.И.Кашина была красивой и образованной женщиной. В 1904 г. с отличием закончила Александровский институт благородных девиц, владела несколькими языками. Е.А.Есенина вспоминала: «К молодой барыне все относились с уважением. Бабы бегали к ней с просьбой написать адрес на немецком языке в Германию пленному мужу.

Каждый день после полдневной жары барыня выезжала на своей породистой лошади кататься в поле, рядом с ней ехал наездник.

Тимоша Данилин, друг Сергея, занимался с ее детьми.

Однажды он пригласил с собой Сергея. С тех пор они стали часто бывать по вечерам в ее доме» (Восп., 1, 44). Сын Л.И.Кашиной, Г.Н.Кашин, рассказывал, что летом 1917 г. в доме Кашиной устраивались литературные вечера и домашние спектакли, которые иногда посещал Есенин (см. подробнее: Шетракова С.Н. Анна Снегина и Лидия Кашина — образ и прототип. — Журн. «Лит. учеба», М., 1987, № 3, с. 216 и Архипова Л. Л.И.Кашина в Константинове,— Есенинский вестник. Гос. музей-заповедник С.А.Есенина, 1992, с. 14—15.). «Матери

нашей,— вспоминала Е.А.Есенина,— не нравилось, что Сергей повадился ходить к барыне. <...>

— Мне, конешно, нет дела, а я вот что тебе скажу: брось ты эту барыню, не пара она тебе, нечего и ходить к ней. Ишь ты,— продолжала мать,— нашла с кем играть.

Сергей молчал и каждый вечер ходил в барский дом. <...> Мать больше не пробовала говорить о Кашиной с Сергеем. И когда маленькие дети Кашиной, мальчик и девочка, приносили Сергею букеты из роз, только качала головой. В память об этой весне Сергей написал стихотворение Л.И.Кашиной „Зеленая прическа..." (Восп., 1, 45—46; см. наст. изд., т. 1, с. 123—124, 535—536). Прогулкой с Кашиной на Яр летом 1917 г., по словам Е.А.Есениной, навеяно стихотворение «Не напрасно дули ветры...» (см. т. 1, с. 85—86 наст. изд.; Восп., 1, 45—46).

В остальном образ и судьба есенинской героини отличаются от судьбы одного из ее прототипов. Анна Снегина довольно высокомерна, надменна, ирония и неискренность ощущаются в ее разговоре с поэтом — «известной шишкой», которого она когда-то любила. Л.И.Кашина, напротив, ценила поэзию Есенина. Муж героини есенинской поэмы, белый офицер, был убит в 1917 г. («Убили, убили Борю. Уйдите, уйдите прочь...» (в черновом автографе: «Вчера разорвало мужа // Снарядом в бою на Двине» — имеется в виду июньское наступление русских войск на Северном фронте). По словам Е.А.Есениной, в Константинове действительно говорили, что муж Кашиной «очень важный генерал, но она ни за что не хочет с ним жить» (Восп., 1, 44). На самом деле Л.И.Кашина вопреки воле отца в 1905 г. вышла замуж за учителя гимназии Николая Павловича Кашина (1874—1939), исследователя творчества А.Н.Островского. (В константиновское имение Кашина приезжала с детьми на летний отдых.)

Героиня и прототип расходятся в главном — в отношении к революции. Анна Снегина не принимает револю-

цию, покидает Россию, становится эмигранткой. Л.И.Кашина в 1917 г. передала свой дом крестьянам, а сама стала жить в Белом Яру, где бывал Есенин. В 1918 г., Л.И.Кашина переехала в Москву, работала переводчицей, машинисткой и стенографисткой. Похоронена на Ваганьковском владбище (см. журн. «Огонек», М., 1977, № 46, с. 21).

Происхождение имени и фамилии героини также имеет свою историю. Исследователи уже отмечали, что имя Анна в русской литературе освящено классической традицией в заглавиях произведений «Анна Каренина» Л.Н.Толстого, «Анна на шее» А.П.Чехова, «Анна Михайловна» В.Крестовского (псевд. Н.Д.Хвощинской). Значение имени — «грация, миловидность» — соответствует образу, созданному Есениным (ср. «стройный лик» и «лебедя выгнув рукой»; наблюдения, связанные с семантикой имен в «Анне Снегиной», приведены в статье М.Орешкиной — журн. «Рус. речь», 1974, № 2, с. 36—42, и учитываются нами ниже).

Не последнюю роль, надо полагать, имеет совпадение имени Анны Снегиной с именем Анны Алексеевны Сардановской (1896—1921), внучатой племянницы отца Ивана (И.Я.Смирнова), священника села Константиново, которой в юности был увлечен поэт (см. Чистяков Н. Королева у плетня, М., 1996, с. 8—18. Во второй половине июня 1916 г. Есенин во время краткосрочного отпуска с военной службы ездил в Константиново и виделся с ней (Письма, 211). Поэт посвятил ей в первой публикации стихотворение «За горами, за желтыми долами...» (т. 1 наст. изд., с. 22—23, 444—445). Ранняя смерть А.Сардановской (скончалась родами 7 апр. 1921 г.) потрясла Есенина.

И.В.Грузинов вспоминал, что весной 1921 г. Есенин говорил ему: «У меня была настоящая любовь. К простой женщине. В деревне. Я приезжал к ней. Приходил тайно. Все рассказывал ей. Об этом никто не знает. Я давно

люблю ее. Горько мне. Жалко. Она умерла. Никого я так не любил. Больше я никого не люблю» (Восп., 1, 353).

В исследовательской литературе о Есенине называют три возможных источника происхождения фамилии Снегина. Один из них — псевдоним писательницы Ольги Павловны Сно (1881 —1929), которая подписывала свои произведения «О.П.Снегина», «Ольга Снегина», «О.Снегина», «Снежинка», «О.С.» и др.; псевдоним «Снегина» — перевод фамилии мужа, литератора, англичанина по происхождению Е.Э.Сно (Сноу — Snow — в пер. с англ.— снег; с национальностью мужа связано также упоминание «лондонской печати» на письме Анны Снегиной). О.П.Снегина — автор книг: Рассказы. Том 1 <Б.м.>, 1911; Рассказы. Т. 1—2 <1911; 1914>; Лики любви. Повести и рассказы. Спб. <1914>. Знакомство Есенина и О.П.Снегиной состоялось весной 1915 г. в ее литературном салоне, куда поэта привел его друг М.П.Мурашёв, автор нескольких очерков для журналов «Женщина» и «XX век», где Снегина состояла в редколлегии. К тому времени писательница была известна в литературных кругах. Гостями ее салона были Ф.И.Шаляпин, И.Е.Репин, Л.Андреев, Саша Черный и др. Снегина часто встречалась с И.Буниным и была с ним в дружеской переписке (см. воспоминания Е.Н.Кореневской — цит. по статье А.Ломан и И.Ломан «Товарищи по чувствам, по перу...», где раскрыт указанный источник фамилии «Снегина» и даны подробные сведения об О.Снегиной (журн. «Нева», Л., 1970, № 10, с. 197—200; см. также статью: Шубникова-Гусева Н. «Мы все в эти годы любили...» О трех прототипах есенинской «Анны Снегиной» — газ. «Труд», М., 1997, 4 окт., № 184). Здесь же зафиксирована дарственная надпись Снегиной на книге «Рассказы». Т. 1 <Б.м.>, 1911: «Весеннему Есенину за его „Русь“. Полюбите Лизу из Морошкино и меня. 1915, апрель. Ольга Снегина». Речь идет о героине повести «Село Морошки-

но», помещенной в подаренной Есенину книге и высоко оцененной М.Горьким в письме к автору (цит. по журн. «Нева», Л., 1970, № 10, с. 198).

К этому же времени относится выход в свет журнала «Голос жизни» (1915, № 17, 22 апр.), где были опубликованы под одной обложкой произведения Есенина и рассказ О.Снегиной «Тени теней». Для Есенина эта публикация была особенно памятна, так как была первой крупной подборкой стихов поэта в петербургском журнале с сопроводительной статьей З.Н.Гиппиус; эту публикацию Есенин отметил в автобиографических набросках 1915—1916 гг. (см. т. 7, кн. 1 наст. изд. и в кн. В.Федорова „Наше время такое... О поэзии и поэтах". М., 1973, с. 98).

Другой источник фамилии «Снегина» — семантический: снег бел и чист. В народной поэзии с образом белого снега часто связаны мотивы грустной и печальной любви. Поэт на протяжении всего произведения настойчиво употребляет эпитет белый. Сочетание Анна Снегина, помимо заглавия, в тексте поэмы больше не встречается. Фамилия Снегина в дальнейшем повествовании называется только в связи со старой помещицей Снегиной или с домом Снегиных. В лирическом плане эпитет белый как бы заменяет собой фамилию и появляется там, где автор говорит об Анне, не упоминая ее имени.

В то же время образ «девушки в белой накидке» живет в поэме как бы отдельно от образа Анны Снегиной, дочери помещика, жены белого офицера (наблюдение С.П.Кошечкина в его кн. «Весенней гулкой ранью...», Минск, 1989, с. 158). Это достигается за счет использования разных ракурсов описания одного и того же объекта — внутреннего (белый цвет — символ духовной чистоты, высокой нравственности и непогрешимости в христианстве и цвет траура в крестьянской среде) и внешнего (цвет одежды). При этом одна и та же картина может «встав-

ляться» в различные по тематике произведения: «Где-то за садом несмело, // Там где калина цветет, // Нежная девушка в белом // Нежную песню поет» («Вот оно, глупое счастье...», 1918, т. 1, с. 131 наст. изд.), «Но припомнил я девушку в белом ∾ О чем-то подолгу мечтала // У калины за желтым прудом» («Сукин сын», 1924, т. 1, с. 207 наст. изд.). Эту особенность Е.А.Некрасова называет отличительной чертой идиостиля Есенина. (см. сб. «Очерки истории языка русской поэзии XX века». М., 1995, с. 396—448).

Третий и, скорее всего, самый важный, источник фамилии Снегина — литературный, совпавший с первыми двумя, а возможно, и определивший их выбор — роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». «Близость звукового облика» названий романа Пушкина и поэмы Есенина отметила М.Орешкина. Наблюдения лингвиста развил В.Турбин, который счел фамилию героини Есенина, «каламбурно перекликающуюся с фамилией пушкинского героя — О-негин и С-негина,— „индикатором традиции"» (Турбин В. Традиции Пушкина в творчестве Есенина. «Евгений Онегин» и «Анна Снегина» — сб. «В мире Есенина», с. 267; см. также: Мекш Э.Б. Пушкинская традиция в поэме Есенина «Анна Снегина». — Пушкин и русская литература. Сб. науч. тр. Рига, 1986, с. 110—118).

Исследователи отмечали важную особенность деревенских персонажей «Анны Снегиной» — их разность: перед нами «разные» мужики (Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М., 1975, с. 305). Герой поэмы *Прон Оглоблин*, также как и другие персонажи поэмы, — образ собирательный. Е.А.Есенина указывала, что для образа Прона Оглоблина «в известной мере» послужил прототипом односельчанин поэта, рабочий коломенского завода Петр Яковлевич Мочалин. «Во время революции,— вспоминала Е.А.Есенина,— он пользовался в нашем селе

большим авторитетом. Наша константиновская молодежь тех лет многим была обязана Мочалину, да и не только молодежь.

Личность Мочалина интересовала Сергея. Он знал о нем все» (Восп., 1, с. 49). По мнению Е.А.Есениной, он явился также прототипом комиссара из «Сказки о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» (текст см. т. 2, с. 166—173 наст. изд.).

Дополнительные сведения о П.Я.Мочалине были обнаружены К.П.Воронцовым. Уроженец села на Оке, близкий Есенину человек, Мочалин обладал большими организаторскими способностями, был страстным агитатором. «К тому же оказалось, что Мочалин был делегатом Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов. По аграрному вопросу на съезде выступил В.И.Ленин. Петр Яковлевич слушал Ленина и на заседании большевистской фракции съезда. Полный впечатлений от ленинских идей, Мочалин вернулся в родное село, занялся пропагандистской работой. После Великого Октября он был военным комиссаром Коломны, председателем исполкома Коломенского Совета» (цит. по: Трофимов А. За строками «Анны Снегиной» — газ. «Сов. культура», М., 1980, 21 окт., № 85, см. также газ. «Известия», М., 1980, 2 июля, № 154).

Своего героя поэт сделал коренным жителем бедной деревни Криуши и наделил «крестьянской» фамилией (произошла, скорее всего, от слова-прозвища «Оглобля», которое до XX века было диалектным и служило основой для многих народных пословиц и поговорок). Фамилия свидетельствует не только о социальной принадлежности героя. Есенин как бы подчеркивает активную, главенствующую роль крестьянского вожака в революционных событиях на селе.

Имя «Прон» также имело бо́льшее распространение в деревне по сравнению с «городским» Пётр. Существует

предположение, что эта форма имени вообще диалектная, широко бытовавшая на Рязанщине. В Рязанской области встречается несколько топонимов с основой Прон: река Проня (так ласкательно называет Оглоблина мельник в письме к Сергею — герою поэмы: «Тогда вот и чикнули Проню»), город Пронск, село Пронино. Это имя социально определяет героя и в то же время звучно и кратко. Прон — уменьшительная бытовая форма от канонических имен: Прокóпий — от греческого «prokopos» — «вынутый из ножен, обнаженный; схвативший меч за рукоятку» и Прохор — от греческого «prochoreno» — «плясать впереди, вести» (Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. Изд. 4-е доп., М., 1995, с. 245, 246—247).

Отрицательному персонажу поэмы, еще одному жителю деревни Криуши, Есенин также дал «говорящее» имя Лабутя. «Лабута» (архаичное) означает «неуклюжий и бестолковый человек» или «разиня, ротозей, рохля; клуша, кувалда» (Даль, 2, 231). Естественно, что жителям многих областей России это слово было знакомо. На Рязанщине употреблялось в нарицательном значении. «К власти,— вспоминала Е.А.Есенина первые послереволюционные годы,— наряду с честными людьми пролезли „лабути“, имеющие длинные руки. Жилось этим людям совсем неплохо.

Одного из таких „работников“ судили всей волостью самосудом...» (Восп., 1, 76).

В соответствии с литературной традицией, по которой «безымянные» персонажи обозначают типичных представителей определенного класса, возраста, пола, профессии и т. п., Есенин подчеркивает обобщенность многих героев: возницы, мельника, старухи-мельничихи, представителей зажиточного крестьянства, сохранивших патриархальные взгляды и по-своему противостоявших революционному движению.

Есенин и его герои как бы вторгаются туда, где жили герои Пушкина, — в деревню, в обстановку дворянской усадьбы: герой-рассказчик Сергей въезжает в поэму на дрожках, Евгений Онегин «летит в пыли на почтовых». Письмо Анны Снегиной вызывает в памяти знаменитое письмо пушкинской Татьяны к Онегину (см.: Прокушев Ю. Пушкин и Есенин: Письмо Анны Снегиной — журн. «Огонек», М., 1979, № 41, с. 24—25). Герой поэмы Есенина, как показал В.Турбин, «изысканный, а заодно и прославленный петербуржец, своеобразный Онегин начала XX века, Онегин-крестьянин, Онегин-поэт», «герой нашего времени», ведущий «социально-лирический диалог с дворянкой». «„Анна Снегина“,— пишет В.Турбин,— сопоставима с романом Пушкина по многим параметрам: ирония тона повествования, обрамление рассказываемого письмами героев, их имена и их судьбы. Традиция живет, пульсирует, неузнаваемо преображается, таится и вдруг обнаруживает себя в случайных или в преднамеренных совпадениях, в мелочах» и полемически противопоставляется героям пушкинского „Евгения Онегина“ (сб. «В мире Есенина», с. 281; об особом внимании Есенина к пушкинской традиции в 20-е гг. см. стихотворение «Пушкину», наст. изд., т. 1, с. 203, 620—621; «Анкету <журнала> „Книга о книгах“. К Пушкинскому юбилею.<Ответы>», т. 5, наст. изд., с. 225—226, 509—514, а также коммент. к «Черному человеку» в наст. т.). Одна из корреспонденток поэта, Л.Бутович, писала ему 22 августа 1924 г., прочитав в Кр. нови (1924, № 4) стихотворение «На родине»: «Да, у меня было такое чувство, будто я читаю неизданную главу „Евгения Онегина“,— пушкинская насыщенность образов и его легкость простых рифм у Вас, и что-то еще, такое милое, то, что находит отклик в душе. <...> Мне кажется, что, как он, Вы владеете тайной простых, нужных слов и создаете из них подлинно прекрасное. <...> Вы могли бы дать то же, что дал автор

„Евгения Онегина“ — неповторимую поэму современности, не сравнимую ни с чем» (Письма, 246–247). Позже поэт сам отметил в автобиографии «О себе» (окт. 1925): «В смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину» (см. т. 7, кн. 1 наст. изд.).

«Анна Снегина» имеет и другие, близкие по времени объекты скрытой полемики — женскую поэзию времен первой мировой войны и прозу 10-х годов, проникнутую народническими настроениями. Одним из подобных конкретных источников сюжета и персонажей поэмы является путевой очерк О.Снегиной «На хуторе», опубликованный в петроградской газете «Биржевые ведомости» (утр. вып., 1917, 30 июля, № 16362), где нередко печатался Есенин (см. ниже на с. 678 о Галерной улице, где была расположена редакция газеты). Совпадает место действия: в очерке Снегиной — хутор, где сохранилась дворянская усадьба и «княгинин парк», и персонажи — молодой паренек «Сергунька» <так в кругу друзей ласково называли и Есенина>; Проня Красноносый, «ленивый, шельмоватый, прямо сказать, большой пакостник», убитый бандой анархистов; усматриваются параллели в образах перевозчика Федора, который требует деньги за переправу, бабки Прасковьи и др. Но атмосфера революционной деревни в «Анне Снегиной» противоположна «невыразимому спокойствию, которое веет от моря колосьев» в очерке О.Снегиной, где лишь один Сергунька «очень интересуется далекой столицей и таинственной революцией».

Есенин признавался, что лучшие образцы выразительной речи находит в устной народной поэзии, русской классической литературе и в повседневной разговорной речи. В.Ф.Наседкин вспоминал: «Есенин говорил о том, что для поэта живой разговорный язык может быть даже важнее, чем для писателя-прозаика. Поэт должен чутко прислушиваться к случайным разговорам крестьян, рабочих и интеллигенции, особенно к разговорам, эмоционально сильно

окрашенным. Тут поэту открывается целый клад. Новая интонация или новое интересное выражение к писателю идут из живого разговорного языка.

Есенин хвалился, что этим языком он хорошо научился пользоваться» (Материалы, 234). В «Анне Снегиной» на фоне общеупотребительной лексики встречаются не только разговорно-просторечные элементы, свойственные именам существительным и прилагательным, но и вульгаризмы («едрит твою в дышло», «тараканье отродье»), старославянизмы («денница», «не зрел я родимых крыш», «сим летом»), неологизмы (водь, звень, зыкь, дружья, сочь, шкеть, трясь) (см. подробнее: Морозова М.Н.в сб. «Вопросы стилистики». М., 1966, с. 254—263; Бычков В.В.в сб. «Русская советская поэзия и стиховедение». М., 1969, с. 258—265 и др.). Разговорный характер стиля поэмы, «своеобразное многоголосие, необычное для лирической поэмы» (см.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Стиль. Произведение. Литературное развитие. М., 1965, <Ч. 3>, с. 372) определяет использование стиховых переносов (enjambement), чрезвычайно редких в поэзии Есенина. По признанию самого поэта, он «избегал» их (см.: Бельская Л.Л.Песенное слово. М., 1989, с. 75).

Поэма неоднократно инсценировалась (в 1979—1982 гг. в Рязани, Риге, «Кооперативо театро „У"» — Италия). Опера А.Холминова «Анна Снегина» (либретто А.Машистова) ставилась в Ленинградском академическом театре оперы и балета им. С.М.Кирова (1967), в оперных театрах г. Горького, Улан-Удэ, народном театре Астрахани, Югочешском театре из Чешских Будейовиц (1976). По опере Г.Агафонникова «Анна Снегина» (либретто Г.Шапиро) снят телефильм (1970).

Воронский Александр Константинович (1884—1937) — литературный критик, редактор Кр. нови и журнала «Прожектор», в которых часто печатался Есенин.

Познакомился с поэтом осенью 1923 г. Есенин прислушивался к мнению Воронского и внимательно следил за его статьями о своем творчестве. Трехтомное Собр. ст., подготовленное самим поэтом в 1925 г., открыто статьей Воронского.

С. 158. *Исправник* — в царской России начальник полиции в уезде.

С. 160. *Я понял, что я — игрушка...* — Перекличка с собственными словами о народничестве из наброска статьи «О Глебе Успенском»: «Мне кажется, что никто еще не понял так своего народа, как Успенский. Идеализация народничества 60—70-х годов мне представляется жалкой пародией на народ. Прежде всего там смотрят на крестьянина как на забавную игрушку» (см. т. 5 наст. изд., с. 234; сб. «В мире Есенина», с. 278).

С. 161. *Тогда над страною калифствовал // Керенский на белом коне.* — Полемическая перекличка со стихотворением Л.И.Каннегисера (подробнее о нем см. т. 1 наст. изд., с. 509—510) «На солнце сверкая штыками...» (написано 27 июня 1917 г. в Павловске), где есть следующие строки:

Тогда у блаженного входа,
В предсмертном и радостном сне,
Я вспомню — Россия, Свобода.
Керенский на белом коне.

(см. об этом статью С.С.Куняева (подпись: Волков С.). «Письма Леонида Каннегисера Сергею Есенину» — журн. «Наш современник», М., 1990, № 10, с. 161).

Поэт вслед за Л.И.Каннегисером использует традиционно-поэтическое выражение «на белом коне <победителя>», которое отражало реальный факт — Керенский обычно приветствовал войска на белом коне,— но одновременно «как бы оспаривает победительную восторжен-

ность своего друга, владевшую тем в Февральские дни». Есенин достигает обличительного, сатирического пафоса образа, сталкивая противоположные начала: переносное значение двух цветовых прилагательных: розовый — «сулящий радость, счастье» — и смрадный: «внушающий отвращение, омерзение», а глагол «калифствовал», образованный от фразеологизма «калиф на час» (человек, пользующийся властью очень короткое время), противопоставляет выражению «на белом коне» (победителя). Керенский Александр Федорович (1881—1970) был с 8 (21) июля министром-председателем (премьером) Временного правительства, а с 30 августа (12 сент.) по 25 октября (7 ноября) 1917 г. верховным главнокомандующим.

В черновом автографе эти строки даны в ином, но совпадающим с текстом по оценке Керенского варианте:

Мы свергнули власть дворянства,
Но что-то почудилось мне
Другое коварное чванство
В Керенском на белом коне

(См. варианты, с. 405—406).

Война «до конца», «до победы». — Лозунги Временного правительства, выступавшего с требованием продолжения войны.

С. 164. *Еще и заря не текла,* ∾ *Оладьев тебе напекла.*— Н.М.Шанский обратил внимание на необычное использование в «Анне Снегиной» общеупотребительной лексики на примере глагола «течь» и существительного «оладья» в родительном падеже множественного числа в диалектной форме «оладьев».

«Словесные связи глагола *течь* в значении «идти», «проходить» с обозначением человека, так часто наблюдаемые в поэзии первой половины XIX в., например, у Пушкина „в путь потек“ — „Анчар“) восходят к старому — еще церковнославянскому — источнику „Петръ,

въставъ, рече къ гробоу" („Мстиславово евангелие до 1117 г."), „тогда Овлуръ влъкомъ потече" („Слово о полку Игореве...")». Существительное оладья («Оладьев тебе напекла») в диалектной форме также «замечается быстрее и объясняется проще: ведь перед нами прямая речь мельника, носителя соответствующего народного говора» (сб. «Анализ художественного текста». М., 1975, Вып. 1, с. 28—30).

С. 161. *Булдыжник* — буян и беспокойный человек.

С. 170. *«Скажи, // Кто такое Ленин?» // Я тихо ответил: // «Он — вы».* — Один из весьма вероятных источников вопроса, обращенного крестьянами к герою поэмы, является заголовок статьи С.Зорина «Что может означать Ленин» в сочетании с рисунком Бор. Ефимова, на котором слегка шаржированное лицо вождя было вписано в большой вопросительный знак (помещено в сб. «Ленин», Харьков, 1923, материалы которого отозвались в стихах Есенина 1924 и 1925 гг.; см. Субботин С.И.— сб. «Есенин академический», с. 71). Смысл ответа героя комментируется противоречиво: как «свидетельство подлинной связи вождя революции с широкими трудящимися массами» (см. статью Ю.Л.Прокушева «„Он — вы". Лениниана Есенина» — журн. «Москва», 1975, № 10, с. 181), и как беспощадно высвеченный образ Ленина — «вожака народных масс, плоть от плоти их», а эти массы: «голытьба, пьяницы, люмпены, участники коллективного убийства старшины, „лихие злодеи", „воровские души"» (в кн. Куняева Ст. и Куняева С. «Сергей Есенин», М., 1995, с. 477).

С. 177. *Сочь* — время движения соков.

С. 178. *Пятый туз* — лишний туз, шулерская карта в колоде.

С. 179. *Носил он две белых медали // С японской войны на груди.* — Наряду со смысловым значением «белая медаль» — царская, имеется в виду конкретный

зрительный образ — медаль белого цвета, серебряная медаль. Лабутя, судя по содержанию поэмы, мог быть награжден только двумя серебряными медалями русско-японской войны (1904—1905 гг.), которые носились на груди: «За бой „Варяга“ и „Корейца“. 27 янв. 1904 г.— Чемульпо» с изображением морского боя на специальной ленте «Андреевского флага» с белым полем и косым Андреевским крестом синего цвета на нем, а также медалью, которой награждались все лица, участвовавшие в обороне Порт-Артура (на лицевой стороне «всевидящее око», окруженное сиянием; внизу вдоль бортика даты «1904—1905», на оборотной — пятистрочная надпись славянской вязью: «Да — вознесетъ — васъ Господь — въ свое — время» (см. Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль. М., 1992, с. 367—372; Кузнецов А.А. Ордена и медали России. М., 1985, с. 149).

Здесь «белый орден» в противопоставлении «красному ордену», о котором позже «голосил» Лабутя. (В черновом автографе четырех строк о красном ордене не было. Впервые появились в машинописи, см. варианты.). Первым советским орденом был Орден Красного Знамени, учрежден в 1918 г.— на красном фоне лавровый венок с эмблемой серпа и молота и красного знамени с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

С. 179. *О сдавшемся Порт-Артуре // Соседу слезил на плечо.* — Порт-Артур — военно-морская крепость, которую героически обороняли русские войска под руководством генерала Р.И.Кондратенко во время русско-японской войны. После гибели Кондратенко генерал А.М.Стессель 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.) подписал капитуляцию и сдал крепость японцам.

Ляоян — город на северо-востоке Китая, здесь имеется в виду одно из тяжелых сражений в русско-японской войне 1904—1905 гг. — Ляоянское сражение; боевые действия проходили 11 (24) августа—21 августа (3 сент.)

1904 г. в районе города. В результате ошибок русского командования японские войска достигли оперативного преимущества. По приказанию генерала А.Н.Куропаткина русские войска отошли к Мукдену.

Нерчинск — окружной город в Забайкальской области. Расположен на левом берегу реки Нерчи, вблизи ее впадения в Шилку (бассейн Амура). Основан в 1654 г. под названием Нерчинский острог. В 1826—1917 гг. — место политической каторги и ссылки. В Нерчинском горном округе находились главная сибирская каторга царской России и каторжные тюрьмы. В разные годы здесь содержались политкаторжане: декабристы, петрашевцы, Н.Г.Чернышевский и другие революционеры-шестидесятники, нечаевцы, революционеры-народники. Политические каторжане содержались вместе с уголовными (см. кн.: «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги». М., 1927; Чемоданов Г.Н. Нерчинская каторга, 2-е изд. М., 1930).

Турухан — река в Красноярском крае, левый приток Енисея. Турухан, Туруханский край — место политической ссылки в дореволюционной России, на севере Енисейской губернии с XVII в. Ссылались участники восстаний С.Разина, Е.Пугачева и др. В XIX в.— декабристы (бр. Беляевы, М.А.Фонвизин, А.И.Якубович и др.). С 1913 г. в Туруханском крае отбывали ссылку Я.М.Свердлов, И.В.Сталин, Г.И.Петровский и др. революционеры (сб. «Енисейская ссылка». М., 1934).

С. 181. *Была в том печальная тайна, // Что страстью преступной зовут.* — Эти и другие слова помещицы Снегиной стали объектом нападок прижизненной критики. Рецензент журнала «Звезда» назвал их иронически «перлами» (журн. «Звезда», Л., 1925, № 4, с. 294), а В.Друзин — «незабываемыми» (Красная газ., веч. вып., Л., 1925, 30 июня, № 160; вырезка — Театр. ГЛМ). К.В.Мочульский увидел в одной из сцен поэмы («Вот описание первого свидания после разлуки: он от-

крывает глаза после долгой болезни и видит ее: она узнала, она приехала, она сидит у изголовья») — «неизбежный шаблон романтического жанра. <...> Как она выражается, эта нежная девушка в белом! <далее цит. слова Анны ст. 344—354, 371—379, 381—385, 604—607: „Потом бы меня вы бросили, // Как выпитую бутыль.// Поэтому было не надо... // Ни встреч... Ни вообще продолжать...">» (журн. «Благонамеренный», Брюссель, 1926, № 1, с. 155—156).

С. 182—183. *Недаром чумазый сброд // Играл по дворам на роялях // Коровам тамбовский фокстрот.* — Одна из конкретных примет времени (так же, как и граммофон). И.Г.Эренбург в 1919 г. писал: «Деревня, захватившая все и безмерно нищая, с пианино и без портков, взявшая в крепкий кулак свободу и не ведающая, что с ней, собственно, делать, деревня революции — откроется потомкам не по статьям газет, не по хронике летописца, а по лохматым книгам Есенина. Откроется и нечто большее, вне истории или этнографии — экстаз потери, жертвенная нищета, изуверские костры самосожжения — поэзия Сергея Есенина, поэта, пришедшего в этот мир, чтобы „все познать, ничего не взять"» (Эренбург И. Сергей Александрович Есенин — в его кн. «Портреты русских поэтов». Берлин, 1922, с. 84—85; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Друг детства Есенина С.Н.Соколов вспоминал эпизод с роялем, который в отличие от рояля в «Анне Снегиной» получил полезное применение в константиновской школе: «Помнится, в 1924 году как-то вечером я сидел и играл на рояле (был у нас в школе инструмент, конфискованный в революцию у каких-то помещиков). Смотрю, кто-то лезет в окно. Ба, Есенин! <...> Потом подсел ко мне. Попросил играть, а сам запел... <...> В этот вечер он долго пробыл у нас. Настроение у него было хорошее» (Восп., 1, 136).

С. 183. *Козлиная ножка* — самодельная папироса (самокрутка), свернутая в виде воронки и согнутая пополам.

...Он мыслит до дури о штуке, // Катающейся между ног. — Образ, построенный в форме русской озорной загадки, где игра строится на двусмысленности. Как и большинство таких загадок, на первый взгляд неприличных и вульгарных, обозначает совершенно невинный предмет, в данном случае — конкретную примету послереволюционной деревни: велосипед (см. сб. «Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки». М., 1995, с. 371–373).

«Керенки» — казначейские знаки (бумажные деньги), выпущенные по указу Временного правительства от 23 августа (5 сент.) 1917 г. Изготавливались упрощенным способом и имели непритязательный вид. Выпуск «керенок» привел к дальнейшему падению курса рубля до 7 копеек его довоенной стоимости. Народ презрительно называл их по имени Керенского, возглавлявшего Временное правительство. После Октябрьской революции «керенки», наряду с другими типами бумажных денег, использовались Советским правительством. Е.А.Есенина вспоминала эпизод покупки лошади, относящийся к 1918 г.: «Достали заветный мешочек с деньгами (керенки, что прислал Сергей), сложили кофты, сарафаны и последнее поношенное пальто отца на барашковом меху с каракулевым воротником (подарок купца Крылова со своего плеча). Все это отдали за лошадь» (Восп., 1, 51). «Керенки» окончательно изъяты из обращения в 1922 г.

«Ходи» — мелкие бумажные денежные знаки времен гражданской войны предположительно пришли с Дальнего Востока. Наименование, скорее всего, образовано от кит. huoji — приказчик (продавец); ходя — устар. простореч.

название китайца (Словарь совр. рус. лит. яз. в 17 т., М.—Л., т. 17, 1965, с. 302).

Фефела — простофиля, разиня, растопыря (Даль, 4, 533).

«Катька» — в царской России просторечное название сторублевого бумажного денежного знака с изображением Екатерины II. До революции были в ходу государственные кредитные билеты достоинством 100 рублей с портретом Екатерины II двух выпусков — 1898 и 1910 гг. (см.: Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей российской империи за время с 1769 по 1924 гг.). Под ред. Ф.Г.Чучина, М., [Б.Г.], с. 19-20).

С. 184. *Зыкь* — скорее всего, собирательное от рязанского «зыка» — ревун, горлодер (Даль, I, 697). Учитывая областное значение слова, Б.И.Осипов и В.П.Гарнин толкуют слово «зыкь» как «сборище горлодеров» (не смешивать с «зык»: Осипов Б.И. Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С.А.Есенина, Барнаул, 1973, с. 32; Гарнин В.П. [Примечания к «Анне Снегиной»] — Есенин С. Стихотворения и поэмы. Б-ка поэта. Малая серия, Л., 1990, с. 455).

ПРИМЕЧАНИЯ К ВАРИАНТАМ

С. 421. *Тогда Мережковские Блока // Считали за подлеца.* — В 1918 г., после выхода в свет статьи А.Блока «Интеллигенция и революция», а вслед за ней поэмы «Двенадцать», Мережковские — Зинаида Николаевна Гиппиус (1869—1945) и ее муж Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866—1941),— занимавшие откровенно контрреволюционную позицию) возглавили кампанию бойкота и травли Блока. 22 января 1918 г. Блок отметил в записной книжке: «Звонил Есенин, рассказывал о вчерашнем „утре России" в Тенишевском зале. Гизетти и толпа кричали по адресу его, А.Белого и моему: „изменни-

ки“. Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно. Статья «искренняя, но „нельзя“ простить».— Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили! Правда глаза колет» (Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965, с. 385). Первое печатное выступление Гиппиус против художественной интеллигенции, вставшей на сторону Октября, состоялось в начале апреля. 10 апреля в вечерней газете «Новые ведомости» (Пг., 1918, № 43) за подписью Антон Крайний (один из псевдонимов Гиппиус, который был в то время широко известен в литературных кругах) был опубликован литературный фельетон под названием «Люди и нелюди», в котором она писала о Блоке, Есенине и А.Бенуа: «Они не ответственны. Они — *не люди*». По поводу этого фельетона Блок написал 13 апреля: «... З.Н.Гиппиус меня и за человека не считает (см. вечернюю биржевку 10 апреля)» (Блок А. Записные книжки, с. 399).

С. 422. *И я с ним бродя по Галерной...* — Галерная ул. в Петрограде упомянута в черновике неслучайно, она дорога Есенину по многим причинам. На Галерной, 40 находилась редакция известной по всей России газеты «Биржевые ведомости» (СПб., 1880—1917), где публиковали свои произведения Блок и Есенин, где Есенин встречался с сотрудниками «Биржевых ведомостей» и других изданий, находящихся там же (см. в письме к Иванову-Разумнику от мая 1921 г.: «Помните, я Вам кой-что об этом говорил еще на Галерной, 40?»). В редакции «Биржевых ведомостей» работал друг Есенина М.П.Мурашев (о Мурашеве см. т. 4 наст. изд., с. 129—130, 383—384). Ранее в доме № 41 по Галерной улице жил Блок. Дом № 53 по Галерной — известный пушкинский адрес (Дитц В.Ф. Есенин в Петрограде — Ленинграде. Л., 1990, с. 17—19).

С. 422—423. *«Скотом» тогда некий писака // [Назвал] [Окликал] Озвал всю [сермяжную Русь] [му-*

жицкую Русь] мужицкую голь. — Ср. в «Железном Миргороде»: «Народ наш мне показался именно тем 150 000 000-ым рогатым скотом, о котором писал когда-то в „Летописи“ Горького некий Тальников» (см. т. 5, с. 407 наст. изд., где названы следующие источники: заглавие поэмы Маяковского «150 000 000», эссе М.Горького «О русском крестьянстве» (Берлин, 1922) и статья Д.Тальникова «При свете культуры (Чехов, Бунин, С.Подъячев, Ив.Вольнов)» — журн. «Летопись», Пг., 1916, № 1, янв., с. 275—299).

В поэме эта инвектива имеет более широкий смысл. Один из ее источников — слова И.Бунина из стихотворения «22 декабря 1918 г.»: «Смири скота, низвергни демагога», которые были откомментированы Г.Ф.Устиновым в статье «Литература и революция», содержавшей высокую оценку есенинского «Пугачева»: «„Скот“ — это, конечно, русский крестьянин, „демагог“ — разумеется, пролетариат и его вожди.

Что писали про Советскую Россию Куприн, Гиппиус, Мережковский и все остальные русские писатели, бежавшие от пролетарской революции за границу вместе со своими поклонниками и содержателями из лагеря капиталистов и помещиков,— теперь мы можем прочитать в их газетах. Все они, эти русские писатели, блестяще доказали, насколько „аполитично“ искусство и насколько оно стоит вне классовой борьбы... И было бы незаконно, было бы прямо противоестественно, если все это было бы иначе» (журн. «Вестник работников искусств». М., 1921, № 10—11, с. 25).

Черный человек (с. 188) — журн. «Новый мир», М, 1926, кн. 1, янв., с. 5—9; Красная газ. Веч. вып., Л., 1926, 26 янв., № 23, ст. 1—26, 103—110, 127—158; Бак. раб., 1926, 29 янв., № 25.

Печатается по наб. экз. (список, выполненный С.А.Толстой-Есениной) с учетом авторских интонацион-

ных знаков препинания, выявленных при сопоставлении автографа и имеющихся списков I—VI. Написание «чорный» не сохраняется (так же, как в словах «чорт», «Пугачов» и др.).

В наб. экз. имеется исправление в ст. 10: вместо «ноги» — «ночи», воспроизведенное в гранках Собр. ст. Это исправление в текст не вносится, так как неизвестно, кем оно сделано. В т. 3 Собр. ст. было напечатано «ноги», что соответствует беловому автографу (см. об этом ниже).

Известно восемь рукописных источников поэмы.

Черновой автограф одной из редакций заключительной части текста (ГЛМ), ст. 101—126, 143—158, начиная со слов «Приподняв свой цилиндр...», без заглавия, подписи и даты — на двух непронумерованных листках, представляющих собой неровно разорванный пополам лист двойного формата.

Судя по почерку, сначала отработаны ст. 101—112 на первом листке и 143—158 на втором, затем они дополнены ст. 113—126, вписанными на первом листке.

Беловой автограф с авторской правкой, без даты (РГАЛИ) выполнен карандашом. На последнем листе помета рукой С.А.Толстой-Есениной, сделанная чернилами: «Записано и закончено 12 и 13 ноября 1925 г. Москва». Первоначально текст поэмы был разделен на две части: после десятой строфы проставлена отбивка звездочками, которая затем зачеркнута вместе с одиннадцатой строфой — «Друг мой, друг мой, // Я знаю, что это бред...» (см. с. 432 наст. т.).

Исправления в ст. 131—132 «Жил мальчик // В простой крестьянской семье...» сделаны, вероятно, после записи всего текста. Тогда же на полях против шестой и после семнадцатой строф проставлены галочки, которыми автор указал намеченные им дальнейшие изменения текс-

та, зафиксированные в списках, выполненных С.А.Толстой-Есениной.

Известно шесть списков поэмы, выполненных С.А.Толстой-Есениной. Три списка (I, II, VI) на нелинованной бумаге являются рабочими. Три других списка (III, IV, V) на линованной бумаге предназначались для печати. По наличию изменений текста, пунктуации, пометам, форме записи, палеографическим особенностям (в т.ч. сорту и формату бумаги) можно судить о последовательности их исполнения, что и легло в основу их нумерации, принятой в наст. изд.

Список I (ГЛМ) не датирован. На первой странице — помета С.А.Толстой-Есениной: «Переписано с первоначального черновика. Исправления (вставка и слитье строк) сделаны по приказанью Сергея. *С.Е.*» Эта помета проясняет изменения, внесенные в текст (появление одиннадцатой и восемнадцатой строф, возвращение к первоначальному варианту в ст. 131—132, объединение ст. 3 и 63, разделенных в автографе на полустишия, и окончательное графическое оформление композиции — строки точек после десятой и девятнадцатой строф).

Список II (ГЛМ) не датирован. Хранится в обложке из листа двойного формата с надписью С.А.Толстой-Есениной:

«Переписанные разными лицами:
1) Письмо Горькому
2) „Чорный человек“
3) „Такая ночь. Я не могу“
4) „Не гляди на меня с упреком“
5) „Ты меня не любишь“
6) „С головы упал мой первый волос“
7) Надпись на книге „Голубень“ Герасимову».

Позиции 1, 6, 7 зачеркнуты, 2, 3, 4, 5, 6 — взяты в скобку и помечены С.А.Толстой-Есениной: «Было прове-

рено С.А.Есениным». В папке сохранился лишь список «Черного человека».

В тексте сделана одна поправка, которая была и в первом списке — объединение («слитье») ст. 3. В одиннадцатой строфе — рефрене первой — аналогичная поправка отсутствует (в автографе этой строфы не было).

Список II имеет помету карандашом на обороте последнего листа рукой С.А.Толстой-Есениной: «Из архива С.А.Есенина от Екатерины Александровны Есениной, 28 XII—29».

Списки III, IV и V предназначались для трех изданий: Бак. раб. (ныне собрание Ю.А.Паркаева), Собр. ст. (наб. экз., ГЛМ) и журн. «Новый мир» (ИМЛИ); выполнены вслед за списком II.

Время исполнения белового автографа и списков устанавливается по записям С.А.Толстой-Есениной в ее настольном календаре за 1925 г.:

«12 ноября. Четверг. <...> „Черн<ый> челов<ек>“.

13 ноября. Пятница. Конч<ен?> „Черн<ый> чел<овек>“.

14 ноября. Суббота. <...> В „Совр<еменную> Росс<ию>“. „Журналист“. Сдан „Черн<ый> чел<овек>“» (журн. «Наше наследие», М., 1995, № 34, с. 65, публ. Т.Г.Никифоровой; здесь воспроизведено по оригиналу, в котором места, взятые в ломаные скобки, не дописаны С.А.Толстой-Есениной — хранится в Гос. музее Л.Н.Толстого).

Дневниковая запись С.А.Толстой-Есениной от 14 ноября 1932 г.: «Семь лет тому назад в этот вечер (14) он <Есенин> кончил „Черного человека“, пришел ко мне на диван, прочел его мне...» (там же, с. 68). Из процитированных записей С.А.Толстой-Есениной следует, что списки поэмы были сделаны с участием автора 13 и 14 ноября.

Список VI имеет датировочную помету С.А.Толстой-Есениной «13 и 14 ноября 1925 г.» (Музей «Сергей Александрович Есенин», Вязьма, собрание П.Н.Пропалова). В ст. 10 первоначально написано: «Ей на шее-ноге», затем дефис зачеркнут и в слове «ноге» «е» исправлено на «и». О судьбе списка, который С.А.Толстая-Есенина подарила своей подруге М.Ф.Якушкиной (Татариновой), см. в работах П.Н.Пропалова (газ. «Вяземский вестник», 1995, 23 сент., № 111, а также в сб. «Столетие Сергея Есенина», с. 495—496).

Скорее всего, потребность в списке появилась в связи с вопросами по тексту поэмы, возникшими в редакции «Нового мира», так как интонационные знаки препинания из этого списка (многоточия в ст. 26 и 27, восклицательные знаки в ст. 120 и 144 и тире в заключительной 158 ст. «И — разбитое зеркало...») были внесены красными чернилами в рукопись, находившуюся в редакции этого журнала.

Судя по имеющимся фактам, некоторые современники сомневались в прочтении слова «ноги» в ст. 10.

В списке III, отправленном в Бак. раб. в конце ноября 1925 г. (см. письмо С.А.Есенина к П.И.Чагину от 27 ноября 1925 г.), справа против ст. 10 было поставлено два вопросительных знака, между ними написано рукой неустановленного лица слово «ночи» и дважды подчеркнуто.

В «Красной газете» ст. 10 напечатана в усеченном виде:

> Ей
> Маячить больше невмочь.

Можно предположить, что сокращение проведено редакцией газеты, где в январе 1926 г. уже работал П.И.Чагин, переехавший к тому времени из Баку в Ленинград.

В нерабочих гранках поэмы из «Нового мира» (РГАЛИ, ф. С.Б.Борисова) буква «г» в слове «ноги» исправлена дважды корректорским знаком простым и красным карандашом на «ч»; в печатном тексте «Нового мира» — «ноги».

Существует мнение, что в автографе поэмы ст. 10 должна читаться «Ей на шее ночи» — см.: В.А.Вдовин (газ. «Лит. Россия», М., 1971, 14 мая, № 20, с. 14); В.Д.Федоров (журн. «Москва», 1973, № 1, с. 206–208); Е.В.Черносвитов (журн. «Дальний Восток», Хабаровск, 1991, № 6, с. 101–104) и полемику: В.И.Баранов (газ. «Лит. Россия», М., 1971, 18 июня, № 25, с. 15 и в его кн.: «Время — мысль — образ. Статьи о сов. лит.», Горький, 1973, с. 204–213); А.А.Волков (в его кн. «Художественные искания Есенина», М., 1979, с. 416–417); А.С.Субботин (сб. «Проблемы стиля и жанра в советской литературе», сб. 9, Свердловск (Уральский университет), 1976, с. 59–69 и в его кн. «О поэзии и поэтике», Свердловск, 1979, с. 187–191); С.П.Кошечкин (сб. «В мире Есенина», М., 1986, с. 383–384); А.М.Марченко (в ее кн. «Поэтический мир Есенина», М., 1989, с. 167–168). Подробнее о дискуссии см.: Н.И.Шубникова-Гусева. «Загадка десятой строки поэмы С.Есенина „Черный человек“» (сб. «Есенин академический», М., 1995, с. 74–92) и «Всего одна буква» (газ. «Автограф», М., 1996, № 1); Ю.Л.Прокушев «Всего одна буква: /Текстологические заметки Главного редактора/ — («Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. Есенинский сб. Вып. 3, М., 1997, с. 375–404).

В процессе подготовки наст. изд. было проведено специальное текстологическое исследование белового автографа поэмы и установлено, что в ст. 10 написано «г», а не «ч»: «...букву „г“ Есенин писал так, что ее можно читать и как „г“, и как „ч“; а вот „ч“ везде такое, что его нельзя спутать с „г“. Стало быть, здесь не „ч“. А если так, оста-

ется одно: „Ей на шее ноги“» (Громова-Опульская Л.Д. Принципы современной текстологии и академическое издание Есенина.— Сб. «Есенин академический», с. 10). Этот вывод текстологов подтверждается тем, что С.А.Толстая-Есенина, хорошо знавшая почерк мужа, воспроизводила в спорной строке слово «ноги», а не «ночи» в шести списках. 14 ноября 1925 г. по окончании работы над поэмой Есенин читал ее С.А.Толстой-Есениной (см. журн. «Наше наследие», М., 1995, № 34, с. 68, а также статью Ю.Л.Прокушева в сб. «День поэзии 1975», М., 1975, с. 200).

Поэма «Черный человек» автором не датирована. В наб. экз. третьего тома Собр. ст. дата не проставлена. В Собр. ст. поэма датирована «14 ноября 1925 г.» — днем завершения работы над текстом.

Говоря об этой вещи, Есенин не раз подчеркивал, что «работал над ней два года». В ноябре 1925 г. поэт сказал об этом Н.Н.Асееву (Восп., 2, 315). Во время последней встречи с писателем А.И.Тарасовым-Родионовым 23 декабря 1925 г. перед отъездом в Ленинград Есенин в ответ на упрек: «Смотри до чего себя довел, до лечебницы, до „Черного человека“», ответил: «...„Черного человека“ я давно уже написал. Я после него еще много других вещей написал, и не в этом дело» (Материалы, 252, воспоминания датированы 10 янв. 1926 г.). В 1940 г. С.А.Толстая-Есенина отмечала: «По словам Есенина, он писал поэму за границей в 1922 или 1923 г.» (Восп., 2, 263). Спустя почти пятнадцать лет в беседе с Ю.Л.Прокушевым она говорила: «Замысел поэмы возник у Сергея в Америке. Его потряс цинизм, бесчеловечность увиденного, незащищенность Человека от черных сил зла. «Ты знаешь, Соня, это ужасно. Все эти биржевые дельцы — это не люди, это какие-то могильные черви. Это „черные человеки“» (сб. «День поэзии 1975», с. 200). Ср. зарубежные письма Есенина, в которых поэт дал отрицательную оценку совре-

менному западному обществу, «ужаснейшему царству мещанства, которое граничит с идиотизмом». В письме к А.Б.Мариенгофу от 12 ноября 1922 г. (The Waldorf-Astoria, New York): «...молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно <...> И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют». В письме к А.Б.Кусикову от 7 февраля 1923 г. (по пути из Нью-Йорка в Париж): «Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. <...> А теперь — теперь злое уныние находит на меня. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь».

Точными сведениями о времени создания «Черного человека» мы не располагаем. Но косвенные подтверждения тому, что Есенин работал над поэмой за рубежом в 1923 г., имеются.

В апреле 1923 г. журнал «Россия» (М.—Пг., 1923, № 8, апр., с. 32), информируя читателей о возвращении Есенина из Нью-Йорка в Европу (февр. 1923), сообщал о написанных поэтом произведениях: цикле лирических стихотворений, «Стране Негодяев» и «Человеке в черной перчатке». Текст последнего произведения неизвестен и других прямых свидетельств об этой вещи нет. В пользу того, что упомянутое заглавие непосредственно связано с замыслом поэмы «Черный человек», говорят общий герой — «*человек*», совпадение основной, вынесенной в заглавие «меты» героя «*черная* перчатка» — «*черный* человек», а также общность многозначной семантики зеркала и перчатки (разбить зеркало — потерять перчатку — плохая примета; связь зеркала и перчаток с символикой оккультизма; «выворачиваю мир, как перчатку» (слова Есенина в изложении И.В.Грузинова. — Вос-

поминания-95, 248) — перевернутое изображение в зеркале и др.— см. подробнее: Шубникова-Гусева Н.И. Вопросы творческой истории и интерпретации поэмы Есенина «Черный человек».— Сб. «Canadien-American Slavic Studies», 1997, № 30). По наблюдениям Т.К.Савченко, «черный цвет, встречающийся относительно редко в поэзии Есенина, для него всегда концентрировал в себе все мрачное, уродливое, злое („черная горсть“ — „Я последний поэт деревни...“, 1920; „черная жуть“ — „Хулиган“, 1919; „черная жаба“ — „Мне осталась одна забава...“, 1923; „черная гибель“ — „Мир таинственный, мир мой древний...“, 1921; „черная лужа“ — „Сторона ль ты моя, сторона...“, 1921; „черная дорога“ — „Вижу сон. Дорога черная...“, 1925; метафора „вечер черные брови насопил“ в одноименном стихотворении, 1923)» (сб. «Есенин академический“, с. 186).

В «Черном человеке» Есенин обратился прежде всего к национальной традиции и задумал свое произведение как полемическое по отношению к своим «собратьям» по имажинизму, у которых «нет чувства родины во всем широком смысле этого слова» (см. т. 5 наст. изд., с. 220). Заглавие «Человек в черной перчатке» также восходило к образу, популярному среди имажинистов. Одним из его источников могла быть пьеса В.Г.Шершеневича «Дама в черной перчатке. Американская мелодрама в 4 действиях» (1921. Авторизованная машинопись в твердом переплете. РГАЛИ, ф. В.Г.Шершеневича под заглавием «Дама в чорной перчатке». На обороте титула имеется помета неустановленного лица карандашом: «1921. Шла в Театре им. Сафонова»). Английский исследователь Г.Маквей считает, что заглавие «Человек в черной перчатке» «явно заимствовано у Шершеневича» (IE, 171).

В феврале 1922 г. (Москва) состоялось публичное чтение пьесы в исполнении Шершеневича, в марте она была опубликована в издании ТМ и в мае поставлена

Опытно-героическим театром Б.Фердинандова и позже Московским свободным балетом (Свободным балетом) Лукина (см. ТМ, 1922, № 26, 7—13 февр., с. 13; 1922, № 29, 28 февр., с. 19; 1922, № 31, 14—19 марта, с. 3; 1922, № 32, 21—26 марта, с. 3; 1922, № 39, 9—14 мая, с. 10—12; журн. «Зрелища», М., 1922, № 10, с. 21; № 43, с. 11; подробнее см.: IE, 291 и Шубникова-Гусева Н.И. Тайна Черного человека в творчестве Есенина.— Журн. «Лит. учеба», М., 1995, № 5—6, с. 112—124). Отзыв Г.А.Бениславской об этом спектакле см. в ее письме к А.Г.Назаровой (апр. 1922 — РГАЛИ, ф. К.Л.Зелинского).

Есенин был не только знаком с этой пьесой, но, находясь за границей, по доверенности авторов подписал договорные условия с антерпренерами на постановку пьес «Дама в черной перчатке» В.Г.Шершеневича и «Заговор дураков» А.Б.Мариенгофа в Лондоне и Нью-Йорке. К тому времени пьесы были переведены на английский язык (ТМ, 1922, № 50, 25—30 июля, с. 13; см. также IE, 291).

Пьеса Шершеневича посвящена популярной в те годы масонской тематике и мотивам двойников и двойничества. В быту имажинисты также обыгрывали символику и атрибутику масонства (ср. название объединения «Ассоциация вольнодумцев» и «Орден имажинистов», члены которого именовались Верховными мастерами Ордена имажинистов, а угловой диванчик в кафе «Стойло Пегаса» называли «ложей», о чем см. воспоминания Г.А.Бениславской — Материалы, 58).

Перчатка как основная примета героя, вероятно, не удовлетворила Есенина потому, что для его современников она прочитывалась прежде всего в связи с популярной атрибутикой масонства. А Есенин противопоставлял свою точку зрения масонской религии и философии. Ему чужда не только идея заговора и насилия, но и попытка уедине-

ния, ухода в себя, желание масонов усовершенствовать или исправить природу человека «по циркулю разума» и подчинить чувства правилам и моральному долгу (недаром черный человек с такой иронией говорит о «дохлой и томной лирике»). Поэт из Рязани не может принять забвение национальных основ жизни, свойственное масонству, в том числе и русскому. В известном тексте поэмы «Черный человек» Есенин уделил особое внимание русской классике и славянской мифологии, прежде всего «Моцарту и Сальери» Пушкина, и противопоставил себя «черному человеку», одетому в костюм масона. Известно, что сюртук Есенин не носил, а предпочитал пушкинскую крылатку. В то же время цилиндр, сюртук, перчатки и трость — приметы масона XIX в. (см. Соколовская Т.О. Толковый перечень масонской коллекции. <Б.д.>, 1930–1940. Рукопись. ГЛМ, ф. 265).

Сохранилось свидетельство, что Есенин «будто бы» интересовался розенкрейцерством (Захаров-Мэнский Н.Н. Только несколько слов...— Воспоминания-95, 182). В личной библиотеке Есенина действительно имелись книги Р.Штейнера «Мистерии древности и христианство», М., <1912>, Андрея Белого «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» (М., 1917) и Н.А.Бердяева «Смысл творчества: Опыт оправдания человека» (М., 1916), излагавших идеи крупнейших ученых-мистиков Я. Бёме, И.Экхардта и др. с подробными цитатами (см. списки ГМЗЕ). Кроме того, в период с 1918 по 1922 гг. поэт имел возможность пользоваться «уникальной коллекцией книг по масонству», принадлежавшей Александру Мелетьевичу (Мелентьевичу) Кожебаткину (1884–1942, см. энциклопедию «Книговедение», М., 1981, с. 280) — издателю, основателю и владельцу издательства «Альциона», одному из совладельцев книжной лавки «Магазин Трудовой Артели Художников Слова» (была открыта осенью 1919 г. по Б.Никитской, д. 15 Есе-

ниным и А.Б.Мариенгофом; см. Петрова Н. Поэты за прилавком — журн. «Книжная торговля», М., 1966, № 11, с. 40—41. Подробнее см.: Шубникова-Гусева Н.И. «Черный человек» Есенина, или Диалог с масонством.— «Российский литературоведческий журнал», М., № 11 (1997), с. 78—120).

В пользу того, что первый вариант «Черного человека» был создан за рубежом, говорят также смысловые переклички поэмы с письмом еврейскому поэту Мани-Лейбу (М.Л.Брагинскому), в котором идет речь об инциденте, произошедшем в ночь с 27 на 28 января 1923 г. на квартире адресата в Нью-Йорке: «Все мы, поэты, — братья. Душа у нас одна, но по-разному она бывает больна у каждого из нас». В указанном письме Есенин сравнил себя с А.Мюссе и Э. По («у меня та самая болезнь, которая была у Эдгара По, у Мюссе»), чьи произведения были в поле зрения Есенина, когда он писал «Черного человека» (см. с. 706).

А.Б.Мариенгоф, В.Г.Шершеневич, И.В.Грузинов слышали поэму в исполнении автора осенью 1923 г. по его возвращении из-за рубежа (см., например, Мариенгоф А.Б. Роман без вранья, Л., 1927, с. 142). В декабре 1957 г. в Ленинграде А.Б.Мариенгоф, беседуя с С.П.Кошечкиным, еще раз подтвердил: «Был более ранний вариант „Черного человека“, привезенный Есениным из-за границы» (сб. «В мире Есенина», с. 378). «Читал мне Есенин „Черного человека“ не в первые же недели по приезде из-за границы, а при первой же встрече. Никритина была при этом» (Письма, 508). В комментариях к поэме С.А.Толстой-Есениной и Е.Н.Чеботаревской сказано: «С.С.Виноградская вспоминает, что вскоре после заграничной поездки Есенин читал ей „Чорного человека“ по рукописи» (Комментарий). С.А.Толстая-Есенина говорила также, что Есенин отдал «Черному человеку» «так

много сил. Написал несколько вариантов поэмы» (сб. «День поэзии 1975», М., 1975, с. 200).

Автограф раннего варианта поэмы до сих пор остается неизвестным. С.А.Толстая-Есенина отмечала в дневнике, что поэт сказал ей 14 ноября 1925 г. после чтения завершенной поэмы: «Он <«черный человек»> вышел не такой, какой был прежде, не такой страшный, потому что ему так хорошо со мной было в эти дни» (журн. «Наше наследие», М., 1995, № 34, с. 68).

Сведения современников, слышавших ранний вариант поэмы в исполнении автора, неконкретны, противоречивы и порой недостоверны (Walter Duranty, в его кн. «I Write As I Please», London, 1935, p, 223—225; Allan Ross Macdougall в его кн. «Isadora. A Revolutionary in Art and Love», New York, 1960, p. 204; Claude McKay в его кн. «A Long Way from Home», New York, 1969, p. 188 (Copy right, 1937); подробнее см. IE, 207—208).

М.Д.Ройзман вспоминал, что поэма «Черный человек», слышанная им, была «длинней, чем ее окончательный вариант. В конце ее лирический герой как бы освобождался от галлюцинаций, приходил в себя» (Восп., 1, 393). В.Ф.Наседкин также отмечал: «То, что вошло в собрание сочинений,— это один из вариантов. Я слышал от него другой вариант, кажется, сильнее изданного» (Восп., 2, 309).

Другого мнения придерживался А.Б.Мариенгоф, который писал, что в окончательный текст Есенин внес поправки «не очень значительные» (в его кн. «Роман без вранья», Л., 1927, с. 142).

Воспоминания современников говорят о том, что замысел поэмы сложился задолго до ее написания. Например, сцена с зеркалом «проигрывалась» поэтом в различных вариантах еще в 1922 г., до поездки за рубеж и в последующие годы, вплоть до последних дней жизни. И.И.Шнейдер, помогавший А.Дункан в организации школы танца в

Москве в 1921—1922 гг., вспоминал: «На высоком, от пола до потолка, узком зеркале, стоявшем в комнате Айседоры, виднелся нестертый след нашей с Есениным шутки над Айседорой: пучок расходившихся линий, нанесенных кусочком мыла, давал иллюзию разбитого трюмо. Мыло так и осталось лежать на мраморном подоконнике» (Шнейдер И. Встречи с Есениным: Воспоминания, М., 1965, с. 36). В.Ф.Наседкин вспоминал о работе Есенина над поэмой в последний год его жизни: «Эта жуткая лирическая исповедь требовала от него колоссального напряжения и самонаблюдения. Я дважды заставал его пьяным в цилиндре и с тростью перед большим зеркалом с непередаваемой нечеловеческой усмешкой, разговаривавшим со своим двойником-отражением или молча наблюдавшим за собою и как бы прислушивающимся к самому себе» (Материалы, 233—234).

Н.Н.Асееву Есенин говорил, что напечатать поэму «нигде не может, что редактора от нее отказываются» (Восп., 2, 315). Есенин действительно хотел напечатать «Черного человека» в 1924 г. Подтверждение этому — надпись рукой поэта на обратной стороне обложки макета книги «Москва кабацкая», датированного автором 1924 г.: «Готовится к печати: Есенин — „Любовь хулигана“, „Чорный человек“, „Страна Негодяев“, „Россияне“ (сборник), „Миклашевская (монография)“» (РГАЛИ).

«В ноябре 1925 года,— писала С.А.Толстая-Есенина,— редакция журнала „Новый мир“ обратилась к Есенину с просьбой дать новую большую вещь. Новых вещей не было, и Есенин решил напечатать „Черного человека“. Он работал над поэмой в течение двух вечеров 12 и 13 ноября. Рукопись испещрена многочисленными поправками...» (Восп., 2, 263). 14 ноября поэма была сдана в печать (о соответствующей календарной помете С.А.Толстой-Есениной см. выше, с. 682).

Вопрос датировки поэмы является дискуссионным. Большинство исследователей относят ее создание к 1922—1923 гг. Сопоставляя «Черного человека» с «драмой» «Страна Негодяев», П.Ф.Юшин делал вывод, что поэма была «крайне необходимой <...> подготовкой» для создания драмы и постановки темы „негодяев" в творчестве Есенина и поэтому предшествовала „Стране Негодяев"» (в его кн. «Сергей Есенин: Идейно-творческая эволюция», М., 1969, с. 300). Л.Л.Бельская склонна к тому, что в «Черном человеке» Есенин более бескомпромиссно и решительно порывает с поэтизацией анархизма и индивидуализма, чем в «Стране Негодяев», и высказывает предположение, что поэма «Черный человек» не предшествовала пьесе, а была «завершена позже ее, вероятно, сразу после приезда на родину в 1923 году» (в ее кн. «Песенное слово»: Поэтическое мастерство Сергея Есенина, М., 1990, с. 141). Мнения о том, что поэма «Черный человек» в своем первоначальном виде сложилась уже к моменту возвращения Есенина из-за границы, придерживаются С.П.Кошечкин (сб. «В мире Есенина», с. 376—387) и Е.И.Наумов (в его кн. «Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха», Л., 1973, с. 218—221). К имажинистскому периоду творчества Есенина относит «Черного человека» А.М.Марченко (см. в ее кн. «Поэтический мир Есенина», с. 166—189), видя в поэме элемент литературной полемики. А.С.Субботин, основываясь на биографических параллелях (любовь и разрыв с Дункан, «образные отзвуки» батумской зимы: яблони в саду, снегопад и т. д.), датировал поэму 1924—1925 гг. (Субботин А.С. О поэзии и поэтике. Свердловск, 1979, с. 177—190).

Ю.Л.Прокушев в комментариях к поэме (Есенин III (1978), с. 282—284) и А.А.Волков в кн. «Художественные искания Есенина» (с. 405) принимают во внимание ту большую работу по окончательной отделке поэмы, которую Есенин провел 12—14 ноября 1925 г. и показывают,

что время создания поэмы не укладывается в узкие хронологические рамки.

В библиографическом указателе В.В.Базанова и А.П.Ломана (ИРЛИ) время написания поэмы обозначено 1923—13 ноября 1925 г.

В наст. изд. принята дата, уточненная на основе документальных свидетельств С.А.Толстой-Есениной: <1923 —>14 ноября 1925 г. Поскольку сохранился текст лишь 1925 г., дата завершения становится основной, и поэма «Черный человек» помещается в конце тома.

Творческая история поэмы говорит о том, что Есенин вынашивал ее долго и мучительно. Основные идеи возникли задолго до написания и были подготовлены всем предшествующим творчеством поэта. Отсюда множество перекличек с собственными произведениями в тексте «Черного человека» (см. реальный коммент.) Ср. также в письмах к Г.А.Панфилову и М.П.Бальзамовой 1913—1914 гг.— «*Я есть ты.*<...>Если бы люди понимали это... Не стали бы восстанавливать истину насилием, ибо это уже не есть истина». «Я <...> продал свою душу черту,— и все за талант»). «Формула „Я есть ты“,— отмечает польский исследователь Е.Шокальски,— это, по всей видимости, неточный перевод „великого изречения“ Упанишад „Там твам аси“ („Это ты еси“). <...> Есенин тут явно обращается к кругу представлений брахманизма и теософии» (сб. «Есенин академический», с. 165). Эти идеи были в поле зрения поэта во время работы над «Черным человеком».

В статье «Ключи Марии», написанной в 1918 г., Есенин, размышляя о «религии мысли нашего народа», находил в ней общее с мифологией Востока. Здесь же поэт обратил внимание на «скрытую веру в переселение души» и дал оригинальное толкование идее двойничества, получившей отражение в «Черном человеке» (см. т. 5 наст. изд., с. 186—220). Ср. также строки из стихотворения «День ушел, убавилась черта...» (1916. «Где-то в поле

чистом, у межи, // Оторвал я тень свою от тела» — т. 4 наст. изд, с. 148—149) и «Метель» (1924. «Себя усопшего // В гробу я вижу» — т. 2 наст. изд., с. 151).

Символика зеркала и зеркальности, составляющая основу философского сюжета «Черного человека», также была всегда свойственна поэзии Есенина. Функцию зеркала выполняли «зеркало залива», «синие затоны озер», «озерное стекло», «оконное стекло»: «Отражаясь, березы ломались в пруду» (т. 1 наст. изд., с. 27); «Смолкшим колоколом над прудом // Опрокинулся отчий дом» (т. 1 наст. изд., с. 76); «В черной луже продрогший фонарь // Отражает безгубую голову» (т. 1 наст. изд., с. 159); «В синих отражаюсь затонах // Далеких моих озер. // Вижу тебя, Инония, // С золотыми шапками гор» (т. 2 наст. изд., с. 67); «Копны и стога огней кружились над зданиями, громадины с суровой мощью вздрагивали в зеркале залива» (т. 5 наст. изд., с. 164) и др. Ср. также строки из стихотворения «Мне осталась одна забава...» (1923, «Но коль черти в душе гнездились — // Значит, ангелы жили в ней» — т. 1 наст. изд., с. 186), в котором, по мнению Э.Б.Мекша, дан христианско-апокрифический вариант идеи двойничества (сб. «Вечные темы и образы в советской литературе», Грозный, 1989, с. 52).

Французский исследователь М.Никё обратил внимание на то, что «для обозначения этой „нечисти", этих „чертей" есть как раз у Есенина специальный термин — *аггелизм*. <...> Термин „аггелизм" появился у Есенина в 1918 году не без влияния С.Клычкова, который остро ощущал, особенно с войны 1914 года, наличие разрушительных сил в мире и в человеке» (РЛ, 1990, № 2, с. 195; см. также журн. «Cahiers du Monde russe et soviétique», 1973, XVIII (1—2), p. 33—60). Есенин рассказывал И.Н.Розанову: «Одно время сблизился с Сергеем Клычковым, поэтом очень близким мне по духу. Тогда я писал „Ключи Марии" и собирался вместе с ним объ-

явить себя приверженцем нового течения „Аггелизм", не „ангелизм", а через два „г"» (Розанов И.Н. Есенин о себе и других, М., 1926, с. 17). М.Никё писал, что «слово *аггел*, как *ангел*, восходит к греческому *аггелос*, но употребляется в противопоставлении слову *ангел*: *аггелы* — это „падшие ангелы", соратники дьявола. Это слово встречается в церковнославянском переводе Библии („Михаилъ и аггли его брань сотвориша со змiемъ, и змiй брася, и аггели его" (Апокалипсис, XII, 7) и в духовных стихах (Безсонов П. Калики перехожие. Сб. стихов и исследований. М., 1863, Вып. 5, с. 129, 142, 201, 216; М., 1864. Вып. 6, с. 75, 77, 81). Оба эти источника хорошо знал Есенин <см. автобиографию 1924 г., т. 7, кн. 1 наст. изд.>. В церковнославянских текстах титло отличало „хороших" ангелов от плохих („аггелов"): аг̃глъ (или аӈ̃глъ) — аггелъ (ангелъ)». Здесь же указано употребление слова аггел с данным значением у Н.Ф.Федорова («Вопрос о братстве или родстве...», прим. 20), А.П.Чехова («Винт»), М.Булгакова («Белая гвардия», гл. 19) и, что особенно важно, в письме Пушкина к П.А.Вяземскому от 4 ноября 1823 г., где он называл своего адресата одновременно ангелом и аггелом (РЛ, 1990, № 2, с. 195).

С.А.Толстая-Есенина писала: «Говоря об этой вещи, он < Есенин > не раз упоминал о влиянии на нее пушкинского „Моцарта и Сальери"» (Восп., 2, 263). Есенин имел в виду не только вторую сцену маленькой трагедии (действие происходит в трактире), ср.:

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится.

(Пушкин, V, 365),—

но прежде всего основную мысль пушкинской вещи:

А гений и злодейство—
Две вещи несовместные
(Пушкин, V, 368).

Как известно, Есенин «с особым преклонением относился к Пушкину» (Старцев И.И. — Восп., 1, 411, см. также коммент. наст. т., с. 664, 667—668). С юных лет Есенин прекрасно знал произведения Пушкина и перечитывал их на протяжении всей жизни (Восп., 1, 138, 142, 393). В.А.Мануйлов, который встречался с Есениным в 1921—1922 и 1924—1925 гг., вспоминал: «Есенин любил Пушкина больше всех поэтов в мире. И не только его поэзию, прозу, драматургию, он любил Пушкина-человека. Это был самый светлый, самый дорогой его идеал» (Восп., 2, 182). По словам И.В.Грузинова, Есенин «играл в Пушкина», подражал ему даже внешне. 1923 г.: «Есенин в пушкинском испанском плаще, в цилиндре. Играет в Пушкина. <...> Непрерывно разговариваем. Вполголоса: о славе, о Пушкине» (Восп., 1, 355. См. также: Эрлих В.И. Восп., 2, 325; Воронский А.К. Восп., 2, 70; Миклашевская А.Л. Восп., 2, 86; о Пушкине — т. 1 наст. изд., с. 620—621).

Есенин, как отметил Н.Н.Асеев, «очень ценил» поэму «Черный человек» (в его кн. «Дневник поэта», Л., 1929, с. 174) и считал, что «это лучшее, что он когда-нибудь сделал» (Восп., 2, 315). В ноябре 1925 г. на вопрос Н.Н.Асеева, «почему он не работает над вещами, подобными этой, а предпочитает коротенькие романсового типа вещи, слишком легковесные для его дарования, Есенин ответил: „А вот настоящая вещь — не нравится! <...> Никто тебя знать не будет, если не писать лирики <...> Вот так Пастернаком и проживешь!“» (Восп., 2, 315—316).

В письме П.И.Чагину от 27 ноября 1925 г. Есенин писал: «Посылаю тебе „Черного человека“. Прочти и подумай, за что мы боремся, ложась в постели?..»

Современники вспоминали, что поэт читал «Черного человека» в 1923 г. и в последующие годы, особенно часто в последние дни своей жизни. Среди слышавших это чтение были А.Б.Мариенгоф, В.Г.Шершеневич, И.В.Грузинов, Н.Е. и Б.Р.Эрдманы, Г.Б.Якулов, А.Л.Миклашевская, Н.Н.Никитин, С.С.Виноградская, В.Ф.Наседкин, Н.Н.Асеев, М.Д.Ройзман, А.А.Берзинь, И.В.Евдокимов, А.И.Тарасов-Родионов, Г.Ф. и Е.А.Устиновы, В.И.Эрлих, П.А.Радимов, А.А.Антоновская и др.

Вспоминая чтение поэмы в августе 1923 г., А.Б.Мариенгоф писал С.П.Кошечкину: «Он <Есенин>, разумеется, не пришел в восторг от моих слов: „Поэма декадентская...", „Андреевщина...", „Дурного вкуса" и т. д.» (Письма, 508). А.Л.Миклашевская вспоминала: «Как сейчас вижу: стол посреди комнаты, самовар. Мы сидели вокруг стола. <...> Есенин стоял у стола и читал свою последнюю поэму — „Черный человек".

Он всегда хорошо читал свои стихи, но в этот раз было даже страшно. Он читал так, будто нас никого не было и как будто „черный человек" находился здесь, в комнате» (Восп., 2, 90—91). Писатель Н.Н.Никитин, судя по его воспоминаниям, слушал поэму в исполнении автора в начале ноября 1925 г. в Ленинграде до того, как Есенин закончил над ней работу: «...он < Есенин > ждал меня у Садофьева.

Когда я пришел, гости отужинали, шел какой-то „свой" спор, и Есенин не принимал в нем участия. Что-то очень одинокое сказывалось в той позе, с какой он сидел за столом, как крутил бахрому скатерти. Я подсел к нему. Он улыбнулся.

— Я только что, совсем недавно кончил „Черного человека"... Послушай:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен. <...>

Уже этим началом он сжал мне душу, точно в кулак. Почему-то сразу вспомнился „Реквием“ Моцарта. Я не могу сейчас воспроизвести весь наш разговор точно. Помню, что Есенин шутил, и был доволен что „проверил“ поэму еще на одном слушателе» (Восп., 2, 136—137).

А.А.Антоновская писала о последней встрече с Есениным в Доме Герцена перед отъездом в Ленинград: «„Черный человек“ трагично прозвучал в наступившей тишине. На последних словах „Я один... // И разбитое зеркало...“ Сергей Есенин махнул рукой и долго сидел молча, мало пил и как-то порывался что-то сказать, но... не сказал...» (Рукопись ГЛМ). Передавая свое впечатление от чтения Есениным «Черного человека», Н.Н.Асеев отметил: «И опять этот тон подозрительности, оглядки, боязни преследования» (Восп., 2, 315). Рассказывая о своей встрече с Есениным за две недели до его смерти, Н.Н.Асеев писал: «В тот вечер он читал „Черного человека“... <...> передо мной вставал другой облик Есенина, не тот, общеизвестный, с одинаковой для всех ласковой улыбкой, не то лицо „лихача-кудрявича“ с русыми кудрями, а живое, правдивое, творческое лицо поэта, умытое холодом отчаяния, внезапно просвежевшее от боли и страха перед вставшим своим отражением... <...> Маска улыбки и простоты снимается в одиночестве. Перед нами вторая, мучительная жизнь поэта, сомневающегося в правильности своей дороги, тоскующего о „неловкости души“, которая не хочет ничем казаться, кроме того, что она из себя представляет» (в его кн. «Дневник поэта», с. 174—175, 180).

Единственный известный прижизненный отклик на поэму содержится в письме сотрудника Бак. раб. Л.Ф.Файнштейна к С.А.Толстой-Есениной от 25 декабря 1925 г.: «Потеряв человеческое естество или теряя его, находясь уже наполовину в над- и бессознательном, писал Сергей „Черного человека“. А почему не белого ангела? Коемуждо по делам и поступкам его. Пусть ищет Сергей

ангелов чистых, которые бы отдали ему невинность и радость свою, он не найдет в них очищения» (цит. по статье С.И.Субботина.— Журн. «Терра инкогнита», М., 1996, № 2–3, с. 29).

Поэма была опубликована сразу после смерти Есенина, когда его стихи последнего периода звучали как предчувствие гибели. Философское и эстетическое содержание поэмы осталось вне поля зрения критиков, и она была прочитана как вещь автобиографическая. При публикации «Черного человека» в Бак. раб. вместе со стихотворениями «Спит ковыль, равнина дорогая...», «Вижу сон. Дорога черная...» было сделано следующее редакционное примечание: «Эти стихи ярко отражают настроения и душевное состояние Есенина, приведшее к трагическому исходу. Особенно характерна в этом смысле поэма „Черный человек“» (Бак. раб., 1926, 29 янв., № 25). А.К.Воронский в статье «Об отошедшем» заметил, что последние стихи поэта «в известной своей части <...> являются уже материалом для психиатра и клиники: такова в особенности его поэма о „Чорном человеке“. Не всегда поэзия — лишь прекрасная художественная условность; слишком часто сквозь черную стройность букв проступает кровь, видны расширенные от ужаса глаза, и в ритме стиха слышится предсмертный крик» (Собр. ст., 1, с. XXII–XXIII).

Критик Г.Лелевич связал поэму с «драмой» Есенина: «Попытки укрыться за кабацким разгулом, мотивы отчаянного хулиганства и озорства, естественно, находят свое завершение в мотивах смертного похмелья, *болезни, бреда, полубезумия*. <...> Эти настроения наиболее выпукло выражены в кошмарной поэме „Черный человек“» (в его кн. «Сергей Есенин», Гомель, 1926, с. 32–33). А.Ревякин назвал поэму «психопатологической» (в его кн. «Чей поэт Сергей Есенин?», М., 1926, с. 36). А.Е.Крученых также определил «Черного человека» как «поэму о белой горячке», «сплошной бред и душевный тик» (в его

кн. «Чорная тайна Есенина». Продукция № 136, М., 1926, с. 15). П.Н.Медведев писал: «„Черный человек“ <...> настолько субъективен и явно патологичен, что из этого материала вряд ли вообще могло получиться сколько-нибудь значительное художественное произведение. Это — уже агония не только писателя, но и человека» (в кн. Н.Клюева и П.Н.Медведева «Сергей Есенин», Л., 1927, с. 81).

Факт посмертной публикации наложил отпечаток и на противоположные приведенным положительные отзывы. «Поэмой о смерти и покаянии» в духе Эдгара По назвал «Черного человека» В.З.Швейцер (Бак. раб., 1925, 30 дек., № 299; подпись: Пессимист). С.Карташов в рецензии на первую книгу «Нового мира» обратил внимание на вещи, «представляющие „большой интерес“»: «Первой в книге идет посмертная поэма Сергея Есенина „Черный человек“. Покойный поэт работал над ней два года». Процитировав слова А.К.Воронского о поэме, критик добавил: «В „Черном человеке“ трагедия Есенина, его внутренний разлад отражены с большой художественной и трагической силой. Все любящие Есенина с болью и волнением прочтут эти строки...» (газ. «Комсомольская правда», М., 1926, 17 февр., № 39). А.Лежнев также выделил «Черного человека» и «Страну Негодяев» среди опубликованных после смерти Есенина произведений, но пояснил, что «„Черный человек“ интересен больше как автобиографический материал. <...> Написаны и „Черный человек“ и „Номах“ <„Страна Негодяев“> во второй, имажинистской манере Есенина. Ясно ощущается влияние Маяковского» (ПиР, 1926, № 4, с. 96). См. также рец. Ю.С. на журн. «Новый мир» — газ. «Веч. Москва», 1926, 30 янв., № 24; Мунблит Г. Литературные заметки — журн. «Комсомолия», М., 1926, № 4, с. 73. Д.Святополк-Мирский (Д.Мирский) в довольно тенденциозной рецензии на три тома Собр. ст. определил «удивительное

стихотворение „Черный человек"» «главным украшением» последних лет Есенина, «может быть, одной из высших точек есенинской поэзии» и заметил: «Безысходная тоска, скользящая по границе белой горячки, получает лирическое выражение редкой у Есенина интенсивности и человеческой реальности» (журн. «Версты», Париж, 1927, № 2, с. 256). Н.Н.Асеев писал: «Точность и отчетливость интонации этой поэмы, горечь и правдивость ее содержания, ставит ее выше всего написанного им. И мимо всяких догадок открывает она безысходность и неизбежность его страшного конца» (Асеев Н. Дневник поэта, с. 185).

М.Горький в письме из Неаполя к бельгийскому писателю Францу Элленсу 7 февраля 1926 г. назвал поэму «великолепной» и причислил к «чудесным, искренним и трогательным стихам», написанным Есениным перед смертью (Письма, 395).

Черный человек — заглавие поэмы — традиционный мифологический образ в мировой литературе. Один из обликов, который принимает черт, — персонаж русской народной демонологии (см. «Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах». / Сост. С.Айвазян. — в кн.: Померанцева Э.В.Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 177—178, а также Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила, <СПб., 1873—1903>, Смоленск, 1995, с. 246). В Толковом словаре В.Даля «черный» — нечистый, дьявол, черт — «олицетворение зла, враг рода человеческого, нечистый, не́кошный, черная сила, сатана, дьявол, лукавый» (Даль, 4, 597). В интерпретации славянской мифологии представителями так называемой «мифологической школы» «слово *черный*, противоположность которого „белому" так резко запечатлелась в предании о Чернобоге и Белбоге, употребляется как эпитет злых духов. <...> С черными божествами было соединяемо все

старое, безобразное, лукавое и злое; они враждебны жизни и ее нравственным основам» (Аф. I, 99, 100—101). Сказки и былички о черте Есенин знал с детства. Младшая сестра поэта А.А.Есенина вспоминала: «Жили мы по-гоголевски — с чертями, колдуньями, с приметами, поверьями» (Восп., 1, 92, см. также былички о колдунах, зеленом змее и прочей нечисти, бытовавшие в Константинове, в воспоминаниях Е.А.Есениной. Восп., 1, 39—41 и Панфилов 1, 209—232).

Есенин, говоря о своей поэме, не раз обращал внимание на ее литературный источник — «Моцарта и Сальери» Пушкина (см. об этом выше, с. 696; заглавие поэмы «Черный человек» — прямая цитата из пушкинской маленькой трагедии), и тем самым подчеркивал, что в образе «черного человека» воплощены зависть и темные силы, мучающие и преследующие поэта, как пушкинского Моцарта (см. Ю.Л.Прокушев в его кн. «Сергей Есенин. Образ, стихи, эпоха», М., 1975, с. 309—310; Е.И.Наумов в его кн. «Сергей Есенин. Личность, Творчество. Эпоха», с. 219; Л.Г.Юдкевич в его кн. «Лирический герой Есенина», Казань, 1971, с. 196; А.С.Субботин в его кн. «О поэзии и поэтике», Свердловск, 1979, с. 179; В.Д.Федоров в сб. «В мире Есенина», с. 32 и др.). Современники сравнивали самого Есенина с Моцартом: «В поэзии он — Моцарт» (А.В.Бахрах — РЗЕ, 2, 32—33), с «высшим моцартовским началом, моцартовской стихиею» (Б.Л.Пастернак — Воспоминания-95, 502), а его поэзию — со «звоном моцартнейшей свирели» (Б.М.Зубакин — Письма, 423). В поэме «Черный человек» есть также созвучия с мыслями Пушкина о художнике и искусстве, изложенными в письмах к П.А.Вяземскому, которого поэт называл «милым ангелом или аггелом Асмодеем» (Пушкин, X, 70). См., например, письмо от второй половины ноября 1825 г.: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется униже-

нию высокого, слабостям всемогущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы; он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе. <...> Презирать — braver — суд людей не трудно; презирать суд собственный невозможно» (Пушкин, X, 191). Подтверждением того, что Есенин внимательно читал письма Пушкина и при случае цитировал их, служат воспоминания современников (Н.В.Крандиевская-Толстая — Восп., 2, 17; В.И.Эрлих — Восп., 2, 349).

Во время написания поэмы в поле зрения Есенина, вероятно, находились различные вариации образа черта, которые имелись в предшествующей литературе, и прежде всего в русской классике. Диалог с «черным человеком» напоминает ночной разговор Ивана Федоровича с «чертом», явившемся ему в бредовом видении в облике собственного двойника (часть 4, кн. 11, гл. IX «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» из романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» (Долгополов Л. Степень точности — журн. «Лит. обозрение», М., 1982, № 2, с. 101, ср. скрытые цитаты из текста романа в письмах Есенина к А.М.Сахарову от 1 июля 1922 г. и А.Б.Мариенгофу от 9 июля 1922 г.), а также «Двойника» Ф.М.Достоевского (Волков А. Художественные искания Есенина, с. 408—411). Источником образа «черного человека» называют также произведения Н.В.Гоголя, любимого писателя Есенина: образ «страшного старика», героя «Портрета», в основе которого «сказка про художника, продавшего свою душу дьяволу» (Марченко А. Поэтический мир Есенина, с. 180—186), а также «Ночь перед рождеством» и «Вий» (Субботин А.С. О поэзии и поэтике, с. 188). В научной литературе обосновано положение о том, что поэма Есенина восходит к многократно использованным фольклором и литературой притчам о черте, бесе, Мефистофеле, нечистом, «лукавом» — «Повесть о Горе-Злочастии», «Крас-

ный карбункул» И.-П.Гебеля, «Фауст» В.Гёте, «Портрет Дориана Грея» О.Уайльда и др.(Субботин А.С. О поэзии и поэтике, с. 177—191; Марченко А.М. Поэтический мир Есенина, с. 165—166 и др.), а также к мифологическому архетипу «человек и его отражение» (больше известен как миф о Нарциссе) (см. об этом в статье Э.Б.Мекша в сб. «Вечные темы и образы в советской литературе», с. 52).

Разрабатывая новую оригинальную трактовку традиционного образа, Есенин воплотил в нем не только злые силы, преследующие человека, но и отрицательные начала души героя. Есенин сближает Черного человека с героем, наделяя его даже внешним сходством. На этом основании большинство исследователей видят в нем двойника лирического героя и относят поэму к теме «двойничества» как результату внутренних противоречий личности, традиционной для мировой и в том числе русской литературы (см. Т.К.Савченко в сб. «Есенин академический», с. 181—189; Л.Л.Бельская в ее кн. «Песенное слово», с. 131—143 и др.). Возможный литературный источник для формулы «черный человек», связанный с темой «двойничества», — «Записная книжка» К.Н.Батюшкова, где есть такие строки: «Недавно я имел случай познакомиться с странным человеком, *каких много!* <...> В нем два человека: один добр, прост, весел, услужлив, богобоязлив <...>; другой человек <...> — злой, коварный, завистливый, жадный <...>, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества <...> Этот человек, то есть черный — прямой урод. Оба человека живут в одном теле... <...> Это я!» Тома собрания сочинений этого писателя издания 1885—1887 гг. были в библиотеке С.М.Городецкого, которой по приезде в Петроград пользовался Есенин» (Кошечкин С. Прескверный гость. — ВЛ, 1985, № 9, сент, с. 115).

В научной литературе показана близость образа Черного человека с двойниками в поэзии поэтов-символистов А.Блока, А.Белого, В.Брюсова, К.Бальмонта (о Блоке

см. т. 1 наст. изд., с. 442). «Alter ego Блока, как и Есенина (цикл „Страшный мир“),— писала Т.К.Савченко,— так же выходит из глуби зеркал: „Быть может, себя самого //Я встретил на глади зеркальной?“; и разговор с ним лирического героя — мучительная попытка разобраться в тайниках и темных закоулках собственной души, постичь самого себя» (сб. «Есенин академический», с. 181, см. также Н.Атаров — ВЛ, 1982, № 4, с. 94; А.Волков в его кн. «Художественные искания Есенина», с. 418–419). Имеется сходство «черного человека» с героем стихотворения А.Белого «Осень», стоящим перед разбитым зеркалом («небесным стеклом»), и есть факты в пользу того, что Есенин мог ознакомиться со стихотворением А.Белого при встречах с ним в Берлине в 1922 г., где тот готовил к изданию свои сборники стихов «После разлуки» (1922) и «Стихотворения» (1923) в том же издательстве З.И.Гржебина, где Есенин издал «Собрание стихов и поэм» (Л.Н.Малюкова в сб. «Проблемы советской поэзии». Вып. 2, Челябинск, 1974, с. 97–110). А.М.Марченко обратила внимание на перекличку «Черного человека» с поэмой П.Орешина «Метель» и лирикой имажинистов, особенно А.Б.Кусикова и В.Г.Шершеневича (Марченко А. Поэтический мир Есенина, с. 170–180).

Типологическое сходство допускает различные сближения (совпадения). Среди источников, на которые сознательно ориентировался поэт,— произведения популярных в то время в России авторов: француза Альфреда де Мюссе, отмеченного вниманием Пушкина (см. его статью «Альфред де Мюссе» — Пушкин, VII, 209–211), и американца Эдгара По, с которыми Есенин сравнивал себя в письме к М.Л.Брагинскому в конце января 1923 г. в Нью-Йорке (см. выше, с. 690; впервые перекличка с произведением Э.По «Ворон» (1845) была отмечена А.Крученых в его кн. «Чорная тайна Есенина», с. 20). Особенно явной, содержащей полемический смысл и намеренно

подчеркнутой по реалиям (человек, одетый в черное — собственное отражение, с которым постоянно встречается герой-поэт; время действия — декабрь; книга, в которую смотрит герой и призрак; воспоминание о женщине, которую любил поэт; ночная птица и метель за окном, а главное — сравнение воспоминаний о прошлом со службой водолаза) является перекличка «Черного человека» — прескверного гостя — с черным гостем из «Декабрьской ночи» А. де Мюссе (цикл «Ночи» — «Les Nuits», 1835—1837). (Подробнее см. Шубникова-Гусева Н.И. Французские источники «Черного человека» С.А.Есенина — журн. «Revue des Études Slaves», Paris, 1995, t. LXVII/1, p. 127—140, и ее же «Его называли Франсуа Вийоном... Сергей Есенин и французские писатели» — журн. «Российская провинция», М., 1995, № 4, с. 30—39). Ср. слова, сказанные Есениным А.И.Тарасову-Родионову 23 декабря 1925 г.: «Оно <сердце> у меня очень болит и очень кричит. Только не по Альфреду Мюссе» (Материалы, 244. Судя по лексике, Есенин пользовался переводом А.Мысовской в изд.: Мюссе А. Избранные соч./пер. В.Е.Чешихина и др. СПб. 1901, Русская классная библиотека под ред. А.И.Чудинова, вып. XX). Современники неоднократно сравнивали Есенина с Мюссе, см. перефразировку известного афоризма А.Мюссе («Мой стакан мал, но я пью из своего стакана») применительно к Есенину в рец. В.Летнева на «Пугачева» (журн. «Казанский библиофил», 1922, № 3, с. 90); неопубликованные тезисы выступления Ю.Н.Тынянова (1927 г.— цит. в его сб. «Поэтика. История литературы. Кино». М., 1977, с. 501); Г.А.Адамович называл Есенина «советский Musset» (McVay Gordon. Георгий Адамович о Сергее Есенине. Новые материалы — журн. «Revue des Études Slaves». Paris, 1995, t. LXVII/1, p. 158 —159).

Жизненный материал, отразившийся в поэме, также многообразен. Ряд исследователей ставит вопрос о прототипах «черного человека» в окружении Есенина тех лет,

называя В.Г.Шершеневича и даже Н.А.Клюева, и толкуют поэму как «продуманный ответ тем, кто порочил нравственный облик Есенина и искажал его поэзию (как Крученых)». «В „Черном человеке“,— писал В.Г.Базанов,— не бред больного воображения, не галлюцинация, а защитительная речь, продуманный ответ тем, кто пытался скомпрометировать, нравственно уничтожить поэта. <...> Поэма „Черный человек“ написана под впечатлением пережитого, в минуты сильного эмоционального экстаза. Поэма слишком автобиографична, чтобы превращать ее в отвлеченное нравоучение, в обличение людских пороков, в ней слышится бунт против тех, кто преследует поэта» (Базанов В. Поэзия Сергея Есенина.— Есенин С. Стихотворения и поэмы, М., 1975, с. 18; см. также Марченко А. Поэтический мир Есенина, с. 201).

В тексте имеется также косвенное сравнение «черного человека» с монахом («И, гнусавя надо мной, // Как над усопшим монах...» Ср. также в 4 главе «Пугачева»: «Это осень, как старый оборванный монах, // Пророчит кому-то о погибели веще»), одеяние которого обыкновенно черное (ср. «Черный монах» А.П.Чехова (1894) — источник впервые отмечен А.Крученых в его кн. «Чорная тайна Есенина», с. 20). М.Никё соотносит монаха — «черного человека» с Монахом — деревенским прозвищем молодого Есенина (РЛ, 1990, № 2, с. 196).

Так же зеркально — на сочетании противоположных значений и обращении к разнородным источникам — построены и другие образы поэмы.

С. 188. *Друг мой, друг мой...* — Имеется, хотя и не дословная, перекличка ст. 1 и 80 с первой строкой предсмертного стихотворения Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (см. т. 4 наст. изд., с. 244).

Голова моя машет ∾ Маячить больше невмочь. — Ср. с образом поэта — Людогуся В.В.Маяковского — определением сущности поэзии в поэме «Пятый Интерна-

ционал» (1922, газ. «Известия ВЦИК». М., 1922, 10 и 23 сент., № 203 и 214) и очерке «Париж (Записки Людогуся)» — 1922, газ. «Известия ВЦИК». М., 1922, 24 дек., № 292. В поэме «Пятый Интернационал»:

Я знаю точно — что такое поэзия <...>
Внимание!
Начинаю.
Аксиома:
Все люди имеют шею.
Задача:
Как поэту пользоваться ею?
Решение:
Сущность поэзии в том,
чтоб шею сильнее завинтить винтом.»

(Маяковский, 4, 108—109,
см. также 4, 205).

По мнению М.Петровского, одним из источников образа, созданного В.В.Маяковским, послужила известная сказка английского писателя Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» (1865) (глава V «Синяя Гусеница дает совет», см. об этом сб. «В мире Маяковского», кн. 2, М., 1984, с. 362—378), где героиня превращается в человека, состоящего из головы и шеи (см. рисунок автора, где Алиса изображена стоящим на земле деревом — см. факсимиле. 1864 г. в кн.: Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М., 1991, с. 302.).

В первой четверти XX в. вышло несколько переводов «Алисы» на русский язык — М.Д.Гранстрем, Allegro (псевдоним П.С.Соловьевой) и А.Н.Рождественской и др. Два последних до выхода отдельными изданиями публиковались в детских журналах «Тропинка» и «Задушевное слово». Несомненно, Есенин также был знаком с этим произведением.

В противоположность герою Маяковского, который сравнивает свою развинчивающуюся шею со «стоверстной подзорной трубой» (4, 134), Есенин строит метафору в соответствии с народными представлениями о душах как существах летающих, крылатых (Аф. I, 541), и образом человека-дерева (см.: А.М.Марченко в ее кн. «Поэтический мир Есенина», с. 167, а также С.П.Кошечкин в сб. «В мире Есенина», с. 384).

В исследовательской литературе предлагались различные расшифровки есенинской метафоры. Например, А.А.Волков видел ее разгадку «в фигуральном уподоблении дереву с тонким и слабым стволом» (в его кн. «Художественные искания Есенина», с. 417); В.И.Баранов — в образной аналогии («голова — птица, шея — ее нога») (в его кн. «Время — мысль — образ», с. 206).

Черный человек // Водит пальцем по мерзкой книге... — В зеркальном повороте — Книга Жизни из Откровения святого Иоанна Богослова. Ср.: «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20, 12—20, 13). Герой есенинской поэмы стоит не перед Богом, а перед «черным человеком». Здесь миф о книге передан в апокрифическом варианте: за судьбой человека следит не только Бог, но и Дьявол (Мекш Э.Б. в сб. «Вечные темы и образы в советской литературе», с. 58).

По народным поверьям, «ангел записывает все добрые дела человека, а дьявол учитывает злые, а когда тот человек умрет — ангел будет спорить с дьяволом о грешной душе его. Кто из двух победит — известно Единому Богу» (Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила, с. 265)

Метафора «мерзкая книга» совмещает противоположные значения. Одно, связанное с «болезнью» героя, ис-

толковал Н.Н.Асеев, слышавший поэму в исполнении автора в ноябре 1925 г.: «А ведь эта книга — книга жизни самого поэта.

Ведь это та самая „Голубиная книга", в страницах которой так жадно копошились руки его почитателей. <...> Этих „самых отвратительных" громил и шарлатанов, громил всякого нового душевного движения и шарлатанов поэтической алхимии ненавидел Есенин всем гневом своего поэтического темперамента» (Асеев Н. Дневник поэта, с. 177). Другое толкование, связанное с «болезнью мира», дал В.М.Левин, который был знаком с Есениным с 1917 г., встречался с ним в Нью-Йорке в начале 1923 г., когда тот писал поэму и мог беседовать о ней с Есениным: «„Черный человек" перевернул пальцем страницу в „мерзкой книге". И „светлая весть" оказалась частицей жизни вовсе не „какого-то прохвоста и забулдыги", а нашей собственной. <...> Снова в наши дни на наших глазах поэт „взял на себя наши немощи и понес наши болезни". Это — покаяние перед всем миром, это ноша истязующая, возложенная им на свои плечи добровольно» (РЗЕ, 1, 311).

С. 189. *...Проживал в стране // Самых отвратительных // Громил и шарлатанов.* — Перекличка с поэмой «Страна Негодяев» (1922—1923, см. наст. т.).

И метели заводят // Веселые прялки. — Оба полюса первобытного дуализма славян — жизнь и смерть — выражены посредством прядения нити: «Метели, крутящиеся вихри связывают с дьявольской пляскою» и с представлениями о злых демонах *ночи* и *смерти* (Аф. I, 329—330, III, 355). По народным поверьям, ночью небесные пряхи и ткачихи «прядут нить человеческой жизни и посылают смерть» (Аф. I, 243).

С. 190. *...Изломанные // И лживые жесты.* — Здесь имеются в виду не только «жесты слов» (см. статью «Отчее слово», где Есенин неявно полемизировал с кон-

цепцией А.Белого о «жестах звуков», развернуто изложенной в его статьях 1917 г. «Жезл Аарона» и «Глоссолалия» — т. 5 наст. изд., с. 421, 428, 476, 495), но и расширительное понимание жеста как поступка, необходимости добровольно принимать на себя ту или иную личину, элемента актерской игры в жизни поэта. Ср.: «Казаться улыбчивым и простым — // Самое высшее в мире искусство». Первая четверть XX в. в искусстве отмечена особым вниманием к языку жестов. В эпоху немого кино язык жестов был единственным способом сказать что-либо с киноэкрана. «Царицей жеста» называли А.Дункан (Луначарский А.В. «Наша гостья» — газ. «Известия ВЦИК», М., 1921, 24 авг., № 186).

С. 190—191. *В грозы, в бури...* ∾ *То ли ветер свистит...* — Существует поверье, что метель и свист ветра происходят от злых духов. В то же время сильный ветер (ураган, буря) является вестником божественного откровения. Бог отвечает Иову из бури; в грозе и буре получает Откровение Иоанн Богослов (Откр. II,11 — 20).

С. 190. *Ты ведь не на службе // Живешь водолазовой.* — Слова полемически соотносятся одновременно с В.В.Маяковским и А.Мюссе. Такого эффекта Есенин достигает, используя образ водолаза из «Декабрьской ночи» Мюссе («И я блуждал по пропасти забвенья, // Как водолаз по водной глубине...») в свойственной В.В.Маяковскому форме словоупотребления неологизмов-прилагательных («архангелов хорал», «капиталова тура», «капиталовы твердыни», «коммунизмовы затоны» и др.— см. Гаспаров М.Л. Владимир Маяковский — сб. «Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей», М., 1995, с. 371). В поэме В.В.Маяковского «Люблю» (1921, отд. изданием вышла весной 1922 г. в Москве, затем двумя изданиями в Риге): «... мира кормилица, // Гипербола // праобраза Мопассанова» (Маяковский, 4,90). Здесь же: «...между служб <...> //

очерствевает сердечная почва» (Маяковский, 4, 85). Ср. также из «Оды революции»: «...мое, // поэтово // — о, четырежды славься, благословенная!», 1918 (Маяковский, 2, 13; вошла в сб. «Поэты революционной Москвы». Сост. и предисл. И.Эренбурга, Берлин, 1922).

«Черный человек» Есенина и «Декабрьская ночь» Мюссе — произведения о себе и мире, их герои — поэты. Поднимая со дна души воспоминания об ушедшей любви, герой Мюссе сам сравнивает себя с водолазом. В поэме Есенина «служба <...> водолазова» — упрек черному человеку, обнажающему трагедию жизни поэта, продающего жизнь за искусство. Ср. слова, сказанные Есениным А.И.Тарасову-Родионову 23 декабря 1925 г. об Альфреде де Мюссе (см. с. 714 наст. т.)

В мировой литературной традиции образы «водолаза» и «перчатки» восходят к известным стихотворениям Ф.Шиллера «Перчатка» и «Водолаз» (известно в русском переводе как «Кубок»), написанных в 1797 г. Наиболее полное издание, в котором есть переводы этих стихотворений В.А.Жуковского и М.Ю.Лермонтова с комментариями, — Шиллер Ф. Собр. соч. в пер. русских писателей под ред. С.А.Венгерова. В 4 т. СПб., 1901 — 1902 (т. 1, 1901, с. 98—100, 425—426). В комментарии к переводу В.А.Жуковского под названием «Кубок» сказано, что в оригинале стихотворение называется «Водолаз». Здесь же ввиду «большой близости подлиннику» воспроизведен перевод Авдотьи Глинки под названием «Водолаз» (с. 425), а также «Баллада» М.Ю.Лермонтова, в которой есть строки, навеянные шиллеровским «Водолазом» (с. 426—427). Ф.Шиллер называл «Перчатку» эпилогом «Водолаза». Гёте видел «психологическое сходство героев, вызвавших возможность катастрофы,— грубо выражаясь, самодурство короля и дамы» (Шиллер Ф. Собр. соч. в пер. русских писателей... т. 1, с. 427. В личной биб-

лиотеке Есенина была также кн. В.Романовского о Шиллере «Поэт-философ», 1910 (списки ГМЗЕ).

Иван в «Братьях Карамазовых» Ф.М.Достоевского, жертвуя своей любовью к Катерине Ивановне, цитирует «Перчатку» Ф.Шиллера (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т., Л., «Братья Карамазовы». Часть 2, кн. 4, глава V «Надрыв в гостиной», 1976, т. 14, с. 175—176). Герой «Черного человека» говорит о поэте, который жертвует жизнью ради искусства. Ср. слова Есенина А.И.Тарасову-Родионову: «Есть нечто, что я люблю выше всех женщин, выше любой женщины, и что я ни за какие ласки и ни за какую любовь не променяю. Это — искусство. <...> Вся моя жизнь, кацо,— это борьба за искусство. И в этой борьбе я швыряюсь всем, что обычно другие, а не мы с тобой, считают за самое ценное в жизни. <...> Все хотят, чтобы мы были прилизанными, причесанными паиньками» (Материалы, 246).

С. 191. *Тих покой перекрестка.* — В народном сознании «*перекрестки* чтутся роковыми и нечистыми; тут совершаются чары, заговоры, хоронят самоубийц или найденные трупы и ставят кресты, часовенки для охраны» (Даль, 3, 61). Младшая сестра поэта А.А.Есенина вспоминала: «Мать говорила: „Не приведи Бог в полночь оказаться на перекрестке дорог..."» (Восп., 1, 92).

Перекресток, где дороги пересекаются, образует знак креста — «один из древнейших выразителей <...> идеи пространства, окружающего нас со всех сторон» (Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси, М., 1987, с. 550). Символика креста очень значима для Есенина (см. «Ключи Марии», т. 5 наст. изд., с. 210, 309, 494—495).

С. 191—194. *Я один у окошка* ∾ *Я один... // И — разбитое зеркало...* — Здесь окошко и зеркало — традиционные образы русской национальной жизни — семантически сближены (если иметь в виду окно ночью в освещенном доме, то в нем человек отражается как в зер-

кале). «В нашем языке *окно* (уменьш. *окошко, оконце*), как отверстие, пропускающее свет в избу, лингвистически тождественно со словом *око* (снк. *aksha* совмещает оба значения); окно, следоват<ельно>, есть глаз избы» (Аф. I, 158). «У всех народов существует убеждение, что небесные боги взирают с высоты на землю, наблюдают за поступками смертных, судят и наказуют грешников. Из этих данных объясняются сказочные предания: а) о чудесном *дворце, из окон которого видна вся вселенная* <...>; б) о волшебном зеркальце, которое открывает глазам все — и близкое и далекое, и явное и сокровенное» (Аф. I, 159—160). Зеркало выступает в различных обликах: как правдивое (в старой иконологии — символ Богородицы) и как лживое (древнейший магический предмет общения с нечистой силой).

С. 191. *Вся равнина покрыта // Сыпучей и мягкой известкой.* — Ср. «Скоро заморозь известью выбелит тот поселок» («Сорокоуст», авг. 1920); «Голубая страна, обсыпанная известкой» («Пугачев», 1921) — упоминание известки соотносит образ с темой «строительной жертвы», (Аф. II, 83—85, 109—110; см., напр., Ветловская В.Е. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. «Строительная жертва». — Сб. «Миф — фольклор — литература». Л., 1978, с. 81—113).

И деревья, как всадники, // Съехались в нашем саду. — «В последний вечер перед смертью Есенин сказал: „Ведь все твои стихи знаю наизусть, вот даже в последнем моем стихотворении есть твое — „Деревья съехались как всадники"» — Н.А.Клюев в изложении Н.И.Архипова (цит. по статье А.И.Михайлова — газ. «Красное знамя», Вытегра, 1992, 13 авг., № 95).

С. 192. *Что же нужно еще // Напоенному дремой мирику?* — Ср. из поэмы В.Маяковского «Люблю» (М., 1922):

В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что выищешь в этих болоночьих лириках?!

(Маяковский, 4, 87)

Мирик — окказионализм: мирик-мирок по модели таз-тазик, т. е. уменьшенный мир. У Есенина, явно полемически по отношению к Маяковскому, в качестве определения поэта — человека, мир в себя вбирающего и мир в себе заключающего. В близком значении «мирик» использован Маяковским в дарственной надписи Лиле Брик на авантитуле кн. «Лирика», М.; Пг., 1923 г.:

Прости меня, Лиленька миленькая
за бедность словесного мирика.
книга должна бы называться Лиленька,
а называется — Лирика.

В.М.

(факсимиле надписи, воспроизведенной Л.Брик 14.3.1948 — в кн.: Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995, с. 375).

О своеобразном поединке Маяковского и Есенина — «двух столпов Москвы и всей России» — на литературном вечере, посвященном открытию занятий в Высшем литературно-художественном институте (Москва, 1 октября 1923 г.) вспоминал Р.М.Акульшин (Р.Березов) (РЗЕ, 1, 244–247). Н.Н.Асеев, слышавший «Черного человека» в исполнении автора, писал в воспоминаниях (1926): «Я, похвалив его поэму, указал тут же, что по основному тону, по технической свежести, по интонациям она ближе к нам, в особенности к Маяковскому» (Восп., 2, 316).

С. 193. *И летит моя трость...* — Лирическая аллегория Есенина соотносится с символикой IX главы (часть 4, кн. 11) «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы», где «Иван запускает в своего незваного собеседника стаканом с остывшим чаем <...> как их общий „предшественник" Мартин Лютер (имя которого упоминается в сцене Достоевского) запустил, согласно преданию, в черта чернильницей» (Долгополов Л. Степень точности, с. 102).

Мировая традиция темы двойников и двойничества, по мнению исследователя Отто Ранка, изучившего обширный материал по этой теме, позволяет трактовать «„убийство двойника", которое так часто встречается <в литературе> и через которое герой хочет оградить себя от преследований своего собственного „я" <...> как самоубийство» (в его кн. «Der Doppelgänger», 1914, гл. 7, пер. с франц. М.Никё: см. Никё М. Поэма С.Есенина «Черный человек» в свете аггелизма, с. 196). Трость как орудие борьбы с нечистой силой своеобразно характеризует героя Есенина. По народным поверьям и быличкам, колдуна и прочую нечисть действительно нельзя убить обычной пулей или другим предметом, но можно медной пуговицей, оторванной от кафтана или определенного рода палкой, головешкой. В могилу нечестивого покойника, колдуна вбивают осиновый кол (см. былички и бывальщины села Константинова, в кн.: Панфилов 1, 218, 220, 222, 231). О битье нечистой силы кольями см. также в кн. С.В.Максимова «Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила» с. 345.

С. 194. *Что ты, ночь, наковеркала! ~ И — разбитое зеркало...* — См. эпизод, рассказанный П.И.Чагиным об этой рифме и стихотворении Мея (относится к 1924—1925 гг.), когда Есенин, скорее всего, «проверял» свою поэтическую находку: «Как-то меня спросил Сергей

Александрович, какая может быть рифма к слову „зеркало". Я подумал и сказал ему, что у Мея есть стихи:

Посмотрись, разбойник, в зеркало,
Эк те рожу исковеркало.

Сергей применил эту рифму в „Черном человеке". В его душе уже тогда, видимо, бродили трагические, самобичующие строки этой поэмы». (Чагина М.А. У истоков «Персидских мотивов» — газ. «Лит. Россия», М., 1970, 2 окт., № 40, с. 10—11).

Об увлечении Есенина Меем вспоминал И.В.Грузинов: «1919 г. <...> Есенин увлекается Меем. Помню книжку Мея, в красной обложке, издание Маркса. Он выбирает лучшие, по его мнению, стихи Мея, читает мне. Утверждает, что у Мея чрезвычайно образный язык. Утверждает, что Мей имажинист» (Восп., 1, 364).

Философская трактовка зеркала перекликается с пониманием зеркальности в поэзии символистов, см. в кн. К.Бальмонта «Морское свечение». СПб.; М., <1910>, которая была в личной библиотеке поэта: «...чарующее яйцевидное зеркало овальным ликом своим уводит мечту к жизни, в которой царствует Демон, отвлекающий душу от самой себя, проводя перед ней миллионы масок. У души <...> три врага: Diablo, mundo y carne, Дьявол, мирское и плоть. Скажем по-нашему: жизнь.<...> Широта этой оправы говорит о степной воле крылатой души неугомонного бродяги...» (с. 134—135).

СОДЕРЖАНИЕ*

ПОЭМЫ

* В первом столбце указана страница текста, во втором — его вариантов, в третьем — комментариев к нему.

Есенин С.А.

Е 81 Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 3. Поэмы. Составление и подготовка текстов Н.И.Шубниковой-Гусевой, комментарии Е.А.Самоделовой, Н.И.Шубниковой-Гусевой,—М.: «Наука» — «Голос», 1998.— 720 с.

В третьем томе Полного собрания сочинений Есенина представлены поэмы «Пугачев», «Страна Негодяев», «Песнь о великом походе», «Поэма о 36», «Анна Снегина», «Черный человек».

ББК 84

Издание одобрено Научно-издательским советом Российской академии наук

Том подготовлен к печати при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений в семи томах

Том третий

Редакторы издательств *Т.С.Шеханова, В.Г.Шитарева*
Художественный редактор *В.С.Голубев*
Технический редактор *Л.Н.Золотухина*
Корректор *Л.М.Марченко*
Изготовление оригинал-макета *Т.И.Мишутиной*

ИБ № 2058
ЛР № 040020 от 07.02.97
ЛР № 020297 от 23.06.97

Сдано в набор 3.06.97. Подписано к печати 1.12.97. Формат $70x108^1/_{32}$.
Гарнитура академическая. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 20 000 (1-й завод 1-13 000) экз. Заказ № 5762

Издательство «Наука». 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Издательство «Голос». 113184, Москва, Пятницкая ул., 52, стр. 1

При участии СИТП «Наследие»

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО «Типография „Новости"»
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46